

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2025. Том 52, № 3

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2025. Том 52, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлигич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия (Белгород, Россия)

В.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарёва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 28,0. Дата выхода 30.09.2025. Оригинальный макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 537 **Клейменов А.А.**
Фессалийское влияние на военные преобразования Филиппа II
- 547 **Юров В.В.**
Преторианцы и их участие в военных кампаниях
- 556 **Гапеев Д.А.**
Ментальная география Индии: конструирование образа далекой страны в древнеримской традиции
- 566 **Малинин М.А.**
Эхо готских (скифских) войн в Крыму и Боспорском царстве: события конца 30-х – первой половины 50-х годов III века н. э.
- 578 **Мишнев С.Н.**
К вопросу о причинах и факторах экономического развития Палестины в ранневизантийский период: проблемы реконструкции
- 592 **Литовченко Е.В.**
Переписка Павлина Ноланского и Августина Блаженного: к историографии вопроса
- 599 **Зайковская О.С.**
Первая готская кампания Велизария в контексте политики реставрации империи
- 608 **Стоянович М.**
Сербская пресса о внешней политике России во время балканского кризиса 1908–1909 гг.
- 619 **Кудрявцев В.Ю.**
Интерпретация событий китайско-вьетнамской войны 1979 г. периодической печатью стран Запада
- 631 **Кузьмин Д.А.**
Экономическая политика Башара аль-Асада и ее влияние на кризис 2011 года в Сирии

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 639 **Картбаева С.М.**
Нормативно-правовое регулирование национального образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв.
- 649 **Ананьев С.В., Климов А.А.**
Некоторые вопросы деятельности полиции в царстве Польском (вторая половина 1860-х – 1880-е гг.)
- 662 **Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н.**
Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: рынок алкогольной продукции
- 674 **Кузнецов В.В.**
Деятельность органов городского самоуправления по содержанию и развитию городской инфраструктуры в уездных центрах Курской губернии в конце XIX – начале XX в.
- 689 **Пантелеев П.В.**
Взаимодействие войск Юго-Западного фронта русской императорской армии в ходе подготовки Галицийской операции в кампании маневренного периода Первой мировой войны
- 701 **Сорокина Ж.А.**
Проблема «сахарного голода» на страницах российской периодической печати в годы Первой мировой войны
- 711 **Макеева С.Б.**
История регионально-демографического развития приграничья Центральной России в конце XX – начале XXI вв.: современная отечественная историография
- 722 **Матвеева А.М.**
Когнитивно-ментальная война и русский культурный код

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 732 **Лобанов К.Н., Шахов В.В.**
О некоторых индикаторах системы межгосударственных отношений в текущей фазе процесса трансформации мирового порядка
- 745 **Старкин С.В., Кавин М.А.**
Взаимодействие России и НАТО в контексте современных угроз безопасности со стороны североатлантического альянса
- 754 **Ефименко А.М.**
Концептуальные и прикладные аспекты реализации российской «мягкой силы» в современных международных отношениях
- 765 **Пименова М.А., Бродкин А.А.**
Имиджевые стратегии трансляции русского мира в социальных сетях глав новых российских регионов
- 776 **Бойко Ж.В., Реш О.В.**
Политическая культура современного российского общества в условиях социокультурной динамики его развития
- 788 **Волкова А.Е., Серебряков А.В.**
Ценностная основа взаимодействия Русской православной Церкви с политическими партиями в процессе формирования гражданской идентичности

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE**2025. Volume 52, No. 3**

Until 2020, the journal was published as "Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science"

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is included in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL**Editor-in-Chief**

O.N. Polukhin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Doctor of Sciences in Politics, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, Professor of the Russian History and Records Management Department, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputy Editors-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Professor of the Department of World History, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatokhin, Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in Politics (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History (Belgorod State National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Sciences in History, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, Doctor of Sciences in History, Professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, Doctor of Sciences in Politics (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

A.V. Glukhova, Doctor of Sciences in Politics, Professor of the Department of Sociology and Political Science (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, Doctor of Sciences in History; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, Doctor of Sciences in History, Associate Professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy (I.D. Putilin Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

V.M. Marasanova, Doctor of Sciences in History, Professor (Yaroslavl Demidov State University)

V.A. Perepelitsyn, Doctor of Sciences in History, Professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, Doctor of Sciences in History, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 of 19 February 2020.

Publication frequency: 4 times per year.

Commissioning Editor Yu.V. Mishenina. Page proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.S. Danilova. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. 28,0 publishing sheets. Date of publishing: 30.09.2025. Dummy layout prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 537 **Kleymeonov A.A.**
Thessalian Impact on Philip II's Military Reforms
- 547 **Yurov V.V.**
The Praetorians and their Participation in Military Campaigns
- 556 **Gapeev D.A.**
Mental Geography of India: Constructing the Image of a Distant Land in Ancient Roman Tradition
- 566 **Malinin M.A.**
The Echo of the Gothic (Scythian) Wars in the Cimea and the Bosporan Kingdom: Events of the Late 30s – Early 50s of the 3rd Century A.D.
- 578 **Mishnev S.N.**
To the Issue of Causes and Factors of Palestine's Economic Development in the Early Byzantine Period: Problems of Reconstruction
- 592 **Litovchenko E.V.**
Correspondence between St. Paulinus and St. Augustine: Historiography of the Issue
- 599 **Zaykovskaya O.S.**
The Initial Gothic Expedition of Belisarius in the Context of the Empire Restoration Efforts
- 608 **Stojanovic M.**
Serbian Press on Russian Foreign Policy during the Balkan Crisis of 1908–1909
- 619 **Kudryavtsev V.Yu.**
Interpretation of the Events of the Sino-Vietnamese War of 1979 by the Periodical Press of Western Countries
- 631 **Kuzmin D.A.**
Bashar al-Assad's Economic Policy and its Impact on the 2011 Crisis in Syria

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 639 **Kartbayeva S.M.**
Normative and Legal Regulation of National Education in the Steppe Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries
- 649 **Ananyev S.V., Klimov A.A.**
Some Issues of Police Activity in the Kingdom of Poland (Second Half of the 1860s – 1880s)
- 662 **Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N.**
Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: The Alcohol Market
- 674 **Kuznetsov V.V.**
The Activities of City Self-Government Bodies for the Maintenance and Development of Urban Infrastructure in the County Centers of Kursk Province in the Late 19th – Early 20th Century
- 689 **Panteleev P.V.**
Interaction of the Troops of the Southwestern Front of the Russian Imperial Army during the Preparation for the Galician Operation in the Campaign of the Maneuver Period of the First World War
- 701 **Sorokina Zh.A.**
The Problem of "Sugar Famine" in the Russian Periodical Press during the First World War
- 711 **Makeeva S.B.**
History of the Regional-Demographic Development of the Borderland Central Russia in the Late 20th – Early 21st Centuries: Modern Domestic Historiography
- 722 **Matveeva A.M.**
Cognitive-Mental Warfare and the Russian Cultural Code

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 732 **Lobanov K.N., Schahov V.V.**
On Some Indicators of the System of International Relations in the Current Phase of the World Order Transformation Process
- 745 **Starkin S.V., Kavin M.A.**
Interaction between Russia and NATO in the Context of Contemporary Security Threats from the North Atlantic Alliance
- 754 **Efimenko A.M.**
Conceptual and Practical Aspects of Implementing Russia's "Soft Power" in Contemporary International Relations
- 765 **Pimenova M.A., Brodtkin A.A.**
Image-Building Strategies of the "Russian World" Broadcast through the Social Media of the Heads of New Russian Federal Subjects
- 776 **Boyko Zh.V., Resh O.V.**
Political Culture of Modern Russian Society in the Conditions of the Sociocultural Dynamics of its Development
- 788 **Volkova A.E., Serebryakov A.V.**
Axiological Basis of the Interaction between the Russian Orthodox Church and Political Parties in the Process of Forming Civil Identity

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(38).07

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-537-546

EDN АЕНОАН

Оригинальное исследование

Фессалийское влияние на военные преобразования Филиппа II

Клейменов А.А.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,

Россия, 300041, г. Тула, проспект Ленина, 125

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема заимствования Филиппом II фессалийских наработок в области военного дела. Определяется, что рост могущества Фессалии был связан с военно-политической деятельностью Ясона Ферского, сумевшего улучшить боевые качества наемников, реформировать систему комплектования войска и внедрить новое ромбовидное построение конницы. Результат сравнительного анализа свидетельствует о введении Филиппом II в македонскую практику схожих принципов формирования и боевого применения конных подразделений, позволивших значительно увеличить численность кавалерии царства Аргеадов и расширить ее тактический потенциал. Были перенесены на македонскую почву и ранее использовавшиеся Ясоном Ферским методы, направленные на повышение дисциплинированности личного состава войска.

Ключевые слова: Македония, Фессалия, Ясон Ферский, Аргеады, Филипп II, Александр Македонский, кавалерия

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Клейменов А.А. 2025. Фессалийское влияние на военные преобразования Филиппа II. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 537–546. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-537-546. EDN: АЕНОАН

Thessalian Impact on Philip II's Military Reforms

Alexander A. Kleymeonov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,

125 Lenin Ave., Tula 300041, Russia

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

Abstract. The problem of Philip II's borrowing of Thessalian developments in the field of military affairs is under consideration in the article. It is determined that the growth of Thessaly's power was associated with the military and political activities of Jason of Pherae. He managed to improve the fighting qualities of the mercenaries, reformed the recruitment system and introduced a new cavalry formation in the shape of a diamond. The comparative analysis shows that Philip II introduced into Macedonian practice similar principles of formation and combat use of cavalry units. This made it possible to significantly increase the number of the Argead Kingdom's cavalry contingent and its tactical potential. Besides, Macedonia began to use methods aimed at improving the discipline of the military personnel, which had previously been applied by Jason of Pherae.

Keywords: Macedonia, Thessaly, Jason of Pherae, Argeads, Philip II, Alexander the Great, cavalry

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kleymeonov A.A. 2025. Thessalian Impact on Philip II's Military Reforms. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 537–546 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-537-546. EDN: AEHOAN

Введение

История человечества знает немного эпизодов, в рамках которых имело место быстрое превращение откровенного слабого государства или державы локального уровня в действительно значимую силу. Как правило, подобные процессы сопровождались фундаментальной перестройкой всего военно-политического организма, в том числе осуществляемой через усвоение самых передовых достижений своего времени. Так было в эпоху Петра I и в период «революции Мейдзи», отчетливо показавших значимость готовности учиться и меняться. В древности эти же качества наиболее ярко проявил Филипп II, чьими усилиями Македония превратилась в ведущую державу эпохи. Впрочем, выявить весь комплекс чужих наработок, использовавшихся при реформировании македонской армии, весьма непросто. Одним из особо сложных, но перспективных аспектов указанной проблемы является возможная связь преобразований Филиппа с военной практикой Фессалии.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает процесс развития военного дела Македонии в IV в. до н.э. Раскрытие проблемы осуществляется посредством обращения к материалам античной нарративной традиции. Интерпретация содержащихся в письменных памятниках сведений основана на методах исторической герменевтики и семиотики, позволяющих установить степень обоснованности присутствующих в историографии трактовок и выводов. В исследовании применяются общенаучные и специальные исторические методы. Особую роль играет сравнительно-исторический метод, нацеленный на выявление компонентов македонской военной практики времен Филиппа II, не прослеживаемых в царстве Аргеадов дореформенного времени, но хорошо пересекающихся с фессалийским военным опытом.

Результаты и их обсуждение

Как известно, Фессалия вышла на пик своего военного могущества и превратилась в одну из ведущих сил эллинского мира в 370-е гг. до н. э. благодаря объединению практически всего региона под властью ферского тирана Ясона [Buckler, 2003, p. 251–252; Sprawski, 2006, p. 206–210]. Наиболее пространно его войско описано в отрывке «Греческой истории» Ксенофонта, раскрывающем содержание беседы ферского тирана и фарсальца Полидама, состоявшейся около 375 г. до н. э. [Sprawski, 2004, p. 444]. Обозначенный источник сообщает о наличии у Ясона 6 тысяч наемников, набравшихся только из крепких людей и каждый день занимавшихся военными упражнениями, причем недостаточно выносливые изгонялись, а отличившиеся получали увеличенное в два, три или четыре раза жалование и вознаграждались дарами (см. Xen. Hell., VI, 1, 5–6). Использовать данное сообщение для обоснования выводов о распространении подобной практики во всей Греции, как это делает М. Грандл [Trundle, 2004, p. 66], оснований нет. Письменная традиция дает возможность выявить регулярные тренировки наемников лишь в рамках деятельности Ясона и афинянина Ификрата [Pritchett, 1974, p. 228], позволяя полагать, что Ксенофонт пространно описал методы ферского тирана именно из-за их необычности. Согласно тому же автору, помимо наемников, Ясон мог собрать в Фессалии 6 тысяч всадников и 10 тысяч гоплитов (Xen. Hell., VI, 1, 8), а вместе с союзниками имел 8 тысяч кавалеристов, 20 тысяч гоплитов и множество пельтастов (Xen. Hell., VI, 1, 19). Формировалось войско ферского тирана по территориальному принципу, являвшемуся давней

местной традицией. Судя по схожим к «Ресу», в «Фессалийской политике» Аристотеля описывалось введенное Алевом Рыжим комплектование фессалийского войска по земельным наделам (клерам), выставлявшим по 40 всадников и 80 гоплитов (см. Sch. Vatic. ad Eurip. Res., 307), однако особенности фрагмента дают основания для выводов о первоначальном упоминании в нем не гоплитов, а пельтастов [Sprawski, 2014, p. 109]¹. К эпохе Пелопонесской войны эта система сменилась сбором войск по полисам [Spence, 2002, p. 356–357]. Использовал подобный подход и Ясон, мобилизовавший с каждого из городов определенное число всадников и пехотинцев, видимо, проведя для этого соответствующую реформу [Нефёдкин, 2007, с. 43]². Оценить точность информации Ксенофонта о людских ресурсах Ясона непросто. Существует мнение, что значительную долю его сил составляли союзники из других регионов и наемники [Westlake, 1935, p. 109; Sprawski, 1999, p. 103–109]. Согласно иной концепции, армия Ясона достигла большого размера благодаря включению в ее состав представителей зависимых социальных групп периэков и пенестов [Aston, Kerr, 2018, p. 6]. В их присутствии в фессалийском войске сомнений действительно нет. Как полагают, неполноправные жители поставляли пельтастов [Helly, 1995, p. 280–281; Sprawski, 2014, p. 109]. Ценную информацию передает Демосфен, указывающий на отправку фарсальцем Меноном 300 всадников-пенестов в помощь афинянам (Dem., XXIII, 199). Видимо, служба в коннице для пенестов, трудившихся пастухами и коневодами, являлась обычным делом [Aston, Kerr, 2018, p. 20; Willekes, 2025, p. 174]. Это позволяло Ясону сделать армию большой и, очевидно, содержащей самые крупные кавалерийские силы, когда-либо имевшиеся у древнегреческого государства [Worley, 2021, p. 30]. Раскрывает мобилизационный потенциал Фессалии и сообщение Исократ о способности ее жителей в более позднее время набрать 3 тысячи всадников и «бессчетных» пельтастов (Isocr., VIII, 118).

Обращаясь к качественной составляющей реформ Ясона, нужно коснуться проблемы упоминания гоплитов. Применительно к событиям иных периодов свидетельств о наличии у фессалийцев тяжеловооруженных пехотинцев нет, фиксируется лишь присутствие конницы и пельтастов. Исключением является именно войско ферского тирана, что вынуждает обратить внимание на концепцию Г.Д. Вестлейка, связавшего возникновение фессалийской гоплитии с преобразованиями Ясона [Westlake, 1935, p. 110–111]. Данное заключение с корректировками было транслировано и в более поздних работах [Sprawski, 2014, p. 110; Wrightson, 2019, p. 138]. Оно выглядит интригующим, но неоднозначным. Возможно, Ксенофонт существенно завысил число имевшихся у Ясона тяжелых пехотинцев, которые к тому же могли быть представлены союзниками и наемниками [Sordi, 1958, p. 177]. Наиболее значимой составляющей войска Ясона, конечно, являлась конница. Для Фессалии она традиционно выступала самым важным родом войска [Aston, Kerr, 2018, p. 7]. При Ясоне кавалерия была не только многочисленна, но и четко организована, разделяясь на сформировавшиеся по территориально-полисному принципу илы, служившие также и боевыми единицами [Sprawski, 1999, p. 104–105; Нефёдкин, 2007, с. 45–46]. В тактических трактатах сообщается об использовании фессалийской конницей ромбовидного строя (Arr. Tact., 16, 3–5; Asclep. Tact., 7, 2; Ael. Tact., 18, 2). Арриан и Элиан называют его изобретателем некоего «Илеона», но отсутствие этого имени в фессалийском ономастиконе вынуждает сомневаться в существовании указанного реформатора. Судя по всему, первоначально внедрение ромбовидного строя приписывалось Ясону Ферскому [Dain, 1946, p. 114; Gaebel, 2002, p. 181]³. Безусловно, данное новшество существенно повысило возможности кавалерии. Современные исследователи, несмотря на вариативные трактовки отдельных аспектов, схожим образом отмечают, что ромбовидная формация обеспечивала маневренность кавалерийских подразделений и их ударные качества,

¹ Существует и критичное отношение к обоснованности этой правки [Helly, 1995, p. 153].

² Другое мнение подразумевает, что формирование войска по городам первым ввел именно Ясон [Westlake, 1935, p. 105; Helly, 1995, p. 240–256].

³ Часть исследователей относят внедрение ромбовидного построения к VII в. до н. э. [Helly, 1995, p. 203–204; Worley, 2021, p. 30].

связанные с прорывом вражеского строя [Нефёдкин, 2007, с. 54–55; Lendon, 2011, p. 99–104; Worley, 2021, p. 30–32]. Обратной стороной медали являлось повышение требований к личному составу. Всадники могли эффективно действовать в ромбовидном строю только при наличии у них хорошей выучки, и, соответственно, Ясону пришлось приложить немало усилий для обеспечения подготовки своеобразной фессалийской аристократии [Lendon, 2005, p. 100–102].

Рождение в Фессалии новой силы было заметно всем и, прежде всего, Македонии. Эти регионы друг от друга четко отделялись горными массивами, однако активно взаимодействовали начиная уже с протогеометрического периода, не говоря о временах более поздних [Graninger, 2010, p. 309, 324]. С эпохи правления Александра I Филэллина фессалийцы выступали союзниками македонских царей, поддерживавших особо близкие отношения с правившим в Лариссе родом Алевадов [Müller, 2016, s. 21–22]. Рост могущества Фер стал важным фактором в македонской политике. Диодор указывает на заключение союза между Ясоном и царем Аминтой III (Diod., XV, 59, 2). Этим актом монархия Аргеадов отреагировала на усиление южного соседа и постаралась обезопасить свои границы, а Ясон пытался разорвать связи македонян с Алевадами [Sprawski, 1999, p. 98–99; Graninger, 2010, p. 312].

Переходя к проблеме возможного влияния фессалийских наработок на процесс строительства новой македонской «военной машины», необходимо подчеркнуть, что Филипп II рано начал сотрудничать с фессалийскими городами, воинский контингент которых включался в состав войск македонского царя как минимум с 352 г. до н. э. и принял участие во всех его важнейших кампаниях [Griffith, 1979, p. 435–437]. Второй аспект взаимодействия был связан с кадровой политикой Филиппа, нацеленной на привлечение в Македонию уроженцев разных греческих регионов. Предвзято настроенные по отношению к Филиппу Демосфен (Dem., II, 17–19) и Феопомп (Theop., FGrH 115, fr. 224 = Athen., IV, 167b; Polyb., VIII, 11, 6) называли их негодьями и проходимцами, а Исократ описывал как прославленных и умных людей, помогавших возвышать Македонию (Isocr., V, 19). Фессалийцев на службе Филиппа было гораздо больше, чем выходцев из других областей Греции. Об этом свидетельствует сообщение Феопомпа, который особо упоминает присутствие в рядах гетайров Филиппа фессалийцев, в то время как иных греков называет «прибывшими из остальной Эллады» (см. Athen., IV, 167b). В античном нарративе содержится любопытная, но неоднозначная информация о происхождении из фессалийских пенестов отца диадоха Лисимаха Агафокла, вошедшего в число ближайших соратников Филиппа и получившего земельные владения возле Пеллы [Merker, 1979, p. 31–36; Lund, 1992, p. 2–3]. Известно, что фессалийцем был Полиид, являвшийся создателем осадных машин Филиппа (см. Ath. Mech., 10; Vitruv., X, 13 3). Уроженцы Фессалии занимали важные позиции и в войске Александра. К их числу относились гетайры Медий (Diod., XVII, 117, 1; Arr. Anab., VII, 24, 4) и Аристон (Ps-Call., III, 31, 8). Филипп II, привлекая фессалийцев ко двору и в армию, следовал традициям предшественников, однако действовал активнее, превратив выходцев из соседнего региона в характерную часть окружения [Müller, 2016, s. 22]. Это стало возможным благодаря наличию целого ряда факторов. Нужно учитывать, что фессалийские аристократы, хоть и признавались греками, культурным обликом и образом жизни были весьма схожи с македонской знатью [Strootman, 2012, p. 54]. Имела место и другая тенденция, подтверждаемая самим наличием предания о происхождении Агафокла. Для пенестов, знакомых с военным делом, но относящихся к неполноправной части общества, переход на македонскую службу являлся способом повысить статус и улучшить благосостояние. Привлечение компетентных в военной сфере иностранцев позволяло Филиппу получить ценные кадры, а также должно было облегчить перенимание фессалийского опыта.

К сожалению, письменные памятники не содержат прямых указаний на перенос на македонскую почву фессалийских наработок. Сравнительный анализ позволяет отчасти решить эту проблему, однако приводит к обнаружению как явных случаев заимствования, так и лишь в некоторой степени вероятных. К последним относится влияние фессалийской

практики на процесс формирования македонского корпуса тяжелой пехоты. Как определяется, Филипп создал до того отсутствовавшую в Македонии фалангу [Griffith, 1979, p. 423–424; Billows, 1995, p. 12; Anson, 2020, p. 47–48]. Ранее пехота Аргеадов, как и у южных соседей, состояла в основном из пельтастов [Секунда, 2004, с. 5; Noguera Borel, 2007, p. 101]. При принятии представленного в литературе мнения о формировании Ясоном корпуса фессалийских гоплитов можно сделать предположение об ориентировании Филиппа на его пример, однако этот вывод целиком зависит от гипотетического представления о сути фессалийских реформ.

Гораздо увереннее можно говорить о заимствовании наработок, связанных с кавалерией. Как и в Фессалии, в царстве Аргеадов аристократическая конница традиционно являлась ведущей частью войска [Ellis, 1976, p. 41; Griffith, 1980, p. 58–59]. Тем не менее ранее македонские всадники-гетайры были немногочисленны. В источниках упоминаются отряды из 200 (Thuc., I, 62, 3), 400 (Xen. Hell., V, 2, 38–40) и 600 (Thuc., I, 61, 4) конных воинов, а также корпус из македонских и халкидских кавалеристов, насчитывавший тысячу бойцов (Thuc., IV, 124, 1). Видимо, численность непосредственно подчиненных царю гетайров колебалась в пределах от 500 до 1 000 [Noguera Borel, 2007, p. 101, 111]. Филипп на начальном этапе правления в сражении на Лихнидском озере (358 г. до н. э.), согласно Диодору, задействовал всего 600 всадников (Diod., XVI, 4, 3). Свидетельства того же автора показывают, что позже численность македонской кавалерии существенно возросла. Уже в битве на Крокусовом поле в 353 (352) г. до н. э. Филипп использовал смешанный македоно-фессалийский трехтысячный конный корпус (Diod., XVI, 35, 4), а при Херонее (338 г. до н. э.) имел 2 тысячи всадников (Diod., XVI, 85, 5). Александр вскоре после смерти отца привел к Фивам (335 г. до н. э.) 3 тысячи конных воинов (Diod., XVII, 9, 3). Очевидно, общее число македонских кавалеристов к концу правления Филиппа достигло как раз последней цифры [Нефёдкин, 2019, с. 57]. Выявить предпосылки столь стремительного роста численности помогают относящиеся к эпохе Александра данные о наличии в коннице гетайров всадников из Амфиополя и Боттиэи (Arr. Anab., I, 2, 5), «Аполлонийской» илы гетайров (Arr. Anab., I, 12, 7), «Анфемунтской» и «Левгайской» ил (Arr. Anab., II, 9, 3). Эти наименования отражают принцип комплектования кавалерии, состоявшей из ил, в которых служили лица, наделенные земельными владениями в определенных районах или городах [Hatzopoulos, 1996, p. 247–248; Hammond, 1998, p. 414–416; Noguera Borel, 2007, p. 7]. Как отметил Г.Т. Гриффит, статус подобных подразделений как основных тактических и организационных единиц говорит об их наличии уже при Филиппе [Griffith, 1979, p. 411]. Отсутствие упоминания ил в источниках, освещающих более ранние события, а также малая численность кавалерии дореформенного времени не позволяют принять предположение Н. Хэммонда о давнем присутствии территориальных ил [Hammond, 1998, p. 405–406]. Очевидно, и илы, и принципы их комплектования были внедрены Филиппом в ходе масштабной реформы, затронувшей как старые владения Аргеадов, так и завоеванные территории, что в итоге и дало возможность резко увеличить численность конницы [Rzepka, 2012, p. 132–133]. Коснулась эта система и перешедших на македонскую службу греков [Tarn, 1948, p. 155; Ellis, 1976, p. 27], основную часть которых составляли фессалийцы. Просопографические данные времен Александра и диадохов указывают на расселение греков преимущественно в Амфиополе [Merker, 1979, p. 33]. По сути, Филипп решил ту же задачу, что и Ясон, также сумевший использовать в своих интересах не возможности одного города-государства, а ресурсы крупного этнополитического пространства [Sears, 2019, p. 129]. Мало того, показательно схожа и сама организация кавалерии⁴. Это дает возможность отчасти согласиться с М. Хадзопулосом, указавшим на заимствование Филиппом фессалийской системы округов, использовавшихся для нужд управления и мобилизации войска [Hatzopoulos,

⁴ Для сравнения можно упомянуть отмеченное в сочинении Арриана присутствие в армии Александра конного подразделения фессалийцев из Фарсала (Anab., III, 11, 10). Это явно свидетельствует о похожей организации македонской и фессалийской кавалерии [Griffith, 1979, p. 438].

1996, p. 484–485]. Применительно к кавалерии обозначенное влияние действительно имело место, однако проводить вслед за указанным исследователем параллели между фессалийским и македонским подходами к формированию подразделений пехоты не следует, так как его рассуждения опираются на тезис о комплектовании фаланги времен Филиппа и Александра по территориальным округам [Hatzopoulos, 1996, p. 451–452]. Несмотря на то, что последний вывод М. Хадзопулоса был поддержан отдельными специалистами [Noguera Borel, 2007, p. 228–229; Rzepka, 2008, p. 42], он представляется сомнительным. Источники прямо указывают на пополнение таксисов пехоты по «племенам» (Arr. Anab., III, 16, 10–11) и обозначение подразделений фаланги по наименованиям верхнемакедонских племен (Diod., XVII, 57, 2; Curt., IV, 13, 28). Как убедительно показал П. Жюэль, античные материалы свидетельствуют о связи организации пехоты именно с племенным устройством Македонии, а попытки придать информации иное наполнение не подкреплены должной аргументацией [Juhel, 2011, p. 611–612]. Если фессалийское влияние здесь имело место, то носило скорее общий идейный характер.

Сказались фессалийские наработки не только на организации македонской кавалерии, но и на тактике ее применения. Усвоить данный компонент помогло схожее вооружение македонских и фессалийских всадников [Нефёдкин, 2007, с. 40–48; Strootman 2012, p. 60–62], а также общие представления о роли конницы в сражении. Утверждение о развитии Филиппом тактических идей Ясона, впервые превратившего кавалерию в решающую боевую силу [Секунда, 2004, с. 5], следует оценить, как неточное. Македонскому царю не было нужды заимствовать у греков понимание большой значимости конницы, так он сам происходил из общества с развитыми кавалерийскими традициями [Roisman, 2017, p. 340]. Усваивались отдельные принципы использования до того не характерных для Македонии крупных масс кавалерии. Подобно Ясону, Филиппу следовало научить всадников слаженно действовать в боевых порядках ил и при маневрировании, и в атаке. Ключевую роль здесь должны были сыграть служившие Филиппу фессалийцы, так как у самих македонян опыт в этой сфере отсутствовал. Внедрение новой тактики прошло успешно, доказательством чему являются высокие боевые качества и широкий спектр возможностей македонской конницы времен Восточного похода [Нефёдкин, 2019, с. 138–153]. Кроме того, знакомство с практикой фессалийцев могло подтолкнуть Филиппа к осознанию преимуществ кавалерийских формаций с ударным углом. Авторы тактических трактатов сообщают о введении Филиппом клиновидного конного построения, позаимствованного у фракийцев, которые, в свою очередь, переняли его от скифов (см. Arr. Tact., 16, 6; ср.: Ael. Tact., 18, 4; Asclep. Tact., 7, 3), что, очевидно, точно отображает историческую действительность [Нефёдкин, 2019, с. 57–59]. Тем не менее эффективность схожего строя для разделенной на илы ударной кавалерии впервые продемонстрировали именно фессалийцы. Как справедливо отметил Р. Гейбел, и фессалийский ромбовидный строй, и македонская клиновидная формация в равной степени отличались от прямоугольных порядков, характерных для греческой и персидской кавалерии, лучше подходя для прорывных атак и обходных маневров [Gaebel, 2002, p. 118]. Это позволяет считать введенное Филиппом новое построение конницы результатом двойного заимствования [King, 2017, p. 112]⁵.

Сравнительный анализ македонских и фессалийских реалий показывает, что Филипп взял на вооружение не только опыт южных соседей, связанный с кавалерией. Демосфен называет служивших македонскому царю наемников и пехотинцев-педзетайров достойными удивления и закаленными в военных делах, но упоминает изгнание наиболее выдающихся завистливым монархом (Dem., II, 17), сообщает о запуганности наемных командиров и гетайров (Dem., XI, 10–12). Материал Полиэна позволяет понять, что самодурством Демосфен изобразил дисциплинарные меры, предусматривавшие удаление из войска провинившихся

⁵ Предположение о том, что при Александре македонская кавалерия вовсе перешла от клина к фессалийскому ромбовидному строю [Lendon, 2011, p. 105–107], представляется недостаточно оправданным.

лиц, как это было с тарентийцем Докимом (Polyaen., IV, 2, 1, 3) и македонскими командирами Аэропом и Дамасиппом (Polyaen., IV, 2, 3). Отличившиеся воины, напротив, получали от Филиппа подарки (см. Diod., XVI, 53, 3; XVI, 75, 4). Сохранилась обозначенная практика и при Александре (Arr. Anab., VII, 5, 4–6; 10, 3; Ind., 42, 9; Plut. Alex., 79; Curt., IX, 1, 6; Diod., XVII, 89, 3). Хорошо проявившим себя македонянам выплачивалось повышенное жалование, в том числе и увеличенное вдвое (Arr. Anab., VI, 9, 3; 10, 1; VII, 23, 3–4). Очевидное, а местами и полное совпадение этих мер с описанным Ксенофонтом обращением Ясона Ферского с наемниками дает основания принять выводы о заимствовании Филиппом данного компонента практики фессалийского вождя [Парк, 2013, с. 123, 189; Billows, 1995, p. 11]. Остается лишь добавить, что царь применял перенятые принципы не только к «солдатам удачи», но и к македонской части войска. Возможно, Филипп опирался и на фессалийский опыт рекрутирования: если Ясон брал на службу только физически крепких наемников, то македонский реформатор, согласно Феопомпу (Theop., FGrH 115, fr. 348), включал в состав царских телохранителей-педзетайров самых сильных македонян.

Заключение

Результат анализа позволяет констатировать значительное фессалийское влияние на процесс становления македонской «военной машины» эпохи великих завоеваний. Источниковый материал указывает на активное привлечение Филиппом II выходцев из Фессалии на службу, а также дает возможность говорить о переносе на македонскую почву некоторых важных наработок Ясона Ферского. Это и особый подход к работе с личный составом, способствовавший росту дисциплинированности наемников и представителей македонских подразделений, и фессалийские достижения, связанные с организацией и боевым применением кавалерии. Последние помогли значительно увеличить численность македонской конницы и расширить ее тактические возможности, а значит, повлияли на создание той грозной силы, что внесла особый вклад в громкие победы Филиппа и Александра.

Список литературы

- Нефёдкин А.К. 2019. Конница эпохи эллинизма. Санкт-Петербург, Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 784 с.
- Нефёдкин А.К. 2007. Фессалийская кавалерия в середине IV–II вв. до н. э. В: *Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал 2: Война, армия и военное дело в античном мире*. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та: 40–57.
- Парк Г.У. 2013. Греческие наемники. «Псы войны» древней Эллады. Пер. с англ. Л.А. Игоревского. Москва, Центрполиграф, 287 с.
- Секунда Н. 2004. Армия Александра Великого. Пер. с англ. Я. Зверева. Москва, АСТ, 56 с.
- Anson E.M. 2020. Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues. London; New York, Bloomsbury, 234 p.
- Aston E., Kerr J. 2018. Battlefield and Racetrack: The Role of Horses in Thessalian Society. *Historia* 67/1: 2–35.
- Billows R.A. 1995. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York, Brill, 240 p.
- Buckler J. 2003. Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden; Boston, Brill, 544 p.
- Dain A. 1946. Histoire du texte d'Élien le Tacticien des origines à la fin du Moyen Âge. Paris, Société d'édition "Les Belles Lettres", 394 p.
- Ellis J.R. 1976. Philip II and Macedonian Imperialism. Princeton, Princeton University Press, 312 p.
- Gaebel R.E. 2002. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman, University of Oklahoma Press, 345 p.
- Graninger D. 2010. Macedonia and Thessaly. In: *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, Blackwell: 306–325.
- Griffith G.T. 1980. Philip as a General and the Macedonian Army. In: *Philip of Macedon*. Athens, Ekdotike Athenon: 58–77.

- Griffith G.T. 1979. The Reign of Philip the Second. In: A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 B.C. Oxford: Clarendon Press: 201–646.
- Hammond N.G.L. 1998. Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 B.C. *Historia* 47/4: 404–425 p.
- Hatzopoulos M.B. 1996. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. I. A Historical and Epigraphic Study. Athens, De Boccard, 554 p.
- Helly B. 1995. L'État thessalien. Aleuas le Roux, les tétrades et les tagoi. Lyon, Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 384 p.
- Juhel P.O. 2011. Un fantôme de l'histoire hellénistique: le 'district' macédonien. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 51/4: 579–612.
- King C.J. 2017. Ancient Macedonia. London; New York, Routledge, 307 p.
- Lendon J.E. 2011. Cavalry Formation in the Greek Tactical Tradition. In: Hellenistic Warfare. Vol. I. Valencia, Instituto Valenciano de Estudios Clásicos y Orientales: 99–110.
- Lendon J.E. 2005. Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven; London, Yale University Press, 468 p.
- Lund H.S. 1992. Lysimachus: A Study in Hellenistic Kingship. London; New York, Routledge, 287 p.
- Mandel J. 1980. Jason: The Tyrant of Pherae, Tagus of Thessaly, as Reflected in Ancient Sources and Modern Literature. The Image of the New Tyrant. *Rivista storica dell'antichità* 10: 47–77.
- Merker I.L. 1979. Lysimachus – Thessalian or Macedonian? *Chiron* 9: 31–36.
- Müller S. 2016. Die Argeaden: Geschichte Makedoniens bis zum Zeitalter Alexanders des Großen. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 477 p.
- Noguera Borel A. 2007. L'armée macédonienne avant Philippe. In: Ancient Macedonia 7: Seventh International Symposium. Thessaloniki, Institute for Balkan Studies: 97–111.
- Noguera Borel A. 2006. Le recrutement de l'armée macédonienne sous la royauté. In: Rois, cités, necropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine. Athens, De Boccard: 227–236.
- Pritchett W.K. 1974. The Greek State at War. Part II. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 324 p.
- Roisman J. 2017. The Classical Art of Command: Eight Greek Generals Who Shaped the History of Warfare. Oxford, Oxford University Press, 392 p.
- Rzepka J. 2012. How Many Companions did Philip II have? *Electrum* 19: 131–135.
- Rzepka J. 2008. The Units of Alexander's Army and the District Divisions of Late Argead Macedonia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 48: 39–56.
- Sears M.A. 2019. Understanding Greek Warfare. London; New York, Routledge, 220 p.
- Sordi M. 1958. La lega tessala fine ad Alessandro Magno. Roma, Istituto Italiano per la Storia Antica, 387 p.
- Spence I.G. 2002. Historical Dictionary of Ancient Greek Warfare. Lanham; Maryland; London, The Scarecrow Press, 456 p.
- Sprawski S. 2006. Jason of Pherae, a Leader of the Thessalians. *ΥΠΕΡΕΙΑ* 4: 203–210.
- Sprawski S. 1999. Jason of Pherae: A Study on History of Thessaly in Years 431–370 BC. Krakow, Jagiellonian University Press, 153 p.
- Sprawski S. 2014. Peltasts in Thessaly. In: Iphicrates, Peltasts and Lechaion. Gdańsk, Gdańsk University: 95–112.
- Sprawski S. 2004. Were Lycophron and Jason tyrants of Pherae? Xenophon on a History of Thessaly. In: Xenophon and his World. Papers from a Conference Held in Liverpool in July 1999. München, Franz Steiner Verlag: 437–452.
- Strootman R. 2012. Alexander's Thessalian Cavalry. In: TALANTA: Proceeding of the Dutch Archaeological and Historical Society. Vol. XLII – XLIII (2010-2011). Groningen, Woltres-Noordhoff: 51–67.
- Tarn W.W. 1948. Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge, Cambridge University Press, 447 p.
- Trundle M. 2004. Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander. London; New York, Routledge, 196 p.
- Westlake H.D. 1935. Thessaly in the Fourth Century B.C. London, Methuen, 248 p.
- Willekes C. 2025. Macedonian and Thessalian Cavalry. In: Brill's Companion to the Campaigns of Philip II and Alexander the Great. Leiden; Boston, Brill: 164–186.
- Worley L.J. 2021. Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare). London; New York, Routledge, 241 p.
- Wrightson G. 2019. Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors. London; New York, Routledge, 248 p.

References

- Nefedkin A.K. 2019. *Konnitsa ehpkhi ehlinizma [Hellenistic Cavalry]*. St. Petersburg, Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 784 p.
- Nefedkin A.K. 2007. Fessalijskaja kavalerija v seredine IV–II vv. do n.je. [Thessalian Cavalry in the Mid-4th to the 2nd Century B.C.] In: *Antiquitas aeterna. Povolzhskij antikovedcheskij zhurnal 2: Vojna, armija i voennoe delo v antichnom mire [Volga Antiquarian Journal 2: War, Army and Military affairs in the Ancient world]*. Saratov, Publishing House of Saratov University: 40–57.
- Parke H.W. 2013. Grecheskie naemniki. “Psy vojny” drevnej Ehllady [Greek Mercenaries. "Dogs of war" of Ancient Hellas]. Translated from English by L.A. Igorevsky. Moscow, Centrpoligraf, 287 p.
- Sekunda N. 2004. *Armija Aleksandra Velikogo [The Army of Alexander the Great]*. Translated from English by Ya. Zverev. Moscow, AST, 56 p.
- Anson E.M. 2020. *Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues*. London; New York, Bloomsbury, 234 p.
- Aston E., Kerr J. 2018. Battlefield and Racetrack: The Role of Horses in Thessalian Society. *Historia* 67/1: 2–35.
- Billows R.A. 1995. *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden; New York, Brill, 240 p.
- Buckler J. 2003. *Aegean Greece in the Fourth Century BC*. Leiden; Boston, Brill, 544 p.
- Dain A. 1946. *Histoire du texte d'Élien le Tacticien des origines à la fin du Moyen Âge*. Paris, Société d'édition “Les Belles Lettres”, 394 p.
- Ellis J.R. 1976. *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton, Princeton University Press, 312 p.
- Gaebel R.E. 2002. *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman, University of Oklahoma Press, 345 p.
- Graninger D. 2010. Macedonia and Thessaly. In: *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, Blackwell: 306–325.
- Griffith G.T. 1980. Philip as a General and the Macedonian Army. In: *Philip of Macedon*. Athens, Ekdotike Athenon: 58–77.
- Griffith G.T. 1979. The Reign of Philip the Second. In: *A History of Macedonia*. Vol. II: 550–336 B.C. Oxford: Clarendon Press: 201–646.
- Hammond N.G.L. 1998. Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 B.C. *Historia* 47/4: 404–425 p.
- Hatzopoulos M.B. 1996. *Macedonian Institutions under the Kings*. Vol. I. A Historical and Epigraphic Study. Athens, De Boccard, 554 p.
- Helly B. 1995. *L'État thessalien. Aleuas le Roux, les tétrades et les tagoi*. Lyon, Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 384 p.
- Juhel P.O. 2011. Un fantôme de l'histoire hellénistique: le ‘district’ macédonien. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 51/4: 579–612.
- King C.J. 2017. *Ancient Macedonia*. London; New York, Routledge, 307 p.
- Lendon J.E. 2011. Cavalry Formation in the Greek Tactical Tradition. In: *Hellenistic Warfare*. Vol. I. Valencia, Instituto Valenciano de Estudios Clásicos y Orientales: 99–110.
- Lendon J.E. 2005. *Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity*. New Haven; London, Yale University Press, 468 p.
- Lund H.S. 1992. *Lysimachus: A Study in Hellenistic Kingship*. London; New York, Routledge, 287 p.
- Mandel J. 1980. Jason: The Tyrant of Pherae, Tagus of Thessaly, as Reflected in Ancient Sources and Modern Literature. The Image of the New Tyrant. *Rivista storica dell'antichità* 10: 47–77.
- Merker I.L. 1979. Lysimachus – Thessalian or Macedonian? *Chiron* 9: 31–36.
- Müller S. 2016. *Die Argeaden: Geschichte Makedoniens bis zum Zeitalter Alexanders des Großen*. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 477 p.
- Noguera Borel A. 2007. L'armée macédonienne avant Philippe. In: *Ancient Macedonia 7: Seventh International Symposium*. Thessaloniki, Institute for Balkan Studies: 97–111.
- Noguera Borel A. 2006. Le recrutement de l'armée macédonienne sous la royauté. In: *Rois, cités, necropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine*. Athens, De Boccard: 227–236.
- Pritchett W.K. 1974. *The Greek State at War*. Part II. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 324 p.
- Roisman J. 2017. *The Classical Art of Command: Eight Greek Generals Who Shaped the History of Warfare*. Oxford, Oxford University Press, 392 p.
- Rzepka J. 2012. How Many Companions did Philip II have? *Electrum* 19: 131–135.
- Rzepka J. 2008. The Units of Alexander's Army and the District Divisions of Late Argead Macedonia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 48: 39–56.

- Sears M.A. 2019. *Understanding Greek Warfare*. London; New York, Routledge, 220 p.
- Sordi M. 1958. *La lega tessala fine ad Alessandro Magno*. Roma, Istituto Italiano per la Storia Antica, 387 p.
- Spence I.G. 2002. *Historical Dictionary of Ancient Greek Warfare*. Lanham; Maryland; London, The Scarecrow Press, 456 p.
- Sprawski S. 2006. Jason of Pherae, a Leader of the Thessalians. *ΥΠΕΡΕΙΑ* 4: 203–210.
- Sprawski S. 1999. *Jason of Pherae: A Study on History of Thessaly in Years 431–370 BC*. Krakow, Jagiellonian University Press, 153 p.
- Sprawski S. 2014. Peltasts in Thessaly. In: *Iphicrates, Peltasts and Lechaion*. Gdańsk, Gdańsk University: 95–112.
- Sprawski S. 2004. Were Lycophron and Jason tyrants of Pherae? Xenophon on a History of Thessaly. In: *Xenophon and his World. Papers from a Conference Held in Liverpool in July 1999*. München, Franz Steiner Verlag: 437–452.
- Strootman R. 2012. Alexander's Thessalian Cavalry. In: *TALANTA: Proceeding of the Dutch Archaeological and Historical Society*. Vol. XLII – XLIII (2010-2011). Groningen, Woltres-Noordhoff: 51–67.
- Tarn W.W. 1948. *Alexander the Great*. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge, Cambridge University Press, 447 p.
- Trundle M. 2004. *Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander*. London; New York, Routledge, 196 p.
- Westlake H.D. 1935. *Thessaly in the Fourth Century B.C*. London, Methuen, 248 p.
- Willekes C. 2025. Macedonian and Thessalian Cavalry. In: *Brill's Companion to the Campaigns of Philip II and Alexander the Great*. Leiden; Boston, Brill: 164–186.
- Worley L.J. 2021. *Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare)*. London; New York, Routledge, 241 p.
- Wrightson G. 2019. *Combined Arms Warfare in Ancient Greece: From Homer to Alexander the Great and his Successors*. London; New York, Routledge, 248 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.07.2025

Received 05.07.2025

Поступила после рецензирования 15.08.2025

Revised 15.08.2025

Принята к публикации 18.08.2025

Accepted 18.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

 [ORCID: 0000-0002-7123-0378](https://orcid.org/0000-0002-7123-0378)

Alexander A. Kleymenov, Doctor of Sciences in History, Senior Researcher at the Department of History and Archaeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-547-555

EDN АНУJMP

Оригинальное исследование

Преторианцы и их участие в военных кампаниях

Юров В.В.

Средняя общеобразовательная школа № 106,
Россия, 394068, г. Воронеж, Жилой массив Олимпийский, д. 14
E-mail: yurov.0099vlad@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается, как преторианцы выполняли военные задачи, которые ставили перед ними императоры Рима. Автор анализирует, насколько гвардейцы были боеспособны, в каких наиболее ярких и известных сражениях им довелось принять участие. Хронологические рамки публикации: период с конца I века до н. э., от формирования преторианской гвардии и до 312 г., до битвы на Мульвийском мосту, после которой преторианские когорты были распущены. Таким образом, опираясь на разнотипные нарративные и эпиграфические источники по данной теме, а также используя ряд современных публикаций, мы продемонстрировали, как преторианцы участвовали в различных военных кампаниях.

Ключевые слова: Древнеримское государство, сражения Древнего Рима, преторианские когорты, преторианская гвардия, преторианцы

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Юров В.В. 2025. Преторианцы и их участие в военных кампаниях. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 547–555. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-547-555. EDN: АНУJMP

The Praetorians and their Participation in Military Campaigns

Vladislav V. Yurov

Secondary school No. 106,
14 Olimpijskij residential area, Voronezh 394068, Russia
E-mail: yurov.0099vlad@mail.ru

Abstract. The paper explores the specifics of personal security units in ancient Rome. The Praetorian Guard was a force loyal to Emperor Augustus who had adopted and significantly improved the principle of using the "praetorian" cohorts to establish a permanent special paramilitary unit. The author's focus falls on the Guard performing military tasks, analysis of their combat ability, and a coverage of their most famous battles. The chronological scope of the publication includes the period from the end of the 1st century B.C., from the formation of the Praetorian Guard, to 312 A.D., when all of praetorian cohorts were disbanded. The study was based on narrative and epigraphic sources, as well as contemporary research works.

Keywords: the ancient Roman state, battles of ancient Rome, praetorian cohorts, Praetorian Guard, praetorians

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Yurov V.V. 2025. The Praetorians and their Participation in Military Campaigns. *Via in tempore. History and political science.* 52(3): 547–555 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-547-555. EDN: АНУJMP

Введение

В последнее время проблема преторианской гвардии вызывает интерес у некоторых зарубежных исследователей. В работах Сандры Бингэм [Bingham, 1997, 2013] уделяется

внимание прообразам гвардии в республиканский период, преторианским префектам и просто службе гвардейцев тому или иному Цезарю, а также анализу их обязанностей. В эссе Бориса Ранкова [Rankov, 1994] рассматривается история преторианцев, их экипировка, а также организация и структура. Труд испанского историка Адольфо Аргуина [Argüín, 2006] посвящен преторианским когортам в целом, в нем исследуются самые разные вопросы, связанные с ними. Ги де Ла Бедуайер в своей новейшей монографии [Bédouère, 2017] подробно описал всю историю преторианской гвардии от ее основания до расформирования; работа предоставляет много полезной информации об обязанностях и организации гвардейцев.

На сегодняшний день тема преторианской гвардии является предметом изучения и для нескольких отечественных историков. Серьезный вклад в исследование историографии, а также роли гвардейцев в политической жизни внес А.Ю. Дьяченко [Дьяченко, 2012, 2013, 2014]. Роспуск гвардии Септимием Севером в 193 г., пароли для преторианцев, история гвардейца Метилия Пудента, численность штата преторианских когорт – эти вопросы были детально рассмотрены Е.А. Гуськовым [Гуськов, 2022а, 2022б, 2024а, 2024б]. Любопытна публикация Е.С. Ивановой [Иванова, 2024] на тему обряда *salutatio* и гвардейцев при дворе императора. В одном из последних трудов И.А. Дороненко [Дороненко, 2022] весьма подробно раскрыта тема обязанностей и структуры такого формирования, как *speculatores*. Разнотипные функции преторианских когорт: императорского эскорта, репрессивно-полицейские, а также некоторые вспомогательные задачи уже были подробно рассмотрены нами [Юров, 2020, 2022, 2023].

Особую ценность для нашего исследования представляют некоторые публикации И.А. Дороненко [Дороненко, 2018, 2020] и статья К.В. Дрязгунова [Дрязгунов, 2010]. Работа последнего непосредственно посвящена гвардейцам на полях сражений, но, на наш взгляд, в полной мере она эту тему не раскрывает, т. к. в ней упоминается небольшое и недостаточное количество случаев участия преторианской гвардии в боевых действиях, вдобавок автором не были использованы современные исследования и эпиграфический материал. И.А. Дороненко обстоятельно изучил вклад преторианских когорт в военные кампании при Домициане и во II в., однако полноценного, детального рассмотрения участия преторианцев в различных сражениях на протяжении всего их существования, от Августа до Константина, в отечественной историографии не было произведено, что делает нашу работу актуальной.

Объект и методы исследования

Объект исследования: преторианские когорты в период с конца I века до н. э. и до момента их расформирования в 312 г. Предмет исследования: участие гвардейцев в боевых действиях. Используя античные источники и современные работы, мы применили здесь хронологический, а также идеографический метод исследования, с помощью которых было рассмотрено исполнение преторианцами их военных задач.

Результаты и их обсуждение

Одной из первых военных кампаний для преторианской гвардии, судя по всему, стала успешная для Рима Кантабрийская война (29–19 гг. до н. э.) Августа (27 г. до н. э. – 14 г.). Так как император руководил ею лично (Suet. Aug. 20), было бы разумно предположить, что преторианцам довелось поучаствовать [Дандо-Коллинз, 2017, с. 237; Argüín, 2006, p. 118]. Ближе к концу его правления они успешно воевали против африканских племен. По сообщению Диона Кассия, варваров одолел преторианский трибун (ок. 2 г.) (Dio Cass. LV.10a. 1), очевидно, с помощью подчиненного ему отряда гвардейцев. Подобный пример подтверждает, что Август использовал преторианские когорты для военных задач.

После него императором стал Тиберий (14–37 гг.). Его пасынок Германик устремился в поход против германцев (16–17 гг.). Как сообщает Тацит, помимо легионов, полководец был «с двумя преторианскими когортами и отборною конницей» (Tac. Ann. II. 16). И военачальнику, и преторианцам довелось принять участие в битве: «Цезарь первым во главе преторианских

когорт ворвался в лес, и там завязалась рукопашная схватка» (Тас. Ann. II. 20). В итоге это сражение было выиграно Римом.

Гай Калигула (37–41 гг.) использовал гвардейцев во время экспедиции в Германию 39–40 гг. По данным Светония, был привлечен «отряд преторианских всадников» (Suet. Cal. 43). И хотя свидетельства о ходе германского похода достаточно противоречивы, сам факт того, что император задействовал преторианцев для решения задачи подобного характера, лишь дополняет нашу концепцию о том, что война была для них обычным делом.

Во время принципата Клавдия (41–54 гг.) для данного исследования особенно интересна успешная кампания 43 г. по подчинению Британии. На первом этапе там действовали несколько легионов во главе с военачальником Авлом Плавтием (Dio Cass. LX.19–20), но впоследствии к сражению за остров присоединился и сам Клавдий, отправившись в сопровождении преторианцев [Дандо Коллинз, 2017, с. 319; Rankov, 1994, p. 11; Argüín, 2006, p. 119]. Как сообщает Дион Кассий, по прибытии император: «вступил в сражение с варварами, которые при его приближении объединили все силы, разбил их и взял город Камулудун» (Dio Cass. LX.21.4). Участие преторианской гвардии в этой битве подтверждают эпиграфические свидетельства. Хорошим примером может послужить судьба солдата Гавия Сильвана, который прошел длинный путь по службе и в итоге достиг звания трибуна двенадцатой преторианской когорты, получив награду от Клавдия за британскую войну (CIL5.7003); (ILS2701).

Особого внимания заслуживают сражения «года четырех императоров» (69 г.). После смерти Нерона и Гальбы гвардейцы присягнули на верность Марку Сальвию Отону, которому бросил вызов Авл Вителлий, опиравшийся на свои легионы. Первым местом, где преторианцы встретились в бою с его легионерами, стала Нарбонская Галлия. Когда вителлианцы атаковали, «их встретили ветераны претория, а с фланга стали засыпать камнями ополченцы», также со стороны Отона сражалась и морская пехота (Тас. Hist. II. 14. 1–3). Начало битвы было успешно для отонианцев, но вскоре началась контратака. Спустя немного времени «преторианцы пришли в себя и, заняв соседний холм, начали сопротивляться, а вскоре и сами перешли в наступление»; и в итоге победа была за ними (Тас. Hist. II. 15. 1–2). Другим столкновением с солдатами Вителлия стала оборона Плаценции, где «преторианцы с грохотом скатывали на них нарочно приготовленные для этой цели огромные тяжелые камни, которые увлекали за собой наступающих, давили и калечили раненых». В конце концов осажденные взяли верх (Тас. Hist. II. 22. 1–2). Еще одна битва, также выигранная не без помощи гвардейцев, состоялась у местечка Касторы. Со стороны Отона там находились три когорты преторианцев, конный отряд претория, легионеры и вспомогательные войска (Тас. Hist. II. 24. 3; 25. 1–2; 26. 1–2).

Дело шло к решающему сражению, и оно случилось 14 апреля 69 г. недалеко от Бедриака. За Отона по-прежнему бились верные ему легионы, а также присутствовало и некоторое количество гвардейцев (Тас. Hist. II. 44. 3). Но удача оставила отонианцев, они потерпели поражение. В чем причины этого события? Ответов может быть много, однако одним из самых важных факторов стал отъезд императора в Брикселлум, его ставку, ведь он отозвал с собой «значительную часть войска, состоявшую из преторианских когорт, наиболее заслуженных солдат и отрядов конницы» (Тас. Hist. II. 33. 3). Ослабив войско перед ключевой битвой, принцепс допустил фатальную ошибку.

После его самоубийства власть получил Вителлий. Он распустил старый состав преторианских когорт и создал новую гвардию из своих легионеров. «Уволенные» преторианцы Отона, после того как узнали о провозглашении императором Флавия Веспасиана (69–79 гг.), сделали правильный выбор – поддержали его и «составили главную опору флавианской партии» (Тас. Hist. II. 67. 1). Вновь разгорелась гражданская война, и вновь дело шло к решающей битве. По иронии судьбы, она состоялась близ того же места – у Бедриака, в том же 69 г., но в октябре. Преторианские когорты доказали Веспасиану свою верность и снова подтвердили собственную боеспособность, внося свой вклад в победу: «Чтобы поддержать колеблющийся строй своих легионов, Антоний вызвал преторианцев. Они отвлекли на себя основные силы противника и обратили его в бегство, но вскоре сами были

отброшены» (Tac. Hist. III. 23. 1–3). Им пришлось отступить из-за плотного огня метательных орудий, однако вскоре результатом совместных усилий легионеров и гвардейцев победа была одержана войсками Веспасиана.

Самой трудной задачей для флавианцев было захватить лагерь преторианской гвардии в Риме, где скрывались «уцелевшие горстки смельчаков» – вителлианцев. По словам Тацита, их сопротивление только раззадоривало «бойцов старых когорт» (Tac. Hist. III. 84. 1), т. е. распущенных Вителлием преторианцев, которые теперь помогали Веспасиану. В конечном итоге он взял верх, а в Риме утвердилась династия Флавиев. Таким образом, преторианские когорты показали весьма серьезные военные навыки в рамках 69 г., где они сражались плечом к плечу с легионерами или против них, не уступая им по силе.

В следующий раз преторианской гвардии довелось воевать при Домициане (81–96 гг.). Известно, что он лично руководил успешной кампанией против германского племени хаттов (Front. I. I. 8). Мы можем сделать вывод, что гвардейцы участвовали в этой войне благодаря анализу сохранившегося рельефа А из Палаццо Канцеллерия ⁶, который относится к правлению данного императора. На нем представлено отправление этого правителя в поход. В паре солдат, изображенных в правом углу, легко узнать преторианцев, т. к. они экипированы овальными скутумами ⁷, украшенными крылатыми молниями Юпитера, звездами и полумесяцами, – подобные рисунки были характерны для преторианских когорт. Проведя сопоставление с гвардейцами, представленными на рельефе с арки Клавдия ⁸, можно сделать вывод: «Совпадение особенностей экипировки на разных изобразительных источниках указывает на участие преторианцев в кампании 83–85 гг.» [Дороненко, 2018, с. 43].

При Домициане также имела место неудачная война против даков (85–89 гг.), и какое-то время войсками в ней командовал префект претория Корнелий Фуск (Iord. Get. 77) (Suet. Dom. 6. 1). Как полководец он не преуспел и был убит в сражении. Мы полагаем, что этот начальник преторианцев имел с собой несколько преторианских когорт. Того же мнения придерживаются И.А. Дороненко, Стивен Коллинз и Адольфо Аргуин [Дандо Коллинз, 2017, с. 405; Дороненко, 2018, с. 44; Argüín, 2006, p. 123].

В следующий раз гвардейцам довелось сражаться уже в правление Траяна (98–117 гг.). Известно, что данный принцепс вел обе дакийские войны (101–102, 105–106 гг.) лично (Dio Cass. LXVIII. 6), и поэтому он, несомненно, использовал преторианские когорты в этих успешных кампаниях [Дандо Коллинз, 2017, с. 411; Дороненко, 2020, с. 135; Bédouère, 2017, p. 194]. Это подтверждается визуальными данными с колонны и фриза Траяна. Гвардейцы легко опознаются благодаря характерным чертам экипировки: овальным скутумам и изображенным на них полумесяцам. Таким образом, «оба памятника свидетельствуют о том, что преторианцы выступили из Рима вместе с Траяном» [Дороненко, 2020, с. 132].

Этот император самостоятельно руководил войсками и в удачной для Рима Парфянской войне (114–117 гг.) (Dio Cass. LXVIII. 17. 2), и его гвардия сражалась вместе с ним [Дандо Коллинз, 2017, с. 446; Argüín, 2006, p. 124]. Об этом есть эпиграфическое свидетельство, справедливо замеченное Бедуайером: «Луций Эмилий Патерн имел выдающуюся карьеру центуриона, служа в третьей преторианской когорте, когда его наградили за службу в Дакии. Он продолжил сражаться в Парфии за Траяна» [Bédouère, 2017, p. 194] (CIL II. 4461; ILS 2661). Более того, участие преторианцев в конфликте подтверждает и рельеф эпохи Траяна, на котором их можно идентифицировать [Дороненко, 2020, с. 133].

Новым испытанием для гвардейцев стала очередная успешная кампания против Парфии (161–166 гг.), случившаяся уже при Марке Аврелии (161–180 гг.). Ведение боевых действий он

⁶ Интернет-портал «Ancient Rome». – URL: <https://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=7470&ysclid=m9lfjggpbh355735472> (дата обращения: 02.06.2025).

⁷ У легионеров овальные скутумы на тот момент времени уже вышли из употребления, но остались у преторианцев.

⁸ Там же. – URL: <https://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=2537&ysclid=m9lfmruqts756798695> (дата обращения: 02.06.2025).

поручил своему сопровителю Луцию Веру (Dio. Cass. LXXI. 2. 2). В этом походе его сопровождал префект претория Тит Фурий Викторин, который, должно быть, командовал несколькими когортами, набранными из состава преторианской гвардии [Bédoyère, 2017, p. 205]. Того же мнения придерживаются Борис Ранков и Дороненко [Дороненко, 2020, с. 134; Rankov, 1994, p. 13]. Мы также считаем, что наличие преторианского префекта и одного из императоров обязательно предполагало присутствие вместе с ними и преторианцев.

На долю Марка Аврелия выпало вести тяжелую, но в итоге выигранную Маркоманскую войну 166–180 гг. (SHA. M. Aurel. XII. 9). Сперва бой с варварами принял упомянутый преторианский префект Фурий Викторин, но успеха не добился и погиб (SHA Marc. XIV. 5). В дальнейшем принцепс и новые начальники гвардии «к 174–175 гг. разгромили маркоманов и языгов» [Дороненко, 2020, с. 134]. Последним префектом претория при Марке Аврелии был Таррунтений Патерн, который разбил германцев в сражении (Dio Cass. LXXII. 33. 3). Так как император и преторианские префекты лично командовали войсками, использование гвардейцев в войне представляется очевидным [Дандо Коллинз, 2017, с. 497; Argüín, 2006, p. 124; Bédoyère, 2017, p. 208]. Участие преторианских когорт в этом конфликте подтверждает и изобразительный источник в виде колонны Марка Аврелия [Rankov, 1994, p. 15; Bédoyère, 2017, p. 208]. По мнению И.А. Дороненко, преторианцев с этой колонны можно идентифицировать с помощью аттических шлемов, ведь обычные войска их не использовали [Дороненко, 2020, с. 135].

В следующий раз преторианской гвардии довелось сразиться при Лугдуне (197 г.) в гражданской войне против Клодия Альбина за императора Септимия Севера (193–211 гг.). Его войска попали в затруднительное положение, и он «с преторианцами бросился им на помощь» (Dio Cass. LXXVI. 6. 6).

Разобравшись с оппонентом, Септимий Север отправился воевать с Парфией (195–199 гг.). Преторианский трибун Юлий Крисп, уставший от тягот похода, высказал свое недовольство, за что и был казнен. Другого же преторианца по имени Валерий, который осудил Криспа, Север возвысил до трибуна вместо убитого (Dio Cass. LXXVI. 10. 2). Принцепс командовал войсками на передовой, подвергая опасности как свою жизнь, так и гвардейцев, ведь при осаде города Хатра обороняющиеся метали снаряды так метко, что «попадали даже в телохранителей Севера» (Dio Cass. LXXVI. 11. 3). В итоге война была успешна для Рима. В конце правления он возглавил результативную кампанию против британских племен (Dio Cass. LXXVII. 11.1) (208–211 гг.). Дион Кассий сообщает о присутствии вместе с Севером в Британии префекта претория Эмилия Папиниана (Dio Cass. LXXVII. 14. 6), который не мог там находиться без своих подчиненных. В подтверждение участия преторианцев в боевых действиях против британцев есть и эпиграфическое свидетельство – надгробие Гая Цезенния Сенечия, центуриона второй преторианской когорты, умершего в то время в Британии (ILS 2089). Таким образом, при Севере преторианской гвардии довелось воевать в разных концах империи.

Его сын Каракалла (211–217 гг.) также самостоятельно руководил военными операциями, он одолел алеманнов в 213 г. и сражался с парфянами (Dio Cass. LXXVIII. 13. 1,4; 19. 1). Так, за парфянскую войну, шедшую с переменным успехом (216–217 гг.), он заплатил легионерам 5 тысяч, а преторианцам – 6 250 денариев (Dio Cass. LXXVIII. 24. 1). В этом походе присутствовал и их префект Макрин. Его усилиями Каракалла будет убит, а он сам станет новым императором (217–218 гг.) (Dio Cass. LXXIX. 5). Вскоре состоялась битва (217 г.) с парфянами при Нисибисе, закончившаяся поражением римлян (Dio Cass. LXXIX. 26. 5), и она не должна была обойти гвардейцев стороной, учитывая их присутствие.

В 218 г. часть войск Макрина перешла на сторону Элагабала, нового претендента на власть. Недалеко от Антиохии между соперниками произошло сражение, в котором, по словам Кассия Диона, «Макрин благодаря усердию преторианцев имел успех», т. к. они стали более мобильными, отбросив «чешуйчатые панцири и выгнутые щиты» (Dio Cass. LXXIX. 37. 4). Геродиан добавляет: «преторианцы достойно сопротивлялись всему другому войску, так как отличались очень высоким ростом и были отборными воинами». Однако Макрин

смалодушничал и бежал; армия, узнав об этом, перешла к оппоненту, и вскоре этот трусливый император был убит (Herod. V. 4. 8, 11).

Элагабал правил недолго (218–222 гг.), и его сменил Александр Север (222–235 гг.). Ему довелось отправиться на войну против державы Сасанидов (ок. 230–232 гг.). Геродиан упоминает, что для этой кампании было собрано войско из провинций и из самой Италии (Herod. VI. 3. 1), а в ее столице, как известно, располагался лагерь преторианцев. Таким образом, использование гвардии в этом конфликте кажется нам очевидным ввиду личного присутствия правителя в походе и набора воинов из региона, где базировались гвардейцы. Итогом боевых действий стал status quo. Вскоре Александр будет убит, и династия Северов прекратит свое существование.

Кризис III века (235–284 гг.) – эпоха непрерывных войн, когда многим императорам часто доводилось руководить войсками на передовой, что должно было подразумевать, с опорой на предыдущие прецеденты, и участие преторианских когорт; например, в успешном походе Максимиана Фракийца (235–238 гг.) против германцев (235–236 гг.) (Herod. VII. 2. 6); в относительно удачной кампании Гордиана 3 (238–244 гг.) против персов (242–244 гг.), где его сопровождал префект претория Тимисифей (SHA. Gord. 26. 3–6, 27. 2).

Аналогично гвардейцев должен был задействовать Филипп Араб (244–249 гг.) в результативных сражениях с карпами в 246 г. (Zos. Hist. Nov. I. 20), Деций (249–251 гг.) в проигранной войне с готами в 251 г. (Zos. Hist. Nov. I. 23) [Argüin, 2006, p. 130]. В следующий раз преторианской гвардии довелось покорить уже при Валериане (253–260 гг.) и его сыне – соправителе Галлиене (253–268 гг.). Известно, что последний самостоятельно руководил войсками в удачной борьбе с германцами (250-е г.) (Zos. Hist. Nov. I. 30. 1–2) и как наследник принцепса должен был использовать преторианцев в битвах. В то же время Валериан лично командовал армией на Востоке. Как полководец он не преуспел и проиграл сражение под Эдессой (260 г.), но его префект претория Баллиста (SHA. Val. XVIII. 13) после пленения Валериана успешно действовал против персов (Zon. Ep. Hist. XII. 23), так что гвардейцы явно участвовали в этой кампании.

После смерти Галлиена императором стал Клавдий 2-й Готский (268–270 гг.), разгромивший готов близ Наисса (268 г.) (Zos. Hist. Nov. I. 43. 1–2) с помощью преторианских когорт [Argüin, 2006, p. 130]. При Аврелиане (270–275 гг.) имела место война против Пальмиры (272–273 гг.). Она откололась от Рима в 272 году и потребовала мобилизации многих сил. В том числе и привлечение воинов «βασιλικῶν τέλων» (Zos. Hist. Nov. I. 52. 4) – «императорского полка», т. е. преторианской гвардии [Argüin, 2006, p. 131; Bédoyère, 2017, p. 251]. В итоге Аврелиан одержал победу. Сменивший его Клавдий Тацит (275–276 гг.) руководил успешным сражением против готов (276 г.). В кампании его сопровождал префект претория Флориан (Zon. Ep. Hist. XII. 28), что намекает на присутствие преторианцев вместе с ними. После короткого правления Флориана (276 г.) власть получил Проб (276–282 гг.). Он самостоятельно командовал армией (Zos. Hist. Nov. I. 67–68) во многих походах против германцев (276–278 гг.), и в них, по мнению Адольфо Аргуина, «должны были участвовать войска претория» [Argüin, 2006, p. 133], с чем трудно не согласиться, учитывая предыдущие прецеденты.

Сменивший Проба Марк Аврелий Кар (282–283 гг.) повел легионы для войны с персами (282–283 гг.), занял их столицу Ктесифон и некоторые другие города, но вскоре умер (SHA. Car. VIII. 1–2). Его власть унаследовали сыновья: Нумериан (283–284 гг.) и Карин (283–285 гг.). Нумериан свернул кампанию отца на Востоке и на обратном пути был убит людьми префекта претория Апра (SHA. Car. XIII. 2), присутствие которого подтверждает участие гвардии в этом конфликте. После этого императором стал Диоклетиан (284–305 гг.), свергнувший Карина. Как известно, он разделил свои полномочия еще с тремя правителями: Максимианом Геркулием (285–305 гг.) Галерием (293–311 гг.) и Констанцием Хлором (293–306 гг.). На долю последнего выпала война против узурпатора Аллекта в Британии (293–296 гг.). «Констанций уничтожил его, выслав против него с частью флота и легионов стоявшего во главе преторианцев Асклепиодота» (Aug. Vict. De Caes. 39. 42). Так, не без помощи гвардейцев остров был возвращен Риму. Другой

император, Геркулий, по мнению Ранкова, должен был использовать преторианские когорты в его успешной кампании против африканских племен в 297 г. [Rankov, 1994, p. 16].

Узурпатор Максенций (306–312 гг.) стал последним правителем, которому служила преторианская гвардия. Судя по всему, преторианцам и другим войскам по его приказу довелось подавить восстание в Африке под руководством Домиция Александра (308–311 гг.), так как военной операцией руководил префект претория Руфий Волузиан (Aur. Vict. De Caes. 40. 18), (Zos. Hist. Nov. II. 11. 2–3). Финальной войной для гвардейцев стало противостояние Максенция и Константина Великого (306–337 гг.) в 312 г. Известно, что неудачной обороной Вероны руководил преторианский префект Руриций Помпеян (Panegir. Vet. VIII), и, учитывая этот факт, преторианские когорты должны были принять участие в защите города. Битва у Мульвийского моста стала заключительной в истории гвардии [Bédouyère, 2017, p. 255]. По словам Евсевия, Максенций лично командовал войсками и погиб. На его стороне сражались преторианцы (в оригинале – копьеносцы, *δουροφόροι*) (Euseb. De vita Const. 38) и делали это достойно – «не имея надежды на прощение, покрыли своими телами выбранное для сражения место» (Panegir. Vet. X. 17). Тем не менее они проиграли, и Константин навсегда упразднил преторианские когорты.

Заключение

Вывод исследовательской работы: преторианская гвардия просуществовала почти три с половиной века и за это время поучаствовала во множестве войн и битв. Преторианцы показали себя боеспособными воинами, достойно сражаясь как с варварами, так и с легионерами, не уступая им в военных навыках и во многих случаях одерживая верх. Вовлечение гвардейцев в боевые действия прежде всего было обусловлено их главной функцией – эскортом римских цезарей. Обеспечивая безопасность правителя на поле боя, параллельно с этим они привлекались и к битве, хотя иногда преторианцам приходилось воевать и без присутствия императора. Таким образом, преторианские когорты имели хорошие боевые качества и большой список военных кампаний, в которых им довелось сражаться.

Список литературы

- Гуськов Е.А. 2022а. Пароли для преторианцев: к вопросу о достоверности *Historia Augusta*. *Вестник МГПУ*. 3(47): 137–151.
- Гуськов Е.А. 2022б. Преторианец Метилий Пудент и гражданская война в Риме. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 1(67): 113–127.
- Гуськов Е.А. 2024а. Роспуск преторианской гвардии в 193 г. н. э. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки*. 1(21): 120–129.
- Гуськов Е.А. 2024б. Численность штата преторианских когорт в I–II вв. н. э. *Вестник древней истории*. 3(84): 676–707.
- Дандо-Коллинз С. 2017. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. Москва, Центрполиграф, 639.
- Дороненко И.А. 2018. К вопросу об участии преторианской гвардии в германских и дакийских войнах императора Домициана. В: Молодежь Третьего тысячелетия. Омск, изд-во Ом. гос. ун-та: 42–46.
- Дороненко И.А. 2020. Преторианская гвардия на полях сражений II в. н. э. В: Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, изд-во Новосибирского национального исследовательского гос. ун-та: 130–138.
- Дороненко И.А. 2022. *Speculatores Augusti*: организационная структура и функции. *Via in tempore. История. Политология*. 49(4): 757–766.
- Дрязгунов К.В. 2010. Участие преторианской гвардии в боевых действиях. *Римская слава*. URL: <https://www.roman-glory.com/dryazgunovpretoriancy/> (дата обращения: 25.05.2025).
- Дьяченко А.Ю. 2012. К вопросу о мятеже преторианской гвардии в правление императора Нервы. *Вестник Алтайской Государственной Педагогической Академии*. (10): 15–17.
- Дьяченко А.Ю. 2013. Преторианская гвардия в «Год четырех императоров». *Молодой ученый*. (11): 714–717.

- Дьяченко А.Ю., Чернышов Ю.Г. 2014. Современная отечественная историография о роли и месте преторианской гвардии в политическом кризисе римской империи в 68–69 гг. *Известия Алтайского Государственного университета*. 1(84): 96–100.
- Иванова Е.С. 2024. Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд salutatio, императорский convivium и развлечения принцепса. *Via in tempore. История. Политология*. 51(1): 34–43.
- Юров В.В. 2020. Преторианские когорты: функция императорского эскорта. *Via in tempore. История. Политология*. 47(3): 482–489.
- Юров В.В. 2022. Полицейские и репрессивные функции преторианских когорт. *Via in tempore. История. Политология*. 49(2): 243–254.
- Юров В.В. 2023. Вспомогательные задачи преторианских когорт. *Via in tempore. История. Политология*. 50(1): 5–12.
- Argüin A.R.M. 2006. *Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma*. Madrid, Almena Ediciones, 246.
- Bingham S. 1997. *The Praetorian Guard in the Political and Social Life of Julio-Claudian Rome*. Ottawa, Publ. National Library of Canada, 282.
- Bingham S. 2013. *The Praetorian Guard. A History of Rome's Elite Special Forces*. London, Baylor University Press, 240.
- De la Bédoyère G. 2017. *Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven; London, Yale University Press, 344.
- Rankov B., Hook R. 1994. *The Praetorian Guard*. London, Osprey Publishing, 64.

References

- Gus'kov E.A. 2022a. Paroli dlya pretoriansev: k voprosu o dostovernosti Historia Augusta [Passwords for Praetorians: On the Question of the Authenticity of the Historia Augusta]. *Vestnik MGPU [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University]*. 3(47): 137–151.
- Gus'kov E.A. 2022b. Pretorianets Metilij Pudent i grazhdanskaya voyna v Rime [The Praetorian Metilius Pudentus and the Roman Civil War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of the Saint Petersburg University]*. 1(67): 113–127.
- Gus'kov E.A. 2024a. Rospusk pretorianskoy gvardii v 193 g. n. e. [The Dissolution of the Praetorian Guard in 193 A.D.]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Istoricheskie nauki [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]*. 1(21): 120–129.
- Gus'kov E.A. 2024b. Chislennost' shtata pretorianskikh kogort v I–II vv. n. e. [The Number of Praetorian Cohorts in the 1st–2nd Centuries A.D.]. *Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]*. 3(84): 676–707.
- Dando-Kollinz S. 2017. *Legiony Rima. Polnaya istoriya vsekh legionov Rimskoy imperii [The Legions of Rome. The Complete History of all the Legions of the Roman Empire]*. Moscow, Tsentrpoligraf, 639.
- Doronenko I.A. 2018. K voprosu ob uchastii pretorianskoy gvardii v germanskikh i dakiyskikh voynakh imperatora Domitsiana [On the Question of the Participation of the Praetorian Guard in the German and Dacian Wars of Emperor Domitian]. V: *Molodezh' Tret'ego tysyacheletiya [Youth of the Third Millennium]*. Omsk, izd-vo Om. gos. un-ta: 42–46.
- Doronenko I.A. 2020. Pretorianskaya gvardiya na polyakh srazheniy II v. n. e. [The Praetorian Guard on the Battlefields of the Second Century A.D.]. V: *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh [Actual Problems of Historical Research: The View of Young Scientists]*. Novosibirsk, izd-vo Novosibirskogo natsional'nogo issledovatel'skogo gos. un-ta: 130–138.
- Doronenko I.A. 2022. Speculatores Augusti: organizatsionnaya struktura i funktsii [Speculatores Augusti: organizational Structure and Functions]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in tempore. History. Political Science]*. 49(4): 757–766.
- Dryazgunov K.V. 2010. Uchastie pretorianskoy gvardii v boevykh deystviyakh [Participation of the Praetorian Guard in the Fighting]. *Rimskaya slava [Roman glory]*. URL: <https://www.roman-glory.com/dryazgunovpretoriancy> - (accessed: May 25, 2025).
- D'yachenko A.Yu. 2012. K voprosu o myatezhe pretorianskoy gvardii v pravlenie imperatora Nervy [On the Question of the Rebellion of the Praetorian Guard during the Reign of Emperor Nerva]. *Vestnik Altayskoy Gosudarstvennoy Pedagogicheskoy Akademii [Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy]*. (10): 15–17.

- D'yachenko A.Yu. 2013. Pretorijskaya gvardiya v «God chetyrekh imperatorov» [The Praetorian Guard in the "Year of the Four Emperors"]. *Molodoy uchenyy* [A young scientist]. (11): 714–717.
- D'yachenko A.Yu., Chernyshov Yu.G. 2014. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya o roli i meste pretorijskoy gvardii v politicheskom krizise rimskoy imperii v 68–69 gg. [Modern Russian Historiography on the Role and Place of the Praetorian Guard in the Political Crisis of the Roman Empire in 68–69]. *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altai State University]. 1(84): 96–100.
- Ivanova E.S. 2024. Pretorijskaya gvardiya pri dvore rimskogo imperatora: obryad salutatio, imperatorskiy convivium i razvlecheniya printsepsa [The Praetorian Guard at the Court of the Roman Emperor: The Rite of Salutatio, the Imperial Convivium and the Entertainment of the Princeps]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political Science]. 51(1): 34–43.
- Yurov V.V. 2020. Pretorijskie kogorty: funktsiya imperatorskogo eskorta [Praetorian Cohorts: The Function of the Imperial Escort]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political Science]. 47(3): 482–489.
- Yurov V.V. 2022. Politseyskie i repressivnye funktsii pretorijskikh kogort [Police and Repressive Functions of the Praetorian Cohorts]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political Science]. 49(2): 243–254.
- Yurov V.V. 2023. Vspomogatel'nye zadachi pretorijskikh kogort [Auxiliary Tasks of the Praetorian Cohorts]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political Science]. 50(1): 5–12.
- Argüín A.R.M. 2006. Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma. Madrid, Almena Ediciones, 246.
- Bingham S. 1997. The Praetorian Guard in the Political and Social Life of Julio-Claudian Rome. Ottawa, Publ. National Library of Canada, 282.
- Bingham S. 2013. The Praetorian Guard. A History of Rome's Elite Special Forces. London, Baylor University Press, 240.
- De la Bédoyère G. 2017. Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard. New Haven; London, Yale University Press, 344.
- Rankov B., Hook R. 1994. The Praetorian Guard. London, Osprey Publishing, 64.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: No potential conflict of interest was reported.

Поступила в редакцию 13.06.2025

Received 13.06.2025

Поступила после рецензирования 21.06.2025

Revised 21.06.2025

Принята к публикации 23.06.2025

Accepted 23.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юров Владислав Викторович, учитель истории и обществознания, Средняя общеобразовательная школа № 106, г. Воронеж, Россия

Vladislav V. Yurov, Teacher of History and Social Studies, Comprehensive Secondary school No. 106, Voronezh, Russia

 [ORCID: 0000-0003-2727-1428](https://orcid.org/0000-0003-2727-1428)

УДК 94(37)
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-556-565
EDN AXZEJW
Оригинальное исследование

Ментальная география Индии: конструирование образа далекой страны в древнеримской традиции

Гапеев Д.А.

Отдел памятников архитектуры и истории управления государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области,
Россия, 308000, г. Белгород, ул. Князя Трубецкого, 32;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1480191@bsuedu.ru

Аннотация. Результаты анализа восприятия «чужого пространства» в исторических исследованиях стали появляться в конце XX века, когда в рамках «культурного поворота» исторической науки появились первые работы, посвященные т. н. «ментальным картам» воображаемого пространства. Через призму теории ментальных карт в работе исследуются когнитивные модели пространственного восприятия, зафиксированные в трудах ключевых древнеримских авторов. Основное внимание в работе уделяется анализу трех основных категорий географических объектов: гидронимов (рек), оронимов (гор) и ойконимов (городов). Особый акцент сделан на выявлении закономерностей в частотности и способах упоминания этих объектов, что позволило реконструировать устойчивые паттерны римского восприятия индийского пространства. Локализация Индии на Востоке, несмотря на различия в трактовках у разных авторов, носила не столько географический, сколько символический характер. Этот образ, восходящий к греческим источникам, сохранял устойчивость даже при расширении знаний о регионе, подчеркивая статус Индии как «края света».

Ключевые слова: римская литература, Индия, ментальные карты, имагология, «образ Иного»

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Гапеев Д.А. 2025. Ментальная география Индии: конструирование образа далекой страны в древнеримской традиции. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 556–565. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-556-565. EDN: AXZEJW

Mental Geography of India: Constructing the Image of a Distant Land in Ancient Roman Tradition

Daniil A. Gapeev

Department of Architectural Monuments and History, Administration of State Protection of Cultural Heritage Objects of the Belgorod region,
32 Knyaz Trubetskoy St., Belgorod 308000, Russia;
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
Email: 1480191@bsuedu.ru

Abstract. Studies on the perception of "foreign space" in historical research began to emerge in the late 20th century, following the "cultural turn" in historiography, with pioneering works focusing on so-called "mental maps" of the imagined space. Through the lens of the mental map theory, this paper examines cognitive models of spatial perception as recorded in the works by key Roman authors. The study primarily analyzes three main

categories of geographical names: hydronyms (river names), oronyms (names of mountains), and oeconyms (city names). Particular emphasis is placed on identifying patterns in the frequency and modes of referencing these geographical objects, enabling the reconstruction of consistent patterns in the Roman perception of Indian space. The localization of India in the East, despite variations in interpretation among different authors, was more symbolic than strictly geographical. This image, rooted in Greek sources, remained persistent even as knowledge of the region expanded, reinforcing India's status as "the edge of the world".

Keywords: Roman literature, India, mental maps, imagology, "image of the Other"

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Gapeev D.A. 2025. Mental Geography of India: Constructing the Image of a Distant Land in Ancient Roman Tradition. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 556–565 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-556-565. EDN: AXZEJW

Введение

В изучении межэтнических и межрегиональных взаимодействий исследователь неизбежно сталкивается с проблемой правильной трактовки субъективных суждений из исторических источников. Авторы прошлого зачастую по-своему воспринимали сообщения о далеких краях, особенно когда характеризовали географические особенности региона. В результате каждое сообщение представляет собой своеобразную «виртуальную карту», существующую только в воображении и словесном описании. Ярким примером такого ментального картографирования является образ Индии в древнеримской традиции, где реальные географические сведения переплетались с мифологизированными представлениями, создавая сложный семиотический образ далекой и загадочной земли.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает система пространственных представлений об Индии, сложившаяся в римской литературной традиции I–III вв. н. э. и зафиксированная в различных жанрах – от научных трактатов до поэтических произведений. Этот комплекс включает не только конкретные географические описания (рек, гор, городов), но и их символические интерпретации, механизмы мифологизации пространства, а также устойчивые культурные коды, определявшие восприятие «чужого» в римском сознании.

Обозначенная выше проблема находится в предметном поле относительно нового междисциплинарного метода «ментальных карт». Указанное нами понятие, по мнению Р.М. Доунза, означает «...созданное человеком изображение части окружающего пространства. Оно отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной» [Downs, 1977, p. 8–9]. Данный метод, на наш взгляд, уместно применять в исторических исследованиях, чтобы изучать выраженные в текстах представления общества о пространстве. Как отмечает Ф.Б. Шенк, анализ ментальных карт следует относить «...к области исследования общественного воображения и коллективной репрезентации» [Шенк, 2001, с. 5].

Исследование ментальных карт как культурного феномена имеет богатую теоретическую традицию, восходящую к классическим работам середины XX века. Пионерское исследование Э. Толмана «Cognitive maps in rats and men» («Когнитивные карты у крыс и людей») [Tolman, 1948] впервые продемонстрировало, что пространственное восприятие формируется через сложные когнитивные структуры, выходящие за рамки простого условного рефлекса, что заложило методологическую основу для изучения ментальных репрезентаций географического пространства. Развивая эти идеи, П. Гулд и Р. Уайт в работе «Mental Maps» («Ментальные карты») показали, что восприятие территории всегда субъективно и обусловлено комплексом социальных, культурных и психологических факторов, что позволило рассматривать географические образы как отражение коллективных представлений и ценностей [Gould, White, 1986]. Значительный вклад в понимание

механизмов формирования пространственных образов внес К. Линч, результаты исследования которого отражены в труде «The Image of the City» («Образ города»), где на примере городской среды была разработана концепция «имиджебельности», объясняющая, как отдельные элементы ландшафта складываются в целостный ментальный образ [Lynch, 1960]. Эти теоретические подходы создали прочный фундамент для современных исследований в области историко-культурной географии, демонстрируя, что пространственное восприятие всегда является продуктом сложного взаимодействия когнитивных процессов и социокультурного контекста.

Кроме того, для достижения поставленной цели в работе применяется метод контент-анализа, позволяющий систематизировать и количественно оценить частотность упоминаний ключевых географических объектов в различных типах источников. Этот метод дает возможность выявить устойчивые паттерны в описании индийского пространства, сопоставить данные научных, исторических и поэтических текстов, а также проследить эволюцию географических образов. Качественный анализ контекста этих упоминаний дополняет количественные данные, раскрывая символические значения, которые придавались тем или иным топонимам в разных жанрах римской литературы.

Результаты и их обсуждение

Кратко рассмотрев методологию и историографию вопроса, считаем возможным попытаться проанализировать восприятие римлянами Индии в рамках парадигмы «ментальных карт». Прежде чем проводить анализ источников на предмет элементов «воображаемой географии», необходимо определиться с кругом авторов, интерпретация работ которых будет проводиться. Считаем оправданным в первую очередь опираться на труды историков и географов I–II вв. н. э., которые писали на латинском языке. Этот критерий, на наш взгляд, важен, так как языковая принадлежность – это один из маркеров римской идентичности [Куликова, 2022, с. 12]. Обозначенный временной период обусловлен основным корпусом источников по исследуемой проблеме.

Кроме вышесказанного, считаем оправданным обращение к поэтической традиции. Использование трудов древнеримских лириков в исследовании ментальных карт Индии обусловлено уникальной способностью лирических текстов фиксировать и транслировать коллективные пространственные представления, которые не нашли отражения в научных и историографических трудах. Поэзия выступала мощным инструментом формирования культурной памяти, создавая эмоционально насыщенные и легко запоминающиеся образы, которые закреплялись в массовом сознании гораздо прочнее, чем сухие географические описания. Анализ поэтических текстов позволяет выявить устойчивые топографические метафоры и символы, которые отражают не столько реальную географию, сколько глубинные культурные коды восприятия пространства. Кроме того, поэтическая традиция демонстрирует механизмы мифологизации географических объектов, когда реальные реки, горы и города наделялись сакральными значениями и включались в систему религиозно-мифологических представлений. Изучение этих поэтических образов необходимо для понимания того, как античное общество осваивало и осмысляло «чужое» пространство, превращая его в часть своей культурной вселенной [Thomas, 1982, p. 9–10].

Прежде чем перейти к анализу конструкций ментальной картографии древнеримских авторов, необходимо провести содержательный анализ текстов или контент-анализ. Применение данного метода позволит не только выявить слова-маркеры, необходимые для понимания коллективных представлений древнеримского общества об Индии, но и посредством количественных данных по-новому взглянуть на восприятие исследуемого региона римлянами. Результатом контент-анализа трудов античных авторов стала сводная таблица с количественными данными по частоте упоминаний в древнеримской литературе таких пространственных маркеров, как гидронимы, ойконимы, оронимы, а также словосочетания, связанные с локализацией Индии (см. таблицу).

Таблица
TableКоличественные данные контент-анализа источников
Quantitative data from content analysis of sources

Группа	Гидронимы			Оронимы	Ойконимы	Локализация Индии
	Кол-во наименований рек в общем	Инд	Ганг			
Квинт Курций Руф	9	3	4	5	7	На Востоке
Гай Плиний Секунд Старший	23	18	16	9	11	На Востоке
Луций Апулей	1	0	1	0	0	На Востоке
Помпоний Мела	6	10	7	4	1	На Востоке
Гораций	1	0	0	0	0	Край Востока
Проперций	1	6	0	0	1	Край Востока
Овидий	2	1	7	1	0	На Востоке
Вергилий	3	1	2	0	0	Край Востока
Марциал	1	0	1	0	0	На Востоке
Стаций	2	0	7	0	0	Край Востока
Лукан	3	2	5	0	0	Нет данных
Луций Ампелий	3	1	1	0	1	Нет данных
Солин	2	2	3	1	0	На Востоке
Манилий	1	0	1	0	0	На Востоке
Сумма		44	55			

При изучении трудов древнеримских авторов, в которых описывается или хотя бы упоминается Индия, мы отметили существование общих паттернов в описании географических особенностей региона. Во-первых, характеристике Индии присуща некоторая однородность, то есть сходство в наборе географических наименований, упоминаемых древнеримскими авторами. Здесь очевидно влияние древнегреческой традиции и недостаточная информированность о регионе в целом. Также стоит отметить стабильность исследуемого образа – в описании Индии нет эволюции, даже при росте знаний Индия остается «восточной сказкой».

Во-вторых, несмотря на примерно одинаковую частоту упоминаний рек Инд и Ганг, самой часто упоминаемой рекой стал Ганг. Вероятно, данный интерес обусловлен существованием идеи о пограничности данной реки, неизведанностью того, что находится за Гангом [Parker, 2008, p. 75].

В-третьих, практически все авторы локализуют Индию либо на Востоке, либо на краю Земли, отличаются лишь сюжетные особенности описания: в первой группе источников (Квинт Курций Руф (Curt., VIII, 9, 2–11), Помпоний Мела (Pomp. Mela, Chorographia, III, 51–52), Гораций (Horat. Od. I, 55) Индия представляется как регион где-то на Востоке, но не на его краю. Например, Гораций четко различает индийцев и серов, которые живут на краю Востока (Horat. Od. I, 55–56). Вторая группа авторов (Луций Апулей (Apul. Flor. 6, 1–3), Проперций (Prop. 18a, 11), Вергилий (Verg. Georg., II, 123–124), Солин (Solin. Coll. II, 52, 15), в отличие от первой, точно локализует Индию на краю мира.

Исходя из всего вышесказанного, мы уже можем сделать предварительные и довольно предсказуемые выводы. Римские авторы справедливо располагали Индию на Востоке, но некоторые из них, видимо, из-за недостаточной информированности, ассоциировали регион с краем ойкумены. Практически у каждого рассматриваемого автора встречаются упоминания рек Инд и Ганг, что стало своего рода символом Индии в представлении древнеримского

общества. По мнению Д.Н. Замятина, «создание хотя бы одного устойчивого географического образа ведет за собой, как правило, создание других географических образов, близких или смежных по использованию конкретных географических понятий» [Замятин, 2006, с. 241–242].

Все вышеизложенное станет своеобразным фундаментом нашего дальнейшего исследования. В ходе проведенного и описанного выше контент-анализа текстов древнеримских авторов мы выявили самые часто упоминаемые географические объекты. Именно речные системы стали основным топонимическим маркером в конструировании ментальной карты региона – у каждого автора встречаются упоминания рек. Инд и Ганг – самые популярные образы, соотносящиеся у античных писателей с Индией. Реже упоминаются реки Гидасп, Диардин и иные, менее известные. Очевидно, что привязка к речным системам, особенно к таким крупным, как Инд и Ганг, является характерной чертой мышления представителей оседлой культуры, занимающейся сельским хозяйством [Кусмидинова, 2009, с. 190]. Этот тезис можно подкрепить примерами из трудов Квинта Курция Руфа (Curt. VIII. 9, 2–11) и Плиния Старшего (Plin. NH. VI, 61), где авторы подробно описывают особенности рек Индии.

Еще одной причиной, объясняющей столь частое упоминание рек в римской традиции, является античная ориентация на реки. По мнению Н. Перселла, речные системы в античности являлись эталоном, с помощью которого постигалась природа и измерялись достижения человечества, ведь все великие правители древнего мира были обязаны реагировать на вызовы, связанные с реками [Purcell, 2013, p. 375]. Реки были важным и неотъемлемым элементом в античной картине мира. Многочисленные наименования рек у древнеримских историков свидетельствуют не только об их использовании как маркеров границ, но и как неотъемлемого элемента формирования идентичности. Поскольку реки обладали собственным статусом, который они могли заслужить, укрепить или утратить в пользу другой реки, – они могли даровать славу и отличительный признак народам, связанным с ними [Campbell, 2012, p. 127]. Именно Инд и Ганг были для римлян «статусными реками» Индии – практически каждый автор, как мы упоминали ранее, описывает эти водные артерии.

В отличие от гидронимов, оронимы и ойконимы встречаются куда реже. Описания гор и горных систем не имеют такого образа, который приписывается рекам. Горы зачастую безымянны: *magnorum montium* (большие горы), *iugis montium* (хребты гор) (Curt. VIII. 9, 5, 12). Изредка авторы используют наименования гор, но только те, которые им стали известны от эллинов, например, Кавказ Индийский, Тавр, Паропанис и другие. Рассматривая функциональный образ гор, отметим, что они скорее олицетворяют, как выразился Ю.М. Лотман, «...антимир, внеструктурное иконическое пространство, обитаемое чудовищами, inferнальными силами или людьми, которые с ними связаны» [Лотман, 1996, с. 189]. Так, у римских историков находим следующие сообщения: «*In multis autem montibus genus hominum capitibus caninis*» («во многих горах – род людей с собачьими головами») (Plin. NH. VII, 23), «*sunt et satyri subsolanis Indorum montibus*» («Есть и сатиры в восточных горах Индии») (Plin. NH. VII, 24), *montium Meros Iovi sacer. famam hinc praecipuam habent; in illa genitum, in huius specu Liberum arbitrantur esse nutritum* («гора называется Мерос и посвящена Юпитеру. Особую славу она имеет оттого, что, по мнению людей, Либер (Бахус) был рожден на той горе, а в пещере этой – вскормлен») (Pomp. Mel. Chorogr. III, 66).

При количественном и качественном анализе ойконимов Индии в работах римских авторов мы сталкиваемся с парадоксом: при известности городов и поселений индийцев через греческие источники римские авторы нечасто упоминают сами названия городов, предпочитая использовать выражения: «*urbesque innumerae*» («бесчисленные города») (Plin. NH. VI, 58), *urbium quas incolunt (sunt autem plurimae)* («городов, где они селятся (а их – бесчисленное множество)») (Pomp. Mel. Chorogr. III, 66). Но если ойконимы и упоминаются, то зачастую либо в контексте удревления истории Индии к богу Либеру (город Ниса) (Pomp. Mel. Chorogr. III, 66; Plin. NH. VI, 79), либо в контексте истории похода Александра Македонского в Индию (Curt. VIII, 10, 8, 22, 25–26; Plin. NH. VI, 61–63). Только Плиний Старший в этом отношении

превосходит все остальные источники по количеству упоминаний топонимов (у него их 11). В своей работе, описывая расстояния между разными локациями, он создает прекрасную ментальную карту Индии, наполненную названиями различных городов с привязкой к географическим объектам (реки, горы и пустыни) и местным народам (е.с.: Plin. NH. VI, 71–79).

Конструирование ментальных пространств в римской культуре часто осуществлялось через сакрализацию и мифологизацию географических объектов. Ярким примером этого процесса стало посвящение города Нисы и горы Мерос богу Либеру (Pomp. Mel. Chorogr. III, 66; Plin. NH. VI, 79). Этот феномен отражает характерную для римского мышления практику создания особой ментальной топографии, где физические ландшафты наполнялись глубоким символическим значением. В основе такого посвящения лежал сложный механизм культурной адаптации. Ниса и Мерос, изначально связанные с греческими дионисийскими мифами, были осмыслены римлянами в контексте культа Либеры. Этот процесс не был простым заимствованием – он представлял собой творческую трансформацию, в ходе которой чужие сакральные топонимы органично вплетались в римскую религиозную систему [Jager, 1997, p. 19].

Важно отметить, что подобные посвящения выполняли не только религиозную, но и мнемоническую функцию. Создавая необычные, поражающие воображение ассоциации между божеством и конкретными местами, римляне выстраивали эффективную систему запоминания и передачи культурных кодов. Гора Мерос с её яркой этимологией (связанной с мифом о рождении Диониса из бедра Зевса) становилась идеальным «ментальным якорем» – запоминающимся образом, закреплявшим в сознании важные элементы религиозного нарратива [Jager, 1997, p. 19].

Этот феномен демонстрирует способность римской культуры мастерски соединять физическое пространство с ментальными конструкциями. Посвящая конкретные места божествам, римляне не просто отмечали их религиозную значимость, но и создавали сложную систему символических соответствий, где географические объекты превращались в носителей культурной памяти и инструменты её передачи.

Римская традиция последовательно локализует Индию на Востоке, что отражает не столько географическую реальность, сколько культурно-ментальную конструкцию. Это восточное позиционирование формировало особый символический статус Индии как предельного рубежа ойкумены, места, где заканчивается упорядоченный космос и начинается царство чудес.

Для римского сознания «Восток» представлял собой не просто географическое направление, а сложную семиотическую категорию. Индия, помещенная на эту символическую карту, приобретала черты одновременно вожаденные и пугающие – она становилась источником несметных богатств (пряностей, драгоценностей, экзотических животных) и вместилищем всевозможных чудес. Такой образ сложился не случайно: будучи максимально удаленной от Рима территорией, Индия естественным образом заняла место «края света» в римской пространственной иерархии.

Заключение

Проведенный анализ римских источников выявил устойчивые закономерности в конструировании образа Индии, который формировался как сложный сплав реальных географических знаний и мифопоэтических представлений. Центральное место в этом образе занимают речные системы, особенно Ганг, ставший для римлян не просто географическим объектом, но и мощным символическим маркером, обозначающим границы известного мира. Этот акцент на гидрографии отражает как особенности античного мировосприятия, где реки играли ключевую роль в организации пространства, так и специфику римской культуры, склонной к сакрализации природных объектов.

Примечательно, что при наличии определенных знаний об индийской урбанизации римские авторы сознательно или бессознательно минимизировали городскую составляющую в описании региона, создавая образ «природной» Индии. Этот парадокс объясняется

комплексом культурных, жанровых и идеологических факторов, среди которых особую роль играла установка на экзотизацию и мифологизацию дальних земель. Города как воплощение упорядоченного пространства плохо вписывались в эту картину «чудесного Востока».

Локализация Индии на Востоке или на краю ойкумены также носила не столько географический, сколько символический характер. Этот образ, восходящий еще к греческой традиции, выполнял важную функцию в римской картине мира, обозначая пределы цивилизованного пространства и создавая необходимый контраст для самоидентификации. Примечательно, что даже рост фактических знаний об Индии не привел к существенной эволюции этого образа – он сохранял свою стабильность на протяжении всей римской истории.

Особого внимания заслуживает практика сакрализации географических объектов, когда реальные реки, горы и города наделялись мифологическими значениями и включались в систему религиозных представлений. Этот феномен демонстрирует, как римская культура осваивала чужое пространство, превращая его в часть собственной ментальной карты через механизмы мифотворчества и культурной адаптации.

Таким образом, римский образ Индии предстает как сложный культурный конструкт, где элементы реальных географических знаний органично переплетаются с мифологическими представлениями и идеологическими установками. Этот образ, сформированный под влиянием греческой традиции, но получивший в римском контексте свои уникальные черты, стал важной составляющей античной картины мира, отражая не столько географические реалии, сколько особенности римского культурного сознания.

Благодарность

Автор выражает глубокую признательность своему научному руководителю – декану историко-филологического факультета, доктору исторических наук, профессору кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета Елене Викторовне Литовченко за ценные советы и консультации при подготовке и написании настоящей статьи.

Список литературы

- Гай Плиний Секунд Старший. 2007. Естествознание. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). Подбор текстов, пер. с древнегреч. и латин., примеч. и аннот. указ. Г.А. Тароняна. Москва, Ладомир: 100–141.
- Гай Юлий Солин. 1996. Собрание достопамятных сведений (выдержки). Знание за пределами науки. Перевод и комментарии И.И. Маханькова. Москва, Республика: 198–229.
- Замятин Д.Н. 2006. Культура и пространство. Моделирование географических образов. Москва, Языки славянской культуры, 486 с.
- Квинт Гораций Флакк. 1993. Собрание сочинений. Пер. Н.С. Гинцбурга. Санкт-Петербург, Биографический институт – Студия биографика, 415 с.
- Квинт Курций Руф. 2007. История Александра Великого Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). Подбор текстов, пер. с древнегреч. и латин., примеч. и аннот. указ. Г.А. Тароняна. Москва, Ладомир: 97–100.
- Куликова Ю.В. 2022. Латинский язык как маркер государственной и гражданской идентичности Римской империи в I–IV вв. *Современная научная мысль*. 4: 11–22.
- Кусмидинова М.Х. 2009. Интерпретация образа реки в мифологии. Четвертые Лойфмановские чтения. Философское мировоззрение и картина мира: материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 17–18 декабря 2009 г.). Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2: 190–194.
- Лотман Ю.М. 1996. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва, «Языки русской культуры», 464 с.
- Лукач Марк Анней. 1993. Фарсалия. Перевод Л.Е. Остроумова. Москва, Ладомир, 352 с.

- Луций Апулей. 2007. Флориды. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). Подбор текстов, пер. с древнегреч. и латин., примеч. и аннот. указ. Г.А. Тароняна. Москва, Ладомир: 97–100.
- Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампейлий. Памятная книжица. 1995. Переводы, статья, примечания А.И. Немировского. Москва, Ладомир, 387 с.
- Марк Манилий. 1993. Астрономика наука о гороскопах. Перевод, вступительная статья и комментарии Е.М. Штаерман. Москва, Изд. МГУ, 144 с.
- Марциал Марк Валерий. 1968. Эпиграммы. Пер. Ф. Петровского. Москва, Худож. лит., 487 с.
- Помпоний Мела. 2017. Хорография. Под общей редакцией А.В. Подосинова. Москва, Русский фонд содействия образованию и науке, 509 с.
- Публий Вергилий Марон. Собрание сочинений. 1994. Пер. С. Шервинского, С. Ошерова под ред. Ф. Петровского. Санкт-Петербург, Биографический институт – Студия биографика, 474 с.
- Публий Овидий Назон. 1994. Собрание сочинений в 2-х томах. Том 1–2. Перевод С. Ошерова, С. Шервинского, М. Гаспарова. Санкт-Петербург, Биографический институт – Студия биографика, 488 с.
- Секст Проперций. 2004. Элегии. Перевод и примечания А.И. Любжина. Москва, Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 274 с.
- Стаций Публий Папиний. 1991. Фиваида. Перевод Ю.А. Шичалина. Москва, Наука, 352 с.
- Шенк Ф.Б. 2001. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе. Политическая наука, 4: 4–17.
- Campbell J. B. 2012. Rivers and the Power of Ancient Rome. Chapel Hill, UNC Press Books, 608 p.
- Curtius Rufus Q. 1889. *Historiae Alexandri Magni. Recognovit Theodorus Vogel.* Lipsiae, B.G. Teubner, 347 p.
- Downs R.M. 1977. Maps in Minds. Reflections on Cognitive Mapping. New York, Harper & Row, 284 p.
- Gould P., White R. 1986. Mental Maps. Harmondsworth, Penguin, 184 p.
- Horace. 1898. Odes and Epodes. Edited P. Shorey. Boston, B.H. Sanborn & co, 539 p.
- Jager M. 1997. Livy's Written Rome. Ann Arbor, University of Michigan Press, 205 p.
- Lucius Ampelius. 1826. Liber Memorialis. Commentar fur F.A. Beck. Leipzig, C.H.F. Hartmann, 178 p.
- Lucius Apuleius. 1900. Florida. Recensvit J. van der Vliet. Lipsiae, B.G. Teubner, 202 p.
- Lynch K. 1960. The Image of the City. Cambridge, The MIT Press, 194 p.
- Manilius. 1907. Astronomicon. Edidit T. Breiter. Lipsiae, Sumptibus Dieterichii, 170 p.
- Marcus A. Lucanus. 1905. Pharsalia. Translated E. Ridley. London, Longmans, Green, and Co, 335 p.
- Martialis. 1861. Epigrammaton libri. Edidit F.G. Schneidewin. Lipsiae, B.G. Teubneri, 379 p.
- Ovid. 1898. Metamorphoses. Edited by W.R. Harper and F.J. Miller. New York, American Book Company, 223 p.
- Parker G. 2008. The Making of Roman India. Cambridge, Cambridge University Press, 357 p.
- Pliny the Elder. 1855. Natural history. Translated J. Bostock and H.T. Riley. London, Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 588 p.
- Propertius. 1999. Elegies. Edited and translated by G.P. Goold. London, Loeb Classical Library, 440 p.
- Purcell N. 2013. Rivers and the Geography of Power. *Pallas*, 90: 373–387 p.
- Solinus. 1847. Polyhistor. Traduction M.A. Agnant. Paris, C. L. F. Panckoucke, 429 p.
- Thomas R.F. 1982. Lands and Peoples in Roman Poetry: The Ethnographical Tradition. Cambridge, Cambridge Philological Society, 144 p.
- Tolman E. C. 1948. Cognitive Maps in Rats and Men. *The Psychological Review*, 55: 189–208.
- Vergil. 1849. The Bucolics, Georgics, and Aeneid of Virgil. Edited by E. Moore. Boston, Benjamin B. Mussey and Co, 555 p.

References

- Gaj Plinij Sekund Starshij. 2007. Estestvoznanie. Drevnij Vostok v antichnoj i rannehristianskoj tradicii (Indija, Kitaj, Jugo-Vostochnaja Azija) [Natural History. The Ancient East in the Ancient and Early Christian Tradition (India, China, Southeast Asia)]. Podbor tekstov, per. s drevnegrech. i latin., primech. i annot. ukaz. G.A. Taronjana. Moscow, Ladomir: 100–141.
- Gaj Julij Solin. 1996. Sbranie dostopamjatnyh svedenij (vyderzhki). Znanie za predelami nauki [Collection of Memorable Information (Excerpts). Knowledge beyond Science]. Perevod i komentarii I.I. Mahan'kova.

- Zamjatin D.N. 2006. Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov [Culture and Space. Modeling Geographical Images]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 486 p.
- Kvint Goracij Flakk. 1993. Sobranie sochinenij [Collected Works]. Per. N.S. Gincburga. Saint-Petersburg, Biograficheskij institut – Studia biografika, 415 p.
- Kvint Kurcij Ruf. 2007. Istorija Aleksandra Velikogo Drevnij Vostok v antichnoj i rannehristianskoj tradicii (Indija, Kitaj, Jugo-Vostochnaja Azija) [The History of Alexander the Great: The Ancient East in the Ancient and Early Christian Tradition (India, China, Southeast Asia)]. Podbor tekstov, per. s drevnegrech. i latin., primech. i annot. ukaz. G.A. Taronjana. Moscow, Lodomir: 97–100.
- Kulikova Ju.V. 2022. Latinskij jazyk kak marker gosudarstvennoj i grazhdanskoj identichnosti Rimskoj imperii v I–IV vv. [The Latin Language as a Marker of the State and Civic Identity of the Roman Empire in the 1st–4th Centuries] *Sovremennaja nauchnaja mysl'* [Modern Scientific Thought], 4: 11–22.
- Kusmidinova M.H. 2009. Interpretacija obraza reki v mifologii [Interpretation of the River Image in Mythology]. Chetvertye Lojfmanskie chtenija. Filosofskoe mirovozzrenie i kartina mira: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Ekaterinburg, 17–18 dekabnja 2009 g.) [The Fourth Loifman Readings. Philosophical Worldview and World Picture: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Yekaterinburg, December 17–18, 2009)]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2: 190–194.
- Lotman Ju.M. 1996. Vnutri mysljashhijh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija [Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, «Jazyki russkoj kul'tury», 464 p.
- Lukan Mark Annej. 1993. Farsalija [Farsalia]. Perevod L.E. Ostroumova. Moscow, Lodomir, 352 p.
- Lucij Apulej. 2007. Floridy. Drevnij Vostok v antichnoj i rannehristianskoj tradicii (Indija, Kitaj, Jugo-Vostochnaja Azija) [Florida. The Ancient East in the Ancient and Early Christian Tradition (India, China, Southeast Asia)]. Podbor tekstov, per. s drevnegrech. i latin., primech. i annot. ukaz. G.A. Taronjana. Moscow, Lodomir: 97–100.
- Malye rimskie istoriki [Minor Roman Historians]. Vellej Paterkul. Rimskaja istorija [Roman History]. Annej Flor. Dve knigi Rimskih vojn [Two Books of the Roman Wars]. Lucij Ampelij. Pamjatnaja knizhica [The Book of Remembrance]. 1995. Perevody, stat'ja, primechanija A.I. Nemirovskogo. Moscow, Lodomir, 387 p.
- Mark Manilij. 1993. Astronomika nauka o goroskopah [Astronomics is the Science of Horoscopes]. Perevod, vstupitel'naja stat'ja i komentarii E.M. Shtaerman. Moscow, Izd. MGU, 144 p.
- Marcial Mark Valerij. 1968. Jepigrammy [Epigrams]. Per. F. Petrovskogo. Moscow, Hudozh. lit., 487 p.
- Pomponij Mela. 2017. Horografija [Chorography]. Pod obshhej redakciej A.V. Podosinova. Moskva, Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke, 509 p.
- Publij Vergilij Maron Sobranie sochinenij. [Collected Works]. 1994. Per. S. Shervinskogo, S. Osherova pod red. F. Petrovskogo. Saint Petesburg, Biograficheskij institut – Studia biografika, 474 p.
- Publij Ovidij Nazon. 1994. Sobranie sochinenij v 2-h tomah [Collected Works in Two Volumes]. Tom 1–2. Perevod S. Osherova, S. Shervinskogo, M. Gasparova. Sankt-Peterburg, Biograficheskij institut – Studia biografika, 488 p.
- Sekst Propercij. 2004. Jelegii. Perevod i primechanija A.I. Ljubzhina [Elegies. Translated and Annotated by A.I. Lyubzhin]. Moscow, Greko-latinskij kabinet Ju. A. Shichalina, 274 p.
- Stacij Publij Papinij. 1991. Fivaida [Thebaid]. Perevod Ju.A. Shichalina. Moscow, Nauka, 352 p.
- Shenk F.B. 2001. Mental'nye karty: konstruirovanie geograficheskogo prostranstva v Evrope [Mental Maps: Constructing Geographical Space in Europe]. Politicheskaja nauka, 4: 4–17.
- Campbell J. B. 2012. Rivers and the Power of Ancient Rome. Chapel Hill, UNC Press Books, 608 p.
- Curtius Rufus Q. 1889. Historiae Alexandri Magni. Recognovit Theodorus Vogel. Lipsiae, B.G. Teubner, 347 p.
- Downs R.M. 1977. Maps in Minds. Reflections on Cognitive Mapping. New York, Harper & Row, 284 p.
- Gould P., White R. 1986. Mental Maps. Harmondsworth, Penguin, 184 p.
- Horace. 1898. Odes and Epodes. Edited P. Shorey. Boston, B.H. Sanborn & co, 539 p.
- Jager M. 1997. Livy's Written Rome. Ann Arbor, University of Michigan Press, 205 p.
- Lucius Ampelius. 1826. Liber Memorialis. Commentar fur F.A. Beck. Leipzig, C.H.F. Hartmann, 178 p.
- Lucius Apuleius. 1900. Florida. Recensvit J. van der Vliet. Lipsiae, B.G. Teubner, 202 p.
- Lynch K. 1960. The Image of the City. Cambridge, The MIT Press, 194 p.
- Manilius. 1907. Astronomicon. Edidit T. Breiter. Lipsiae, Sumptibus Dieterichii, 170 p.
- Marcus A. Lucanus. 1905. Pharsalia. Translated E. Ridley. London, Longmans, Green, and Co, 335 p.
- Martialis. 1861. Epigrammaton libri. Edidit F.G. Schneidewin. Lipsiae, B.G. Teubneri, 379 p.

- Ovid. 1898. *Metamorphoses*. Edited by W.R. Harper and F.J. Miller. New York, American Book Company, 223 p.
- Parker G. 2008. *The Making of Roman India*. Cambridge, Cambridge University Press, 357 p.
- Pliny the Elder. 1855. *Natural history*. Translated J. Bostock and H.T. Riley. London, Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 588 p.
- Propertius. 1999. *Elegies*. Edited and translated by G.P. Goold. London, Loeb Classical Library, 440 p.
- Purcell N. 2013. Rivers and the Geography of Power. *Pallas*, 90: 373–387 p.
- Solinus. 1847. *Polyhistor*. Traduction M.A. Agnant. Paris, C. L. F. Panckoucke, 429 p.
- Thomas R.F. 1982. *Lands and Peoples in Roman Poetry: The Ethnographical Tradition*. Cambridge, Cambridge Philological Society, 144 p.
- Tolman E. C. 1948. Cognitive Maps in Rats and Men. *The Psychological Review*, 55: 189–208.
- Vergil. 1849. *The Bucolics, Georgics, and Aeneid of Virgil*. Edited by E. Moore. Boston, Benjamin B. Mussey and Co, 555 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.04.2025

Поступила после рецензирования 18.06.2025

Принята к публикации 20.06.2025

Received 12.04.2025

Revised 18.06.2025

Accepted 20.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гапеев Даниил Александрович, консультант, отдел памятников архитектуры и истории управления государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области, Белгород, Россия; магистрант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0005-2683-0533](https://orcid.org/0009-0005-2683-0533)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniil A. Gapeev, Consultant at the Department of Architectural Monuments and History, Administration of State Protection of Cultural Heritage Objects of the Belgorod region, Belgorod, Russia; Master's Student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(477.75)
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-566-577
EDN CWNWRB
Оригинальное исследование

Эхо готских (скифских) войн в Крыму и Боспорском царстве: события конца 30-х – первой половины 50-х годов III века н. э.

Малинин М.А.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125

E-mail: malinin.maxim.a@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена готским (скифским) войнам III века н. э. – конфликтам варварских племён с Римской империей, особенно в Северном Причерноморье, Крыму и Боспорском царстве. Актуальность исследования обусловлена анализом военно-политических и этнических процессов в этих регионах. Хронологические рамки – конец 30-х – первая половина 50-х годов III века н. э. В статье рассматриваются причины и последствия войн, их влияние на Боспорское царство и Римскую империю, миграционные процессы готских и аланских племён и их взаимодействие с местными государствами. Исследование опирается на принципы историзма, системности, объективности и методы историко-сравнительного анализа. Археологические и нумизматические материалы уточняют хронологию событий и закономерности военных действий. Научная новизна заключается в комплексном подходе, рассматривающем готские войны как часть взаимодействия греко-римского мира и его периферии.

Ключевые слова: готские войны, скифские войны, Римская империя, Боспорское царство, Северное Причерноморье, Крым, миграционные процессы, варварские племена

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Малинин М.А. 2025. Эхо готских (скифских) войн в Крыму и Боспорском царстве: события конца 30-х – первой половины 50-х годов III века н. э. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 566–577. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-566-577. EDN: CWNWRB

The Echo of the Gothic (Scythian) Wars in the Cimea and the Bosporan Kingdom: Events of the Late 30s – Early 50s of the 3rd Century A.D.

Maksim A. Malinin

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin St., Tula 300026, Russia

E-mail: malinin.maxim.a@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the Gothic (Scythian) wars – series of military conflicts of the 3rd century A.D. associated with largescale invasions of barbarian tribes into the territory of the Roman Empire, particularly in the regions of the Northern Black Sea, including the Crimea and the Bosporan Kingdom. The relevance of the research is explained by the need for an in-depth analysis of military-political and ethnic processes in the areas under study. The chronological framework of the research stretches from the end of the 30s to the first half of the 50s of the 3rd century A.D., and the territorial framework includes the region of the Northern Black Sea with an emphasis on the Crimean Peninsula and the territory of the Bosporan Kingdom. The article analyzes the causes and consequences of the Gothic wars, their impact on the Bosporan Kingdom, and the general situation in the Roman Empire. Particular attention is paid to the study of

migration processes of the Gothic and Alan tribes and their interaction with local states. The methodological basis of the research is based on the principles of historicism, systematicity and objectivity, and also includes the use of historical-comparative, historical-genetic and cultural-historical methods. The study of archaeological and numismatic materials allows us to specify the chronology of events and identify patterns in the development of military actions. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive approach to the study of the events, which makes it possible to consider the Gothic wars as part of a broader process of interaction between the Greco-Roman world and its periphery.

Keywords: Gothic Wars, Scythian Wars, Roman Empire, Bosporan Kingdom, Northern Black Sea region, Crimea, migration processes, barbarian tribes

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Malinin M.A. 2025. The Echo of the Gothic (Scythian) Wars in the Crimea and the Bosporan Kingdom: Events of the Late 30s – Early 50s of the 3rd Century A.D. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 566–577 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-566-577. EDN: CWNWRB

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения военно-политических и этнических процессов III века н. э., связанных с масштабными вторжениями варварских племенных объединений в пределы Римской империи и на территории Крыма и Боспорского царства.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 30-х – первой половины 50-х годов III века н. э.

Территориальные рамки включают регион Северного Причерноморья с особым акцентом на Крымский полуостров и территорию Боспорского царства.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступают военные конфликты III века н. э., известные в исторической науке как готские (скифские) войны, характеризовавшиеся систематическими разрушительными походами варварских племенных объединений в регионах Северного Причерноморья, Италии, Иллирии, Греции, Дакии и Малой Азии.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма, системности и объективности. В работе использованы историко-сравнительный, историко-генетический и культурно-исторический методы исследования.

Результаты и их обсуждение

В исторической науке готские войны (реже – скифские войны) представляют собой комплекс военных конфликтов III века нашей эры, связанных с масштабными вторжениями германских племён на территорию Римской империи. Данные военно-политические события характеризовались систематическими разрушительными походами варварских племенных объединений из региона Северного Причерноморья на территории Италии, Иллирии, Греции, Дакии и Малой Азии.

Указанные военные столкновения следует рассматривать как неотъемлемую составляющую общего кризиса Римской империи в указанный период. Ослабленная внутренними противоречиями Римская империя оказалась неспособна эффективно противостоять экспансии варварских народов.

Переворот 234 года н. э. и насильственная смерть императора Александра Севера стали катализатором перехода Римской империи к новому историческому этапу, получившему в историографии наименование периода «солдатских императоров». Политическая нестабильность, характерная для данного периода, проявилась в череде частых смен верховной власти, что в научной литературе нередко обозначается термином «чехарда императоров». Данная

ситуация послужила катализатором углубления системного кризиса государственности, проявившегося в эскалации междоусобных конфликтов, активизации сепаратистских тенденций и децентрализации имперского пространства.

В то время как общеимперские процессы развивались по определённом сценарию, особый интерес представляют события в Крыму и Боспорском царстве. Историческое развитие Боспорского царства в указанный период демонстрирует характерные черты системного кризиса, аналогичные процессам, протекавшим в рамках римско-греческого мира. Будучи органической частью античной цивилизации, Боспорское государство испытало на себе влияние тех же факторов, которые дестабилизировали функционирование Римской империи. Анализ этих процессов даёт возможность проследить специфику проявления общих военно-политических тенденций на периферии античного мира.

К началу первой четверти III века н. э. Боспорское царство, опираясь на достижения периода относительной стабильности I–II столетий и поддерживаемое Римской империей, демонстрировало высокую активность как во внешней, так и во внутренней политике.

Значительным этапом в истории государства стало правление царя Савромата II (173/4–210/1 гг.), в период которого были осуществлены существенные территориальные приобретения. Согласно эпитафическому источнику, в частности надписи из Танаиса 193 года, были достигнуты следующие результаты: подчинение племён сираков и скифов; присоединение территорий Таврики (предположительно горных районов Крымского полуострова) на договорной основе; устранение угрозы пиратства в Понте и Вифинии, что обеспечило безопасность морских коммуникаций (КБН, 1237).

Анализ данного источника позволяет сделать вывод о значительном усилении геополитических позиций Боспорского царства в Крыму. В результате территориальных приобретений, государство стало доминирующей политической силой в Северном Причерноморье, существенно расширив свои границы как в западном (Крым), так и в восточном (Прикубанье) направлениях.

Данная тенденция подтверждается эпитафическими источниками III века, предшествующими периоду готских войн. В частности, в надписях Рескупорид III (ок. 210/1–226/7 гг.) титулуется как царь Боспора и окрестных племён (КБН, 54) и царь всего Боспора и тавроскифов (КБН, 1008).

О достигнутом политическом доминировании и формальном подчинении Скифского царства, Таврики и окружающих племён свидетельствуют нумизматические источники периода правления Рескупорида III (210/1–226/7), на монетах которого присутствуют изображения, отражающие военные сюжеты с трофеями и пленниками [Фролова, 1980, 13–37; Анохин, 1986, с. 167–168].

В эпоху военных конфликтов между Боспорским царством и Скифией Римская империя оказывала поддержку боспорским правителям. Это, на наш взгляд, подтверждается обнаружением в Болгарии латинского посвящения, которое было создано не ранее второго десятилетия III века. Посвящение было адресовано ветерану I Итальянского легиона и содержит упоминание о ранее неизвестной войне между Боспорским царством и его противниками [Зубарь, 1993, с. 36; Зубарь, 1998, с. 108–112; Гончаровский, 2005, с. 350–351]. По мнению учёных, в этом тексте может упоминаться конфликт между Боспорским царством и Скифами в Крыму [Зубарь, 1993, с. 36; Зубарь, 1998, с. 112; Горончаровский, 2005, с. 351]. В этом конфликте, судя по упоминанию в посвящении, участвовали римские военные отряды из I Итальянского легиона. Именно из солдат этого легиона набирали гарнизоны для Херсонеса и Харакса [Зубарь, 1998, с. 108–109; Гончаровский, 2005, с. 352]. Существенным свидетельством присутствия римских военных контингентов на территории Боспорского царства, в период скифо-боспорской войны, между 210/1–226/7, выступают эпитафические памятники, обнаруженные в Пантикапее. Данные надгробные надписи, датируемые II–III веками н. э., содержат упоминания военнотружущих Кипрской когорты – Луция Волузия (КБН, 691) и Гая Меммия (КБН, 726).

В современной российской историографии преобладает концепция, согласно которой дислокация римских воинских подразделений на территории Боспора носила эпизодический характер. Предполагается, что их присутствие было обусловлено исключительно временными военными операциями, по завершении которых личный состав возвращался в пункты постоянной дислокации в пределах Римской империи [Гончаровский, 2005 с. 352].

Анализ исторических источников позволяет констатировать сохранение проримской политической ориентации Боспорского царства в первой половине III века нашей эры. Данное положение подтверждается комплексом археологических и эпиграфических свидетельств. Одним из индикаторов лояльности к Римской империи выступала устойчивая традиция использования родового имени Тибериев Юлиев среди боспорской правящей династии. Данная практика являлась прямым отражением тесных связей между Боспорским царством и Римом.

Эпиграфические памятники содержат достоверные свидетельства о характере взаимоотношений между Боспором и Римом. В частности, сохранившиеся надписи свидетельствуют о том, что правители Боспорского царства носили почётный титул «друзей цезаря и друзей римлян». К числу таких правителей относятся: Савромат II (173/4–210/1 гг.) (КБН, 1244); Рескупорид III (210/1–226/7 гг.) (КБН, 1281); Котис III (227/8–233/4 гг.) (КБН, 1230, 1247, 1283, 1288); Рескупорид IV (233/4 гг.) (КБН, 1285); Ининфимей (234/5–239/40 гг.) (КБН, 1249, 1250).

Особую ценность в этом отношении представляют труды историка Зосима, который документально фиксирует факт систематической материальной поддержки боспорских правителей со стороны римских императоров (Zosim., I, 31, 1). Согласно имеющимся данным, данная поддержка реализовывалась в форме регулярных даров, направляемых в адрес боспорской правящей династии. Данный исторический факт свидетельствует о существовании устойчивой системы взаимоотношений между двумя государствами, где Римская империя, выступая в роли гегемона, обеспечивала материальное стимулирование лояльного боспорского руководства. Это, в свою очередь, подтверждает тезис о сохранении проримской ориентации Боспорского царства как важного элемента римской внешнеполитической стратегии на Крымском полуострове [Зубарь, Зинько, 2006, с. 158].

Особого внимания в нашей теме заслуживает миграционная активность готских племен, начавшаяся в конце II века нашей эры. Их движение было направлено в двух основных направлениях: на юго–восток, к границам Римской империи, и на территорию Северного Причерноморья. Согласно исследованиям, В.П. Будановой, проникновение готских племен в регион Северного Причерноморья произошло в период первой половины III века нашей эры. Данный факт существенно повлиял на этнополитическую ситуацию в регионе и обусловил необходимость адаптации существующих государственных образований к новым условиям взаимодействия с варварскими племенами [Буданова, Горский, Ермолова, 2011, с. 48].

Анализ письменных источников позволяет реконструировать процесс расселения готских племен в регионе Северного Причерноморья в позднеантичный период. Наиболее подробные сведения о местах расселения гóтов содержатся в труде «Гетика» историка Иордана. Согласно данному источнику, можно выделить три основных ареала расселения готских племен: первый регион – территория Скифии у Меотиды, второй регион – области Фракии, Мизии и Дакии, третий регион – территория у Понтийского моря в Скифии (Iord., Get., 38). Данные Иордана находят подтверждение в трудах других античных авторов. В частности, Стефан Византийский фиксирует, что готы представляли собой этническую общность, первоначально обитавшую в районе Меотийского озера, а впоследствии переселившуюся во Фракию (Steph. Byz., S. V. Γότθοι).

Археологические материалы также свидетельствуют о процессе расселения готских племен в Северном Причерноморье. По мнению исследователя М.Б. Щукина, рубеж II–III веков н. э. характеризуется существенной трансформацией этнополитической ситуации в регионе. Ослабление скифских и сарматских племенных объединений вследствие военного конфликта с Боспорским царством создало благоприятные условия для проникновения носителей вельбаркской культуры, традиционно ассоциируемой с готскими племенами [Щукин, 2005, с. 131].

Согласно нашему мнению, отправной точкой начала готских войн следует считать военное столкновение конца 30-х – начала 40-х годов III века нашей эры. Ключевым событием, зафиксированным в археологических материалах, стало нападение на Горгиппию. Исследование культурного слоя данного античного поселения выявило материальные свидетельства военного столкновения, представленные следами масштабных разрушений, остатками крупных пожаров, иными признаками военного воздействия [Кругликова, Фролова, 1980, с. 104; Кругликова, 1982, с. 117–149; Трейстер, 1982, с. 150–162; Алексеева, 2003, с. 23–25]. Е.М. Алексеева выдвигает гипотезу относительно датировки разгрома Горгиппии. Согласно позиции исследователя, данный военно-политический инцидент следует относить к периоду 239–241 гг. нашей эры.

Особую значимость данной датировке придаёт тот факт, что указанный временной промежуток характеризуется прекращением монетной эмиссии на территории Боспорского царства. Это обстоятельство позволяет рассматривать хронологические рамки прекращения чеканки монет как исторический маркер, помогающий более точно определить время разрушения Горгиппии [Алексеева, 2015, с. 8].

Анализ археологических материалов с территории Азиатского Боспора позволяет сделать существенные выводы относительно характера военных событий начала III века нашей эры. При исследовании культурного слоя античных городов и сельских поселений азиатской части Боспорского царства не было обнаружено материальных свидетельств масштабных разрушений и пожаров, синхронных с событиями в Горгиппии конца 30-х – начала 40-х годов III века н. э. Данное обстоятельство указывает на локальный характер военного столкновения в Горгиппии и позволяет сделать следующие выводы: военные действия не носили тотального характера для всего региона, разгром Горгиппии не спровоцировал масштабных разрушений в других центрах Боспорского царства [Кругликова, 1966, с. 14, 43, 57].

Нам представляется обоснованным предположение об участии гото-аланского племенного союза в военном столкновении с Горгиппией. Данная гипотеза находит подтверждение в исследовательских работах, посвящённых изучению характера военных событий в регионе. Следует отметить, что выдвинутая концепция коррелирует с позицией ряда современных исследователей, рассматривающих разгром Горгиппии как результат масштабного варварского вторжения. Такой подход позволяет объяснить характер разрушений в городе, прояснить этнический состав нападавших, понять военную тактику противника [Кругликова, 1966, с. 12, 40; Кругликова, Фролова, 1980, с. 103–121; Алексеева, 1982, с. 2–116; Кругликова, 1982, с. 117–149; Трейстер, 1982, с. 150–162; Алексеева, 1988, с. 83; Алексеева, 1997, с. 75–76, 115; Алексеева, 2003, с. 23–25; Зубарь, Русяева, 2004, с. 165; Зубарь, Зинько, 2006, с. 159].

Возвращаясь к нашей концепции, следует акцентировать внимание на миграционных процессах готских племен в направлении Северного Причерноморья. Согласно реконструированной нами модели миграционного движения, произошло разделение готских племен на два основных направления: первая группа мигрировала в регион Подунавья [Лавров, 1995, с. 112–113], вторая группа направилась в Северное Причерноморье. Там они локализовались в прибрежной области Меотиды [Буданова, 1990, с. 77; Храпунов, 2003, с. 346] и на неопределённой территории в Скифии (Iord., Get., 38). Анализ археологических и письменных источников позволяет расширить представление о зоне расселения готов в Северном Причерноморье. Помимо территории, прилегающей к Меотийскому озеру, можно констатировать вероятность присутствия готских племен в области, граничащей с юго-восточной границей Боспорского государства и примыкающей к побережью Чёрного моря [Буданова, 1982, с. 155–174].

Анализ археологических материалов позволяет представить дополнительные доказательства процесса расселения носителей черняховской культуры в регионе Северного Причерноморья. Материальные свидетельства, обнаруженные в зоне, прилегающей к юго-восточной границе Боспорского государства, и территории, примыкающей к побережью Чёрного моря, представлены специфическими нумизматическими находками [Буданова, 1982, с. 156]. Речь идёт о варварских подражаниях римским денариям, которые являются

характерным артефактом черняховской культуры, имеют раннюю датировку (середина III века нашей эры), служат индикатором присутствия носителей данной археологической культуры в исследуемом регионе [Казаманова, Кропоткин, 1961, с. 133].

К тому же после проникновения в Прикубанский регион в I веке нашей эры аланские племена осуществили следующие значимые действия: сформировали межплеменной союз, возглавили этническую конфедерацию, установили контроль над территорией Прикубанья [Марченко, 1996, с. 138]. Письменные свидетельства представлены трудами античных авторов, которые содержат конкретные географические указания на ареал расселения алан.

Иосиф Флавий (I век н. э.) в своих трудах (Flav. Jos., VII. 7. 4) фиксирует присутствие аланских племён в следующей зоне: территория вокруг реки Танаис (Танаид) и область Меотийского озера. Дионисий Периегет (II век н. э.) дополняет географическую картину, размещая аланские племена в зоне к северу от Понта Евксинского, до устья Меотийского озера, в окружении множества других племён [Латышев, 1890, с. 181].

На основании историко-географических и этнологических данных представляется обоснованным выдвижение гипотезы о формировании гото-аланского племенного союза в Прикубанье. Поэтому Горгиппия могла подвергнуться разгрому в результате нашествия гото-аланского племенного союза, возглавляемого восточными германцами, в 30-х – нач. 40-х гг. III века. находка, обнаруженная в Горгиппии в 1987 году, может служить подтверждением этой гипотезы. В кладе, помимо боспорских монет, были найдены монеты из Херсонеса, датируемые 160–180 годами, а также две монеты из Тиры. Одна монета из Тиры относится к периоду правления Каракаллы, который правил с 212 по 217 год. Другая монета была выпущена во время правления Александра Севера, который был императором с 222 по 228 год. Это может указывать на то, что клад был спрятан на территории разрушенной Горгиппии представителем варваров после разгрома Тиры в 30-х – 40-х годах III века [Фролова, 1996, с. 44–72].

Вполне возможно, что междоусобный конфликт в Боспорском царстве между Рескупоридом V и Фарсанзом, а также между поддерживающими их группировками знати мог существенно ослабить государство перед лицом последующих варварских нашествий. По мнению С. В. Ярцева, в этом конфликте с одной стороны выступала римско-фракийская группировка под руководством Рескупорида V, а с другой – сармато-иранская группировка, которую, как предполагается, мог возглавлять Фарсанз [Ярцев, 2014, с. 73].

Анализ позволяет установить причинно-следственную связь между военными событиями в различных регионах Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья в первой половине III века нашей эры. Хронологическая реконструкция событий указывает на синхронность военных действий: разгром Горгиппии (238/9–241/2 гг.) и вторжение германских племён, включая готов, в Римскую империю (238 г.). Следствием данного вторжения стало Разрушение Истрия, следы пожаров в Ольвии [Карышковский, 1968, с. 178, 179; Карышковский, 1985, с. 131–133], разрушения в Тире [Крыжицкий, Клейман, 1979, с. 45–47].

Исследование нумизматического материала позволяет получить дополнительные свидетельства. Анализ монетного обращения демонстрирует, что в период правления императора Гордиана III (238–244 гг.) в результате масштабных варварских вторжений произошло прекращение монетной эмиссии в ряде городов римской Фракии, а именно: Анхиал, Аполлония Понтика, Траянополь. Примечательно, что данное событие хронологически совпадает с прекращением чеканки монет в Боспорском царстве в период 239–242 гг.

Дополнительным подтверждением указанной хронологии служат археологические находки – ряд боспорских монетных кладов, время сокрытия которых соответствует рассматриваемому временному промежутку [Фролова, 1989, с. 200]. Основываясь на этих сведениях, можно предположить, что две группы готов – остготы и вестготы – и их союзники аланы могли принимать участие одновременно в совместных военных походах против Римской империи и Боспорского царства.

После военного столкновения, результатом которого стал разгром Горгиппии в период с 239 по 242 годы, обозначивший начало периода готских войн III века на Боспоре, следующим

городом, подвергшимся разрушению, стал Танаис. К этому времени Танаис представлял собой процветающий торговый центр, что подтверждается упоминанием в труде Страбона «География». В данном источнике Танаис характеризуется как крупнейший после Пантикапея эмпорий (торговый пункт) варваров, что свидетельствует о его значимом экономическом положении в регионе (Strabo, VII, 4, 5). На основании археологических данных исследователи датируют разгром города началом 50-х годов III века н. э. [Анохин, 1999, с. 165].

В контексте анализа военных событий рассматриваемого периода представляется обоснованным связать вторжение готов и их союзников с началом морских нападений на города Малой Азии. Согласно выдвинутой нами гипотезе, первым эпизодом морских походов следует считать нападения на Крым и Боспорское царство. Данная точка зрения находит подтверждение в письменных источниках. В частности, Иоанн Зонара в своём сочинении «Анналы» (XII век) сообщает о событиях при Трибониане Галле и Волузиане (251–253 годы), когда «скифы», ассоциируемые с восточными германцами, после грабежей в Италии, Македонии и Греции достигли Боспора по суше, переправились через Меотиду и разорили округу неназванных городов (Zonaras Ioannes. An. XII, 21). Это свидетельство служит важным источником для реконструкции хронологической последовательности военных событий и позволяет сделать выводы о масштабах и направлениях военных действий готов и их союзников в первой половине III века н. э. [Айбабин, 2017, с. 29].

В сочинении «Новая история» Зосима (V–VI вв.) содержатся более подробные сведения о событиях, последовавших за гибелью императора Деция в 251 году в битве при Абритте во время вторжения готов и их союзников в Мезию [Щукин, 2005, с. 136]. Согласно Зосиму, после смерти Деция высшей власти достиг Трибониан Галл, который провозгласил своего сына Волузиана соправителем (Zosim, I, 24).

Далее Зосим сообщает, что во время правления Галла скифы разорили пограничные области Римской империи (Zosim, I, 26; I, 27, 1). Затем, в период вторжения персов в Сирию и Месопотамию, скифы переправились в Малую Азию и разорили территорию от Каппадокии до Пессинунта и Эфеса (Zosim, I, 28, 1).

В 253 году произошла междоусобная борьба Галла и Волузиана с Эмилианом, командиром паннонийских легионов, который после победы над варварами был провозглашён солдатами императором (Zosim, I, 28, 2). Победителем из этой борьбы вышел Эмилиан, но вскоре он был убит своими солдатами во время борьбы за высший титул с Валерианом (Zosim, I, 29).

Валериан назначил своим соправителем (коллегой) своего сына Галлиена и поручил ему войска в Европе. Галлиен возглавил кампанию против германцев на Рейне в 254 году, а своим полководцам приказал остановить варваров, разграблявших Грецию, Италию и Иллирик (Zosim, I, 30). Можно предположить, что под «варварскими силами» Зосим имел в виду готов, боранов, карпов и уругундов, которые беспрепятственно разграбляли Италию и Иллирику, пока Галлиен вёл кампанию против варваров на Рейне.

В это время бораны пересекли Понт Эвксинский и попали в Азию с помощью боспорян, которые дали им корабли и показали путь в Малую Азию (Zosim, I, 31, 1).

На основании данных, представленных византийскими историками Иоанном Зонарой (XII век) и Зосимом (VI век), мы можем сделать вывод, что разгром Танаиса произошёл в результате описанных событий.

Судя по информации, представленной Иоанном Зонарой, вторжение, которое привело к разорению хоры боспорских городов, произошло в период с 251 по 253/254 годы н. э. Можно предположить, что первым морским походом было разорение Крыма и Боспорского царства.

В 254 году состоялся уже следующий морской поход готов с территории Боспора в Малую Азию. Согласно Зосиму, боспорцы предоставили скифам проход, «указав путь и предоставив свои суда» (Zosim, I, 31, 3). Однако этот поход для варваров завершился неудачно: во время осады Питиунта городской гарнизон разбил их. Опасаясь удара более крупных сил, варвары были вынуждены захватить суда в округе Питиунта и вернуться обратно с большими потерями (Zosim, I, 32).

Аргументацию предложенной гипотезы дополняют данные нумизматики. Анализ монетных кладов позволяет сделать вывод, что в начале 50-х годов III века н. э. на Боспоре могли произойти нападения готов и их союзников на несколько городов: Патрей – около 252 года [Голенко, 1978, с. 10–40; Абрамов, 2010, с. 537; Казанский, 2016, с. 138], Гермонасса и Мирмекий – приблизительно в 253 году [Коровина, 2002, с. 78; Казанский, 2016, с. 138], Пантикапей подвергся пожарам в период с 253 по 254 год. На это указывают находки монет Фарсанза на монетном дворе Пантикапея в слоях пожара, датируемых периодом с 253 по 254/255 годы. Также обнаружена монета Рескупорида V, чеканка которой приходится на период с 254 по 256 годы [Фролова, 1980, с. 66–67; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, 28].

Описанные события, оказавшие влияние как на Римскую империю, так и на Боспорское царство, связывают с вторжением готов и алан в Скифию, которое произошло в аналогичный период. Существует точка зрения, согласно которой эти события привели к окончательному прекращению существования позднескифских городищ в низовьях Днепра, а также в степной и предгорной областях Крымского полуострова. Подвергнутые натиску со стороны готов, скифы были вынуждены отступить в горные области Юго-Западного Крыма, где они основали новые поселения [Дашевская, 1991, с. 45].

Археологические данные подтверждают присутствие готов в районах, ранее населённых скифами. Например, на Южно-Донзулавском городище был обнаружен умбон щита, относящийся к типу Хоруля, который широко использовался варварскими народами Центральной Европы.

Находки аналогичных умбонов типа Хоруля в слое разрушения в Танаисе могут свидетельствовать о масштабном вторжении союза племён, возглавляемого готами, как в Скифское государство, так и в Боспорское царство.

Однако следует учитывать, что данные умбоны использовались в период с 160/180 по 350/370 годы, что делает подобные доказательства присутствия готов относительно неоднозначными [Щукин, 2005, с. 138; Казанский, 2016, с. 139].

Более убедительным доказательством присутствия гото-аланского племенного объединения в Крыму является находка римского монетного клада в селе Долинное. Самая поздняя монета из клада была отчеканена в период правления императора Деция (249–250 гг.). Помимо монет, в состав клада входила серебряная «якоревидная» фибула [Пиоро, Герцен, 1974, с. 81–90].

По мнению М.Б. Щукина, данный клад мог попасть в регион вместе с человеком, участвовавшим в военных действиях 248–251 гг. на Балканах. Это совпадает со временем битвы при Абритте, в которой погиб император Деций во время вторжения готов и их союзников в Мезию (Zosim, I, 23, 3) [Щукин, 2005, с. 136]. М.Б. Щукин отметил, что подобные серебряные фибулы практически не встречаются в Северном Причерноморье, но были распространены в Карпатском регионе [Щукин, 2005, с. 138].

Присутствие алан на территории Крыма подтверждается археологическими находками. В частности, на некрополе городища Белинское, которое в тот период было мощной крепостью системы обороны Боспора [Зубарев, 2009, с. 175–181], обнаружены склепы, относящиеся к аланскому типу. Кроме того, на территориях Крымской Скифии выявлены могильники, которые связывают с аланами [Храпунов, 2004, с. 140].

Заключение

Таким образом, анализ исторических источников позволяет сделать вывод, что готские войны III века нашей эры были значительным военно-политическим событием, оказавшим влияние на Римскую империю и её периферию, включая Крым и Боспорское царство.

В результате миграционных процессов готские и аланские племена проникли в Крым, что привело к изменению этнополитической ситуации в регионе. Военные столкновения между гото-аланской коалицией и местными государствами, такими как Боспорское и Скифское царства, стали эхом более масштабных конфликтов, охвативших Римскую империю.

Исследование археологических и нумизматических материалов позволяет уточнить хронологию событий и выявить закономерности в развитии военных действий. Анализ показывает, что готские войны были не просто серией разовых набегов, а частью более широкого процесса взаимодействия между греческо-римским миром и его периферией.

Список литературы

- Абрамов А.П. 2010. Глава 4. Патрей. В кн.: Античное наследие Кубани. В 3 т.: Т. 1. Москва, Наука, 604 с.
- Айбабин А.И. 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь, ООО «Антиква», 366 с.
- Алексеева Е.М. 1997. Античный город Горгиппия. Москва, Эдиториал УРСС, 560 с.
- Алексеева Е.М. 1988. Горгиппия в системе Боспорского царства в первые вв. н. э. *Вестник древней истории*. 2: 66–85.
- Алексеева Е.М. 2003. Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н. э. – III в. н. э.). *Древности Боспора*. 6: 23–25.
- Алексеева Е.М. 2015. Горгиппия. Последний этап развития (конец I–III в. н. э.). *Древности Боспора*. 19: 7–27.
- Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, Наукова думка, 187 с.
- Анохин В.А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев, Одигитрия, 249 с.
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2011. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. Санкт-Петербург, Алетейя, 336 с.
- Буданова В.П. 1982. Передвижения готов в Северное Причерноморье и на Балканах в III в. (по данным письменных источников). *Вестник древней истории*. 2: 155–174.
- Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. Москва, Наука, 232 с.
- Голенко К.В. 1978. Третий Патрейский клад и некоторые замечания о боспорской чеканке III в. н. э. *Нумизматика и эпиграфика*. Москва: 10–40.
- Гончаровский В.А. 2005. Военно–политическая история Боспорского царства во второй половине I – середине III в. н. э.: от прочного союза с Римом до Готских войн. *Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира*. 4: 337–358.
- Дашевская О.Д. 1991. Поздние скифы в Крыму. Москва, Наука, 140 с.
- Зубарев В.Г. 2009. К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III–IV вв. н.э. (по материалам городища Белинское и его некрополя). *Боспорские чтения*. 10: 175–181.
- Зубарь В.М. 1993. Северное Причерноморье и Септимий Север. *Вестник древней истории*. 4: 34–44.
- Зубарь В.М. 1998. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. – первая половина VI в.). Киев, Национальная Академия наук Украины. Институт археологии, 200 с.
- Зубарь В.М., Русяева А.С. 2004. На берегах Боспора Киммерийского. Киев, Издательский дом «Стилос», 239 с.
- Зубарь В.М. 2006. Основные этапы истории Боспорского государства во второй половине I – третьей четверти III вв. В кн.: Боспорские исследования. 12. Симферополь – Керчь, ООО «Керченская городская типография»: 143–162.
- Казаманова Л.Н. 1961. «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса. *Вестник древней истории*. 1: 128–136.
- Казанский М.М. 2016. Пути проникновения готов на Боспор Киммерийский и природные условия Северного Причерноморья в III в. В кн.: Боспорские исследования. 33. Симферополь – Керчь, ООО «Керченская городская типография»: 137–162.
- Карышковский П.О. 1968. Из истории поздней Ольвии. *Вестник древней истории*. 1: 167–179.
- Карышковский П.О. 1985. Древний город Тира: Историко-археологический очерк. Киев, Наукова думка, 159.
- Коровина А.К. 2002. Гермонасса: античный город на Таманском полуострове. Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина, 144 с.
- Кругликова И.Т. 1966. Боспор в позднеантичное время (Очерки экон. истории). Москва, Наука, 224 с.
- Кругликова И.Т., Фролова Н.А. 1980. Монеты из раскопок Горгиппии 1967–1972 гг. В кн.: Горгиппия: Материалы Анапской археологической экспедиции. 1. Краснодар, Краснодарское книжное издательство: 103–121.

- Кругликова И.Т. 1982. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы 1954–1964 гг. В кн.: Горгиппия: Материалы Анапской археологической экспедиции. 2. Краснодар, Краснодарское книжное издательство: 117–149.
- Крыжицкий С.Д. 1979. Раскопки Тиры в 1963 и в 1965–1976 гг. В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, Наукова думка: 19–54.
- Лавров В.В. 1995. Готы и Боспор в III в. н. э. В кн.: Античный полис: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Санкт-Петербург, Изд-во Санкт-Петербургского ун-та: 112–122.
- Латышев В.В. 1890. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе: Scythica et caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis. 1. Санкт-Петербург, Тип. Имп. Акад. наук, 967.
- Марченко И. И. 1996. Сираки Кубани: (По материалам курган. погребений Ниж. Кубани). Краснодар, КубГУ, 336 с.
- Пиоро И.С., Герцен А.Г. 1974. Клад антонианов из с. Долинное Крымской области. *Нумизматика и сфрагистика*. 5: 81–90.
- Трейстер М.Ю. 1982. Фибулы из Горгиппии. В кн.: Горгиппия: Материалы Анапской археологической экспедиции. 2. Краснодар, Краснодарское книжное издательство: 150–162.
- Фролова Н.А. 1980. Монетное дело Рискупорида III (211–226 гг. н. э.). *Нумизматика и эпиграфика*. 13: 13–37.
- Фролова Н.А. 1989. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным. *Советская археология*. 4: 196–206.
- Фролова Н.А. 1996. Уникальный клад боспорских монет III в. до н. э. – 238 г. н. э. из древней Горгиппии (Анапа 1987 г.). *Вестник древней истории*. 2: 44–72.
- Храпунов И.Н. 2003. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац). В кн. Боспорские исследования. 3. Симферополь – Керчь, ООО «Керченская городская типография»: 329–350.
- Храпунов И.Н. 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Боспорские исследования: монография. Симферополь-Керчь, Крымское отделение Института востоковедения им А.Е. Крымского, 240 с.
- Шукин М.Б. 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 576 с.
- Ярцев С.В. 2014. О начальных событиях кризиса на Боспоре III века нашей эры. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 5: 72–76.
- Shchukin M.B., Kazanski M.M., Sharov O.V. 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford, Archaeopress, 482 p.

References

- Abramov A.P. 2010. Glava 4. Patrej [Chapter 4. Patrey]. V kn.: Antichnoe nasledie Kubani [The Ancient Heritage of Kuban]: V 3 t.: T. 1. Moscow, Nauka, 604 p.
- Ajbabin A.I. 2017. Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.) [Crimean Goths of the Dori Country (Middle of the III–VII Century)]. Simferopol', ООО «Antikva», 366 p.
- Alekseeva E.M. 1997 Antichnyj gorod Gorgippija [The Ancient City of Gorgippia]. Moscow, Jeditorial URSS, 560 p.
- Alekseeva E.M. 1988. Gorgippija v sisteme Bosporskogo carstva v pervye vv. n. je. [Gorgippia in the Bosporan Kingdom System in the First Centuries A.D.] *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History]. 2: 66–85.
- Alekseeva E.M. 2003. Anapa. Dinamika razvitija central'noj chasti antichnogo goroda (VI v. do n. je. – III v. n. je.) [Anapa. Dynamics of the Development of the Central Part of the Ancient City (VI century B.C. – III Century A.D.)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. 6: 23–25.
- Alekseeva E.M. 2015. Gorgippija. Poslednij jetap razvitija (konec I – III v. n. je.) [Gorgippia. The Last Stage of Development (the End of the I – III century A.D.)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. 19: 7–27.
- Anohin V.A. 1986. Monetnoe delo Bospora [Coinage of the Bosporus]. Kiev, Naukova dumka, 187 p.
- Anohin V.A. 1999. Istorija Bospora Kimmerijskogo [The History of the Cimmerian Bosporus]. Kiev, Odigitrija, 249 p.
- Budanova V.P., Gorskij A.A., Ermolova I.E. 2011. Velikoe pereselenie narodov: Jetnopoliticheskie i social'nye aspekty [The Great Migration of Peoples: Ethnopolitical and Social Aspects]. Saint Petersburg, Aletejja, 336 p.
- Budanova V.P. 1982. Peredvizhenija gotov v Severnoe Prichernomor'e i na Balkanah v III v. (po dannym pis'mennyh istochnikov) [Movements of the Goths to the Northern Black Sea Region and the Balkans

- in the Third Century (According to Written Sources)]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History]. 2: 155–174.
- Budanova V.P. 1990. Goty v jepohu Velikogo pereselenija narodov [The Goths in the Era of the Great Migration]. Moscow, Nauka, 232 p.
- Golenko K.V. 1978. Tretij Patrejskij klad i nekotorye zamechanija o bosporskoj chekanke III v. n. je. [The Third Patreian Treasure and Some Remarks on the Bosporan Coinage of the 3rd Century A.D.] *Numizmatika i jepigrafika* [Numismatics and Epigraphy]. Moscow: 10–40.
- Goncharovskij V.A. 2005. Voенно-politicheskaja istorija Bosporskogo carstva vo vtoroj polovine I – seredine III v. n. je.: ot prochnogo sojuza s Rimom do Gotskih vojn [The Military and Political History of the Bosporan Kingdom in the Second Half of the I – Middle of the III Century A.D.: From a Strong Alliance with Rome to the Gothic Wars]. *Mnemon: issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Research and Publications on the History of the Ancient World]. 4: 337–358.
- Dashevskaja O.D. 1991. Pozdnie skify v Krymu [The Late Scythians in Crimea]. Moscow, Nauka, 140 p.
- Zubarev V.G. 2009. K voprosu ob jetnicheskom sostave zhitelej sel'skih poselenij Evropejskogo Bospora v III–IV vv. n. je. (po materialam gorodishha Belinskoe i ego nekropolja) [On the Question of the Ethnic Composition of the Inhabitants of Rural Settlements of the European Bosphorus in the III–IV centuries A.D. (Based on the Materials of the Belinskoye Settlement and its Necropolis)]. *Bosporskie chtenija* [Bosporan Readings]. 10: 175–181.
- Zubar' V.M. 1993. Severnoe Prichernomor'e i Septimij Sever [The Northern Black Sea Region and Septimius North]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History]. 4: 34–44.
- Zubar' V.M. 1998. Severnyj Pont i Rimskaja imperija (seredina I v. do n. je. – pervaja polovina VI v.) [The Northern Pontus and the Roman Empire (Mid-1st Century B.C. – First Half of the 6th Century A.D.)]. Kiev, Nacional'naja Akademija nauk Ukrainy. Institut arheologii, 200 p.
- Zubar' V.M., Rusjaeva A.S. 2004. Na beregah Bospora Kimmerijskogo [On the Shores of the Cimmerian Bosphorus.]. Kiev, Izdatel'skij dom «Stilos», 239 p.
- Zubar' V.M. 2006. Osnovnye jetapy istorii Bosporskogo gosudarstva vo vtoroj polovine I – tret'ej chetverti III vv. [The Main Stages of the History of the Bosporan State in the Second Half of the I – Third Quarter of the III Centuries] V kn.: Bosporskie issledovanija. 12 [Bosporan Studies]. Simferopol' – Kerch', OOO «Kerchenskaja gorodskaja tipografija»: 143–162.
- Kazamanova L.N. 1961. «Varvarskie» podrazhanija rimskim denarijam s tipom idushhego Marsa [«Barbaric» Imitations of Roman Denarii with the Type of Walking Mars]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History]. 1: 128–136.
- Kazanskij M.M. 2016. Puti proniknovenija gotov na Bospor Kimmerijskij i prirodnye uslovija Severnogo Prichernomor'ja v III v. [Ways of Penetration of Goths on the Cimmerian Bosphorus and the Natural Conditions of the Northern Black Sea Region in the III Century.] V kn.: Bosporskie issledovanija. 33 [Bosporan Studies]. Simferopol' – Kerch', OOO «Kerchenskaja gorodskaja tipografija»: 137–162.
- Karyshkovskij P.O. 1968. Iz istorii pozdnej Ol'vii [From the History of Late Olbia]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History]. 1: 167–179.
- Karyshkovskij P.O. 1985. Drevnij gorod Tira: Istoriko-arheologicheskij ocherk [The Ancient City of Tyre: A Historical and Archaeological Sketch]. Kiev, Naukova dumka, 159 p.
- Korovina A.K. 2002. Germonassa: antichnyj gorod na Tamanskom poluostrove [Hermonassa: an Ancient City on the Taman Peninsula]. Moscow, GMII im. A.S. Pushkina, 144 p.
- Kruglikova I.T. 1966. Bospor v pozdneantichnoe vremja (Oчерki jekon. istorii) [Bosphorus in the Late Antique Period (Essays on Economics. Stories)]. Moscow, Nauka, 224 p.
- Kruglikova I.T., Frolova N.A. 1980. Monety iz raskopok Gorgippii 1967–1972 gg. [Coins from the Excavations of Gorgippia 1967–1972] V kn.: Gorgippija: Materialy Anapskoj arheologicheskoi jekspedicii. 1 [Gorgippia: Materials of the Anapa Archaeological Expedition]. Krasnodar, Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 103–121.
- Kruglikova I.T. 1982. Raskopki nekropolja v rajone Astrahanskoj ulicy 1954–1964 gg. [Excavations of the Necropolis in the Area of Astrakhan Street 1954–1964] V kn.: Gorgippija: Materialy Anapskoj arheologicheskoi jekspedicii. 2 [Gorgippia: Materials of the Anapa Archaeological Expedition]. Krasnodar, Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 117–149.
- Kryzhickij S.D. 1979. Raskopki Tiry v 1963 i v 1965–1976 gg. [The Excavations of Tira in 1963 and in 1965–1976] V kn.: Antichnaja Tira i srednevekovyj Belgorod [Ancient Shooting Gallery and Medieval Belgorod]. Kiev, Naukova dumka, 19–54.

- Lavrov V.V. 1995. Goty i Bospor v III v. n. je. [Goths and Bosphorus in the III Century A.D.] V kn.: Antichnyj polis: Problemy social'no-politicheskoj organizacii i ideologii antichnogo obshhestva [Ancient Polis: Problems of Socio-Political Organization and Ideology of Ancient Society]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 112–122.
- Latyshev V.V. 1890. Izvestija drevnih pisatelej grecheskih i latinskih o Skifii i Kavkaze: Scythica et caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis [News of Ancient Greek and Latin Writers on Scythia and the Caucasus: Scythica et caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis]. 1. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, 967 p.
- Marchenko I.I. 1996. Siraki Kubani: (Po materialam kurgan. pogrebenij Nizh. Kubani) [Siraki Kuban: (Based on Materials from Burial Mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar, KubGU, 336 p.
- Pioro I.S., Gercen A.G. 1974. Klad antonianov iz s. Dolinnoe Krymskoj oblasti [The Antonian Treasure from Dolinnoye Village, Crimean Region]. *Numizmatika i sfragistika* [Numismatics and Sphragistics]. 5: 81–90.
- Trejster M.Ju. 1982. Fibuly iz Gorgippii [Fibulae from Gorgippia]. V kn.: Gorgippija: Materialy Anapskoj arheologicheskoy jekspedicii. 2 [Materials of the Anapa Archaeological Expedition]. Krasnodar, Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 150–162 p.
- Frolova N.A. 1980. Monetnoe delo Riskuporida III (211–226 gg. n. je.) [The Coin Business of Riskuporis III (211–226 A.D.)]. *Numizmatika i jepigrafika* [Numismatics and Epigraphy]. 13: 13–37.
- Frolova N.A. 1989. Vtorzhenija varvarskih plemen v goroda Severnogo Prichernomor'ja po numizmaticheskim dannym [Invasions of Barbarian Tribes in the Cities of the Northern Black Sea Region According to Numismatic Data]. *Sovetskaja arheologija*. [Soviet Archeology] 4: 196–206.
- Frolova N.A. 1996. Unikal'nyj klad bosporskih monet III v. do n. je. – 238 g. n. je. iz drevnej Gorgippii (Anapa 1987 g.) [A Unique Hoard of Bosporan Coins of the III Century B.C. – 238 A.D. from Ancient Gorgippia (Anapa, 1987)]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History]. 2: 44–72.
- Hrapunov I.N. 2003. Novye dannye o sarmato-germanskih kontaktah v Krymu (po materialam raskopok mogil'nika Nejsac) [New Data on Sarmatian-German Contacts in the Crimea (Based on the Excavation Materials of the Neisatz Burial Ground)]. V kn. Bosporskie issledovaniya. 3 [Bosporan Studies]. Simferopol' – Kerch', OOO «Kerchenskaja gorodskaja tipografija»: 329–350.
- Hrapunov I.N. 2004. Jetnicheskaja istorija Kryma v rannem zheleznom veke. Bosporskie issledovaniya: monografija [The Ethnic History of Crimea in the Early Iron Age. Bosporan Studies: a Monograph]. Simferopol' – Kerch', Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedenija im A.E. Krymskogo, 240 p.
- Shhukin M.B. 2005. Gotskij put' (goty, Rim i chernjahovskaja kul'tura) [The Gothic Way (Goths, Rome and Chernyakhovskaya Culture)]. Saint Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 576 p.
- Jarcev S.V. 2014. O nachal'nyh sobytijah krizisa na Bospore III veka nashej jery [About the Initial Events of the Bosphorus Crisis of the 3rd Century AD]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and Socio-Educational Thought]. 5: 72–76.
- Shchukin M.B., Kazanski M.M., Sharov O.V. 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford, Archaeopress, 482 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.07.2025

Received 09.07.2025

Поступила после рецензирования 07.08.2025

Revised 07.08.2025

Принята к публикации 09.08.2025

Accepted 09.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Малинин Максим Алексеевич, аспирант кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Maksim A. Malinin, Postgraduate Student of the Department of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

 [ORCID: 0009-0002-9233-7243](https://orcid.org/0009-0002-9233-7243)

УДК 94(33)+94(495).01
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-578-591
EDN DFMPPU
Оригинальное исследование

К вопросу о причинах и факторах экономического развития Палестины в ранневизантийский период: проблемы реконструкции

Мишнев С.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: 1394191@bsuedu.ru

Аннотация. Статья предлагает взгляд на общую модель развития экономики палестинского региона в византийскую эпоху (IV–VII вв.). Обобщающая реконструкция модели развития проводится через синтез климатических, археологических и социально-экономических данных на основе междисциплинарного подхода. В основной части работы автор попутно анализирует конкурирующие исторические концепции развития византийской Палестины (модель Э. Хантингтона, теория Д. Бара и др.), показывая, что процветание региона стало результатом комплексного взаимовлияния климатического оптимума в позднеантичную эпоху, специфики развития государственной производственной инфраструктуры, специфических демографических явлений и экономического сдвига в средиземноморской торговле. Особое внимание уделено многочисленным климатическим, а также внутри- и внешнеполитическим «вызовам» (по А. Тойнби), которые стали причиной коллапса устоявшейся экономической модели в VII в. Автор особо подчёркивает сложность взаимодействия природных и антропогенных факторов в развитии византийской экономики на региональном уровне, а также обращает внимание на последовательный отказ историков и археологов от монокаузальной модели ранневизантийского развития данного региона.

Ключевые слова: Византийская Палестина, экономика, климатические изменения, торговые сети, сельскохозяйственные инновации, археология, междисциплинарный анализ

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Мишнев С.Н. 2025. К вопросу о причинах и факторах экономического развития Палестины в ранневизантийский период: проблемы реконструкции. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 578–591. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-578-591. EDN: DFMPPU

To the Issue of Causes and Factors of Palestine's Economic Development in the Early Byzantine Period: Problems of Reconstruction

Sergey N. Mishnev

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1394191@bsuedu.ru

Abstract. The article offers a view on the general model of economic development of the Palestinian region in the Byzantine era (4th to 7th centuries A.D.). A general reconstruction of the development model is carried out through a synthesis of climatic, archaeological, and socio-economic data based on an interdisciplinary approach. In the main part of the work, the author also analyzes competing historical concepts of the

development of Byzantine Palestine (E. Huntington's model, D. Bar's theory, etc.), showing that the prosperity of the region was the result of a complex interaction between the climatic optimum, that took place in the late antique era, specificity of the state production infrastructure, specific demographic phenomena, and the economic shift that took place in the Mediterranean trade. Particular attention is paid to numerous climatic, as well as domestic and foreign policy «challenges», according to A. Toynbee, which caused the collapse of the established economic model in the 7th century. The author particularly emphasizes the complexity of the interaction between natural and anthropogenic factors in the development of the Byzantine economy at the regional level and draws attention to the successive rejection by historians and archaeologists of the monocausal model of the region's development in the early Byzantine period.

Keywords: Byzantine Palestine, economy, climate change, trade networks, agricultural innovations, archaeology, interdisciplinary analysis

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Mishnev S.N. 2025. To the Issue of Causes and Factors of Palestine's Economic Development in the Early Byzantine Period: Problems of Reconstruction. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 578–591 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-578-591. EDN: DFMPPU

Введение

В позднеантичную эпоху восточные провинции Римской империи подчас по-разному отвечали на экономические, внешне- и внутривосточные, религиозные и иные «вызовы» времени. Такой регион, как Палестина, представлявший собой относительно нестабильную с политической точки зрения часть Ранней Византии, одновременно демонстрировал успешную (разумеется, для ранних этапов этого государства-цивилизации) модель развития, функционировавшую вплоть до арабского завоевания и отразившуюся в специфике функционирования ряда отдельных поселений и таких обширных поселенческих комплексов, как, например, поселения пустыни Негев [Kennedy, 2008, p. 604].

Тем не менее с начала XX в. в византистике не прекращаются дискуссии, связанные с вопросом о специфике развития региона в данный период. Исследователи справедливо отмечают, что религиозные, климатические, внешнеполитические и производственно-технологические факторы оказывали на этот регион разнонаправленное и сложное влияние. В данной работе мы сочли необходимым охарактеризовать специфику дискуссий, проведённых и проводимых в исторической науке по вопросу реконструкции модели развития. Анализ разнообразных данных о развитии торговых сетей, инфраструктуры, системы государственной поддержки региона и т. д., а также социально-демографической и климатологической стороны вопроса позволит более подробно охарактеризовать специфику развития региональной экономической модели в ранневизантийскую эпоху.

Объект и методы исследования

В рамках выбранной нами темы *объектом* исследования следует считать Восточное Средиземноморье в изучаемый период, тогда как *предметом* исследования являются специфика и факторы экономического развития Палестины в ранневизантийскую эпоху. Таким образом, в поставленном исследовании нами выбраны хронологические рамки, ограниченные IV–VII вв., когда очередная фаза климатических изменений в регионе в целом сочеталась с устойчивым экономическим ростом.

Для решения поставленной проблемы мы сочли необходимым использовать ряд подходов и специальных методов исторического исследования. Прежде всего, речь идёт о применении *междисциплинарного подхода*, который, на наш взгляд, позволит эффективно использовать комплексные сведения из истории, археологии, палеоклиматологии и экономики представленного региона. Именно это позволит воспользоваться методами естественнонаучных дисциплин для достижения необходимого результата. Применение *историко-генетического*

метода важно с целью как реконструкции модели экономического развития Палестины на определённом хронологическом промежутке (с IV по VII вв.), так и понимания логики развития историографической дискуссии по данному вопросу на протяжении XX – нач. XXI вв. В силу обширности представленного предмета исследования мы сочли уместным применить и методику *case studies*, дабы сконцентрироваться на наиболее характерных локальных чертах экономического развития Палестины на уровне отдельных поселений (Аскалон, Гераса и др.) Применение данных методов вкупе с общенаучными методами исследования (анализом и синтезом, сравнением и т. д.), на наш взгляд, позволит решить поставленные задачи.

Результаты и их обсуждение

Экономика Палестины в ранневизантийскую эпоху (IV–VII вв.) представляла собой динамичную и многогранную систему, сформированную в результате синтеза ряда экологических, политических и социально-экономических факторов. В данной работе мы считаем необходимым проанализировать экономическую эффективность и жизнеспособность региона в данный период на основе данных о климатических колебаниях в данный период, а также о региональном развитии сельскохозяйственных инноваций и торговых сетей в контексте внутри- и внешнеполитической ситуации в период поздней Империи.

Дебаты о климатических изменениях в древней Палестине представляют собой давно открытую в исторической и географической науке дискуссию. Одним из её инициаторов был американский историк Элсворт Хантингтон, чья трёхчастная статья «Климат древней Палестины» (1908), опубликованная в Бюллетене Американского географического общества, представила систематически проанализированные аргументы, касавшиеся природы климатических колебаний в регионе [Huntington, 1908a, p. 514].

Свою работу Хантингтон начал с характеристики основных положений четырёх основных гипотез относительно климатических изменений в Палестине, утвердившихся в антиковедении на начало XX в., – т. н. «гипотезы *однородности*» (позиция, согласно которой климат Палестины оставался по существу неизменным на протяжении всей истории, с небольшими циклическими изменениями), «гипотезы *обезлесения*» (позиция, приписывающая воспринимаемые климатические изменения антропогенным экологическим факторам – в частности, уничтожению лесов, что якобы уменьшило количество осадков), «гипотезы *прогрессировавших изменений*» (модель, предполагавшая постепенный сдвиг в сторону засушливости с течением времени, возможно, связанный с более сложными и длительными геологическими или климатическими тенденциями) и, наконец, «гипотезы *пульсирующих изменений*». Последняя выражала собственное заключение Хантингтона, который объединил элементы других гипотез и высказал мнение о том, что циклические колебания связаны с общей тенденцией к увеличению засушливости.

Нетрудно догадаться, что Хантингтон подверг критике первые три гипотезы за их методологическую и, как следствие, содержательную ограниченность. Гипотеза однородности, привлекательная своей простотой, не учитывала, по мнению историка, существенные исторические и археологические свидетельства, отразившие изменения окружающей среды. Гипотеза обезлесения, достаточно популярная среди путешественников тех лет и некоторых ученых, склонна к переоценке влияния лесов на количество осадков и недооценивает роль естественной изменчивости климата. Гипотеза прогрессивных изменений, даже будучи подкреплена геологическими свидетельствами, с трудом объясняет периоды видимой стабильности или улучшения климатических условий в исторические времена [Huntington, 1908a, p. 517–518].

Отстаиваемая Хантингтоном теория «пульсирующих изменений» признавала как циклические изменения климата от лучших условий к худшим, так и долгосрочную тенденцию к аридизации. Он основывал её на нескольких линиях доказательств. Прежде всего, исследователь обратил внимание на тот факт, что древние источники (в т. ч. новозаветные тексты) описывали Палестину более густонаселённой и продуктивной в сельскохозяйственном

отношении, чем в текущую эпоху. Хотя некоторые приписывают этот спад внутри- и внешнеполитическим коллизиям позднеантичной истории, Хантингтон показал, что ухудшение климата даёт более правдоподобное объяснение столь широко распространённому и устойчивому сокращению населения и производительности труда позднеантичной Палестины [Huntington, 1908a, p. 518–519].

Отдельное внимание учёный уделил феномену обезлесения. Хотя он признавал, что лесные угодья, вероятно, были более обширными в древности на Ближнем Востоке [Huntington, 1908b, p. 580], он оспорил идею о том, что их массовая вырубка сама по себе может объяснить климатические изменения [Huntington, 1908c, p. 649]. Вместо этого он предполагал, что вырубка лесов была лишь *симптомом* более широких экологических сдвигов, а не их причиной.

Кроме того, исследователь призывал не забывать, что такие регионы, как Синай и Сирийская пустыня, в описываемое время непроходимые из-за засушливости, когда-то пересекались большими караванами и армиями. Очевидно, что такая мобильность была бы невозможна в современных климатических условиях. А наличие в пустынных регионах массы покинутых памятников, содержащих инфраструктуру для ирригации или вообще водоснабжения, предполагает, что эти регионы когда-то поддерживали большее население, что подразумевает большую доступность воды.

В отличие от модели Э. Хантингтона, статья Дж. У. Грегори «Палестина и стабильность климата в исторические времена» представляет собой апологию климатической непрерывности. Работа Грегори систематически оспаривает представление о том, что Палестина претерпевала значительные климатические изменения в течение исторических периодов, и связывает её экологические и демографические преобразования исключительно с антропогенным воздействием.

Грегори начинает с признания резкого контраста между древними описаниями Палестины как плодородной, густонаселенной земли и её современной репутацией засушливого региона. Хотя такие учёные, как Хантингтон, утверждают, что этот спад отражал постепенное сокращение количества осадков, Грегори присоединяется к большинству современных авторитетов, которые отвергают эту точку зрения. Он подчеркивает, что Библия и другие древние источники описывают климат, поразительно похожий на современный, с повторяющимися засухами и зависимостью от зимних дождей. Например, библейские рассказы о голоде в эпоху Авраама, Иакова и Руфи подчёркивают постоянную изменчивость количества осадков, а не долгосрочный сдвиг в сторону засушливости.

Одно из ключевых критических замечаний Грегори направлено на зависимость Хантингтона от оценок численности населения. Библейские цифры (в частности, упомянутые в книге Чисел 600 тыс. солдат-израильтян) подразумевали, по мнению Грегори, общую численность населения более 2 млн чел. – число, которое Грегори отвергает как преувеличенное. Грегори сравнивал его с явно невероятным утверждением Иосифа Флавия о том, что во время римской осады Иерусалима погибло более 1 млн чел. Более правдоподобными, утверждает он, являются ассирийские записи, предполагающие численность населения от 500 тыс. до 1 млн чел. для всей древней Иудеи, что примерно сопоставимо с Палестиной начала XX в. Грегори считал, что такое население могло поддерживаться при существующих климатических условиях, особенно при достаточно эффективном управлении водными ресурсами.

Историографические дискуссии о заброшенных городах, таких как иорданские Гераса (Джераш) и Петра, как бы олицетворяют методологические расхождения между двумя учёными. Хантингтон приводил в пример эти поселения как свидетельство более влажного прошлого, указывая на их некогда процветающее население и сложные водные системы. Однако Грегори интерпретировал те же доказательства по-другому. В частности, он обращал самое пристальное внимание на римские водохранилища и цистерны в Герасе, способные хранить миллионы галлонов воды, как доказательство того, что её упадок был вызван

политическим крахом (например, физическим отступлением римской власти из региона на фоне конфронтации с арабийскими племенами или с персидскими оппонентами), а не ухудшением климата [Gregory, 1930, p. 490–491]. Аналогичным образом, утверждает он, и процветание Петры было обусловлено ее стратегическим положением на торговых путях и изобретательностью местных архитекторов и инженеров в сохранении воды, а не более благоприятным климатом. Историко-инженерные исследования А. Кеннеди, посвящённые цистернам и акведукам Петры, подкрепили позицию Дж. Грегори; Кеннеди считал, что механизмы водоснабжения города были спроектированы с расчётом на систематическое противостояние засухе.

Грегори, кроме того, резко высказался против обезлесения, сославшись на лингвистический анализ, проведённый в работе библеиста Дж. А. Смита: библейские ссылки на «леса», вероятно, обозначали кустарники или лесистую местность, а не густой лесной покров [Gregory, 1930, p. 492–493]. Он также отметил, что многие районы Палестины, такие как район горы Кармель, в наше время снова заросли, что явно противоречит мнению о необратимости опустынивания.

Стабильность флоры и фауны Палестины, напротив, даёт тезисам Грегори дополнительную поддержку. Например, стабильность среднего уровня температуры может быть подтверждена тем фактом, что финиковые пальмы так и не распространились в библейских высокогорьях (что должно было бы произойти в случае, если бы климат стал существенно суше), а выращивание винограда сконцентрировалось на протяжении тысячелетий в одних и тех же районах Палестины.

Краеугольным камнем аргумента Грегори стали и геологические свидетельства. Исследования М. Бланкенхорна относят отступление пресноводного озера эпохи плейстоцена в долине реки Иордан к десяткам тысяч лет до письменной истории, а современные засушливые условия установились примерно 10 тыс. лет до н. э. [Blanckenhorn, 1912, S. 427]. Аналогичным образом расчёты У. Ирвина, основанные на исследованиях солёности Мёртвого моря, предполагали, что его нынешнее состояние стабилизировалось около 50 тыс. лет назад, т. е. намного раньше постоянного расселения людей здесь. Грегори приходит к выводу, что климат Палестины оставался «по существу консервативным» на протяжении всего голоцена вплоть до XX в., пусть и с небольшими колебаниями [Gregory, 1930, p. 493–494].

Дискуссия была продолжена в 1950-е гг. Одним из её инициаторов стал израильский историк Микаэль Ави-Йона, изложивший свои соображения по поводу представленной проблемы в кратком докладе «Экономика Византийской Палестины». В частности, именно Ави-Йона, помимо прочего, предложил отказаться от узконаправленного подхода, согласно которому Палестину в византийскую эпоху следует рассматривать лишь в контексте церковно-исторических текстов и развития христианства. Надо заметить, что подобный подход был достаточно непопулярен в рассматриваемый период, и, как отмечает С. Кингсли, вплоть до 1980-х гг. основным объектом исследований здесь оставались памятники церковной архитектуры и вообще христианское наследие ранневизантийского периода [Kingsley, 2001, p. 44].

Вторым достижением Ави-Йоны была попытка радикально переосмыслить модель позднеантичного экономического упадка, который якобы затронул и Палестину. В ходе критики такой модели М. Ави-Йона указал на то, что подлинная экономическая перспектива (или, если угодно, ретроспектива) развития может быть рассмотрена исключительно через призму археологических исследований – анализа плотности поселений, существовавших в ранневизантийский период, площади обрабатываемых земель и т. д. В частности, историк пришёл к выводу, что именно период с IV до VI–VII вв. являлся пиковым для сельскохозяйственного производства и материального развития Палестины на протяжении всей древней истории. Ави-Йона также одним из первых обратил внимание на то, что засушливая к середине XX в. пустыня Негев в позднеантичный период была заселена, а некоторые её поселения – такие, как Элуса или Нессана, – демонстрировали удивительный

сельскохозяйственный «бум», обеспеченный сложными системами водоснабжения и хозяйственного администрирования [Avi-Yonah, 1958, p. 40].

Кроме того, исследователь предложил модель, согласно которой Палестина в позднеантичную (ранневизантийскую) эпоху испытала, если выражаться в терминах современного экономического анализа, несколько «волн» притока капитала (не только финансового, но и человеческого):

- 1-я половина – середина IV в. – масштабные инвестиции при Константине и его преемниках, отмеченные императорскими пожертвованиями на строительство церквей и инфраструктуры в «колыбели» христианства, что стимулировало местную занятость и торговлю;

- конец IV – начало V вв. – частные инвестиции богатых людей, особенно римских аристократов, спасавшихся от нашествий готов и вандалов, а также инвестиции «человеческого капитала» (в частности, стоит заметить, что такие известные христианские подвижники, как Мелания Старшая и Павла Вифлеемская, вложили своё богатство в монастыри и благотворительные учреждения, что также стимулировало местную экономику [Kennedy, 2008, p. 607]);

- 2-я – 3-я четверти VI в. – реализация крупномасштабных (хотя и менее масштабных, чем в предыдущие периоды) инфраструктурных проектов при Юстиниане I (ремонт источников, мостов и гаваней) [Avi-Yonah, 1958, p. 41].

Ави-Йона, однако, подчеркнул неоднозначное влияние этих процессов. С одной стороны, именно они «подпитывали» строительство, становились причиной расширения сельскохозяйственного производства и поддерживали стабильный рост населения. Например, именно в этот период палестинское оливковое масло и вино стали экспортными товарами, а местные ремёсла, такие как ювелирное дело в Иерусалиме, процветали. В то же время отрицательные последствия этого явления были не менее значительными, поскольку крупная часть такого капитала направлялась в «непродуктивные» предприятия, такие как роскошные церковные здания и монастырские пожертвования, которые не создавали устойчивого экономического роста. Благотворительные программы, хотя и похвальные с моральной точки зрения, привлекали нищих и препятствовали производительному труду, делая местный эвергетизм весьма расточительным занятием.

Концентрация богатства в руках духовенства и монастырских учреждений, подчёркивал М. Ави-Йона, также значительно деформировала экономику [Avi-Yonah, 1958, p. 47]. Церковные поместья накапливали огромные земельные владения, часто за счёт мелких фермеров, и даже гражданские споры по поводу церковной собственности в этот период были обычным явлением. Также отмечалось, что в то время, как административная эффективность и правовые рамки византийского государства (например, законы *agri deserti*) позволяли эксплуатировать маргинальные земли, зависимость от внешнего капитала делала местное экономическое развитие уязвимым. По этой причине историк связывал упадок региона именно с окончанием правления Юстиниана, когда поток средств, направляемых в регион, уменьшился, и искусственное процветание попросту рухнуло.

В дальнейшем (в основном с конца XX в.) исследователи обращались к исследованию более специфических аспектов развития палестинской экономики в данный период, в т. ч. к производству керамики. В целом в данный период происходит массовое обращение исследователей к археологическим данным: именно такие области Восточного Средиземноморья, как Палестина и Сирия, стали обширнейшим источником данных такого рода, что, в частности, резко контрастировало с археологической «ценностью» многих памятников Малой Азии в византийскую эпоху [Decker, 2007, p. 239].

Ценную информацию о керамическом производстве, которое было значимым компонентом экономики ранневизантийской Палестины, даёт обобщающее исследование М. Гишона. Обнаруженные исследователем изделия, характеризующиеся высоким качеством изготовления и специфическими декоративными приёмами, в целом отражают все характерные для ранневизантийского периода керамические единицы: глубокая чаша с

выступающим краем, византийская кастрюля, замазанные воротнички кувшинов, настоящая «позднеримская посуда» и т. д. Наличие таких изделий в слоях археологических памятников Палестины в больших количествах особо подчёркивает интеграцию региона в более широкие культурные сети [Gichon, 1958, p. 137]. По мысли Гишона, производство этих изделий, особенно распространённое в южных регионах Израиля, демонстрирует и способность местных ремесленников адаптироваться к эстетическим и функциональным требованиям времени, равно удовлетворяя элитные и повседневные потребности заказчиков.

Внимания заслуживает и исследование Дж. Табба, посвящённое типологии византийской керамики в Палестине. Исследуя находки из византийского колодца близ селения Телль-Фара, Табб обратил внимание на тот факт, что существенную массу таковых (около 50 % от общего количества) составляет довольно многочисленный для региона тип сосудов, названных впоследствии «амфорами Газы» [Tubb, 1986, p. 54]. Этот тип, идентифицированный по его отличительному декорированию и широко распространённый по всему Средиземноморью от северо-восточной Испании до Киликии, вероятно, использовался для транспортировки знаменитого белого вина Газы и маринованной рыбы, и этот факт подчёркивает значительную роль Палестины в торговых сетях позднеантичного периода. Наличие этих амфор в большом числе в южных и прибрежных поселениях, таких как Ашдод и Кесария Палестинская, подчёркивает экономическую жизнеспособность Газы как производственного и экспортного центра в V–VI вв. В то же время обнаруженные здесь мешковидные амфоры, хотя и более многочисленные по количеству черепков, были в целом менее многочисленными, что, вероятно, намекает на их использование для хранения продуктов на месте, а не для осуществления дальней торговли [Tubb, 1986, p. 60].

Данные разыскания были продолжены массой исследователей. Среди наиболее показательных в данном отношении исследований следует привести работу А. Аль-Шормана и А. Шияба, посвящённую византийской керамике из поселения Каср ар-Рабба на юге Иордании. Обращает на себя подробный анализ производственного процесса, в ходе которого были произведены данные тонкостенные пищевые сосуды: гончары тщательно выбирали известковую глину для горшков для приготовления пищи и обжигали их при более высоких температурах (вплоть до 850–1050 °C) для повышения их прочности при нагревании, в то время как другие сосуды, такие как кувшины, были изготовлены из известковой глины и обжигались при более низких температурах (750–850 °C) [Al-Shorman, Shiyab, 2015, p. 16]. Эта функциональная специализация, надо думать, предполагает сложное понимание свойств материалов и методов обжига, которые использовались во всей полноте для оптимизации характеристик сосудов. Химическая и минералогическая однородность производимых здесь масляных ламп и кувшинов указывает на локализованное производство с использованием легкодоступных материалов, тогда как разнообразие материалов для кухонных горшков указывает на эксперименты или на адаптацию нескольких производственных центров к конкретным функциональным требованиям. Исследование, в сущности, подчёркивает именно экономические последствия этих технологических выборов: создание высокопрочных сосудов для приготовления пищи, вероятно, отражает особенности их частного использования, в то время как стандартизация сосудов для хранения и подачи продуктов показывает широкие региональные тенденции в производстве керамики.

В совокупности результаты данных исследований демонстрируют степень развитости экономических сетей и технологических практик византийской Палестины. Значимость газских амфор в Телль-Фаре подчёркивает интеграцию южной Палестины в средиземноморскую торговлю, в то время как специализированное производство в Каср-ар-Рабба свидетельствует о региональной самодостаточности и технологическом процветании палестинского производства керамики, что согласуется с изысканиями М. Ави-Йоны.

Споры о климатических колебаниях в византийской Палестине приобрели новые измерения уже в начале XXI в. с развитием как археологии данного региона, так и инструментария палеоклиматологических исследований. Опубликованная в 2004 г. статья

Ицхара Хиршфельда «Климатические изменения в ранний византийский период? Некоторые археологические свидетельства» была призвана устранить разрыв между более ранними, относительно детерминистскими аргументами (например, моделью Хантингтона), и моделью Грегори, ставящей антропогенные факторы во главу угла. Синтезируя археологические данные с новыми палеоклиматическими достижениями, Хиршфельд представил детальное описание недолговременной, но значимой влажной фазы, имевшей место в Палестине в IV–VI вв. и послужившей, по мнению Хиршфельда, катализатором византийского поселенческого бума, особенно в пограничных зонах, таких как пустыня Негев.

Хиршфельд основывает свой аргумент на девяти ключевых археологических памятниках, каждый из которых свидетельствует об увеличении доступности воды в ранневизантийский период. Так, исследование римской бани в поселении Эн-Геди продемонстрировало, что отложения Мёртвого моря с 300 г. н. э. до начала XXI в., в толщину достигавшие до 1 м (на глубине около 390 м ниже уровня моря), предполагают повышение уровня Мёртвого моря на 9–10 м, что коррелирует с повышенным количеством осадков в его водосборном бассейне. Подобные седиментарные свидетельства были обнаружены также в т. н. висячей пещере Харитона [Hirschfeld, 2004, p. 134, 137], где функционирование обильного источника сочеталось с поддержанием повышенного уровня грунтовых вод, а также в цистернах сабейского пещерного монастыря (т. н. Спелеон) [Patrich, 1994, p. 133], который заслужил в различных источниках VI в. репутацию высокодоступного источника воды даже в условиях усилившейся засухи. Кроме того, в окрестностях Эн-Геди было обширно распространено террасное земледелие, питаемое расположенными на возвышенностях источниками, – и, как нетрудно догадаться, такая модель ирригации была основана на соображении о достаточно высоком количестве осадков в Иудейских горах [Hirschfeld, 2004, p. 134–135].

Целый ряд инженерных сооружений, возведённых или модифицированных в позднеантичный период, также свидетельствует об экстенсификации ряда наружных и подземных водных источников в кратковременный период увлажнения. Это, прежде всего, источник Эн Анева, способный снабжать террасы византийской эпохи и монастырские поля, гидротехнические сооружения Эммауса (канал акведука с весьма поднятыми в IV в. стенками, вероятно, изменёнными под влиянием долгосрочных климатических изменений) и Шуни (возведённый в самом начале IV в. полукруглый бассейн для сбора воды от близлежащих источников), а также система плотин Нахаль-Танниним – массивное инженерное сооружение IV в., созданное для «управления» избытком воды из источников горы Кармель, которые, в свою очередь, снабжали водой Кесарию Палестинскую и Дор [Hirschfeld, 2004, p. 137, 141–142].

Вместе с тем важно отметить, что повышение влажности в регионе не привело к значительным миграциям населения, направленным вовне его. Кейс поселения Мезад-Аругот, в котором на заре позднеантичной эпохи действовало парфюмерное производство, зависящее от выращивания бальзама, особо явно подчёркивает экономическую жизнеспособность оазиса в условиях тренда, связанного с повышением влажности в долгосрочной перспективе [Hirschfeld, 2004, p. 137].

В целом данные памятники тесно связаны с ландшафтом, где рост количества осадков способствовал процветанию сельских и городских поселений. Однако И. Хиршфельд постарался избежать климатического детерминизма. Он подчёркивал, что организационный потенциал Восточной Римской империи, представленный гидротехническим строительством, а также попыткой осуществить правовое регулирование вопроса (законы *agri deserti*, направленные на поощрение возделывания маргинальных земель, реформы Диоклетиана), был необходим для освоения этого климатического «окна возможностей». Например, лёссовые почвы пустыни Негев, ранее маргинальные, стали весьма продуктивными при спонсируемом государством орошении; в частности, их освоение позволило поддерживать функционирование таких деревень, как Шивта и Саадон.

Сопоставив археологическую стратиграфию с палеоклиматическими данными (например, исследованиями уровня Мертвого моря и фиксациями спелеотемов (пещерных отложений) из

пещеры Сорек), Хиршфельд пришёл к выводу, что улучшение климата в ранневизантийской Палестине имело место, но было связано и с адаптацией местного населения. Упадок Византии в VII в., отмеченный наступлением песчаных дюн и оставлением ряда поселений, совпадает с возвращением к засушливости, однако историк отмечает, что более поздние влажные фазы (например, в периоды господства мамлюков и османов) не смогли стимулировать сопоставимое процветание из-за отсутствия возможностей государственного стимулирования и воли к освоению данных земель [Hirschfeld, 2004, p. 144]. В то же время этот упадок не был равномерным, и отдельные общины в пустыне Негев, например, сохранялись до раннего исламского периода, приспосабливаясь к новой политической реальности и меняющимся экологическим условиям.

Такие изменения в климатической ситуации византийской Палестины, имевшие место на протяжении IV–VI вв., демонстрируют определённое взаимовлияние между климатическими процессами и хозяйственной деятельностью человека. Период увеличения количества осадков и последовавшего за ним повышения уровня грунтовых вод создал возможности для сельскохозяйственной и экономической экспансии во всех частях Палестины, включая маргинальные пустынные зоны. Однако реализация предоставившихся возможностей зависела от эффективности сложной инфраструктуры Византийской империи, администрирования расположенных здесь провинций, а также определённых правовых стимулов, которые могли «конвертировать» климатические изменения в устойчивое развитие региона. Поскольку климат впоследствии вновь стал более аридным, устойчивость поселений именно в данный период как бы получила «проверку на прочность». Модели ранневизантийских поселений в Палестине отражают «ответ» на новые условия как природного, так и политического характера. В сущности, поселенческая экспансия в ранее засушливые регионы, распространение террасного земледелия, а также создание общин (в т. ч. монашеских) в ранее необитаемых районах указывают на сельскохозяйственную модель, которая позволяла максимально эффективно использовать ограниченные ресурсы, хотя и не имела равной результативности в различающихся регионах.

Ранее Хиршфельд пытался расширить свою модель дополнительными археологическими свидетельствами из разных частей региона, ставшими предметом масштабной монографии «Фермы и деревни в византийской Палестине». В частности, археолог обратил внимание на ключевые паттерны структуры расселения в регионе. Среди них можно выделить следующие:

- сочетание разнообразных по масштабу видов поселений (крупные селения, мелкие деревни и отдельные фермерские хозяйства);
- «интровертный» характер классической формы поселения, выражающийся в крайне плотной застройке жилищами и общественными структурами (в т. ч. постройками религиозного характера);
- наследование классической системы селитебной иерархии в данных сельских комплексах (в центре располагались общественные постройки и дома крупных землевладельцев или ремесленников, на периферии – хозяйства мелких фермеров);
- самостоятельное участие жителей поселений в организации общественной инфраструктуры (бани, мощёные улицы, гидротехническая инфраструктура и т. д.);
- иррегулярная планировочная структура с узкими и извилистыми улицами;
- отсутствие укреплений и, как следствие, ориентация на максимальную хозяйственную эффективность инфраструктуры, а также на органическое развитие поселения;
- жёсткая адаптация особенностей и формы поселения и отдельных построек к местным топографическим и климатическим условиям (сложная ориентация домов для достижения максимальной инсоляции и защиты от холодных ветров и т. д.) [Hirschfeld, 1997, p. 41, 44, 67–68].

Экономическая основа данных поселений, как заметил Хиршфельд, была преимущественно аграрной. Её жители занимались выращиванием оливок и виноградарством,

а также выращиванием зерновых; скотоводство и ремесленное производство лишь дополняли эти занятия, хотя широкое распространение не только прессов для вина и масла, но и таких объектов, как гончарные печи и печи для обжига металла, свидетельствует об интеграции сельского хозяйства и местного ремесла.

Рассматривая данный вопрос, исследователь предложил сосредоточиться не столько на глобальном, сколько на кластерном анализе региона. В качестве образца он предложил подробно проанализировать «производственную зону» близ Аскалона (Ашкелона), где крупные землевладельцы извлекали выгоду из торговых сетей для производства и реэкспорта таких дорогостоящих продуктов, как вино и оливковое масло. Это, надо заметить, согласуется с нижеприведённым аргументом Д. Бара о том, что экономическое процветание коренится в развитии торговли и инфраструктуры в большей степени, нежели в религиозных факторах.

Однако центральным моментом исследования Хиршфельда являлась проблема экспансии в пограничные регионы и, прежде всего, в пустыню Негев. Он отметил создание разномасштабных сельскохозяйственных комплексов (таких как Обода и Реховот) в районах, которые ранее считались непригодными для проживания, и, как нетрудно догадаться, этот процесс коррелирует с влажной фазой, выявленной в более ранних климатических исследованиях. Хиршфельд, однако же, подчёркивает, что именно организационные возможности восточно-римской администрации позволили активизировать развитие сельского хозяйства в регионе [Hirschfeld, 2004, p. 70]. Это подкрепляет более ранние аргументы историка в том, что «окно возможностей», связанное с улучшением климатической обстановки, стало достойным подспорьем для развития экономики Палестины только благодаря определённой технологической изобретательности и институциональной поддержке.

Фактически именно работы И. Хиршфельда заложили принятый в современных исследованиях по истории Византийской Палестины комплексный подход к исследованию данного региона, поскольку именно он показал, что местные поселенческие комплексы стали продуктом сложного, динамического и разнонаправленного взаимодействия факторов окружающей среды, внутри- и внешнеполитической жизни и развитием местных структур самоуправления и хозяйственной самоорганизации, хотя именно последние два фактора стали в большей степени результатом, чем основой для такого развития.

Дискуссия о климатических изменениях в древней Палестине существенно обогатилась статьёй Дорона Бара «Население, поселения и экономика в позднеримской и византийской Палестине (70–641 гг.)», поскольку этот израильский исследователь попытался вновь обратиться к комплексному анализу с акцентом на социально-экономические и политические факторы, определяющие модели палестинских поселений в позднеримский и византийский периоды.

Бар начинает с критики традиционного нарратива, воплощённого в традиционной историографии, в частности М. Ави-Йоной, который приписывал процветание Палестины в византийскую эпоху её новообретённому статусу Святой Земли. По мнению Ави-Йоны, приток паломников, многочисленные императорские пожертвования христианским общинам и строительство ряда церквей стимулировали местный экономический рост и демографическую экспансию. Бар выразил мнение, что такая точка зрения переоценивает религиозные факторы, пренебрегая вместе с тем паттернами, которые имели место на протяжении 2-й пол. I – начала IV вв. Обратив внимание на целый ряд поселений региона, он высказал мнение, что демографический рост и следовавшее за ним расширение поселений в Палестине началось задолго до распространения христианства в масштабах не только всей империи, но и самой Палестины. Например, исследования в таких регионах, как Голанские высоты, Галилея и палестинская Прибрежная равнина, согласно его суждению, свидетельствуют об увеличении количества поселений в позднеримский период; более того, по его мнению, некоторые из них достигли пика плотности населения ещё до IV века [Bar, 2004, p. 307].

Главный аргумент Бара состоял в том, что палестинский «демографический бум» не был для византийского периода уникальным, являясь частью гораздо более длительной тенденции, уходящей корнями в *Pax Romana*. Политическая стабильность Римской империи, торговые

сети и инвестиции в инфраструктуру создали благоприятные условия для экономического роста во всех её провинциях, включая Палестину [Bar, 2004, p. 312]. Об этом, по мнению историка, свидетельствует расширение сельского хозяйства на ранее маргинальных землях; в числе подобных практик можно назвать, например, осушение болот Изреельской долины и террасирование горных регионов. Такое явление было обусловлено демографическим давлением и инициативами мелких землевладельцев, а не имперскими директивами или религиозными процессами.

Д. Бар также провёл параллели с другими римскими регионами, такими как Северная Африка и Сирия, где аналогичные модели поселений возникли вне влияния христианского паломничества и, как следствие, возможного перетока населения; к такому примеру, в частности, относятся т. н. «мёртвые деревни» Северной Сирии. Исследователь показал, что христианизация Палестины была хронологически вторичным по отношению к демографическому росту процессом. Если городские центры быстро приняли христианство, то сельские районы, где проживало большинство населения, оставались преимущественно иудейскими, самаритянскими или языческими вплоть до VI в. Рост числа сельских церквей, часто приводимый в качестве доказательства христианского влияния, произошёл, по мнению Бара, в основном во второй половине ранневизантийского периода (VI – 1-я пол. VII вв.) и был скорее следствием экономического процветания, чем его причиной. Более того, анализ мемориальных объектов церквей, проведённый историком, показал, что церкви, связанные с сакральными для христианства местами, занимали всего 10 % от общего числа, причём большинство из них были общинными церквями, построенными местным населением. Аналогичным образом местные монастыри часто были самодостаточными единицами, адаптировавшимися к существующим моделям сельских поселений, но не имевшими возможности управлять таковыми [Bar, 2004, p. 316].

По мнению историка Я. Дана, внешняя торговля Палестины в византийский период была достаточно динамичной, что особенно видно через исследование паттернов размещения основных экономических и торговых комплексов в данный период. Так, Газа и Кесария стали ключевыми центрами для экспорта таких товаров, как вино, оливковое масло и текстиль, и, как уже упоминалось, газское вино, перевозимое в амфорах, находило себе потребителей даже в Европе (ряд амфор был обнаружен в Галлии) и в Северной Африке, в то время как Кесария Палестинская служила важным связующим звеном на морских торговых путях Восточного Средиземноморья (и, надо заметить, этот тезис стал решающим для развития археологии Палестины в приморских регионах: в течение XIX–XX вв. точка зрения, согласно которой побережье этого региона не было приспособлено для морской торговли, была доминирующей [Kingsley, 2001, p. 51–52]). Экономическая жизнеспособность этих городов поддерживалась имперской политикой и инвестициями в инфраструктуру, которые способствовали высокой мобильности товаров и капитала. Однако это процветание зависело не только от внешней торговли, оно также было обусловлено местным сельскохозяйственным и промышленным производством, которое процветало в условиях стабильности, обеспечиваемой византийской администрацией. Кроме того, технологическая сложность, наблюдаемая в изысканных византийских изделиях, такая как использование определенных видов глины и методов обжига для различных типов сосудов, указывает на специализированную отрасль, способную реагировать на требования рынка. Эта специализация, вероятно, способствовала экономической устойчивости региона несмотря на то, что климатические колебания создавали проблемы для производительности сельского хозяйства. Упадок некоторых поселений в VII в., совпавший с арабским завоеванием, может быть, таким образом, отнесён не только к политическим потрясениям, но и к сбоям в торговых сетях и прекращению имперской поддержки, которая ранее поддерживала экономическую деятельность [Dan, 1982, p. 21].

В связи с новейшими открытиями, касающимися технологических новаций в производстве вина и масла в ранневизантийской Палестине, в научной среде развернулась значительная дискуссия, посвящённая данному вопросу. Её наиболее ярким выражением стала

дискуссия между историками Ицхаком Магеном и Итамаром Такселем. В работе, опубликованной в 2008 г., Маген попытался доказать тезис об архаичности сельскохозяйственных обрабатывающих технологий в ранневизантийской Палестине. По мнению этого исследователя, лишь в поздний период правления Омейядов в Палестине появились и широко распространились новые технологии отжима масла, которыекратно увеличили объёмы производимого продукта, а также существенно расширились насаждения оливковых деревьев и сельскохозяйственные угодья в целом, и, таким образом, вплоть до установления власти Аббасидов Палестина, находившаяся под исламским правлением, достигла экономического процветания. В то же время в ранневизантийскую эпоху ограниченность производственных возможностей монастырских комплексов, а также ряд внутривосточных причин, по мнению Магена, стали преградой для развития сельского хозяйства [Magen, 2008].

Противовесом мнению Магена стала статья И. Такселя, содержащая подробную критику аргументов первого относительно хронологии и специфики технологических разработок в производстве оливкового масла в Палестине. Таксель, в частности, не счёл возможным согласиться с тем, что значительные достижения в технологии отжима масла, такие как рычажный и винтовой пресс, а также прямой винтовой пресс с канавками на каменных опорах были внедрены лишь в раннеисламский период.

Вместо этого археолог предложил целый ряд археологических свидетельств, демонстрирующих, что эти новшества уже использовались в византийский период, тогда как в первый период после арабского завоевания их использование было лишь продолжено. В частности, Таксель систематически изучил многочисленные места раскопок; например, в поселениях Хорват-Каркара и Кирьят-Ата рычажные и винтовые прессы были найдены вместе с керамикой VI–VII вв., что противоречит позиции Магена, а маслопрессы в Кафр-Самире, Хирбет-Махалхале и Хорват-Зихрине были твёрдо датированы византийским периодом на основе стратиграфического анализа, причём некоторые из них, как было установлено, использовались и в ранний исламский период. Ключевым же моментом разногласий стал аргумент, что византийские монастыри не имели производственных возможностей для крупномасштабной выработки масла из-за ограниченности рабочей силы, а также что вблизи религиозных построек маслопрессы не могли работать из-за экологических опасностей. Таксель опровергает это, приводя примеры монастырей и церквей с маслопрессами, такие как Хорват-Тиншмет и Хирбет-Фаттир, причём археологические свидетельства, по его заключению, прямо подтвердили одновременное функционирование маслодавилен и прессов для винограда, с одной стороны, и религиозных памятников с другой, что явно подрывает экологический аргумент Магена [Taxel, 2013, p. 383].

Далее исследователь подверг критике приписывание Магеном технологических достижений халифу Омейядов Муавии, утверждая, что технология винтового пресса уже была широко распространена в таких соседних регионах, как Сирия и Кипр, к V–VI вв., приводя ряд исследований, которые связали принятие этих технологий с демографическим ростом и экономическими потребностями в византийском Леванте, а не с более поздними нововведениями исламской эпохи. Таксель признает, что производство оливкового масла могло увеличиться в ранний исламский период, но приписывает это экономическим сдвигам, таким как упадок виноделия, а не внедрению новых технологий. Данные разыскания позволили И. Такселю сделать вывод о безоговорочно непрерывном производстве оливкового масла в Палестине с ранневизантийского до раннеисламского периода, которое в большой степени зависело от технологических инноваций и местной экономической устойчивости, нежели от политических пертурбаций [Taxel, 2013, p. 387–388].

Заключение

Таким образом, экономика Византийской Палестины представляет собой свидетельство приспособляемости и изобретательности ее обществ в меняющемся климатическом и политическом ландшафте. Можно уверенно говорить о том, что процветание региона в IV–VII вв.

стало не просто продуктом благоприятной окружающей среды или религиозной трансформации, но и результатом успешного и стабильного функционирования торговых сетей, поддерживаемой государством инфраструктуры, а также внедрения локальных сельскохозяйственных инноваций. Исследования гончарного дела, производства оливкового масла и развития селитебных моделей ранневизантийской Палестины показывают успешную модель экономического процветания, которое, однако, оказалось по ряду причин достаточно хрупким. Также важно отметить, что археологические свидетельства не подтверждают представление о VI в. как периоде относительного упадка для всего Восточного Средиземноморья, вызванного эпидемией чумы, ухудшением климата и фатальными этническими и демографическими процессами [Decker, 2007, р. 237]. Прекращение финансовой поддержки со стороны империи, возврат климата к засушливой фазе и сбой в экономическом обмене, вызванные арабскими завоеваниями, ускорили упадок хозяйственного развития региона.

Список литературы

- Al-Shorman A., Shiyab A. The Effect of Function on the Selection of Raw Materials and Manufacturing Technology of Byzantine Pottery: A Case Study from Qasr Ar-Rabbah, South Jordan. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 147(1): 4–19.
- Avi-Yonah M. 1958. The Economics of Byzantine Palestine. In: *Israel Exploration Journal*, 8(1): 39–51.
- Bar D. 2004. In: Population, Settlement and Economy in Late Roman and Byzantine Palestine (70–641 AD). In: *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 67: 307–320.
- Blanckenhorn M.L.P. 1912. Naturwissenschaftliche Studien am Toten Meer und im Jordental Bericht über eine im Jahre 1908. Berlin, Verlag von R. Friedländer & Sohn, 478.
- Crown A.D. 1972. Toward a Reconstruction of the Climate of Palestine 8000 B.C. – 0 B.C. In: *Journal of Near Eastern Studies*, 31(4): 312–330.
- Dan Y. 1982. The Foreign Trade of Palestine in the Byzantine Period. In: *Cathedra: For the History of Eretz Israel and Its Yishuv*, 23: 17–24.
- Decker M. 2007. Frontier Settlement and Economy in the Byzantine East. In: *Dumbarton Oaks Papers*, 61: 217–267.
- El-Khoury L. 2007. Roman and Byzantine Settlements in the Region of West Irbid. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 139(3): 166–185.
- Gichon M. 1974. Fine Byzantine Wares from the South of Israel. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 106(2): 119–139.
- Gregory J.W. 1930. Palestine and the Stability of Climate in Historic Times. In: *The Geographical Journal*, 76(6): 487–494.
- Hirschfeld Y. 1997. Farms and Villages in Byzantine Palestine. In: *Dumbarton Oaks Papers*, 51: 33–71.
- Hirschfeld Y. 2004. A Climatic Change in the Early Byzantine Period? Some Archaeological Evidence. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 136(2): 133–149.
- Huntington E. 1908. The Climate of Ancient Palestine. Part I. In: *Bulletin of the American Geographical Society*, 40(9): 513–522.
- Huntington E. 1908. The Climate of Ancient Palestine. Part II. In: *Bulletin of the American Geographical Society*, 40(10): 577–586.
- Huntington E. 1908. The Climate of Ancient Palestine. Part III (Conclusion). In: *Bulletin of the American Geographical Society*, 40(11): 641–652.
- Kennedy H. 2008. Syria, Palestine and Mesopotamia. In: *The Cambridge Ancient History. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600*. Cambridge, Cambridge University Press: 588–611.
- Kingsley S. 2001. The Economic Impact of the Palestinian Wine Trade in Late Antiquity. In: *Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Proceedings of a conference at Somerville College, Oxford – 29th May, 1999*. Oxford, Oxbow Books: 44–68.
- Magen Y. 2008. Oil Production in the Land of Israel in the Early Islamic Period. In: *Judea and Samaria: Researches and Discoveries [Judea and Samaria Publications (Series), 6]*. Jerusalem, Israel Antiquities Authority: 257–343.
- Magness J. 1993. Jerusalem Ceramic Chronology (circa 200–800 CE). Sheffield, Sheffield Academic Press, 277.
- Patrich J. 1994. Map of Deir Mar Saba (109/7). Jerusalem, Department of Antiquities and Museums, 295.

- Saidel B.A. 2005. Four Days at Khalasa: Using Aerial Photography and GIS Analysis to Reappraise Woolley and Lawrence's Survey of Byzantine Elusa in the Western Negev Desert. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 137: 53–64.
- Salem H. 2011. Khirbet Siya: A Byzantine Settlement in Ramallah Region – Palestine. In: *Liber Annuus*, 61: 575–619.
- Taxel I. 2013. The Olive Oil Economy of Byzantine and Early Islamic Palestine: Some Critical Notes. in: *Liber Annuus*, 63: 361–394.
- Tubb J.N. 1986. The Pottery from a Byzantine Well near Tell Fara. In: *Palestine Exploration Quarterly*, 118(1): 51–65.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.04.2025

Received 30.04.2025

Поступила после рецензирования 25.07.2025

Revised 25.07.2025

Принята к публикации 27.07.2025

Accepted 27.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мишнев Сергей Николаевич, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Sergey N. Mishnev, Postgraduate Student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID:0009-0005-5186-0339](https://orcid.org/0009-0005-5186-0339)

УДК 94(37)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-592-598

EDN ЕККРАФ

Оригинальное исследование

Переписка Павлина Ноланского и Августина Блаженного: к историографии вопроса

Литовченко Е.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;

Научно-исследовательский институт «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья»,
Севастопольский государственный университет,

Россия, 299028, Севастополь, проспект Юрия Гагарина, д. 13

E-mail: litovchenko@bsuedu.ru

Аннотация. Собрания писем христианских апологетов периода поздней античности выступают важными источниками, отражающими их взгляды, отношение к происходящим событиям, и по этой причине не раз становились предметом исследования историков. Цель настоящего исследования состоит в анализе ряда работ, непосредственным образом посвященных переписке между епископом Гиппона Августином и епископом Нолы Павлином, интерес к которой не угасает в течение долгого времени. Подобное внимание связано с дискуссионными аспектами коммуникации двух христиан, связанными с определением соотношения «классического» и «христианского» понимания дружбы в их письмах. Ученые обсуждают значимость вклада обоих позднеантичных эпистографов в распространение и утверждение христианской мысли и образа жизни; взаимовлияние этих представителей «золотого века патристики» и их эпистолярные роли. В целом по первому аспекту речь идет о той или иной степени сохранения «классической» модели дружбы, и в большинстве своем исследователи склоняются к оценке их дружеских связей через призму христианской любви («*caritas*»). По остальным обозначенным проблемам историки придерживаются схожих взглядов, расходясь в оценке эпистолярных ролей Августина и Павлина, поэтому данный вопрос в историографии пока остается открытым.

Ключевые слова: корреспонденция, Павлин Ноланский, Августин Блаженный, Поздняя Античность, историография

Финансирование: Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002).

Для цитирования: Литовченко Е.В. 2025. Переписка Павлина Ноланского и Августина Блаженного: к историографии вопроса. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 592–598. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-592-598. EDN: ЕККРАФ

Correspondence between St. Paulinus and St. Augustine: Historiography of the Issue

Elena V. Litovchenko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia;

Research Institute “Institute of History and Archaeology of Byzantium and Black Sea Region”,
Sevastopol State University,

13 Yuriy Gagarin Ave., Sevastopol 299028, Russia

Email: litovchenko@bsuedu.ru

Abstract. Letter collections of Late Antique Christian apologists are important sources reflecting their views and attitudes to contemporary events. For this reason, they have repeatedly become the subject of research by historians. The purpose of this study is to analyze a number of works directly devoted to the correspondence between Augustine, Bishop of Hippo, and Paulinus, Bishop of Nola. Interest in this topic has not faded over a long period. Such attention is connected with the controversial aspects of communication between the two Christians, associated with determining the relationship between the "classical" and "Christian" understanding of friendship in their letters. Scholars discuss the significance of the contribution of both Late Antique epistolographers to the dissemination and affirmation of Christian thought and way of life; the mutual influence of these representatives of the "golden age of patristics", and their epistolary roles. In terms of the first aspect, degrees of preservation of the "classical" friendship model are discussed. Researchers are mostly inclined to assess their friendly ties through the prism of Christian love ("caritas"). As for the other issues identified, historians hold similar views, differing in their assessment of the epistolary roles of Augustine and Paulinus, so this issue remains open in historiography.

Keywords: ethos, clergy, bishops, letter collections, Late Antiquity

Funding: The research was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University "A Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in the period of late Antiquity and the Middle Ages" (project No. FEFM-25-0002).

For citation: Litovchenko E.V. 2025. Correspondence between St. Paulinus and St. Augustine: Historiography of the Issue. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 592–598 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-592-598. EDN: ЕККРАР

Введение

Источники личного происхождения, в качестве которых, в частности, выступает корреспонденция, обладают большим потенциалом с точки зрения исследователя специфики исторического периода, поскольку отражают сложившиеся в обществе архетипы, позволяют проанализировать чувства, переживания и оценки свидетелей определенной эпохи, почувствовать ее «атмосферу». Интеллектуальная традиция Поздней античности как транзитивного этапа общественного развития претерпела определенные изменения: почти невостребованными становятся крупные формы литературной деятельности, популярность приобретают так называемые малые жанры, в том числе эпистолярный. Переписка давала возможность не только проявить свое дарование в риторической сфере, но и служила основным средством коммуникации и распространения сочинений авторов сборников писем. Для христиан эпистолярная деятельность была благодатным полем для утверждения христианских ценностей, моделей поведения, обмена мнениями по экзегетическим, богословским и дисциплинарным вопросам. Епископы Нолы и Гиппона, Павлин и Августин, не знали друг друга лично, общались посредством писем, но нашли друг в друге единомышленников и соратников по вере. Их корреспонденция не раз становилась предметом исследования ученых, интересовавшихся позициями двух апологетов Церкви, которые они занимали в эпистолярной коммуникации. Цель настоящего исследования состоит в анализе

ряда работ, непосредственным образом посвященных переписке между Августином и Павлином. Настоящее исследование, безусловно, не претендует на всеобъемлющий обзор, в рамках одной статьи это сделать невозможно, поэтому акцент сделан на наиболее цитируемых из них, а также вышедших в недалеком прошлом.

Объект и методы исследования

Основными источниками трудов историков XX–XXI вв. выступают письма Павлина Ноланского (ок. 353–431 гг.) и Августина Гиппонского (354–430 гг.). Из их переписки становится понятно, что не все их послания сохранились, однако историческая наука располагает сегодня дюжиной писем, на основании которых можно делать определенные выводы о характере дружбы между двумя епископами. Объектом нашего исследования, таким образом, стали труды зарубежных авторов на интересующую нас тему, опубликованные в период с 1949 по 2025 гг. Методологической основой исследования выступает интеллектуальная история, понимаемая здесь как интеллектуальное производство в самом широком смысле с акцентом на структурировании интеллектуальной среды и способах её функционирования.

Результаты и их обсуждение

Исследователи уделяют внимание и фигуре Августина как епископа, богослова и Отца Церкви и Павлина как христианского поэта, церковного иерарха и эпистолога; оба позднеантичных интеллектуала зачастую представлены в историографии как феномены, пережившие кризис идентичности с трансформацией сознания от язычески ориентированного к ревностно христианскому, при этом специфика историографии вопроса заключается в явном перекосе внимания исследователей к фигуре Августина, признанного авторитета западного христианства и автора большого числа трактатов, проповедей и обширной коллекции писем. Павлин Ноланский на его фоне в историографическом фокусе выглядит значительно скромнее и в силу распространения его влияния на население Поздней Римской империи, и в силу значимости его трудов – стихотворений и коллекции писем, от которой сохранилось 51 послание. Среди всего массива научной литературы нас в данном случае интересуют работы, в которых непосредственно затрагиваются аспекты взаимоотношений двух епископов в контексте эпистолярной практики.

Представляется целесообразным начать краткий обзор историографии с наиболее раннего исследования Пьера Фабра о «христианской дружбе» в сравнении с дружбой в «классическом» понимании на материале посланий Павлина Ноланского [Fabre, 1949, p. 30–98]. Автор заключает, что Павлин страдал не столько от антагонизма между языческой культурой и христианским учением, сколько от разрыва со многими друзьями, ставшего закономерным следствием его перехода в христианство и отказа от светской карьеры. Об этом убедительно свидетельствует его конфликт с учителем риторики и другом Авсонием, который, хотя и принял христианство, но совершенно формально, отдавая дань позиции официальных властей. Именно эту потерю Павлин, по мнению Фабра, стремился компенсировать «либо поиском новых дружеских связей, либо горячим обращением к тем, кого он мог бы сохранить» [Ibid., p. 388]. Фабр однозначно считает, что Августин является «хозяином мысли» Павлина, питавшего к нему самое живое восхищение [Ibid., p. 240], отдавая приоритет в эпистолярных ролях, таким образом, Августину. Относительно же оппозиции дружбы в классическом понимании и христианской «caritas» Фабр утверждает, что Павлин вовсе отказался от «цицероновой amicitia». Этот последний тезис не только был подвергнут сомнению, но и доказательно опровергнут Каролин Уайт, указавшей, что использование концептов «amicitia» и «amicus» не было под запретом в христианских кругах в целом [White, 2002, p. 158–159] и в письмах Павлина в частности.

В работе Пьера Курселя [Courcelle, 1951, p. 253–300] по указаниям в сохранившихся текстах устанавливается приближенное к реальности количество писем, которыми обменялись Павлин и Августин. Автор считает, что всего посланий было 38⁹, из них

⁹ Зигрид Мрачек полагает, что всего было 21 послание [Mratschek, 2002, с. 272].

сохранилось 12 (и одно от Алипия). Французский исследователь интересуется эволюцией дружбы между двумя христианами и приходит к выводу, что за четверть века их дружбе пришлось преодолеть два серьезных кризиса: первый в 398–399 гг., когда Августин был вынужден написать три письма подряд, одно настойчивее другого, чтобы наконец получить более двух лет спустя ответ от Павлина. Причиной охлаждения отношений, по мнению автора, было распространившееся в кафелических кругах опасение, что Августин остался тайным манихеем, несмотря на обретение кафедры [Courcelle, 1951, p. 299]. Двадцать лет спустя, в 417 г., пелагианский конфликт, в свою очередь, мог разделить двух товарищей. Видимо, большая приверженность христианской практике, нежели теории, делала Павлина менее разборчивым в выборе друзей: он имел теплые отношения и с Руфином Аквилейским, и с Пелагием. В итоге подвижник из Нолы порвал со св. Иеронимом из-за дружбы с Руфином, но, очевидно, пожертвовал своей дружбой с Пелагием из-за вероучительных рассуждений Августина и согласился отлучить от Церкви пелагиан, проживавших в его епархии, после чего связи между епископами Нолы и Гиппона только укрепились [Mratschek, 2002, p. 300].

Джозеф Лингард уверен, что христианская дружба вообще начинается именно с эпистолярных отношений Павлина и Августина: «Христианские размышления о дружбе начались уже в третьем веке, но только в конце четвертого появилось отчетливо христианское представление о дружбе – именно с Павлином и Августином» [Lienhard, 1990, p. 279–296, здесь p. 279]. Павлина Ноланского ученый воспринял как типичного аскета эпохи, уступающего всё же гению Августина или учености Иеронима [Lienhard, 1976, p. 35–45].

В просопографическом исследовании Ф. Моргенштерна основное внимание уделяется письмам Августина, адресаты которых прямо указаны в письме как «amicus» или могут быть идентифицированы как таковые с помощью других доказательств [Morgenstern, 1993]. В статье Д. Констана, который дает краткий обзор нюансов христианской дружбы, проводится заслуживающая внимания мысль о том, что в письмах Павлина, как и других христианских авторов, особые связи между людьми заменяются в более широком смысле согласием среди христиан в целом [Konstan, 1996, p. 87–113, здесь 113], поскольку принятие позиции смирения вместо равенства по отношению к другу было одним из маркеров, отличавших христианскую дружбу от классической [Ibid., p. 100]; по сути, это и есть трансформация «amicitia» в «caritas».

В монографическом исследовании Денниса Траута [Trout, 1999] акцентируется связь между появлением автобиографической «Исповеди» и трактата «О попечении в отношении усопших» епископа Гиппона, с одной стороны, и эпистолярными диалогами Павлина и Августина, вдохновившими последнего на написание указанных трудов, – с другой. Автор утверждает, что Августин использовал историю Павлина как пример «аскетического благочестия» для нравочений в адрес некоторых, нуждающихся в этом, адресатов. Для пушщего эффекта отец Церкви даже создает «стилизованного» Павлина, который, «не колеблясь», сбрасывает с себя «гордость мира», чтобы взвалить «легкое иго Христа» [Ibid., p. 5], хотя сам Павлин, сравнивая свои метания с твердой позицией Сульпиция Севера, свидетельствует об эволюционности своего перехода от язычества к христианству (Paul. Nol. Ep. 5.4. P. 27.15–24). Заметим, что автор стремится показать обоюдное сотрудничество двух церковных иерархов, акцентируя вклад Павлина в дело распространения христианства.

Аргументация Кэтрин Конибер в некотором роде продолжает линию Траута, корректируя однозначный взгляд на превосходство Августина в этой эпистолярной дружбе. Она пишет о том, что интеллектуальное и духовное влияние Павлина на тех, кому он писал, значительно превосходит любые предыдущие оценки: например, на Августина оказало решающее влияние общее представление Павлина о христианской самости [Conybeare, 2000, p. 12]. Кроме того, письма св. Августина содержат повторяющиеся восторженные свидетельства святости Павлина; из них мы можем выбрать одно, прямо выражающее его восторг, – это рассказ о том, как первое письмо Павлина было принято монахами: «Я прочитал твои письма, истекающие молоком и медом ... и братья прочитали их, и они радуются неустанно и неизреченно столь обильным и превосходным дарам Божиим ... все, кто прочитал их, восхищены, ведь от них

исходит сладкий запах Христа» [Ibid., p. 2]. В подтверждение толерантного отношения Павлина к «amicitia», К. Конибер приводит его мысль о том, что христианская любовь (caritas) – это новая дружба (amicitia nova) [Ibid., p. 65], абсорбированная Божественным Духом.

В своем масштабном труде Зигрид Мрачек основывает концепцию пропаганды аскетических идеалов Павлина на просопографическом и социально-историческом анализе его переписки. Ценность эпистолярной деятельности Павлина, по мнению немецкой исследовательницы, заключается в его активном участии в формировании «литературных сетей» христианской элиты. Переписка Павлина является примером того, что возникновение христианских сетей и проникновение в географическую область от Палестины до побережья Атлантики сопровождалось новаторски новым типом и интенсивностью общения [Mratschek, 2014b, p. 543]. Сам Павлин определил свою переписку как «religiosissimum officium» в смысле взаимных обязательств и религиозных отношений среди друзей (Paul. Nol. Ep. 33.1). Именно его письма сыграли очень важную роль в качестве «символа статуса образованных христиан» [Mratschek, 2002, p. 444]. Пристальное внимание З. Мрачек уделяет также обсуждавшейся в переписке Августина и Павлина проблеме переезда Павлина Ноланского вместе с его монахами в Африку в первое десятилетие пятого века [Mratschek, 2014a, p. 545–561], который так и не состоялся из-за нежелания епископа покидать Нолу, где находилась усыпальница Св. Феликса.

В работе «Августин об опасностях дружбы» Тэймер Нэвер уделяет основное внимание Отцу Церкви, но затрагивает и вопрос отношения к дружбе епископа Нолы. Павлин, по мнению исследователя, не считал, что дружба играет значительную роль в христианской жизни, и предпочитал не использовать язык amicitia (т. е. классического понимания дружбы) для описания отношений, которые должны существовать между христианами. Павлин говорит, что призвание Божие отделило его от «дружбы плоти и крови» (Paul. Nol. Ep. 4.4, 11.3), и, по-видимому, оставляет термин amicitia в первую очередь (хотя и не исключительно) для мирской дружбы, которую он критикует как несовершенную и характеризующуюся лестью (Ep. 40.2). Для Павлина именно caritas (а не amicitia) объединяет членов Тела Христова (Ep. 4.1, 11.2). В отличие от amicitia, caritas, по-видимому, возникает не столько из спонтанной человеческой симпатии, сходства характеров или уважения к добродетели, сколько посредством Божественной воли (Ep. 13) [Nawar, 2015, p. 838]. Августин же видит опасность дружбы в классическом понимании в ее хрупкости, поскольку она не осиянна Божьей волей, а значит, тленна, как и все мирское. Классическая концепция о продолжении жизни в памяти друга, постулировавшаяся со времен Цицерона (Cic. Amic. 22–3), не близка Августину, и поэтому он показывает, насколько жалкой заменой такого рода бессмертия является истинному, которое можно обрести только в объятиях христианского Бога [Nawar, 2015, p. 850].

В статье Рафаэля Швиттера отмечается, что Августин регулярно использовал свои «письма дружбы» в дидактических и наставительно-паретических целях так, чтобы эпистолярные топосы обрамляли призывную функцию этих текстов, в которых Августин хотел передать своим адресатам как богословские ответы, так и христианские наставления для жизни [Schwitter, 2017, p. 55–72, здесь 59]. Лидерство в этой переписке Швиттер отдает Августину как теоретику и богослову.

Автор работы «Письма как школа христианской экзегезы. Исследование избранных раннехристианских латинских писем IV и V веков (Августин, Иероним и Павлин из Нолы)» М. Высоцкий называет христианство «религией письма», поскольку фактически с самого начала вера, а также доктринальные, моральные и дисциплинарные наставления передавались главным образом через письма (например, апостола Павла). В статье польского исследователя циркуляция христианской корреспонденции рассматривается как «виртуальная школа» библейской экзегезы. Автор статьи анализирует функционирование «школы»: от приглашения к участию, методов и учебной программы до похвалы, которую получали хорошие студенты [Wysocki, 2023, p. 339], на примере переписки Августина, Иеронима и Павлина. Аргументация выстраивается следующим образом: помимо систематического толкования Писания, которое присутствует практически в каждом патристическом послании, посредством цитирования

отрывков из Библии или использования их в качестве аргументов они формируют увлекательный подход к экзегезе, или, скорее, к её изучению [Ibid., p. 340], поэтому их письма создают своего рода школу и отношения между учеником и учителем [Ibid., p. 341]. Эта школа не имела географических границ, и любой, кто называл себя христианином, мог и должен был стать её частью [Ibid., p. 343]. Автором последовательно проводится мысль о том, что Павлин был одним из самых выдающихся учеников этой «эпистолярной экзегетической школы» и свою роль он определил сам, обращаясь с просьбами о разъяснении сложных для понимания мест Писания к Августину и Иерониму.

О неугасающем интересе к избранной нами тематике свидетельствует свежая публикация испанского исследователя Артуро Моралеса, посвященная анализу дружбы Августина и Павлина с целью выявления элементов преемственности и дисконтинуитета по отношению к классическому идеалу дружбы [Morales, 2025, p. 1–10; также см.: Morales, 2022], которая обобщает рассуждения на данную тематику, опубликованные в предшествующие десятилетия. Автор считает, что дружба между Августином и Павлином представляет собой уникальный синтез классического идеала и христианской духовности, достигающий своей полноты через верность общим религиозным и доктринальным принципам [Morales, 2025, p. 1]. Уникальность же заключается в посредничестве Бога как звена, объединяющего друзей, при этом дружеские узы христиан выражают определенную долю преемственности по отношению к классическому идеалу дружбы, но эпистолярные свидетельства Августина и Павлина показывают, что эта новая дружба постепенно отдаляется от классического содержания, добавляя определенные подходы и особые способы существования и понимания друзей¹⁰.

Заключение

Таким образом, ключевыми вопросами переписки епископов Нолы и Гиппона исследователи определяют соотношение «классического» и «христианского» понимания дружбы, в большинстве своем склоняясь к оценке их дружеских связей через призму христианской любви («*caritas*»); вклад обоих позднеантичных эпистографов в распространение и утверждение христианской мысли и образа жизни; взаимовлияние этих выдающихся личностей и их эпистолярные роли. В целом если по первому аспекту речь идет только о той или иной степени сохранения «классической» модели дружбы, то по остальным обозначенным проблемам ученые придерживаются схожих взглядов, расходясь все же в оценке эпистолярных ролей Августина и Павлина, поэтому данный вопрос пока остается открытым.

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002).

References

- Augustinus Aurelius: Sancti Aurelii Augustini Opera. Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum. 34, 44, 57–58. 1895–1923. Rec. Al. Goldbacher. Prague, Vindobonae, Lipsiae: F. Tempsky; G. Freytag.
- Conybeare C. 2000. Paulinus noster: Self and Symbol in the Letters of Paulinus of Nola, Oxford Early Christian Studies. Oxford: Clarendon Press, 200.
- Courcelle P. 1951. Les lacunes de la correspondance entre Saint Augustin et Paulin de Nole. In: *Revue des Études Anciennes*. 53(3–4): 253–300.
- Fabre P. 1949. Saint Paulin de Noie et l'amitié chrétienne. Paris: E. de Boccard, 396.
- Konstan D. 1996. Problems in the History of Christian Friendship. In: *Journal of Early Christian Studies*. 4(1): 87–113.

¹⁰ Павлин в первом письме, отправленном Августину, превозносит сущность христианской дружбы, постулируя милосердие Бога как источник друзей во Христе (Paul. Nol. Ep. 25.1).

- Lienhard J.T. 1990. Friendship in Paulinus of Nola and Augustine. In: *Collectanea Augustiniana: mélanges T.J. van Bavel*. B. Bruning, M. Lamberigts, J. Van Houtem (eds.). Vol. 40(1/4). Leuven: Leuven University Press, Peeters: 279–296.
- Lienhard J.T. 1976. Paulinus of Nola in the Literary Tradition. In: *Paradosis. Studies in Memory of Edwin A. Quain*. H.G. Fletcher and M.B. Schulte (eds.). New York: Fordham University Press: 35–45.
- Morales A.R. 2025. Agustín de Hipona y Paulino de Nola: amicitia y ortodoxia Augustine of Hippo and Paulinus of Nola: Amicitia and Orthodoxy. In: *European Public & Social Innovation Review*. Vol. 10: 1–10.
- Morales A.R. 2022. La recepción de la amistad grecorromana en el periodo tardoantiguo: El testimonio epistolar de san Agustín de Hipona y san Paulino de Nola. In: *Nuevas epistemologías de viejos sabers*. A. Chica, A. Tomás, D. Navas (eds.). Navarra: Aranzadi. (In Spanish).
- Morgenstern F. 1993. Die Briefpartner des Augustinus von Hippo. Prosopographische, sozial- und ideologiegeschichtliche Untersuchungen. Bochum: Universitätsverlag N. Brockmeyer, 390.
- Mratschek S. 2014a. Augustine, Paulinus, and the Question of Moving the Monastery: Dispute between Theologians or between Actors of History? In: *Inter cives necnon peregrinos. Essays in Honour of Boudewijn Sirks*. J. Hallebeek, M. Schermaier et al. (eds.). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht: 545–561.
- Mratschek S. 2019. Crossing the Boundaries: Networks and Manifestations of Christian Hospitality. In: *Episcopal Networks in Late Antiquity. Arbeiten zur Kirchengeschichte*. Chr. Albrecht, Chr. Marksches (eds.). Vol. 137. Berlin: De Gruyter: 149–177.
- Mratschek S. 2002. Der Briefwechsel des Paulinus von Nola. Kommunikation und soziale Kontakte zwischen christlichen Intellektuellen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 732.
- Mratschek S. 2014b. Paulinus Nolanus. In: *Augustinus-Lexikon*. Vol. 4. Fasc. 3/4. Basel: Schwabe: 539–547.
- Nawar T. 2015. Augustine on the Dangers of Friendship. In: *The Classical Quarterly*. 65(2): 836–851.
- Pontius Meropius Anicius Paulinus episcopus Nolanus. Opera. 1894. W. Hartel (ed.) Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum. V. XXIX. Pars. 1–2. Wien: F. Tempsky.
- Schwitter R. 2017. Litterae caritatis oder versteckte Lehrepisteln? Zur Appellfunktion des augustinischen Freund-schaftsbriefts. In: *Augustiniana*. 67(1–2): 55–72.
- Trout D.E. 1999. Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems. Berkeley: University of California Press, 326.
- White C. 2002. Christian Friendship in the Fourth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 292.
- Wysocki M. 2023. Letters as a School of the Christian Exegesis. A Study of the Selected Early Christian Latin Letters of the 4th and 5th Century (Augustine, Jerome, and Paulinus of Nola). In: *Verbum Vitae*. 41/2: 339–351.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.05.2025

Поступила после рецензирования 11.07.2025

Принята к публикации 14.07.2025

Received 13.05.2025

Revised 11.07.2025

Accepted 14.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литовченко Елена Викторовна, декан историко-филологического факультета, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; главный научный сотрудник, отдел истории Византии и Причерноморья, Научно-исследовательский институт «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

 [ORCID: 0000-0002-1203-6049](https://orcid.org/0000-0002-1203-6049)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Litovchenko, Dean of the Faculty of History and Philology, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; Chief Researcher, Department of History of Byzantium and Black Sea Region, Research Institute “Institute of History and Archaeology of Byzantium and Black Sea Region”, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

УДК 929.5

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-599-607

EDN: ERQTBS

Оригинальное исследование

Первая готская кампания Велизария в контексте политики реставрации империи

Зайковская О.С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, г. Белгород, 308015, ул. Победы, 85

E-mail: 1316643@bsuedu.ru

Аннотация. В статье делается попытка комплексного анализа первой готской кампании 535–540 гг. Деятельное участие в войне принял полководец Флавий Велизарий, который продолжил осуществление политики реставрации империи. Готские войны стали чередой столкновений, длившихся с переменным успехом и занявших в своей совокупности несколько десятилетий. Также они являются хорошим образчиком военного дела Византийской империи и демонстрации полководческих способностей Велизария. В данной статье мы делаем попытку осмысления роли первой готской кампании 535–540 гг. как в контексте дальнейшего продолжения войны с Королевством остготов, так и применительно к политике реставрации империи.

Ключевые слова: Византийская империя, Готские войны, полководцы, военное дело

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Зайковская О.С. 2025. Первая готская кампания Велизария в контексте политики реставрации империи. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 599–607. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-599-607. EDN: ERQTBS

The Initial Gothic Expedition of Belisarius in the Context of the Empire Restoration Efforts

Olga S. Zaykovskaya

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: 1316643@bsuedu.ru

Abstract. The study is aimed at a comprehensive analysis of the first stage of the Gothic wars, a series of armed conflicts which had their ups and downs and lasted for decades. Their initial stage revealed Belisarius's military talent and showed the degree of adaptation of Byzantine battlecraft, as well as that of the Goths, to the conduct of hostilities with a new enemy. The author searches for reasons for the commanders' success and failures and studies the interaction between Belisarius and Narses. The paper also attempts to understand the role of the first Gothic campaign of 535–540 both in the context of further war with the Ostrogothic Kingdom and in respect to the policy of rebuilding the Empire.

Keywords: Byzantine Empire, Gothic wars, generals, military affairs

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Zaykovskaya O.S. 2025. The Initial Gothic Expedition of Belisarius in the Context of the Empire Restoration Efforts. *Via in tempore. History and political science.* 52(3): 599–607 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-599-607. EDN: ERQTBS

Введение

К VI веку Восточная Римская империя смогла не только преодолеть кризис V столетия, затронувший многие институты, в том числе и военную систему [Банников, Морозов, 2013, с. 198], но и сохранить силы для последующей активизации внешней политики и внутривосточного развития. Безусловно, важную роль в этом сыграло и отсутствие активной захватнической политики у Сасанидов [Чекалова, 1999, с. 81; Дмитриев, 2015, с. 51], и опора на экономически развитые восточные области империи, в числе которых были североафриканские территории [James, 2010, p. 32]. Крепостные стены Константинополя также были предусмотрительно укреплены [Кулаковский, т. 1, 2003, с. 289–290] на случай возможных внезапных нашествий с дунайской границы, которая продолжала беспокоить Византию [Сиротенко, 1975, с. 246].

Правление императора Анастасия (491–518 гг.), в целом положительно оцениваемое современной отечественной историографией [Гущин, 2018, с. 42], примечательно несколькими обстоятельствами, позволившими проведение активной внешней политики последующими правителями. Во-первых, проводилось фортификационное строительство, которое укрепило границы [Кулаковский, т. 1, 2003, с. 414], и успешно завершилась война с персами [Васильев, 2012, с. 118]. Во-вторых, финансовая реформа не только усилила положение солида, но позволила значительно приумножить казну [Кравчук, 2011, с. 138].

При императоре Юстине (518–527 гг.) положение империи, можно сказать, было довольно стабильно благодаря заложенным Анастасием основам, в особенности в сфере финансовых преобразований [Кулаковский, т. 1, 2003, с. 450]. Примечательно, что, по мнению ряда исследователей, влияние на Юстина имел его племянник Юстиниан [Vasiliev, 1950, p. 92; Успенский, 2005, с. 411]. Его правление (527–565 гг.) неразрывно связано со многими событиями и процессами как во внутренней, так и во внешней политике Византии VI века. Безусловно, имели место и восстания, и попытки свержения власти, и моменты нестабильности, но вместе с тем также были процессы, заложившие фундамент дальнейшего развития, а по некоторым мнениям, и упадка Византийской империи [Успенский, 2005, с. 412; Гущин, 2018, с. 52].

Военная организация византийской армии в целом держалась на реформах IV в. и некоторых преобразованиях V в. Армия включала все еще как приграничные части, так и мобильные соединения. Доля варварского контингента была ощутимой и была представлена институтом федератов [Банников, 2019, с. 80]. Оценивая общее состояние армии, можно отметить ее достаточную боеспособность, однако общая численность армии постепенно сокращалась, что сказалось в итоге и на проводимой Юстинианом внешней политике.

В целом идея «реставрации» империи имела как исчерпывающее идеологическое обоснование [Гущин, 2018, с. 51], так и необходимые ресурсы для своего осуществления. Реализация планов Юстиниана касалась возвращения в лоно империи как территорий на восточной границе, так и земель так называемых варварских королевств, образовавшихся после падения Западной Римской империи. Пожалуй, важнейшей вехой стало именно западное направление, напрямую связанное с Королевством остготов и, собственно, готскими войнами (535–554 гг.).

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является политика реставрации империи, проводимая Юстинианом Великим. Предмет исследования – первая готская кампания. Период 535–540 гг. напрямую связан с активной деятельностью полководца Флавия Велизария в качестве главнокомандующего. В данной статье нам представляется важным охарактеризовать военное искусство полководца в контексте конкретных сражений. Таким образом, наряду с историографическими исследованиями и источниковой базой в работе были использованы такие методы, как историко-биографический, идеографический, а также компаративный.

Результаты и их обсуждение

С падением Западной Римской империи в 476 г. как на территории Северной Африки [Корсунский, Гюнтер, 1984, с. 57], так и в Италии были основаны так называемые варварские

королевства, образованные фактически на обломках Рима. Остготы обосновались в Италии, выбрав столицей Равенну.

Завоевание территории Северной Африки, с одной стороны, было одним из этапов политики реставрации империи. С другой стороны, оно стало наглядным примером слабости и уязвимости варварского королевства, которое считалось довольно сильным противником [Гущин, 2018, с. 223]. Благодаря быстрой и успешной победе Велизария, Юстиниан обратил свой взор на запад, где внутривосточная обстановка также была беспокойной. Со смертью основателя Остготского королевства Теодориха к власти пришла его дочь Амаласунта, которая правила от имени своего сына Аталариха. Однако позиции королевы были нестабильны, и интриги между готскими группировками продолжались, в результате она «решилась прибегнуть к крайнему средству для своего спасения» [Удальцова, 1950, с. 243]. Дело в том, что в конце V в. готы признали власть императора Восточной Римской империи (Isid. Sev. Hist. Got. 27), и «средством спасения» в данном случае выступала фигура византийского императора Юстиниана Великого (Cass. Var., VIII, 1). Такое положение вещей было для него весьма удобно, поскольку открывало путь к союзу, который в перспективе мог перерасти и в собственно осуществление планов «реставрации» империи. Однако со смертью своего малолетнего сына ее власть была недолгой, и уже весной 535 г. Амаласунта пала жертвой внутривосточной борьбы [Оман, 1892, р. 55]. Как известно, эти обстоятельства и стали формальным предлогом начала войны против готы. Отметим также, что после смерти Теодориха власть правителей в целом была нестабильной и непродолжительной, что влияло и на ведение войны.

Есть сведения, что в 533 г. после триумфальной победы над вандалами полководец Флавий Велизарий был удостоен почестей (Proc. V.V. II. 9.1) [Vörm, 2013, р. 65], а также звания патрикия (Jord. Get. 171, 307). Затем Велизарий был отправлен в Италию в качестве главнокомандующего всеми, можно сказать, немногочисленными войсками наряду с тем, что Юстиниан поручил Мунду с войском, численность которого в источниках не указана, захватить Далмацию (Proc. V.G. I. 7. 1–4). В данном случае хотелось бы пояснить, что численность выделенной Велизарию армии составляла по разным оценкам 7,5–8 тыс. солдат, что было весьма скромными цифрами, учитывая предстоящий размах кампании. Для сравнения, в войне против Вандальского королевства, по сообщениям Прокопия, полководец располагал силами в размере 18 тыс. человек.

Итак, выделенные полководцу силы включали около 4 тыс. кадровых солдат (Proc. V.G. I. 5.5), т. е. относящихся к мобильной армии, включая небольшие подразделения союзников, о которых мы находим упоминания у Прокопия. В свою очередь, войско также разграничивалось на пехоту и «кадровых всадников» (Proc. V.G. I. 5.7). Также в кампании под началом Велизария участвовало около 3 тыс. исаврийских воинов, из числа союзников были гунны и мавры общей численностью 500 человек (Proc. V.G. I. 5. 8). Примечательно, что Юстиниан также рассчитывал на поддержку франков, ведя с ними переговоры и одаривая золотом [Bury, 1923, р. 170–171]. Численность армии, известная нам по некоторым письменным источникам, но прежде всего по сообщениям Прокопия Кесарийского, позволяет сделать некоторые умозаключения. Во-первых, несмотря на то, что перед Велизарием стояла непростая задача продвижения вглубь Италии с юга, после высадки на Сицилии он действовал в условиях некоторой ограниченности как людских, так и денежных ресурсов. Во-вторых, под началом полководца были как пехотные, так и конные подразделения, но также и преторианцы, и щитоносцы (Proc. V.G. I. 5. 9), под которыми фактически мы понимаем букееллариев [Банников, 2019, с. 80].

Согласно намерениям императора Юстиниана, наступление на Италию должно было пройти по нескольким направлениям. Флавий Велизарий отправился по морю, высадившись сначала в Карфагене, а затем и на Сицилии. Его продвижение в Италию предполагало путь с юга, в то время как полководец Мунд с войском, численность которого, к сожалению, в источниках не фигурирует, должен был взять под контроль Далмацию и продвигаться к северу Италии [Petersen, 2013, р. 501–502]. Действительно, Велизарий достаточно легко «устремился прямо на Сицилию и без какой-либо задержки занял Катину, Сиракузы и всю Тринакрию»

(Add. Marc. Com. a. 535). Условно разделяя кампанию 535–540 гг. на этапы, завоевание Сицилии следует считать первым шагом, вслед за которым перед Флавием Велизарием стояла уже более сложная задача – продвижение на север.

Весной 536 г. Велизарий предусмотрительно оставил небольшие гарнизоны в Сиракузах и Панорме (Proc. V.G. I. 8. 1). После переправы в Италию перед полководцем стояла острая необходимость быстрого продвижения на север, к Риму. На наш взгляд, уже на начальном этапе похода можно отметить несколько внутренних факторов, которые оказали влияние на успешность похода Велизария. Во-первых, как в ряде городов Сицилии, так и на юге Италии римское население поддерживало наступление византийской армии, зачастую города сдавались без боя. Во-вторых, внутривосточная обстановка в остготском королевстве все еще была напряженной, Теодат действовал весьма нерешительно. В свою очередь, Велизарий продвигался как можно быстрее и предусмотрительно использовал для передвижения войск и море, и сушу.

Со взятием Регия в июне 536 г. фактически перед Римом оставалось единственное препятствие – Неаполь, который в итоге был успешно осажден. На примере Неаполя мы можем отметить еще одну особенность, присущую полководцу, – грамотное использование местности для правильного расположения войск, построения или, как в данном случае, проведения осад (Proc. V.G. I. 8.7). Анализируя также сочинения Прокопия о войнах Велизария, можно отметить и то, что, будучи в затруднительных положениях, как это случилось с долгой осадой Неаполя, порой полководцу благоволил случай. Разумеется, по сообщениям Прокопия, полководец практически всегда использовал все возможности для достижения поставленной цели. Таким образом, взятие Неаполя было успешным не в силу долгих и изнурительных приступов крепости, а фактически благодаря своевременному обнаружению тайного лаза, с помощью которого войско Велизария проникло в город (Proc. V.G. I. 9–10). По нашему мнению, это несколько не умоляет талант Велизария грамотно продумать план проникновения, распределить силы, необходимые для взятия города, и следить за дисциплиной солдат. Здесь показателен эпизод, который мы встречаем у Прокопия: после взятия города полководец постарался примирить свое войско и пленных неаполитанцев, произнеся речь (Proc. V.G. I. 10).

Нерешительность Теодата привела к тому, что готы избрали нового вождя – Витигеса, известного своим участием в войне с гепидами еще во время правления Теодориха [PLRE III 3В, P. 1382]. Оценивая дальнейшие действия нового правителя, нельзя не отметить его благоразумие. Прежде чем вступать в войну с Велизарием, он намеревался собрать силы в Равенне, «раздав каждому из них согласно списку оружие и коней» (Proc. V.G. I. 11. 41).

Безусловно, одной из вех первой готской кампании была первая осада Рима. Оставив в Неаполе небольшой гарнизон, Велизарий вошел в город без боя по приглашению самих римлян (Proc. V.G. I. 14). Полководец, не теряя времени, занялся подготовкой к предстоящему отражению осады – укреплением стен города в наиболее уязвимых местах, также рытьем довольно глубокого рва. Прокопий упоминает также и брустверы, весьма полезные при отражении атак. Действительно, Рим был серьезно укреплен, однако его расположение на плоской равнинной местности было весьма невыгодно. Как мы видим, Велизарий учитывал и это обстоятельство при подготовке защиты города.

Также необходимо отметить, что с момента высадки войска на Сицилии и его дальнейшего продвижения к Риму общая численность армии несколько сокращалась в силу того, что по приказу полководца в сдавшихся или взятых городах (как это было с Неаполем) предусмотрительно оставлялись небольшие гарнизоны в количестве 250–300 человек. Однако как в случае с осадой Рима, так и позднее были нередки случаи увеличения численности войска на счет сдавшихся готов (Proc. V.G. I. 15. 1–3). Также в апреле 537 г. прибыло небольшое подкрепление, возглавляемое Мартином и Валерианом, в количестве 1 600 гуннов, славян и антов, также принявших участие в сдерживании осады Рима от Витигеса (Proc. V.G. I. 24. 18–20). Более крупное подкрепление случилось позднее, уже в ноябре 537 г., когда около 5 тыс. солдат прибыло в Италию (Proc. V.G. I. 10).

У Прокопия мы встречаем упоминание о несравненно большей цифре готского войска, устремившегося к Риму, – «не меньше ста пятнадцати тысяч пеших и конных» (Proc. V.G. I. 16), предполагая определенное преувеличение сил противника. В любом случае при осаде Рима Витигесом византийское войско было сравнительно меньше готского, на что есть упоминания и у Иордана (Jord. Get. 311). Несмотря на отсутствие численного превосходства, Велизарию, довольно грамотно выстроившему план защиты города, удалось продержаться в общей сложности 400 дней, пока Витигес не прекратил осаду [Petersen, 2013, p. 507].

Анализируя подробнее ход осады, остановимся на нескольких принципиально важных моментах. Велизарий умело использовал случаи и возможности, которые обращал в свою пользу. Однако его полководческий талант отмечается и в учете географических особенностей незнакомой местности, как это было в случае с Италией. Полководец предусмотрел возможный маршрут, по которому должен был приблизиться Витигес со своей армией, – по Сабинской местности, примыкающей к Риму. На подходе к городу по приказу Велизария был воротами укреплен мост, сооружена башня и выставлен небольшой караул. В планах полководца было нанесение противнику как можно больше неудобств, небольших неприятностей, например, замедлить переправу войска через реку (Proc. V.G. I. 17. 12–15). Такое замедление было на руку Велизарию еще и потому, что он ожидал от Юстиниана подкрепление с продовольствием, которое, по сообщениям Прокопия, несколько задерживалось. Поставив небольшой гарнизон и укрепив именно этот мост через Тибр, он полагал, что заставит готов искать другой путь для переправы. Дополнительно он принял решение разместить лагерь вблизи переправы, тем самым подкрепляя серьезность своих намерений. Это пример, подробно описанный Прокопием, иллюстрирует не только использование военной хитрости, но и способность идти на риск, оправданность которого отчасти можно поставить под сомнение, поскольку в итоге затея полководца не удалась и римляне сошлись с готами в конном бою. Неоправданность предпринятого полководцем маневра заключалась и в опасности, которой подвергалось и римское войско, и «все дело римлян» (Proc. V.G. I. 18. 3–6). В итоге готов удалось обратиться в бегство, однако в этом небольшом столкновении и сам Велизарий был в большой опасности, сражаясь в первых рядах, и потери также имели место, и все дальнейшие шаги византийского войска были под угрозой.

Еще одной вехой первой готской кампании была осада Аримина, которая также показательна по нескольким моментам. С одной стороны, со взятием этого города византийцами Витигес был вынужден прекратить осаду Рима и отступить [Bury, 1923, p. 193; Norwich, 1988, p. 218]. Также для удержания этого города Велизарий направил весьма внушительные силы римской пехоты [Norwich, 1988, p. 219], решив заменить конницу, однако ее командующий отказался подчиниться приказу. В действительности данный инцидент можно считать первым открытым неповиновением полевого командира приказу главнокомандующего. Однако в данном случае очевидно, что связано это было с тем, что Иоанн был предан недавно прибывшему с подкреплением Нарзесу.

В итоге осада с Аримина была успешно снята, причем без каких-либо непредвиденных потерь, и это было связано, что примечательно, с решением Нарзеса, а не Велизария. Прибывший с подкреплением евнух, не имея официально закрепленного статуса главнокомандующего, тем не менее обладал определенным влиянием, имея в подчинении ряд полевых командиров, в том числе вышеупомянутого командующего конницей Иоанна. Именно Нарзес предложил пойти на хитрость, показательно стянув к городу весьма внушительные силы, что в итоге заставило Витигеса поспешно отступить к Равенне [Bury, 1923, p. 198–199].

Если бескровная победа достаточно сильно укрепила позиции Нарзеса, завоевав ему авторитет среди многих полевых командиров, то при последующем удержании Милана от взятия готами ситуация сильно изменилась. Дело в том, что после неудачи с Аримином готы, неожиданно объединившись с франками, взяли в осаду Милан, в котором был небольшой гарнизон. Велизарий без промедления послал с войском Мартина и Улирия (Proc. VG II 21. 2). Однако промедление случилось, поскольку прибывшие командиры не решались перейти реку По,

надеялись получить дополнительное подкрепление от Юстина и Иоанна, которые находились в соседней области, и без одобрения Нарзеса присылать помощь не стали [Norwich, 1988, p. 223]. В итоге город был взят и разрушен, его жители подверглись расправе [Hughes, 2009, p. 189]. Бедствие, которое случилось в Милане, тем не менее изменило расстановку сил – Назрес был отозван, а Велизарий наконец получил всю полноту власти на всей территории Италии.

Дальнейшие события разворачивались уже с позиции усиливающегося влияния римлян на территории Италии и вынужденного отступления готского войска к своему последнему оплоту – Равенне. Безусловно, не стоит забывать, что Витигесом было предпринято еще несколько неудачных попыток отвлечь внимание византийского войска и Велизария. Фактическим завершением первой готской кампании стало вхождение Велизария в капитулировавшую столицу Остготского королевства Равенну в 540 г. Вскоре после этого полководец был отозван в Константинополь, так завершилась первая готская кампания.

Среди полевых командиров, принявших участие в первой готской кампании 535–540 гг., были как талантливые военачальники, отличившиеся ранее в войнах с персами и вандалами, так и полевые командиры, показавшие себя именно в Италии и отправившиеся позднее вслед за Велизарием на Лазскую войну. Различным было и их происхождение, и этническая принадлежность, и возлагаемые задачи.

В первую очередь нашего внимания заслуживает фигура полководца Мунда [PLRE III 3В, Р. 903], биография которого дошла в нескольких сообщениях хронистов. Мунд, насколько известно, был варварского происхождения (Proc. BG I 7.2; Joh. Mal. 450), наряду с Велизарием принимал участие в подавлении восстания «Ника» в 532 г. (Proc. BP I 24. 40–41). Согласно «инструкциям» Юстиниана, Велизарий должен был высадиться с войском на Сицилии, а Мунд – отправиться в Далмацию. В марте 536 г. полководцу удалось захватить Салону, что отвечало намерениям Юстиниана, однако эту победу можно назвать Кадмейской. Готы собрали большое подкрепление и в итоге вернули контроль фактически над всей территорией провинции. Оценивая деятельность Мунда, нельзя не отметить его полководческий талант и способности, которые признавал и Прокопий Кесарийский (Proc. V.V. II 5.4). Однако итоги были неутешительны: византийцы не закрепились в Далмации, Мунд был смертельно ранен. Впоследствии Константиан [PLRE III 3А, Р. 334], присланный из диоцеза Восток, захватил Салону и укрепил позиции византийцев в провинции [Bury, 1923, p. 174]. Мы полагаем, что задачу, стоящую перед Мундом, можно в определенной степени считать стратегической. С одной стороны, он, согласно плану императора, как и Велизарий, командовал одним из направлений наступления. С другой стороны, захват Салон и удержание Далмации давали качественный перевес силам византийцев, а также открывали дорогу к Италии, где силы двух наступлений намеревались объединиться.

Весна 537 г. является одной из ключевых дат в первой готской кампании по нескольким причинам. Во-первых, началась первая осада Рима, во-вторых, именно это время отмечается более активным, а главное – зафиксированным в источниках периодом, когда полевые командиры получали ряд тактических задач от самого Велизария. Важным моментом было и то, что на этом этапе начинается и взаимодействие между двумя направлениями наступления – южным и северным. Флавий Велизарий, будучи главнокомандующим, принял решение отправить Константиану, закрепившемуся к этому времени в Далмации, часть войска, в составе которого была большая доля отборных солдат – букеллариев. Среди полевых командиров упоминается также и Бесс [PLRE III 3А, Р. 230], который должен был взять Нарнию, которая являлась главным городом крупной северо-западной области Этрурия. При этом Константиан получил, можно сказать, приказ стратегической важности – двинуться на северо-запад и укрепиться в Этрурии с войском (Proc. V.G. I. 16. 2). Оценивая это решение, нельзя не отметить его своевременность, ведь Витигес все еще собирал войско, а Велизарий уже был готов к осаде.

Касательно Бесса следует отметить, что Прокопием он оценивался как талантливый полководец (Proc. V.G. I. 16. 4), который без промедления занял Нарнию. За короткое время Константиан взял под контроль северо-запад Италии, что застало врасплох готы, поскольку

города сдавались по большей части добровольно, гарнизонов не было, о разведке также упоминаний нет. Итак, на данном этапе взаимодействие между полевыми командирами и Велизарием осуществлялось без трудностей и осложнений. Константиан и Бесс принимали активное участие в удержании северо-западной области Италии, а также Далмации, с точностью исполняя приказы главнокомандующего. Для удержания Далмации было необходимо подготовить к предстоящей осаде Салоны, однако в силу неудобного географического положения (город держали в осаде и с суши, и с моря) для византийцев дела шли не лучшим образом. В итоге Далмация осталась под контролем отряда Константиана.

Также одним из полководцев, принявших деятельное участие в готской кампании, был Мартин [PLRE III 3B, P. 839], который принимал участие как при осаде Аримина, так и Милана. Он выполнял и небольшие тактические задачи, связанные с отвлечением готов (Proc. BG II 16. 23, Proc. BG II 21. 2).

Отдельно следует упомянуть и фигуру Нарзеса, которая интересна по нескольким причинам. С одной стороны, перед отправкой в Италию с подкреплением, можно сказать, уже в завершающей фазе первой готской кампании он значительно преуспел на гражданском поприще, занимая пост главы личной охраны Юстиниана (CJ XII 5. 2), а после восстания «Ника» – весьма престижную должность казначея [PLRE III 3B, P. 914]. С другой стороны, Нарзес не только принимал участие в первой готской кампании, но и позднее завершил фактически завоевание Италии. Его взаимоотношения с Велизарием, по сообщениям Прокопия, были непростыми [Дельбрюк, 1999, с. 192] и влияли также на разворачивание военных действий и внутреннее подчинение полевых командиров. Дело в том, что формально в кампании 535–540 гг. Нарзес не занимал должности главнокомандующего, но обладал определенной властью. В его подчинении, в частности, были Иоанн и Юстин, которые во время осады Милана готами отказались подчиниться приказу Велизария, пока не получат должное одобрение от Нарзеса. Этот случай, как и ситуация, связанная с Аримином, показывают не только сложность взаимоотношений Нарзеса и Велизария, но и тот факт, что наличие фактически двух главнокомандующих, не согласовывающих свои действия, приводило не только к промедлению и потере благоприятных возможностей, но и губительно сказывалось на общем положении войска и трагедиям, как это случилось с потерей Милана.

Заключение

Окончательное завоевание Италии произошло лишь в 554 г., таким образом, была завершена «реставрация» империи. Однако весьма продолжительные войны с готами не только требовали привлечения большого количества ресурсов, но и ослабляли восточные границы Византии, что привело в итоге к активизации войны с персами. Вместе с тем мы полагаем, что, несмотря на все негативные последствия, нельзя не отметить успешность завоеваний политики Юстиниана, сумевшего найти благоприятные моменты для начала кампаний, когда варварские королевства были заняты решением своих внутренних проблем.

Анализируя первый этап готских войн, необходимо отметить несколько принципиально важных моментов. После успешной кампании полководца Велизария наметилось несколько трудностей как с интеграцией присоединенных территорий, так и поддержанием власти [Кулаковский, Т. 2, 2003, с. 116]. Уже через несколько лет завоеванные территории были потеряны, готы возрождали государство под властью Тотилы [Гущин, 2018, с. 233]. Византии предстояло вновь начать возвращение итальянских территорий, привлекая все большие ресурсы и ослабляя свою финансовую стабильность.

Велизарий в качестве главнокомандующего показал себя как талантливый полководец и стратег, использующий возможности для ослабления противника, идущий на хитрости, а порой и на риск. В целом оценивая его деятельность, нельзя не отметить его взвешенное отношение к происходившим событиям, внимание к мелочам, заботу о благополучии и дисциплине войска, а главное – о военном искусстве, которое в Италии приобрело новые особенности. В период 535–540 гг. полководец смог показать себя как при успешном

сдерживании натиска осад, так и при ночных вылазках. Показательно было довольно грамотное, но нашему мнению, взаимодействие между двумя направлениями наступления – северным и южным. Велизарий также умело использовал и географические особенности территории.

Следует отметить, что в рамках первой готской кампании под руководством Велизария заметно возросла роль полевых командиров, которые могли выполнять не только небольшие тактические задачи, но и стратегически важные операции. Так или иначе, военное дело византийцев обогатилось новым опытом сражений, пригодившимся в последующих военных кампаниях, к анализу которых мы обратимся в дальнейшем.

Список литературы

- Банников А.В. 2019. Римская армия от Адрианополя до «Стратегикона». Санкт-Петербург, Евразия, 192 с.
- Банников А.В., Морозов М.А. 2013. Византийская армия (IV–XII вв.). Санкт-Петербург, Евразия, 688 с.
- Васильев А.А. 2012. История Византийской империи. В 2 тт. Т. 1. Москва, Алетея, 766 с.
- Гущин Е.В. 2018. Византийская армия VI в. в контексте политики реставрации Империи. Дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 344 с.
- Дельбрюк Г. 1999. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 2. Санкт-Петербург, Наука; Ювента, 354 с.
- Дмитриев В.А. 2015. Борьба Римской (Византийской) империи и сасанидского Ирана за преобладание в Передней Азии (III–VII вв.). Москва, Берлин: 51–54.
- Корсунский А.Р., Гюнтер Р. 1984. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). Москва, МГУ, 302 с.
- Кравчук А. 2011. Галерея византийских императоров. М., Астрель, 386 с.
- Кулаковский Ю.А. 2003. История Византии. Т. 1: 395–518 годы. Санкт-Петербург, Алетея, 492 с.
- Кулаковский Ю.А. 2003. История Византии. Т. 2: 518–602 годы. Санкт-Петербург, Алетея, 512 с.
- Сиротенко В.Т. 1975. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в. Пермь, ПГУ, 246 с.
- Удальцова З.В. 1959. Италия и Византия в VI веке. Москва, Академия наук СССР, 542 с.
- Успенский Ф.И. 2005. История Византийской империи. Т. I. Москва, АСТ, Астрель, 624 с.
- Чекалова А.А. 1999. Византия между державой Сасанидов и варварскими королевствами Запада в IV – первой половине VII в. Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Санкт-Петербург, Алетея: 81–104.
- A Companion to Byzantium. 2010. Ed. by L. James. Blackwell Publishing, 677 с.
- Bury J.B. 2005. History of the Later Roman Empire Vols. I–II. London, Macmillan and Co, 532 с.
- Börm H. 2013. Westrom. Von Honorius bis Justinian. Stuttgart, Kohlhammer: 63–91.
- Hughes I. 2009. Belisarius: The Last Roman General. Pen and Sword, 322 с.
- Martindale J.R. 1992. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume IIIA. A.D. 527–641. Cambridge, 761.
- Martindale J.R. 1992. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume IIIB. A.D. 527–641. Cambridge, 1574.
- Norwich J.J. 1988. Byzantium: The Early Centuries. London, Penguin, 407 p.
- Oman C.W. 1892. The Byzantine Empire. London, 522 p.
- Petersen L.I. 2013. Siege Warfare and Military Organization in the Successor States (400–800 A.D.): Byzantium, the West and Islam. Leiden, Brill Publishers, 852 p.
- Vasiliev A.A. 1950. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 655 p.

References

- Bannikov A.V. 2019. Rimskaya armiya ot Adrionopolya do «Strategikona» [The Roman Army from Adrionopolis to «Strategicon»]. Saint Petersburg, Evraziya, 192 s.
- Bannikov A.V., Morozov M.A. 2013. Vizantijskaja armija (IV–XII vv.) [The Byzantine Army (IV–XII Centuries)]. Saint Petersburg, Evraziya, 688 s.
- Vasil'ev A.A. 2012. Istorija Vizantijskoj imperii [The History of the Byzantine Empire]. V 2 tt. T.1. Moscow, , Aletejja, 766 s.
- Gushhin E.V. 2018. Vizantijskaja armija VI v. v kontekste politiki restavracii Imperii [The Byzantine Army of the Sixth Century in the Context of the Restoration Policy of the Empire]. Dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 344 s.

- Del'bryuk G. 1999. Istorija voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoy istorii [The History of Military Art within the Framework of Political History]. Т. 2. Saint Petersburg, Nauka; Yuventa, 354 s.
- Dmitriev V.A. 2015. Bor'ba Rimskoj (Vizantijskoj) imperii i sasanidskogo Irana za preobladanie v Perednej Azii (III–VII vv.) [The Struggle of the Roman (Byzantine) Empire and Sasanian Iran for Supremacy in the Near East (III–VII Centuries)]. Moscow, Berlin: 51–54.
- Korsunskij A.R., Gjunter R. 1984. Upadok i gibel' Zapadnoj Rimskoj imperii i vzniknovenie germanskih korolevstv (do serediny VI v.) [The Decline and Fall of the Western Roman Empire and the Emergence of the Germanic Kingdoms (Until the Middle of the Sixth Century)]. Moscow, MGU, 302 s.
- Kravchuk A. 2011. Galereja vizantijskih imperatorov [Gallery of Byzantine Emperors]. М., Astrel', 386.
- Kulakovskiy Yu.A. 2003. Istorija Vizantii [The History of Byzantium]. V 3 tt. Т. 1: 392–518. Saint Petersburg, 492 s.
- Kulakovskiy Yu.A. 2003. Istorija Vizantii [The History of Byzantium]. V 3 tt. Т. 2: 518–602. Saint Petersburg, 512 s.
- Sirotenko V.T. 1975. Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v Evrope vo vtoroj polovine IV – nachale VI v. [The History of International Relations in Europe in the Second Half of the Fourth and Early Sixth Centuries]. Perm', PGU, 246 s.
- Udal'tsova Z.V. 1959. Italiya i Vizantiya v VI veke [Italy and Byzantium in the VI Century]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 408 s.
- Uspenskij F.I. 2005. Istorija Vizantijskoj imperii [The History of the Byzantine Empire]. Т. I. Moscow, AST, Astrel', 624 s.
- Chekalova A.A. 1999. Vizantiya mezhdurazhzhavoj Sasanidov i varvarskimi korolevstvami Zapada v IV – pervoj polovine VII v. [Byzantium between the Sassanid Empire and the Barbarian Kingdoms of the West in the IV – First Half of the VII Century]. Vizantijskamezhdurazhzhavoj Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoy harakteristiki. Saint Petersburg, Aletejja: 81–104.
- A Companion to Byzantium. 2010. Ed. by L. James. Blackwell Publishing, 677 p.
- Bury J.B. 2005. History of the Later Roman Empire Vols. I–II. London, Macmillan and Co, 532 c.
- Börm H. 2013. Westrom. Von Honorius bis Justinian. Stuttgart, Kohlhammer: 63–91.
- Hughes I. 2009. Belisarius: The Last Roman General. Pen and Sword, 322 c.
- Martindale J.R. 1992. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume IIIA. A.D. 527–641. Cambridge, 761.
- Martindale J.R. 1992. The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume IIIB. A.D. 527–641. Cambridge, 1574.
- Norwich J.J. 1988. Byzantium: The Early Centuries. London, Penguin, 407 p.
- Oman C.W. 1892. The Byzantine Empire. London, 522 p.
- Petersen L.I. 2013. Siege Warfare and Military Organization in the Successor States (400–800 A.D.): Byzantium, the West and Islam. Leiden, Brill Publishers, 852 p.
- Vasiliev A.A. 1950. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 655 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.12.2024

Received 12.12.2024

Поступила после рецензирования 18.05.2025

Revised 18.05.2025

Принята к публикации 20.05.2025

Accepted 20.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зайковская Ольга Сергеевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Olga S. Zaykovskaya, Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0002-8540-6415](https://orcid.org/0009-0002-8540-6415)

УДК 94(497.1)+94(47)+5.6.1+5.6.2
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-608-618
EDN FYLQGO
Оригинальное исследование

Сербская пресса о внешней политике России во время балканского кризиса 1908–1909 гг.

Стоянович М.

Тульский государственный университет,
Россия, 300012, г. Тула, пр. Ленина, д. 92
E-mail: legendanish@yandex.com

Аннотация. В статье автор впервые исследует внешнюю политику России в сербской прессе в период Балканского кризиса 1908–1909 гг. Корни Балканского кризиса восходят к Берлинскому конгрессу 1878 года, когда территория Боснии и Герцеговины была оккупирована Австро-Венгрией, а центральная территория Балканского полуострова осталась под контролем Османской империи. В начале XX века отношения на территории Македонии, Косово и Фракии становились все более напряжёнными, поскольку христианские народы (сербы, греки и болгары) пытались присоединить эти территории к своим государствам. Австро-Венгрия хотела аннексировать Боснию и Герцеговину и начать продвижение в центральные Балканы до Салоники, что встретило сопротивление Сербии. В начале октября 1908 года Австро-Венгрия официально аннексировала Боснию и Герцеговину, что привело к месяцам великой драмы. Сербия готовилась к войне, а Австро-Венгрия начала частичную мобилизацию. В таких обстоятельствах сербская пресса ежедневно сообщает о влиянии великих держав на разрешение балканского кризиса. Сербская пресса уделила больше всего внимания России, надеясь на помощь от братской страны. Идея России и великих держав состояла в созыве конференции, на которой были бы решены проблемы на Балканском полуострове. Под влиянием Австро-Венгрии Германия в конечном итоге под угрозой войны вынудила Россию принять австро-венгерскую аннексию Боснии и Герцеговины. Таким образом, в марте и апреле 1909 года все великие державы приняли аннексию и заставили Сербию признать свершившийся факт. Сербская пресса возлагала большие надежды на Россию осенью и зимой 1908–1909 годов. В марте и апреле 1909 года, к большому разочарованию, она писала о российской внешней политике и предательстве сербских интересов. Они обвиняли министра иностранных дел России Извольского во всех проблемах на Балканском полуострове.

Ключевые слова: Сербия, сербская пресса, Россия, Балканский полуостров, Австро-Венгрия, Босния и Герцеговина, кризис, аннексия

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Стоянович М. 2025. Сербская пресса о внешней политике России во время балканского кризиса 1908–1909 гг. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 608–618. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-608-618. EDN: FYLQGO

Serbian Press on Russian Foreign Policy during the Balkan Crisis of 1908–1909

Milan Stojanovic

Tula State University,
92 Lenin Ave., Tula 300012, Russia
E-mail: legendanish@yandex.com

Abstract. The article pioneers the interpretation of Russia's foreign policy covered in the Serbian press during the Balkan crisis of 1908–1909. The roots of the Balkan crisis went back to the Berlin Congress of 1878, when

the territory of Bosnia and Herzegovina was occupied by Austria-Hungary, and the central territory of the Balkan Peninsula remained under the control of the Ottoman Empire. At the beginning of the 20th century, relations in the territories of Macedonia, Kosovo, and Thrace became increasingly tense, as Christian peoples (Serbs, Greeks, and Bulgarians) tried to annex these areas to their states. Austria-Hungary wanted to annex Bosnia and Herzegovina and begin a push into the central Balkans as far as Thessaloniki, which met opposition from Serbia. In early October 1908, Austria-Hungary officially annexed Bosnia and Herzegovina, leading to months of great drama. Serbia was preparing for war, while Austria-Hungary began partial mobilization. In such circumstances, the Serbian press reported daily on the influence of the great powers in resolving the Balkan crisis. The Serbian press gave the highest coverage to Russia, hoping for help from the fraternal country. The idea of Russia and the great powers was to convene a conference at which the problems on the Balkan Peninsula would be resolved. Under the influence of Austria-Hungary, Germany ultimately, under the threat of war, forced Russia to accept the Austro-Hungarian annexation of Bosnia and Herzegovina. Thus, in March and April 1909, all the great powers accepted the annexation and forced Serbia to recognize the *fait accompli*. The Serbian press, going from great hope for Russia in the autumn and winter of 1908–1909 to immense disappointment in March and April, wrote about the Russian foreign policy and the betrayal of Serbian interests. They accused the Russian Foreign Minister Izvolsky of all the problems on the Balkan Peninsula.

Keywords: Serbia, Serbian press, Russia, Balkan Peninsula, Austria-Hungary, Bosnia and Herzegovina, crisis, annexation

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Stojanovic M. 2025. Serbian Press on Russian Foreign Policy during the Balkan Crisis of 1908–1909. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 608–618 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-608-618. EDN: FYLQGO

Введение

Тема сербско-российских отношений в период Боснийского кризиса 1908–1909 годов существует в парадоксальном пространстве: при своей безусловной значимости она остаётся концептуально неоформленной в академическом дискурсе. Если большинство востребованных научных направлений разрабатываются в режиме «переизбытка» интерпретаций, то здесь мы сталкиваемся с феноменом структурной лакунарности – наличием множества эмпирических данных при отсутствии целостной аналитической матрицы для их осмысления. Сложившаяся ситуация характеризуется тремя ключевыми особенностями: 1) фрагментарность существующих исследований, где отдельные аспекты проблемы рассматриваются вне системных связей; 2) методологический вакуум в подходах к анализу сербско-российского политического взаимодействия; 3) источниковый дисбаланс – преобладание конъюнктурных оценок над фундаментальным анализом.

Проведённая автором исследовательская работа (результатом которой стала монография на сербском языке: Стојановић М. Историја српско-руских политичких односа од XVIII века до данас – Нови Сад: Архив Војводине, 2022. – 415 с.) осуществлялась в методологическом ключе критического историцизма – подхода, позволяющего выявить не только фактологическую канву отношений, но и их имманентную логику развития. Особое внимание было уделено деконструкции устоявшихся историографических клише, выявлению латентных факторов влияния, анализу нелинейной динамики двусторонних отношений. О боснийском кризисе писали: 1) Stojanović N. *Bosanska kriza: (1908–1914 god.)*. Sarajevo : "Veselin Masleša", 1958. 118 S.; 2) Војводић М. Оцене руско-српских односа у светлу анексионе кризе // Научни скупови / Српска академија наука и уметности ; књ. 155. Одељење историјских наука; књ. 38. 2016. С. [139]–143; 3) Никофоров К. Политика Русије према Босанској кризи // Руска политика на Балкану : зборник радова. 1999. С. 125–127.

Начало XX века застало Балканский полуостров в состоянии уникального правового дуализма. Берлинский конгресс 1878 года создал беспрецедентную конструкцию: *de jure* Босния и Герцеговина оставались «неотъемлемой частью» Османской империи (статья 25

Берлинского договора), а de facto перешли под полный контроль Австро-Венгрии [Сборник договоров, 1952, с. 193]. Это породило феномен «правового вассалитета», где местное мусульманское дворянство продолжало апеллировать к Стамбулу, венский двор осуществлял реальное управление, а сербское население ориентировалось на Белград.

Австро-венгерская балканская политика представляла собой многоуровневую систему давления. Особую значимость приобрел Новопазарский проект, создававший транспортный коридор к Эгейскому морю. Как писал в январе 1908 года Эренталь своему послу в Стамбуле, строительство железной дороги в Новопазарском санджаке стало бы прямым проникновением вглубь полуострова. Это нарушало все прежние австро-русские соглашения о Балканах.

Исследование выявило три ключевых нарратива в сербской прессе: 1) дискурс предательства: критика российской уступчивости и разоблачение «железнодорожной дипломатии» Эренталья; 2) концепция единства: апелляция к общеславянской солидарности и конструирование образа «братской России»; 3) тактика сопротивления: публикация секретных документов и координация с зарубежными изданиями. Автор исследует сербскую прессу и политические обстоятельства, в которых она публиковалась в Сербии, Австро-Венгерской империи, Османской империи и Соединённых Штатах. Впервые доказано, что сербская пресса выполняла функции: 1) альтернативного дипломатического канала; 2) инструмента мобилизации общественного мнения; 3) платформы транснационального антигабсбургского дискурса. Установлена корреляция между: 1) тональностью публикаций и динамикой кризиса; 2) географией распространения и политическим воздействием. Разработана оригинальная методика анализа исторических медиатекстов через призму: 1) контент-стратегий; 2) дискурсивных практик; 3) информационных потоков.

Результаты и их обсуждение

Летне-осенний период 1908 года стал временем небывалой дипломатической турбулентности [Стојановић, 2022, с. 279–280]. Встреча Николая II с Эдуардом VII в июне спровоцировала «имперскую обиду» Османской империи, ускорившую младотурецкий переворот в июле. В августе отдых Эренталья в Карлсбаде превратился в неформальный штаб кризисного реагирования. Здесь была окончательно разработана стратегия аннексии [Айрапетов, 2018, с. 386].

Кульминацией стала тайная встреча в Бухлау 15–16 сентября 1908 года, где Извольский и Эренталь договорились о взаимном признании аннексии и прав России на проливы. Однако этот план провалился из-за сопротивления других великих держав [Бестужев-Лада, 1960, с. 121–124]. Как с горечью констатировала *Политика* 6 сентября: «Австрийская пресса с величайшим восторгом констатирует полное согласие между министрами». Уже через четыре дня та же газета писала: «Эренталь хорошо известен как человек с большими амбициями и любящий политику сюрприза» [Политика, 1908, № 1666, с. 1].

Всего четыре дня спустя *Политика* с тревогой пишет в статье «Новое об аннексии»: «Эренталь хорошо известен как человек с большими амбициями и любящий политику сюрприза. (...) То, что теперь можно ожидать нового нападения в Боснии, не более неожиданно, чем недавнее нападение на железную дорогу в Нови-Пазаре» [Политика, 1908, № 1670, с. 1].

7 октября 1908 года Франц Йосиф официально провозгласил аннексию, сопроводив её обвинениями Сербии в «антинемецкой истерии» [Стојановић, 2022, с. 281]. Сербская пресса отреагировала резко: «Мы ведём войну с Австрией. Если бы её вела только Сербия, это было бы заранее известное поражение. Но её ведём с Черногорией и всей Боснией и Герцеговиной» [Политика, 1908, № 1685, с. 1].

Октябрь 1908 года стал временем небывалого единения сербского общества. По всей стране проходили митинги, формировались добровольческие отряды. Однако надежды на поддержку России быстро таяли. *Политика* 14 октября в большом анализе «Сербия и великие державы» с горечью объясняла, насколько Босния и Герцеговина важны для сербского народа и как реагируют великие державы в случае созыва новой международной конференции.

Всего в одной фразе сербский автор упомянул Россию: «Позволят ли Россия, чтобы в европейском восточном вопросе она испытала такое же поражение, как в азиатском?» [Политика, 1908, № 1691, с. 1]. На третьей странице этого номера *Политики* в статье «Конференция» журналист также затронул Дарданеллы и положение России на конференции, написав с большим негодованием о российской дипломатии: «Соглашение Грея и Извольского не относится к вопросу Дарданелл, который Извольский хотел бы решить благоприятно для России. Англия хотела бы в этом вопросе связать Россию, но не может, потому что тем самым она обидела бы Турцию, которая ни в коем случае не согласится с тем, чтобы проход через Дарданеллы и Босфор был свободным. Наконец, этот вопрос был таким образом решён между Греком и Извольским: пусть Извольский попробует договориться об этом напрямую с Турцией ещё до конференции, а затем, если Турция согласится, дело будет вынесено на конференцию. Наиболее вероятно, что Россия, которая оставила судьбу Боснии и Герцеговины и сербского народа только для того, чтобы решить вопрос о Дарданеллах, останется ни с чем. Это называется успехами российской дипломатии» [Политика, 1908, № 1692, с. 3].

В день, когда была объявлена аннексия, *Правда* вышла в чрезвычайном номере. Целый номер был посвящён аннексии. На первой странице была статья «На войну!» с призывом к сербскому народу больше не молчать. Суммируя политику европейских держав, *Правда* заключает: «Россия и в этот раз предала нас и сдала...» [Правда, 1908, № 262, с. 1].

Сербию охватило глубокое разочарование российской политикой, проявившей чрезмерную уступчивость в вопросе аннексии. Россия ограничилась предложением о созыве международной конференции по урегулированию балканского кризиса. Однако все великие державы, включая саму Россию, в конечном итоге согласились признать аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. *Правда*, которая всегда писала положительно о России, 15 октября в большом анализе «Не с Россией» задала вопрос: следует ли Сербии дальше двигаться с Россией или надо обратиться к Великобритании. «Не даёт ли это повод задуматься, является ли шаг сближения с Россией со стороны наших влиятельных кругов разумным и принесёт ли он пользу нашей национальной политике? Считается ли разумным сегодня сближаться с Россией, когда Англия так очевидно идёт нам на руку? Нужно прояснить, чья рука сегодня искреннее. Разве историография, как современная, так и в рамках Берлинского договора, не даёт нам достаточно материала, чтобы верить, что и сегодня Россия неискренна... Никаких сомнений нет, что Россия из своих собственных интересов поддерживает проникновение немцев на Балканы» [Правда, 1908, № 282, с. 1].

Журналисты *Малого журнала* с разочарованием писали о русской политике. «Можно ли ещё кому-то верить на пустые слова, когда два царя не держат слова и обманывают сербский народ? Нет, и у терпения есть конец» [Мали журнал, 1908, № 274, с. 1].

Цариградски гласник в статье «Берлинский договор» анализировал всю картину событий с 1877 по 1908 годы и констатировал, что Берлинский договор был аннулирован аннексией Боснии и Герцеговины и признанием независимости Болгарии. «Провозглашение болгарской независимости одновременно с аннексией Боснии и Герцеговины лишь ещё одно доказательство того, что Болгария заплыла в австрийские воды, полностью освободившись от российского влияния. Оба акта, кажется, поддерживала Германия. Англия была против них, пока это только намечалось через прессу. Россия, похоже, не знала об этом. Порта не признала ни одно действие, которым меняется существующий статус-кво на Балканах» [Цариградски гласник, 1908, № 39, с. 1].

В ответ на аннексию Боснии и Герцеговины Россия выступила с инициативой созыва международной конференции для рассмотрения нарушения положений Берлинского трактата 1878 года. Этот дипломатический шаг был призван мирным путём урегулировать возникший кризис и найти правовое решение вопроса. «А.П. Извольский во время обсуждения сформулировал своё видение политики следующим образом: «В сущности [есть] три пути: 1) война, 2) согласие с Австрией и 3) отказ в согласии. Раз война отвергнута, согласие – также, следовательно приходится принимать третье решение» [Бестужев-Лада, Борьба, 1962, с. 138].

Извольский надеялся, что Германия поддержит Россию, однако 30 октября Германия официально поддержала политику Австро-Венгрии.

Браник на протяжении недели после аннексии занимался исключительно возможной войной Сербии и Австро-Венгрии и волнением сербского народа. Только через неделю после аннексии, в номере от 14 октября вышли две статьи «Война или мир?» и «Сербия и аннексия Боснии и Герцеговины», в которых журналист рассматривает отношения великих держав к аннексии. Только во второй статье журналист касается и России. «Трудно поверить версии, которая, конечно, идёт из Вены, что Россия и Италия принципиально согласились на аннексию в определённой форме и при определённых условиях. (...) Но если выглядит так, что даже славянская Россия не хочет вступать в войну с Австрией из-за Боснии, как можно ожидать, что Великобритания выступит за защиту Боснии и Герцеговины от Австрии?!» [Браник, 1908, № 220, с. 2].

Два дня спустя *Браник* в анализе на всю первую страницу «Европейская конференция и свершившийся акт» детально исследовал балканский кризис, политику Вены и влияние России. «Наша монархия всегда придавала большое значение мнению и позиции России в делах европейского востока. (...)

С тех пор как была провозглашена аннексия Боснии и Герцеговины, стало известно, что российский министр иностранных дел Извольский уже несколько месяцев назад вёл разговоры с бароном Эренталом об аннексии Боснии и Герцеговины и что Извольский сказал Эренталу, что хотя Россия не может одобрить аннексию Боснии и Герцеговины, но из-за аннексии не будет войны с Россией. Конечно, барон Эренталь мог это рассматривать как некое согласие России на аннексию. Но мог ли и смел ли Извольский дать такое заявление барону Эренталу? Все народные традиции русского народа указывают на то, что Россия была защитницей христианских народов на Балканах, что она пролила реки крови за эти народы, как за своих братьев, и потратила бесчисленные миллионы. Согласно этой народной традиции русского народа, Извольский не мог и не должен был делать барону Эренталу такого заявления, какое он сделал. В другой стране ни один министр не остался бы на своём месте даже на час, когда бы обнаружили последствия такой ошибки. (...) Само собой разумеется, что сегодня Извольский пытается исправить свою большую ошибку» [Браник, 1908, № 224, с. 1].

Застава долго не уделяла внимания роли России в аннексии. Только 11 октября в статье «Над Балканами все больше туч» в нескольких предложениях объясняется позиция министра иностранных дел России: «В английской прессе указывают, что шатается не только пост русского министра иностранных дел Извольского, но и российского посла в Вене, герцога Урусова. Извольский падёт, как только прибудет в Петроград, поскольку он действовал на свой страх и риск и, как говорят, главным образом из-за того, что, не спрашивая российское правительство и российского царя, заявил, что Россия не будет считать аннексию Боснии и Герцеговины серьёзным делом, из-за которого могло бы возникнуть столкновение» [Застава, 1908, № 225, с. 1].

Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией создала необратимый геополитический факт, спровоцировав полномасштабный Балканский кризис. Этот кризис не был разрешён в 1909 году, как предполагалось, а лишь отложен, создав предпосылки для будущих конфликтов. Премьер-министр Столыпин, оценивая действия министра иностранных дел Извольского как непростительную ошибку, настаивал перед Николаем II на его отставке. Он предлагал России занять жёсткую позицию – отказаться от признания аннексии и инициировать созыв международной конференции. Хотя император сохранил Извольского на посту, уже весной 1909 года началась реорганизация внешнеполитического ведомства. Позиция Франции, связанной с Австро-Венгрией тесными экономическими интересами, оказалась ещё одним фактором дипломатической изоляции России в этом вопросе [Мультагули, 2017, с. 595].

Браник защищал Россию, точнее, пытался оправдать ошибки Извольского: «Извольский должен был исправить одну из своих больших ошибок. Можно сказать, что Извольский очень легкомысленно поступал, и это без полномочий, во всём деле аннексии Боснии и Герцеговины.

(...) Царь Николай II из-за великой ошибки, которую совершил Извольский, не уволил его сразу, а дождался, чтобы Извольский, своей поездкой в Лондон, Париж и Берлин исправил свою большую ошибку, подготавливая созыв конференции» [Браник, 1908, № 244, с. 1]. 23 ноября 1908 года Австро-Венгрия официально заявила о своём категорическом отказе от проведения международной конференции по вопросу аннексии Боснии и Герцеговины. На Балканах стремительно нарастала военная напряжённость: Сербия и Черногория готовились к возможному конфликту с Австро-Венгрией, в то время как Османская империя демонстрировала готовность к противостоянию с Болгарией [Hutzendorf, 1921, с. 138].

Однако австро-венгерское правительство воздерживалось от первичного применения военной силы, опасаясь непредсказуемой реакции со стороны России. Центр дипломатического решения кризиса фактически переместился в Берлин. Император Николай II предпринял личную дипломатическую инициативу, обратившись к кайзеру Вильгельму II, однако германский монарх демонстративно игнорировал возможности мирного урегулирования. В январе 1909 года немецкая сторона выдвинула компромиссное предложение: формальное признание Белградом аннексии в обмен на предоставление Сербии отдельных экономических преференций.

Политика в статье «Настроение в России» уверяла читателей: «Как бы ни держалось российское правительство, симпатии русского народа на нашей стороне» [Политика, 1908, № 1826, с. 2]. В том же номере в статье «Перед решением» журналист пишет о возможном принятии Россией немецкого предложения. «По сообщениям из Лондона и Берлина кажется, что Россия в принципе согласилась на предложение германского правительства, но пока ещё ничего не известно, что великие державы будут требовать от сербского правительства, так как об этом ещё предстоит вести переговоры. (...) Все сведения о том, что Россия согласилась совместно с другими великими державами требовать от Сербии отказаться от претензии на территориальные компенсации, сообщения, которые, как мы знаем, поступали в основном из Вены, преждевременны. Ни Россия до сих пор не согласилась на это, ни точно не известно, в чем состоит германское предложение» [Политика, 1908, № 1826, с. 2].

Ситуация в начале 1909 года начала разрешаться в пользу Вены [Стојановић, 2022, с. 284]. Германия заключила с Османской империей соглашение, согласно которому от Австро-Венгрии получает 2,5 миллиона фунтов стерлингов в обмен на отказ от суверенитета над Боснией и Герцеговиной [История дипломатии, 1945, с. 195]. Германская империя открыто гарантировала военную поддержку Австро-Венгрии в случае вооружённого конфликта, рассчитывая при этом на уступчивую позицию России.

Застава передавала новости из всех европейских газет. Они пытались угадать, что готовят великие державы. «Европейские силы должны сделать всё, чтобы избежать столкновения. Англия и Франция поддержат любое действие, на которое согласится Россия. Английские газеты сообщают, что австро-венгерское правительство уведомило Россию, что в ближайшем будущем не собирается нападать на Сербию» [Застава, 1909, № 35, с. 1].

Два дня спустя *Застава* пишет: «В дипломатических кругах считают, что Россия тем, что сама предприняла известный шаг в отношении сербского правительства, хотела воспрепятствовать вмешательству других сил и, по желанию Сербии, предотвратить уже сейчас вопрос об аннексии. В Вене сомневаются и в том, что сербское правительство, как говорят, вполне вероятно по совету России, в последнее время так подчёркивает, что хочет сохранить мир, и даже работает над тем, чтобы предотвратить всё, что могло бы хоть немного выглядеть как провокация» [Застава, 1909, № 37, с. 1–2]. *Браник* не был так оптимистичен. В статье «Ультиматум или конференция» он описал подготовку и сосредоточение австро-венгерской армии на границе с Сербией в феврале 1909 года и задался вопросом, требуется ли конференция после соглашения Османской империи и Австро-Венгрии, и констатировал, что она крайне необходима [Браник, 1909, № 29, с. 1]. «Вчера пришли очень серьёзные новости о большой напряжённости между нашей монархией и Сербией. Судя по всему, будет настоящим чудом, если войну удастся избежать. Опасность ситуации на Балканах, похоже, всё больше

распространяется и на остальную Европу» [Браник, 1909, № 31, с. 1]. Уже в следующем выпуске *Браника*, в статье «Военная опасность», подробно разбирается европейская политическая ситуация и неизбежная война. Анализируя позицию России, журналист пишет: «Наша монархия рассчитывала также на то, что Россия добровольно согласится оказать давление на Сербию, и это тем более обоснованно, поскольку это стало возможным благодаря глупой политике русского министра иностранных дел господина Извольского, который непосредственно перед объявлением аннексии совершенно без необходимости заявил Эрентало, что Россия не забывает о соглашении с Австро-Венгрией в Рейхштаге 1876 года относительно Боснии и Герцеговины. Тем не менее народное мнение в России, особенно в Государственной Думе, было совершенно иным, чем та глупая политика господина Извольского, который в конечном итоге должен был сам признать свою глупость и направиться по тому пути, который ему предписывало народное мнение в России. Россия в последние дни заявила, что готова оказать давление на Сербию в согласии с другими великими державами в интересах мира, но при этом это давление должно осуществляться и в Вене, и относительно различий, существующих между Сербией и Австро-Венгрией, чтобы эти различия и справедливые требования Сербии разрешила европейская конференция» [Браник, 1909, № 32, с. 1].

Цариградски гласник с большим недовольством опубликовал статью «Продажа Боснии и Герцеговины» о согласии турецкого правительства с денежной компенсацией на австро-венгерскую аннексию [Цариградски гласник, 1909, № 8, с. 1]. В следующем номере *Цариградского гласника* вышла статья «Европа на службе Австрии», в которой европейские державы обвиняются в поддержке аннексии. «Кажется, что вся Европа встала на службу Австрии. По-другому нельзя объяснить последний поворот в её политике по отношению к Сербии и Черногории. (...) Известно, что Россия от имени всех великих держав первой предприняла этот неоправданный шаг, чтобы только Сербия, а не Австрия, была предупреждена, и чтобы только от Сербии требовалось самоустранение» [Цариградски гласник, 1909, № 9, с. 1]. На той же странице в статье «Шаги европейских держав в Белграде», журналист объясняет: «Российское правительство, поскольку оно согласилось присоединиться к немецкому предложению об интервенции в Белграде, приказало своему послу в Белграде Сергееву дружески, устно, сообщить сербскому правительству, что последнее должно отказаться от своих требований об автономии Боснии и Герцеговины, а также от земельных компенсаций для Сербии» [Цариградски гласник, 1909, № 9, с. 1].

И *Дубровник* панически писал о предстоящей войне: «Война может вспыхнуть уже на этой неделе. Безусловно, эта новость ещё сильнее убеждает нас, что мир накануне страшных событий, и, если сейчас не произойдёт какого-то резкого поворота, мы переживём ужасное истребление, в котором прольётся много братской крови» [Dubrovnik, 1909, № 18, с. 2].

Правда долго передавала вести из западной прессы. В середине февраля задавались вопросом, что сделает Россия. В статье «Миротлюбивая политика России» журналист пишет: «Чтобы не оставлять никаких сомнений в своих намерениях, русский кабинет заявил и в Париже, и в Берлине, что он на Востоке видит только миротлюбивую политику и что не сможет одобрить территориальные претензии Сербии» [Правда, 1909, № 46, с. 1].

В конце января *Американский Србобран* в большой статье «Что сказала Сербия» более реалистично объяснил политический кризис на Балканах. «Из боязни, что Россия захватит Балканы, Европа пыталась создать ей помехи, толкая Австрию на Балканах через берлинский конгресс, позволив ей оккупировать Боснию и Герцеговину. (...) Доказано, что Балканам не угрожает опасность со стороны России, у которой нет завоевательных намерений, и поэтому уже у Европы должен отпасть любой повод, держащий Австрию на Балканах. На всё это Австрия ответила уклонением от договора, который привёл её в Боснию и Герцеговину, превратив оккупацию в аннексию» [Американски Србобран, 1909, № 158, с. 3].

Российская империя, осознавая свою неподготовленность к крупномасштабному военному конфликту с коалицией Австро-Венгрии и Германии, оказалась перед тяжелым дипломатическим выбором. Австро-венгерское правительство выдвинуло Сербии

ультимативное требование о безоговорочном признании аннексии Боснии и Герцеговины, подкрепленное прямой угрозой военного вторжения [Мультиатули, 2017, с. 599].

Сербы хотели войны, ожидая, что наконец освободят Боснию и Герцеговину и объединятся с народом по ту сторону реки Дрины. Однако 13 марта *Политика* опубликовала статью «Россия снова уступает», в которой с большим разочарованием журналист поясняет: «Россия снова уступила Австрии! (...) Большинство великих держав ответило, правда, по его желанию (Эренталя, прим. ред.), но Россия ответила, что принимает к сведению соглашение между Австрией и Турцией, однако считает, что вопрос об аннексии всё же должен быть вынесен на обсуждение на европейской конференции. С этого момента австрийская дипломатия начала всеми силами работать над тем, чтобы сломить Россию в этом вопросе. С этого момента они в Вене и Пеште начали бить в крупнейшие барабаны, проповедуя войну по всем направлениям, угрожая России, что она погибнет, если Австрия начнёт военные действия против неё, что она вскоре потерпит крах из-за внутренней революции и т. д.! Хотя это средство так глупо и прозрачно – кажется, что оно имело успех. Извольский снова готовился к уступкам, если уже не уступил! Он готов и сам признать аннексию как свершившийся факт, о котором больше никто не имеет права дискутировать. Он согласится, что созыв европейской конференции будет лишь для видимости, чтобы одобрить аннексию! Когда смотришь на всё российское поведение с начала этого кризиса до сегодняшнего дня, не видно ничего иного, как только один ряд уступок Австрии» [Политика, 1909, № 1852, с. 1].

С большим разочарованием *Политика* опубликовала статью «Русский позор». «Сколько вопрос аннексии Боснии и Герцеговины является нашей бедой, столько же он является и русским позором. Можно было бы даже сказать, что беда никогда не была так велика, как позор, тот вечный русский позор! Три дня назад стало известно из частных петроградских новостей, что российское правительство согласилось признать аннексию. У нас всё-таки не хотели верить этим известиям. Потому что всё общее поведение российского правительства с первого дня после объявления аннексии указывало на то, что Россия не собирается признать этот позорный, разбойничий акт. (...) Когда соглашение о продаже Боснии между Турцией и Австрией было заключено, Извольский заявил, что соглашение действительно облегчает кризис, но что аннексия зависит только от решения великих держав, а никак не от турецко-австрийского соглашения» [Политика, 1909, № 1854, с. 1].

В следующем номере *Политики* вышла статья «Признание аннексии», в которой подтверждается новое российское решение. «Россия решила не только признать аннексию Боснии и Герцеговины, но и уже признала её. Два дня назад в полдень была передана австрийскому министерству иностранных дел русская нота, в которой российское правительство заявляет о согласии признать аннексию Боснии и Герцеговины» [Политика, 1909, № 1854, с. 2].

Также *Правда* писала аналогично *Политике*. С большим разочарованием из номера в номер журналисты *Правды* говорили о поражении Сербии, предательстве великих держав и тому подобном. Официально новость была передана 16 марта: «Об австро-русском соглашении сообщают как о факте: Соглашение между Веней и Петроградом свершённый факт. Российское правительство признаёт аннексию и турко-австрийское соглашение. Австро-Венгрия отказывается от военных мер против Сербии после завершения действий, которые Россия самостоятельно предпримет в Белграде, не навредив параллельной акции других держав, чтобы побудить сербское правительство заявить, что оно будет разоружаться и избегать всего, что могло бы оскорбить австрийские права и интересы в Боснии и Герцеговине» [Правда, 1909, № 75, с. 2].

Цариградски гласник с большим негодованием писал. В статье «Европа едина на службе Австрии» говорится: «Позорно, что Европа и Россия делают на службе Австрии. (...) Россия ведёт эту игру. Она вела её и при первой интервенции великих держав в Белграде. (...) Россия не долго колебалась, она предала славянское государство и первой, до западных неславянских держав, признала аннексию Боснии. (...) Этот самый постыдный поступок официальной

России полностью изменил всю ситуацию. Это была первая победа Австрии. Всё остальное произошло само собой» [Цариградски гласник, 1909, № 12, с. 1–2].

Браник с оптимизмом писал в январе и феврале 1909 года, однако, когда в марте появилась информация о том, что великие державы признают аннексию, журналисты этого издания также начали писать с разочарованием. В статье «Кусок узкой земли» *Браник* объяснял, почему важно, чтобы Сербия получила территорию Новопазара и переместила свою границу к Черногории. Далее говорится о Берлинском конгрессе и несправедливостях, причинённых сербскому народу. «Если бы европейская конференция состоялась, Сербия, возможно, имела бы какие-то шансы на компенсацию. Сегодня Россия, хотя и ослаблена японской войной, имела на возможной европейской конференции гораздо более сильную позицию, чем на Берлинском конгрессе. Сегодня Россия уладила свои отношения с Англией в Азии, и сегодня Англия является союзником России. Сегодня Россия более не является противником Англии, а противником Англии является Германия, с которой сегодня существуют натянутые отношения в наибольшей степени. Франция связана союзным договором с Россией, а Италия, кажется, более не находится в Тройственном союзе, так что в случае войны наша монархия должна была бы поставить наблюдательный кордон против Италии. (...) Ни Россия, ни Франция не желают войны, а Англия как сухопутная сила не считается. Босния и Герцеговина не считаются объектами, заслуживающими войны, а небольшой, узкий участок земли, на который претендует Сербия, меньше всего заслуживает того, чтобы из-за него воевать в Европе» [Браник, 1909, № 56, с. 1]. В следующем номере *Браника* вышла подробная статья «Турция и Болгария в свете балканского кризиса», в которой анализируются отношения двух государств. Рассказывая о новых обстоятельствах, возникших после заключения соглашения между Австро-Венгерской и Османской империями, журналист приходит к выводу: «Россия до сих пор придерживалась точки зрения, что решению европейской конференции не следовало ставить предвосхищение, тем более что на ней бы была исключена дискуссия на тему аннексии. Но теперь Россия отказалась и от этой точки зрения. Россия не желает войны. (...) И Англия не желает войны, как и другие великие державы. Где же сегодня те симпатии в сторону Сербии, которые великие державы проявляли после аннексии Боснии и Герцеговины, которые пробуждали в ней надежду на то, что её требования в интересах сербства на Балканах будут удовлетворены? (...) Где же сегодня те предположения о поддержке России? (...) Сербия за последние дни из одного разочарования погрузилась в другое. Она осталась одна» [Браник, 1909, № 57, с. 1].

Заключение

Оказавшись перед угрозой военного вмешательства Германии на стороне Австро-Венгрии, Россия, ещё не оправившаяся от последствий русско-японской войны и революции 1905–1907 годов, была вынуждена отступить. Неготовность к крупномасштабному конфликту, финансовые трудности и отсутствие надёжных союзников заставили Санкт-Петербург согласиться с аннексией Боснии и Герцеговины, оставив Сербию без поддержки. Это унижительное отступление современники называли «дипломатической Цусимой» – по аналогии с разгромом русского флота в 1905 году [История внешней политики России, 2018, с. 248]. В течение роковых мартовских дней 1909 года Сербия, тщетно ожидавшая британского вмешательства, столкнулась с жестокой правдой международной политики. Великобритания, руководствуясь прагматичными соображениями, предпочла сохранить отношения с Веней, особенно после капитуляции России и Франции. Решительные действия Австро-Венгрии – частичная мобилизация 16 марта – стали последним аргументом, заставившим Белград 17 марта под российским давлением полностью отказаться от претензий на Боснию. 26–27 марта (8–9 апреля) 1909 года державы совершили юридическое оформление нового статус кво: 1) официальная отмена статьи 25 Берлинского договора; 2) коллективное признание аннексии; 3) закрепление дипломатической победы Центральных держав. Кризис стал катализатором глубинных процессов: 1) окончательное оформление военно-

политических блоков; 2) младотурецкая революция (апрель 1909) и её последствия; 3) кадровая революция: отставка Извольского (1910) и приход Бетман-Хольвега в Германии. Этот кризис не разрешил балканские противоречия, а лишь отложил их на время, создав взрывоопасную ситуацию, которая в конечном итоге привела к глобальному конфликту.

Список источников

- Политика, Београд, 6. сентября 1908. године, № 1666, с. 1.
Политика, Београд, 10. сентября 1908. године, № 1670, с. 1.
Политика, Београд, 25. сентября 1908. године, № 1685, с. 1.
Политика, Београд, 26. сентября 1908. године, № 1686, с. 1.
Политика, Београд, 1. октября 1908. године, № 1691, с. 1.
Политика, Београд, 2. октября 1908. године, № 1692, с. 1.
Правда, Београд, 24. септембра 1908. године, № 262, с. 1.
Правда, Београд, 15. октября 1908. године, № 282, с. 1.
Мали журнал, Београд, 30. септембра 1908. године, № 274, с. 1.
Цариградски гласник, Цариград, 26. септембра 1908. године, № 39, с. 1.
Браник, Нови Сад, 1. (14. октября) 1908. године, № 220, с. 2.
Браник, Нови Сад, 5. (18.) новембра 1908. године, № 224, с. 1.
Застава, Нови Сад, 11. октября 1908. године, № 225, с. 1.
Браник, Нови Сад, 29. октября (11. новембра) 1908. године, № 244, с. 1.
Политика, Београд, 15. фебруара 1909. године, № 1826, с. 2.
Политика, Београд, 27. фебруара 1909. године, № 1868, с. 1.
Застава, Нови Сад, 17. фебруара (2. марта) 1909. године, № 35, с. 1.
Застава, Нови Сад, 19. фебруара (4. марта) 1909. године, № 37, с. 1–2.
Браник, Нови Сад, 10. (23.) фебруара 1909. године, № 29, с. 1.
Браник, Нови Сад, 12. (25.) фебруара 1909. године, № 31, с. 1.
Браник, Нови Сад, 13. (26.) фебруара 1909. године, № 32, с. 1.
Цариградски гласник, Цариград, 20. фебруара 1909. године, № 8, с. 1.
Цариградски гласник, Цариград, 27. фебруара 1909. године, № 9, с. 1.
Dubrovnik, Дубровник, 19. марта 1909. године, № 18, с. 2.
Правда, Београд, 15. фебруара 1909. године, № 46, с. 1.
Американски Србобран, Питсбург, 22. јануара 1909. године, № 158, с. 3.
Политика, Београд, 13. марта 1909. године, № 1852, с. 1.
Политика, Београд, 15. марта 1909. године, № 1854, с. 1.
Правда, Београд, 16. марта 1909. године, № 75, с. 2.
Цариградски гласник, Цариград, 20. марта 1909. године, № 12, с. 1–2.
Браник, Нови Сад, 13. (26.) марта 1909. године, № 56, с. 1.
Браник, Нови Сад, 14. (27.) марта 1909. године, № 57, с. 1.

Список литературы

- Айрапетов О.Р. 2018. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. Москва, Кучково поле, 768 с.
- Бестужев-Лада И.В. 1960. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. *Исторический архив*. 6: 60–76.
- Бестужев-Лада И.В. 1962. Борьба в правящих кругах в России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса. *Исторический архив*. 5: 113–147.
- История внешней политики России: В 5 т. Т. 5. 2018. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). Москва, Академический проект; Парадигма. 658 с.
- История дипломатии. Под редакцией В.П. Потемкина. 1945. Москва; Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1941–1945. (Библиотека внешней политики). Дипломатия в новое время: (1872–1919 гг.). 1945. VII. 423 с.
- Мультипули П. В. 2017. Россия в эпоху царствования Николая II Благочестивого. В 2 томах. Москва, Русский издательский центр имени святого Василия Великого. 704 с.

- Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. 1952 [под ред. Е.А. Адамова; сост. И.В. Козьменко]. Москва Госполитиздат. 464 с.
- Стојановић М. 2022. Историја српско-руских политичких односа од XVIII века до данас. Архив Војводине. Нови Сад. 415 с.
- Hutzendorf C. 1921. Aus meiner Dienstzeit 1906–18, 5 vol. (1921–25; “My Service 1906–18”). (Из моей службы. 1906–1918. Т. 1–5. Вена, 1921. Т. 1). Volume 1. Wien. 676 p.
- Michon G. 1929. The Franco-Russian Alliance 1891–1917. Norman Thomas. Allen & Unwin. 340 p.

References

- Ayrapetov O.R. 2018. Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii. 1801–1914 gg.: v 4 t. T. 4. Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya II. 1894–1914 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire. 1801–1914]. Moscow, Kuchkovo pole, 768 p.
- Bestuzhev-Lada I.V. 1960. Bor'ba v Rossii po voprosam vneshney politiki. 1906–1910 [The Struggle in Russia over Foreign Policy Issues. 1906–1910]. *Istoricheskiy arkhiv*. 6: 60–76.
- Bestuzhev-Lada I.V. 1962. Bor'ba v pravyashchikh krugakh v Rossii po voprosam vneshney politiki vo vremena Bosniyskogo krizisa [The Struggle in the Ruling Circles in Russia over Foreign Policy Issues during the Bosnian Crisis]. *Istoricheskiy arkhiv*. 5: 113–147.
- Istoriya vneshney politiki Rossii: V 5 t. T. 5. 2018. Konets XIX – nachalo KhKh veka (Ot russko-frantsuzskogo soyuza do Oktyabr'skoy revolyutsii) [Beginning of the 20th Century (From the Russian-French Alliance to the October Revolution)]. Moscow, Akademicheskii proekt; Paradigma. 658 p.
- Istoriya diplomatii [History of Diplomacy]. Pod redaksiei V.P. Potemkina. 1945. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1941–1945 (Biblioteka vneshney politiki). Diplomatiya v novoe vremya: (1872–1919 gg.) [Diplomacy in Modern Times: (1872–1919)]. 1945. VII. 423 p.
- Mul'tatuli P. V. 2017. Rossiya v epokhu tsarstvovaniya Nikolaya II Blagochestivogo [Russia in the Era of the Reign of Nicholas II the Pious]. V 2 tomakh. Moscow, Russkiy izdatel'skiy tsentr imeni svyatogo Vasiliya Velikogo. 704 p.
- Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 [Collection of Treaties between Russia and Other States. 1856–1917]. 1952. [pod red. E.A. Adamova; sost. I.V. Koz'menko]. Moscow Gospolitizdat. 464 p.
- Stojanovic M. 2022. History of Srp-Russian Politicians from the 18th Century to the Present Day. Archives of Vojvodina. Novi Sad. 415 p.
- Hutzendorf C. 1921. Aus meiner Dienstzeit 1906–18, 5 vol. (1921–25; “My Service 1906–18”). (Из моей службы. 1906–1918. Т. 1–5. Вена, 1921. Т. 1). Volume 1. Wien. 676.
- Michon G. 1929. The Franco-Russian Alliance 1891–1917. Norman Thomas. Allen & Unwin. 340 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.03.2025

Received 23.03.2025

Поступила после рецензирования 30.06.2025

Revised 30.06.2025

Принята к публикации 02.07.2025

Accepted 02.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Стоянович Милан, аспирант кафедры истории государства и права, Тульский государственный университет, г. Тула, Россия

Stojanovic Milan, Postgraduate Student of the Department of History of State and Law, Tula State University, Tula, Russia

 [ORCID: 0009-0002-2343-172X](https://orcid.org/0009-0002-2343-172X)

УДК 94(510+597)"1979":070(4+7)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-619-630

EDN GYSAXN

Оригинальное исследование

Интерпретация событий китайско-вьетнамской войны 1979 г. периодической печатью стран Запада

Кудрявцев В.Ю.

Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

E-mail: kudrvl62@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ материалов периодической печати стран Запада, посвященных событиям китайско-вьетнамской войны 1979 г. Отмечено, что вне зависимости от языка и страны происхождения конкретного издания западная периодика выступала с единых позиций. Указано, что интерпретация событий войны базировалась в том числе на замалчивании «неудобных» фактов о реальных первопричинах конфликта и действиях китайской армии на чужой земле, гиперболизации «советской угрозы», противопоставленной «миротворческим усилиям» США и их европейских союзников. Приведены доводы, объясняющие причины пребывания изданий на позициях благожелательного нейтралитета по отношению к Китаю. Сделан вывод о политизированном отношении западной прессы к событиям войны между двумя социалистическими странами.

Ключевые слова: Вьетнам, КНР, китайско-вьетнамская война, периодическая печать, страны Запада, СССР, китайско-вьетнамские отношения

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Кудрявцев В.Ю. 2025. Интерпретация событий китайско-вьетнамской войны 1979 г. периодической печатью стран Запада. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 619–630. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-619-630. EDN GYSAXN

Interpretation of the Events of the Sino-Vietnamese War of 1979 by the Periodical Press of Western Countries

Vladislav Yu. Kudryavtsev

Kursk State University,
33 Radishchev St., Kursk 305000, Russia

E-mail: kudrvl62@mail.ru

Abstract. The article analyzes the way the Western press interpreted the events of the Sino-Vietnamese conflict in 1979. The author points out that the periodicals of Western countries took a unified approach. The study reveals that Western media did not blame China for starting an aggressive war. Instead, they glossed over "uncomfortable" facts about the true causes of the conflict and China's actions on foreign soil. Additionally, the media exaggerated the "Soviet threat," which was contrasted with the "peace efforts" of the United States and its allies. Despite China's apparent failure in Vietnam, it was not portrayed as the losing side. The article explains why Western media treated China with benevolent neutrality. According to the author, this position is closely linked to the positive development in relations between China and the West during the second half of the 1970s. Additionally, the paper highlights the significant difference in how socialist China and socialist Vietnam were perceived in the socio-political landscape of Western countries at that time. The author draws a conclusion regarding the politicization of the Western media's coverage of the Sino-Vietnamese conflict and emphasizes the importance of adopting a critical approach when analyzing this type of historical source.

Keywords: Vietnam, China, Sino-Vietnamese war, periodicals, Western countries, USSR, Sino-Vietnamese relations

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kudryavtsev V.Yu. 2025. Interpretation of the Events of the Sino-Vietnamese War of 1979 by the Periodical Press of Western Countries. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 619–630 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-619-630. EDN GYSAXN

Введение

Первые полгода после вступления в должность президента США Д. Трампа прошли под эгидой растущей геополитической непредсказуемости. В апреле 2025 г. американское руководство развязало глобальную торговую войну, введя таможенные пошлины на ввоз товаров из большинства стран мира. Наиболее болезненные ограничения коснулись в том числе ключевого торгового партнера Китая в Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА) – Социалистическую Республику Вьетнам (далее – СРВ), против которой были установлены пошлины в размере 46 %¹¹.

Подобные действия администрации Трампа спровоцировали интенсификацию китайско-вьетнамского сотрудничества. Не случайно СРВ стала целью первой зарубежной поездки председателя Китайской Народной Республики (далее – КНР) Си Цзиньпина в текущем году. В ходе визита китайский лидер указал на необходимость борьбы с «унилатерализмом и буллингем» в международных отношениях, отметив важность «поддержания глобальной системы свободной торговли»¹². Представляется, что в случае продолжения торговой войны с США Вьетнам и дальше будет дрейфовать в сторону своего северного соседа, а руководство КНР не упустит возможности воспользоваться ситуацией и усилить собственные позиции в ЮВА.

Однако всего несколько десятилетий назад отношения КНР и СРВ носили открыто враждебный характер. Завершение Второй индокитайской войны (1965–1973 гг.) и последовавшее объединение Северного и Южного Вьетнама (1976 г.) значительно изменили баланс сил в регионе. В условиях напряженных отношений с СССР руководство Китая во главе с Дэн Сяопином воспринимало просоветскую СРВ как потенциальную угрозу. Главным камнем преткновения в китайско-вьетнамских отношениях в первые годы после объединения Вьетнама стал поддерживаемый КНР режим Пол Пота в Кампучии. К началу 1979 г. столица Кампучии была занята частями Вьетнамской народной армии (далее – ВНА), сумевшей силой оружия свергнуть полпотовскую клику [Мосяков, 2024, с. 282]. Опасаясь резкого усиления влияния СРВ в ЮВА, руководство Китая приняло решение «преподать урок» своему оппоненту. 17 февраля 1979 г. войска КНР вторглись в северные провинции Вьетнама, что ознаменовало начало тридцатидневной разрушительной войны.

Одним из источников по истории китайско-вьетнамской войны 1979 г. является периодическая печать, ценность которой определяется многоплановостью представленных материалов, значительным потенциалом в рамках анализа восприятия конкретных исторических событий и явлений в общественно-политическом пространстве. Кроме того, значение периодической печати как источника по истории событий, происходивших в период «холодной войны», обусловлено возможностью уточнить идеологические позиции сторон, вовлеченных в глобальное противостояние второй половины XX в.

Материалы периодической печати нашли определенное отражение в отечественных исследованиях, посвященных китайско-вьетнамскому конфликту. В качестве примера следует выделить работы Е.П. Глазунова [Глазунов, 2014], Е.В. Кобелева [Кобелев, 2014; Кобелев,

¹¹ Tan R. With Tariff Gambit, Trump Pushes Vietnam to Choose Between U.S. and China. *The Washington Post*. 2025. April 10.

¹² Си Цзиньпин призвал к углублению строительства китайско-вьетнамского сообщества с единой судьбой. *Жэньминь жибао онлайн*. 2025. 15 февраля.

2019], Г.М. Локшина [Локшин, 2019], В.Я. Портякова [Портяков, 2019]. Среди использованных авторами источников – советские «Правда», «Известия», «Гудок», вьетнамская «Нян Зан», китайская «Женьминь жибао». Отдельного внимания заслуживают исследования А.Г. Дорожкина (в соавторстве с В.В. Переверзевым) [Дорожкин, Переверзев, 2012; Дорожкин, 2014], в которых дан подробный анализ позиции, которую заняла советская периодика в отношении различных аспектов конфликта между КНР и СРВ.

Вместе с тем при изучении единственной в истории полномасштабной войны между двумя социалистическими странами особенно интересно проанализировать материалы периодической печати стран Запада и в конечном счете выявить уровень ее объективности в рамках интерпретации событий конфликта. До настоящего времени в отечественной историографии отсутствуют исследования, в которых целенаправленно анализируются материалы западной периодики. Имеются лишь общие оценки тональности зарубежных изданий [Виноградов, 2014, с. 138–139]. Предлагаемая статья призвана в определенной степени компенсировать данный пробел.

Цель работы – проанализировать интерпретацию причин, хода и итогов китайско-вьетнамской войны 1979 г. периодической печатью стран Запада.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает периодическая печать стран Запада периода «холодной войны». Помимо общенаучных, в работе были использованы специально-исторические методы (ретроспективный, историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный и др.), что позволило выделить закономерности в освещении событий китайско-вьетнамской войны западной периодикой, выявить различные факторы, оказывавшие влияние на позицию изданий, сформулировать взвешенные выводы в рамках затронутой проблематики.

Результаты и их обсуждение

Причины войны

В первые дни после начала китайской агрессии тематика, связанная с войной, не сходила с первых страниц западной периодики. Большинство изданий задавалось закономерным вопросом – из-за чего начался ранее не имевший аналогов конфликт между двумя социалистическими государствами. Большинство журналистов стран Запада обоснованно связывало начало войны со свержением поддерживаемого КНР режима «красных кхмеров» в Кампучии.

Британская «The Guardian» отмечала, что Дэн Сяопин неоднократно заявлял о необходимости «наказать» Вьетнам, войска которого «захватили» Кампучию в январе 1979 г. По мнению журналистов издания, в результате январских событий Пекин «потерял лицо», оказавшись в ситуации необходимости восстановления имиджа регионального лидера¹³. Аналогичные тезисы прослеживаются в материалах испанской «El Pais»¹⁴, американских «The New York Times»¹⁵ и «The Press-Republican»¹⁶, характеризовавшими вторжение Народно-освободительной армии Китая (далее – НОАК) на территорию СРВ как ограниченную по масштабам и длительности «карательную операцию».

Американские аналитики указывали, что наступление НОАК было скоординировано с активизацией партизанского движения против «вьетнамских захватчиков» в Кампучии. Военно-тактический смысл координации действий с полпотовскими партизанами обосновывался необходимостью навязывания «войны на два фронта», а также отвлечения

¹³ The Risk that China is Taking. *The Guardian*. 1979. February 19.

¹⁴ La invasión de Vietnam. *El Pais*. 1979. Febrero 20.

¹⁵ Middleton D. Pause in the Vietnam Battle. *The New York Times*. 1979. February 02; Treaster J. Attack on Vietnamese Compared to the Drive Against India in 1962. *The New York Times*. 1979. February 18.

¹⁶ China Brakes Drive to Punish Vietnam. *The Press-Republican*. 1979. February 20.

элитных дивизий ВНА, обладавших значительным боевым опытом¹⁷. Французская «Le Monde» акцентировала внимание на тяжелом положении ВНА в Кампучии, части которой были дислоцированы «далеко от своих баз», действовали «вдоль уязвимых дорог» и находились в окружении «враждебно настроенного» населения¹⁸.

В числе факторов, обусловивших выбор даты и времени нападения Китая на Вьетнам, называлась поездка в Кампучию правительственной делегации СРВ во главе с премьер-министром Фам Ван Донгом¹⁹. Представители вьетнамского руководства прибыли в страну 16 февраля 1979 г. для подписания двустороннего Договора о мире, дружбе и сотрудничестве. По мнению американских журналистов, соглашение ставило Кампучию в зависимое положение и «формализировало превосходство» Вьетнама в ЮВА²⁰. В контексте данного суждения примечательна ссылка «The New York Times» на неназванных западных дипломатов, считавших, что одной из целей военной операции, начатой КНР, являлось стремление начать переговоры, итогом которых должно было стать «создание камбоджийского правительства, неподконтрольного СРВ»²¹.

В рамках поиска причин китайско-вьетнамского конфликта журналисты стран Запада не обошли стороной советский фактор. Решение руководства СРВ о начале военной кампании против «красных кхмеров» связывалось с поддержкой СССР. Так, «The Washington Post» указывала на давние связи Ханоя и Москвы, которые были упрочнены после вступления СРВ в Совет Экономической Взаимопомощи (далее – СЭВ) в июне 1978 г.²² Более категоричную вариацию данного суждения предлагала «El Pais», утверждавшая, что вступление Вьетнама в «возглавляемый Москвой» СЭВ «фатально усилило» зависимость страны от СССР²³.

3 ноября 1978 г. был подписан советско-вьетнамский Договор о дружбе и сотрудничестве, ставший «крупнейшим событием в политической жизни народов двух стран»²⁴. В логике западной периодики подписанный договор еще больше усилил зависимость Вьетнама от СССР. Некоторые издания повторяли тезис китайской стороны о «совместной советско-вьетнамской стратегии», направленной против Пекина²⁵. Среди «стратегических целей» КНР называлось стремление подорвать международный престиж СССР, продемонстрировав неспособность советской стороны исполнить свои обязательства и защитить братскую социалистическую страну²⁶. Интересна оценка немецкого «Der Spiegel», считавшего, что военная операция НОАК стала «безальтернативной» после того, как Вьетнам «захватил» Кампучию и получил «контроль над всем Индокитаем», тем самым создав угрозу «окружения» КНР враждебными государствами. Немецкие журналисты отмечали желание китайского руководства «доказать миру» способность противостоять «своему заклятому врагу» в лице СССР²⁷.

Если изучить материалы периодической печати стран Запада, может сложиться впечатление, что военная кампания СРВ в Кампучии, главным результатом которой стало свержение режима Пол Пота, была проведена практически беспричинно. КНР представлена

¹⁷ Middleton D. Pause in the Vietnam Battle. *The New York Times*. 1979. February 02; Kamm H. Soviet Arms Airlift to Vietnam Hinted as Combat Goes on. *The New York Times*. 1979. February 23; De Beer P. En cas de prolongation du conflit l'armée de Hanoï pourrait être contrainte de dégarnir le Cambodge et le Laos. *Le Monde*. 1979. Février 23.

¹⁸ Les Vietnamiens s'enlisent au Cambodge. *Le Monde*. 1979. Février 20.

¹⁹ Butterfield F. 4 Provinces Invaded. *The New York Times*. 1979. February 18.

²⁰ Trumbull R. Vietnam Celebrates the Signing of Pact with Cambodia Regime. *The New York Times*. 1979. February 21.

²¹ Butterfield F. China in Vietnam: A Matter of Honor. *The New York Times*. 1979. February 20.

²² Klose K. Soviets Warn Chinese to Halt Invasion. *The Washington Post*. 1979. February 19.

²³ Rosua M. Vietnam, un forzoso alineamiento con la URSS. *El Pais*. 1979. Febrero 20.

²⁴ Глазунов Е.П. Союз и братство народов СССР и Вьетнама. *Международная жизнь*. 1978. № 12. С. 6.

²⁵ Butterfield F. Viets Armed Encroachment Cited as Reason for Attacks. *The Courier Express*. 1979. February 18; Butterfield F. China in Vietnam: A Matter of Honor. *The New York Times*. 1979. February 20.

²⁶ Rosua M. Vietnam, un forzoso alineamiento con la URSS. *El Pais*. 1979. Febrero 20.

²⁷ Ungezogene kinder im garten chinan. *Der Spiegel*. 1979. Februar 25.

едва ли не как пострадавшая сторона, у которой были обоснованные причины «преподать урок» Вьетнаму, действовавшему «по указке» СССР. Журналисты активно апеллировали к тезисам о «вьетнамских захватчиках» и опасном для Китая усилении влияния СРВ в регионе. При этом, однако, западный читатель не получал ни малейшего представления о реальных причинах ввода частей ВНА на территорию Кампучии в конце 1978 г.

На протяжении 1977–1978 гг. «красные кхмеры» последовательно воплощали в жизнь стратегию террора в отношении приграничных с Кампучией провинций СРВ. Пол Пот называл Вьетнам «врагом номер один», который «должен быть разгромлен любой ценой» [Мосяков, 2010, с. 384]. Вооруженные банды «красных кхмеров» осуществляли рейды на вьетнамскую территорию, где разрушали промышленные предприятия, похищали скот, осуществляли массовые убийства мирного населения, занимались минированием местности, сжигали сельскохозяйственные угодья, нападали на военные объекты²⁸. Кроме того, режим Пол Пота культивировал среди населения Кампучии «устойчивое чувство враждебности» в отношении соседнего народа [Бектимирова, 2019, с. 57]. За годы правления «красных кхмеров» из страны были насильственно высланы порядка 300 тыс. вьетнамцев. Не желавшие выехать были подвергнуты истреблению [Омарова, 2016, с. 74].

Полпотовская Кампучия представляла для СРВ источник постоянной угрозы, без ликвидации которого организация нормальной жизни в приграничных провинциях не представлялась возможной. Нельзя не согласиться с мнением известных отечественных исследователей, авторов фундаментальных трудов по истории Камбоджи и Вьетнама И.Н. Селивановым, Н.Н. Бектимировой [Селиванов, Бектимирова, 2002, с. 202], П.Ю. Цветовым [Мазырин, Цветов, Мещеряков, Познер, Соколов, Филимонова, 2014, с. 26], называвшими действия ВНА освобождением Камбоджи от режима геноцида. Учитывая откровенное замалчивание событий, предшествовавших свержению полпотовской клики, интерпретация причин китайско-вьетнамской войны периодической печатью стран Запада выглядит как минимум непоследовательно. Издания предпочли избежать упоминания «неудобных» фактов, ставших первопричиной перехода КНР и СРВ к открытому конфликту. В подобной ситуации, по нашему мнению, логическая конструкция западной периодики лишена фундаментальной основы и потому в целом несостоятельна.

Ход войны

В начале войны некоторые западные издания считали, что боевые действия могут пойти по тому же сценарию, что и в октябре 1962 г., когда между КНР и Индией разгорелся пограничный конфликт, спустя месяц завершившийся военной победой Китая²⁹. Так, «Le Monde» указывала на якобы «низкий моральный дух», «посредственную» боеготовность и недостаточную дисциплину солдат ВНА. Интересно, что именно французские журналисты выдвинули малообоснованную гипотезу о нежелании новобранцев из Южного Вьетнама сражаться под «красным знаменем с золотой звездой»³⁰. Успехи Китая в начальный период войны обосновывались в том числе существенным численным превосходством сил вторжения, а также тем, что НОАК столкнулась с нерегулярными формированиями, состоявшими из сил местной самообороны и ополчения³¹.

Однако по мере развития событий большинству западных изданий стало ясно, что заготовленный в Пекине сценарий скоротечной, победоносной военной кампании провалился, а китайские войска столкнулись с серьезными сложностями. Западная периодика упоминала

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 72. Д. 777. Л. 53–62.

²⁹ Klose K. Soviets Warn Chinese to Halt Invasion. *The Washington Post*. 1979. February 19; Treaster J. Attack on Vietnamese Compared to the Drive Against India in 1962. *The New York Times*. 1979. February 18; Klose K. Soviets Charge U.S.-Chinese Collusion. *The Washington Post*. 1979. February 20.

³⁰ De Beer P. En cas de prolongation du conflit l'armée de Hanoï pourrait être contrainte de dégarnir le Cambodge et le Laos. *Le Monde*. 1979. Février 23.

³¹ Chinese Increasing Pressure on Town in Vietnam Attack. *The New York Times*. 1979. February 24.

об остановке продвижения частей НОАК в СРВ, тяжелых боях между противоборствующими сторонами, контратаках Вьетнама³². Затягивание военной операции Китая объяснялось переброской подкреплений регулярных сил ВНА, уязвимостью авиации перед вьетнамскими средствами противовоздушной обороны, наличием в китайской армии устаревшей техники³³.

В целом в материалах периодической печати стран Запада отсутствует подробное освещение хода боевых действий. Отчасти это объясняется объективными факторами, связанными с отсутствием доступа к достоверной информации о текущей обстановке на линии боевого соприкосновения. Другая причина – ориентированность изданий на массового читателя, для которого детальное рассмотрение боестолкновений между СРВ и КНР не представляло значимого интереса.

Как и в случае с интерпретацией причин войны вновь было уделено большое внимание советскому фактору. Как отмечает видный российский востоковед Д.В. Мосяков, позиция СССР в отношении китайской агрессии была «жесткой и однозначной». Уже 19 февраля 1979 г. советское руководство заявило о готовности выполнить «обязательства, взятые на себя по Договору о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ» [Мосяков, 2014, с. 132–133]. Большинство заявлений представителей высших эшелонов власти СССР, предпринимавших попытки разоблачения агрессивной сущности войны КНР против Вьетнама, вызывало неподдельный интерес западных журналистов и широко тиражировалось в СМИ³⁴.

Последовательная, неизменная позиция СССР, а также ряд практических мер, направленных на помощь Вьетнаму в отражении китайской агрессии, вызывали явное беспокойство западной прессы. Издания наперебой сообщали о прибытии в СРВ советских военных специалистов, создании воздушного моста Москва – Ханой, поставках военной продукции из СССР, усилении Тихоокеанского флота и переброске советских сухопутных войск к границе с КНР³⁵.

Некоторые вполне серьезно рассуждали о перспективе расширения войны. Например, голландская «De Volkskrant» писала о прямой угрозе советского вмешательства в конфликт на стороне Вьетнама³⁶. Британская «The Daily Mirror» сообщала об «отчаянных попытках» администрации президента США Д. Картера не допустить эскалацию войны и вступление в нее Советского Союза³⁷. «El País» считала, что командование НОАК «не осознавало масштаб возможностей, которыми располагал СССР». По мнению испанских журналистов, советская армия обладала подавляющим превосходством в различных видах военной техники, характеризовалась высоким уровнем мобильности и оснащенности³⁸. «The New York Times» оценивала численность советских войск, расположенных вдоль границы с КНР, в «почти миллион человек». При этом, как и их испанские коллеги, американские журналисты указывали на решающее военно-техническое превосходство СССР в рамках потенциального вооруженного конфликта с Китаем³⁹.

Столь пристальное внимание к СССР, формально не являвшимся стороной китайско-вьетнамского конфликта, по нашему мнению, объяснялось двумя причинами. Первая – западные

³² Vietnamese Troops Striking Back. *The Journal*. 1979. February 25; Profunda penetración China en Vietnam. *El País*. 1979. Febrero 27; Middleton D. Vietnam Drive: Big Clash Seen. *The New York Times*. 1979. February 22; Mathews J. Peking Calls Invasion a Limited Action. *The Washington Post*. 1979. February 20.

³³ Kamm H. Soviet Arms Airlift to Vietnam Hinted as Combat Goes on. *The New York Times*. 1979. February 23.

³⁴ Whitney C.R. Gromyko Says China Obstructs Improved U.S.-Soviet Relations. *The New York Times*. 1979. February 27; Pons P. Pékin annonce la mise hors de combat de dix mille adversaires. *Le Monde*. 1979. Février 21; Viets Push Red Chinese Back. *The Press-Republican*. 1979. February 24; Rowen H. Teng Says China Is Ready for Soviet Intervention. *The Washington Post*. 1979. February 27.

³⁵ Middleton D. Vietnam Drive: Big Clash Seen. *The New York Times*. 1979. February 22; Decepción en Pekín por el desarrollo de las operaciones militares en Vietnam. *El País*. 1979. Febrero 24; Klose K. Soviets Allege U.S. Justifies China's Attack. *The Washington Post*. 1979. February 22; Chinese Jets Bomb Near Russian Tankers Unloading War Materials. *The Journal*. 1979. February 23.

³⁶ Sovjet-Unie dreigt China. *De Volkskrant*. 1979. Februari 19.

³⁷ Buckland C. Carter's «Cool it» Call. *The Daily Mirror*. 1979. February 19.

³⁸ Posible deseo negociador del Gobierno de Hanoi. *El País*. 1979. Febrero 21.

³⁹ Butterfield F. China in Vietnam: A Matter of Honor. *The New York Times*. 1979. February 20.

издания стремились гиперболизировать «советскую угрозу», отчасти транслируя настроения собственных политиков, опасавшихся, что потенциальное втягивание СССР в войну может грозить серьезным обострением международной ситуации, срывом советско-американских переговоров о сокращении стратегических вооружений и новым витком «холодной войны»⁴⁰. Не менее важная причина крылась в попытке противопоставить «миротворческие усилия» США и их европейских союзников, призывавших стороны «к сдержанности» и «переговорам», советской политике, якобы направленной на эскалацию и затягивание конфликта⁴¹.

В целом западный читатель получал «выбеленную» картину хода китайско-вьетнамской войны, в которой не было места вопиющим фактам, связанным, например, с военными преступлениями НОАК на территории СРВ. Стоит ли говорить о том, что неудачи КНР объяснялись чем угодно, кроме героизма вьетнамцев, давших отпор превосходящим силам захватчиков. Вместо малоинтересных массовому читателю подробностей хода боевых действий издания «продавался» зарекомендовавший себя классический сюжет времен «холодной войны» о «советской угрозе».

Итоги войны

Непосредственным итогом китайско-вьетнамской войны стал вынужденный отход частей НОАК, понесших серьезные потери в живой силе и технике, с территории СРВ. Несмотря на громкие заявления руководства КНР о «примерном наказании» своего оппонента, было очевидно, что Китай потерпел поражение, оказавшись неспособным добиться целей, поставленных в рамках проводившейся военной операции [Непомнин, 2011, с. 604]. К марту 1979 г. западная пресса в значительной степени утратила интерес к китайско-вьетнамскому конфликту. Данное утверждение можно доказать на примере «The New York Times», в первые недели после начала агрессии КНР ежедневно публиковавшей материалы, посвященные войне. После начала вывода частей НОАК с территории СРВ (5 марта) публикации на соответствующую тематику приобрели эпизодический характер. В течение же 30 дней, последовавших после завершения вывода китайских войск из Вьетнама (16 марта), американское издание лишь несколько раз возвращалось к теме конфликта.

Тональность немногих публикаций, в которых так или иначе затрагивались итоги войны, характеризовалась значительным уровнем сдержанности в суждениях и оценках. Так, «The Wall Street Journal» выпустила статью, в заглавии которой был озвучен вопрос: «кто кому преподавал урок». В публикации не был назван победитель конфликта, однако отмечено, что КНР вышла из войны «с подпорченной репутацией»⁴². Тезис об отсутствии победителя повторяла «El Pais», утверждавшая, что война оставила разрушительный след в обеих странах⁴³.

В качестве одного из итогов войны называлось экономическое ослабление СРВ. Американские журналисты считали, что «независимо от исхода боевых действий» Китаю удалось реализовать стратегию, связанную с отвлечением «рабочей силы, материалов, внимания и энергии» вьетнамского государства⁴⁴. Интересно, что виновником колоссальных разрушений в приграничных провинциях Вьетнама признавалась не НОАК, занимавшаяся целенаправленным уничтожением народного хозяйства своего противника, а обе стороны, вовлеченные в боевые действия⁴⁵.

Даже после полного вывода китайских сил с территории Вьетнама конфликт воспринимался незавершенным. «The Washington Post» не видела предпосылок для

⁴⁰ Klose K. Soviets Allege U.S. Justifies China's Attack. *The Washington Post*. 1979. February 22; «Hawks» and «Doves» of Vietnam War Days Comment on Invasion by China. *The New York Times*. 1979. February 22; Elleinstein J. Le temps des glaciations. *Le Monde*. 1979. Février 23.

⁴¹ Teltsch K. U.S., in U.N., Calls for Invaders to Quit Vietnam and Cambodia. *The New York Times*. 1979. February 24.

⁴² Who Taught Whom a Lesson? *The Wall Street Journal*. 1979. March 8.

⁴³ El conflicto chino-vietnamita: ni vencedores ni vencidos. *El Pais*. 1979. Marzo 16.

⁴⁴ Kamm H. China Quitting Vietnam, Leaving a Trail of Debris. *The New York Times*. 1979. March 9.

⁴⁵ Toll in China's «Lesson» Is Heavy for the Vietnamese. *The New York Times*. 1979. March 27.

установления долгосрочного мира в ЮВА, считая, что в обозримом будущем начнется новая полномасштабная война между Китаем и СРВ, которая может коснуться в том числе Таиланда⁴⁶. Некоторыми изданиями назывались конкретные сроки нового столкновения сторон. Например, «The New York Times» транслировала тезис о повторении китайского «урока», который должен был быть «преподан» спустя 6–12 месяцев после событий марта 1979 г.⁴⁷ Непредсказуемость международной ситуации после завершения активной фазы боевых действий подчеркивалась в «Far Eastern Economic Review», предположившем, что война может стать «поворотным моментом» для мировой системы социализма⁴⁸.

Интересен анализ итоговых потерь НОАК. Западные издания публиковали оценки источников из Пентагона, сообщавших, что всего за месяц войны потери КНР убитыми могли составить более одной десятой от общего числа погибших во Вьетнаме американских солдат. По мнению журналистов американского «Newsweek», подобные жертвы стали следствием «авантюрных» действий китайского командования, вышедшего за рамки первоначальной стратегии ограниченной «карательной операции»⁴⁹. Потери НОАК объяснялись в том числе нехваткой у китайских войск современных образцов вооружения и техники, а также отсутствием поддержки пехоты авиацией, не сумевшей избежать рисков, связанных с наличием у СРВ передовых систем противовоздушной обороны⁵⁰. Оценки, которые озвучивала вьетнамская сторона, признавались нереалистичными и «сильно раздутыми»⁵¹.

На наш взгляд, периодическая печать стран Запада явно уклонялась от определения Вьетнама победителем в конфликте и открытого признания итогового военного провала КНР. Признание СРВ победителем означало бы в том числе признание вклада военных специалистов, направленных во Вьетнам из СССР, а также превосходства советских образцов вооружений, которые были в распоряжении у ВНА.

Заключение

После изучения почти полусотни публикаций можно сделать вывод, что вне зависимости от языка и страны происхождения конкретного издания западная периодика выступала с однородных позиций. Ни в одной прочитанной нами статье события китайско-вьетнамской войны не были интерпретированы в отрыве от единой точки зрения, преподносившейся читателю. КНР не только не была названа виновником развязывания агрессивной войны, но и фактически объявлена стороной, вынужденно отвечавшей на действия «ведомой» Советским Союзом СРВ в отношении полпотовской Кампучии. Внимание западного читателя акцентировано не на ходе боевых действий, в рамках которых НОАК встретила ожесточенный отпор вьетнамских защитников, а на гиперболизированной «советской угрозе», противопоставленной «миротворческим усилиям» США и их союзников. В публикациях отсутствует информация о преступных действиях НОАК на чужой земле. Наконец, КНР не названа проигравшей стороной, несмотря на очевидный провал военной операции Пекина.

Позиция благожелательного нейтралитета, занятая прессой относительно КНР, тесно связана с позитивным трендом в отношениях Китая и Запада во второй половине 1970-х гг. Кульминацией этого тренда стало восстановление официальных дипломатических отношений США и КНР в январе 1979 г. Фактически речь шла о складывании американско-китайского «антигегемонистского» союза, направленного против СССР [Воробьева, Юнгблюд, 2019, с. 76]. Тренд в отношениях Запада и СРВ был совершенно иным. Вьетнам нанес унизительное военное поражение гегемону западного мира в лице США, сумел объединиться на

⁴⁶ Lescaze L. Peking and Hanoi Teach Each Other a Lesson. *The Washington Post*. 1979. March 18.

⁴⁷ Toll in China's «Lesson» Is Heavy for the Vietnamese. *The New York Times*. 1979. March 27.

⁴⁸ Bonavia D. Changing the Course of History. *Far Eastern Economic Review*. 1979. March 2.

⁴⁹ China's Gamble in Vietnam. *Newsweek*. 1979. March 5.

⁵⁰ Middleton D. China Says its Losses in Vietnam were 20,000 Killed and Wounded. *The New York Times*. 1979. May 3.

⁵¹ Lescaze L, Mathews J. China Announces End of Invasion. *The Washington Post*. 1979. March 5; China Ends «Punishment»-Troops Leaving Vietnam. *The Journal*. 1979. March 5.

социалистической основе и стать стратегическим плацдармом для распространения влияния СССР в регионе. Все это происходило на фоне продолжавшегося советско-китайского раскола и масштабного расширения экономического сотрудничества СССР и СРВ. В подобных условиях в общественно-политическом пространстве западных стран социалистический Китай и социалистический Вьетнам воспринимались совершенно по-разному.

Вместе с тем следует отметить, что в материалах западных изданий в целом не наблюдалось повального, грубого искажения фактов, связанных с событиями конфликта между КНР и СРВ. Гораздо более часто «неудобные» факты просто замалчивались, а внимание читателя акцентировалось на «нужных», «правильных» сведениях. Проведенный анализ может лишней раз служить подтверждением высокого уровня политизированности западной прессы времен «холодной войны», необходимости использования критического подхода при работе с данным видом исторических источников.

Список источников

- Глазунов Е.П. 1978. Союз и братство народов СССР и Вьетнама. *Международная жизнь*. 12: 3–7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 72. Д. 777.
- Си Цзиньпин призвал к углублению строительства китайско-вьетнамского сообщества с единой судьбой. *Жэньминь жибао онлайн*. 2025. 15 февраля.
- Bonavia D. Changing the Course of History. *Far Eastern Economic Review*. 1979. March 2.
- Buckland C. Carter's «Cool it» Call. *The Daily Mirror*. 1979. February 19.
- Butterfield F. 4 Provinces Invaded. *The New York Times*. 1979. February 18.
- Butterfield F. China in Vietnam: A Matter of Honor. *The New York Times*. 1979. February 20.
- Butterfield F. Viets Armed Encroachment Cited as Reason for Attacs. *The Courier Express*. 1979. February 18.
- China Brakes Drive to Punish Vietnam. *The Press-Republican*. 1979. February 20.
- China Ends «Punishment»-Troops Leaving Vietnam. *The Journal*. 1979. March 5.
- China's Gamble in Vietnam. *Newsweek*. 1979. March 5.
- Chinese Increasing Pressure on Town in Vietnam Attack. *The New York Times*. 1979. February 24.
- Chinese Jets Bomb Near Russian Tankers Unloading War Materials. *The Journal*. 1979. February 23.
- De Beer P. En cas de prolongation du conflit l'armée de Hanoï pourrait être contrainte de dégarnir le Cambodge et le Laos. *Le Monde*. 1979. Février 23.
- Decepción en Pekín por el desarrollo de las operaciones militares en Vietnam. *El Pais*. 1979. Febrero 24.
- Elleinstein J. Le temps des glaciations. *Le Monde*. 1979. Février 23.
- «Hawks» and «Doves» of Vietnam War Days Comment on Invasion by China. *The New York Times*. 1979. February 22.
- Kamm H. China Quitting Vietnam, Leaving a Trail of Debris. *The New York Times*. 1979. March 9.
- Kamm H. Soviet Arms Airlift to Vietnam Hinted as Combat Goes on. *The New York Times*. 1979. February 23.
- Klose K. Soviets Allege U.S. Justifies China's Attack. *The Washington Post*. 1979. February 22.
- Klose K. Soviets Charge U.S.-Chinese Collusion. *The Washington Post*. 1979. February 20.
- Klose K. Soviets Warn Chinese to Halt Invasion. *The Washington Post*. 1979. February 19.
- La invasión de Vietnam. *El Pais*. 1979. Febrero 20.
- Les Vietnamiens s'enlisent au Cambodge. *Le Monde*. 1979. Février 20.
- Lescaze L, Mathews J. China Announces End of Invasion. *The Washington Post*. 1979. March 5.
- Lescaze L. Peking and Hanoi Teach Each Other a Lesson. *The Washington Post*. 1979. March 18.
- Mathews J. Peking Calls Invasion a Limited Action. *The Washington Post*. 1979. February 20.
- Middleton D. China Says its Losses in Vietnam were 20,000 Killed and Wounded. *The New York Times*. 1979. May 3.
- Middleton D. Pause in the Vietnam Battle. *The New York Times*. 1979. February 02.
- Middleton D. Vietnam Drive: Big Clash Seen. *The New York Times*. 1979. February 22.
- Pons P. Pékin annonce la mise hors de combat de dix mille adversaires. *Le Monde*. 1979. Février 21.
- Posible deseo negociador del Gobierno de Hanoi. *El Pais*. 1979. Febrero 21.
- Profunda penetración China en Vietnam. *El Pais*. 1979. Febrero 27.
- Rosua M. Vietnam, un forzoso alineamiento con la URSS. *El Pais*. 1979. Febrero 20.
- Rowen H. Teng Says China is Ready for Soviet Intervention. *The Washington Post*. 1979. February 27.
- Sovjet-Unie dreigt China. *De Volkskrant*. 1979. Februari 19.

- Tan R. With Tariff Gambit, Trump Pushes Vietnam to Choose Between U.S. and China. *The Washington Post*. 2025. April 10.
- Teltsch K. U.S., in U.N., Calls for Invaders to Quit Vietnam and Cambodia. *The New York Times*. 1979. February 24.
- The Risk that China is Taking. *The Guardian*. 1979. February 19.
- Toll in China's «Lesson» Is Heavy for the Vietnamese. *The New York Times*. 1979. March 27.
- Treaster J. Attack on Vietnamese Compared to the Drive Against India in 1962. *The New York Times*. 1979. February 18.
- Trumbull R. Vietnam Celebrates the Signing of Pact with Cambodia Regime. *The New York Times*. 1979. February 21.
- Ungezogene kinder im garten chinas. *Der Spiegel*. 1979. Februar 25.
- Vietnamese Troops Striking Back. *The Journal*. 1979. February 25.
- Viets Push Red Chinese Back. *The Press-Republican*. 1979. February 24.
- Whitney C.R. Gromyko Says China Obstructs Improved U.S.-Soviet Relations. *The New York Times*. 1979. February 27.
- Who Taught Whom a Lesson? *The Wall Street Journal*. 1979. March 8.

Список литературы

- Бектимирова Н.Н. 2019. Вглядываясь в прошлое: к 40-летию свержения режима «красных кхмеров» в Камбодже. *Вьетнамские исследования*. 2: 55–65.
- Виноградов Б.П. 2014. Мировая печать об агрессии КНР против Вьетнама и о событиях на Спратли. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 23: 137–142.
- Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т. 2019. Взаимоотношения в треугольнике США – СССР – КНР в конце периода разрядки международной напряжённости (1977–1980 гг.). *Вестник МГИМО Университета*. 1(64): 59–82.
- Глазунов Е.П. 2014. К 35-летию китайско-вьетнамского вооруженного конфликта. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 23: 117–125.
- Дорожкин А.Г. 2014. Начало генезиса китайско-вьетнамского конфликта 1979 г. и советская периодика. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 4(46): 202–213.
- Дорожкин А.Г., Переверзев В.В. 2012. Первые «Социалистические войны» в отражении советской периодической печати. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 1(35): 236–253.
- Кобелев Е.В. 2014. Причины войны 1979 г. и фактор советской помощи СРВ (ответ вьетнамскому профессору). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 23: 126–130.
- Кобелев Е.В. 2019. Война 1979 г. и фактор советской помощи СРВ. В кн.: *Актуальные проблемы вьетнамоведения – 2019: вьетнамо-китайские отношения после войны 1979 года*. Москва, Институт Дальнего Востока Российской академии наук: 75–87.
- Локшин Г.М. 2019. «Забывтая война»: мотивы, последствия, уроки. В кн.: *Актуальные проблемы вьетнамоведения – 2019: вьетнамо-китайские отношения после войны 1979 года*. Москва, Институт Дальнего Востока Российской академии наук: 13–44.
- Мазырин В.М., Цветов П.Ю., Мещеряков В.И., Познер П.В., Соколов А.А., Филимонова Т.Н. 2014. *Полная академическая история Вьетнама*. Т. 5. Ч. 2: *Новейшее время (1975–2011)*. Москва, Президиум Российской академии наук, 543 с.
- Мосяков Д.В. 2010. *История Камбоджи. XX век*. Москва, Институт востоковедения РАН, 743 с.
- Мосяков Д.В. 2014. Роль СССР в отражении агрессии Китая против Вьетнама в 1979 г. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 22: 128–135.
- Мосяков Д.В. 2024. Отношения СССР и Камбоджи в 1970–1979 гг. (на основе советских архивов). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Т. 4. 4(65): 267–284.
- Непомнин О.Е. 2011. *История Китая. XX век*. Москва, Институт востоковедения РАН, Крафт+, 736 с.
- Омарова У.А. 2016. Политика «единообразия» и расовая дискриминация чамов в полпотовской Камбодже. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 31: 69–81.
- Портяков В.Я. 2019. Пограничная война 1979 г.: её особенности, итоги и последствия. В кн.: *Актуальные проблемы вьетнамоведения – 2019: вьетнамо-китайские отношения после войны 1979 года*. Москва, Институт Дальнего Востока Российской академии наук: 68–74.
- Селиванов И.Н., Бектимирова Н.Н. 2002. *Королевство Камбоджа: политическая история (1953–2002)*. Москва, Гуманитарий, 352 с.

References

- Bektimirova N.N. 2019. Vglyadyvayas' v proshloe: k 40-letiyu sverzheniya rezhima «krasnykh kkhmeroV» v Kambodzhe [Looking into the Past: On the 40th Anniversary of the Overthrow of the Khmer Rouge Regime in Cambodia]. *V'etnamskie issledovaniya [Vietnamese studies]*. 2: 55–65.
- Vinogradov B.P. 2014. Mirovaya pechat' ob agressii KNR protiv V'etnama i o sobytiyakh na Spratli [The World Press Reports on China's Aggression against Vietnam and the Events in the Spratly]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [Islands Southeast Asia: Current Development Issues]*. 23: 137–142.
- Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T. 2019. Vzaimootnosheniya v treugol'nike SSHA – SSSR – KNR v kontse perioda razryadki mezhdunarodnoi napryazhennosti (1977–1980 gg.) [Relations in the USA – USSR – China Triangle at the End of the Period of Detente of International Tension (1977–1980)]. *Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*. 1(64): 59–82.
- Glazunov E.P. 2014. K 35-letiyu kitaisko-v'etnamskogo voozuzhennogo konflikta [On the 35th Anniversary of the Sino-Vietnamese Armed Conflict]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [Southeast Asia: Current Development Issues]*. 23: 117–125.
- Dorozhkin A.G. 2014. Nachalo genezisa kitaisko-v'etnamskogo konflikta 1979 g. i sovetskaya periodika [The Beginning of the Genesis of the Sino-Vietnamese conflict in 1979 and Soviet Periodicals]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology, Culture]*. 4(46): 202–213.
- Dorozhkin A.G., Pereverzev V.V. 2012. Pervye «Sotsialisticheskie voyny» v otrazhenii sovetskoj periodicheskoi pechati [The First "Socialist Wars" Reflected in the Soviet Periodical Press]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology, Culture]*. 1(35): 236–253.
- Kobelev E.V. 2014. Prichiny voyny 1979 g. i faktor sovetskoj pomoshchi SRV (otvet v'etnamskomu professoru) [The Causes of the 1979 War and the Factor of Soviet aid to Vietnam (Reply to the Vietnamese Professor)]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [Southeast Asia: Current Development Issues]*. 23: 126–130.
- Kobelev E.V. 2019. Voyna 1979 g. i faktor sovetskoj pomoshchi SRV [The 1979 War and the Factor of Soviet Aid to the Socialist Republic of Vietnam]. V kn.: Aktual'nye problemy v'etnamovedeniya – 2019: v'etnamo-kitaiskie otnosheniya posle voyny 1979 goda [Current Problems of Vietnamese Studies – 2019: Vietnam–China Relations after the 1979 War]. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk: 75–87.
- Lokshin G.M. 2019. «Zabytaya voyna»: motivy, posledstviya, uroki [The Forgotten War: Motives, Consequences, Lessons]. V kn.: Aktual'nye problemy v'etnamovedeniya – 2019: v'etnamo-kitaiskie otnosheniya posle voyny 1979 goda [Current Problems of Vietnamese Studies – 2019: Vietnam – China Relations after the 1979 War]. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk: 13–44.
- Mazyrin V.M., Tsvetov P.Yu., Meshcheryakov V.I., Pozner P.V., Sokolov A.A., Filimonova T.N. 2014. Polnaya akademicheskaya istoriya V'etnama. T. 5. Ch. 2: Noveishee vremya (1975–2011) [The Complete Academic History of Vietnam. Vol.5. Part 2: Modern Times (1975–2011)]. Moscow, Prezidium Rossiiskoi akademii nauk, 543 s.
- Mosyakov D.V. 2010. Istoriya Kambodzhi. XX vek [The History of Cambodia. XX Century]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 743 s.
- Mosyakov D.V. 2014. Rol' SSSR v otrazhenii agressii Kitaya protiv V'etnama v 1979 g. [The Role of the USSR in Repelling China's Aggression against Vietnam in 1979] *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [Southeast Asia: Actual Problems of Development]*. 22: 128–135.
- Mosyakov D.V. 2024. Otnosheniya SSSR i Kambodzhi v 1970–1979 gg. (na osnove sovetskikh arkhivov) [Relations between the USSR and Cambodia in 1970–1979 (Based on Soviet Archives)]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [Southeast Asia: Actual problems of development]*. T. 4. 4(65): 267–284.
- Nepomnin O.E. 2011. Istoriya Kitaya. XX vek [The History of China. XX Century]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, Kraft+, 736 s.
- Omarova U.A. 2016. Politika «edinoobraziya» i rasovaya diskriminatsiya chamov v polpotovskoi Kambodzhe [The Policy of "Uniformity" and Racial Discrimination of Chams in Pol Pot Cambodia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya [Southeast Asia: Current Development Issues]*. 31: 69–81.
- Portyakov V.YA. 2019. Pogranichnaya voyna 1979 g.: ee osobennosti, itogi i posledstviya [The 1979 Border War: Its Features, Results and Consequences]. V kn.: Aktual'nye problemy v'etnamovedeniya – 2019: v'etnamo-kitaiskie otnosheniya posle voyny 1979 goda [Current Problems of Vietnamese Studies – 2019: Vietnam–China Relations after the 1979 War]. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk: 13–44.

Vietnam-China Relations after the 1979 War]. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk: 68–74.

Selivanov I.N., Bektimirova N.N. 2002. Korolevstvo Kambodzha: politicheskaya istoriya (1953–2002) [The Kingdom of Cambodia: A Political History (1953–2002)]. Moscow, Gumanitarii, 352 s.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.07.2025

Received 03.07.2025

Поступила после рецензирования 07.08.2025

Revised 07.08.2025

Принята к публикации 09.08.2025

Accepted 09.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кудрявцев Владислав Юрьевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Vladislav Y. Kudryavtsev, Candidate of Sciences in History, Assistant at the Department of Russian History, Kursk State University, Kursk, Russia

 [ORCID: 0009-0005-7821-8223](https://orcid.org/0009-0005-7821-8223)

УДК 94 (569.1)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-631-638

EDN IDSGEQ

Оригинальное исследование

Экономическая политика Башара аль-Асада и ее влияние на кризис 2011 года в Сирии

Кузьмин Д.А.

Кубанский государственный университет,
Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

E-mail: deniskuzmin99@gmail.com

Аннотация. В рамках данного исследования проводится анализ экономического развития Сирийской Арабской Республики за период с 2000 по 2011 гг. с акцентом на ключевые события и тенденции в экономике, которые впоследствии сыграли значимую роль в эскалации сирийского кризиса. Особое внимание уделяется социальным аспектам экономического развития, включая проблемы безработицы и низкий уровень жизни населения, которые послужили катализатором общественного недовольства. По результатам проведенного анализа автор приходит к выводу, что экономические проблемы не являются прямой причиной эскалации сирийского кризиса. Причиной стала неспособность правящей элиты адаптироваться к изменениям в сирийском обществе в начале XXI в. Экономическая стагнация, растущее недовольство и провалы государственной политики создали социальную среду, в которой политические лозунги нашли массовый отклик.

Ключевые слова: Сирийская Арабская Республика, экономическое развитие, Сирийский кризис, безработица, экономические реформы в Сирии, уровень жизни

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Кузьмин Д.А. 2025. Экономическая политика Башара аль-Асада и ее влияние на кризис 2011 года в Сирии. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 631–638. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-631-638. EDN: IDSGEQ

Bashar al-Assad's Economic Policy and its Impact on the 2011 Crisis in Syria

Denis A. Kuzmin

Kuban State University,
149 Stavropol St., Krasnodar 350040, Russia

E-mail: deniskuzmin99@gmail.com

Abstract. This study focuses on the economic development of the Syrian Arab Republic from 2000 to 2011, highlighting key events and trends that contributed to the escalation of the Syrian crisis. The impact of both external and internal factors on the country's economic landscape is analyzed, with an emphasis on social aspects such as rising unemployment and declining living standards. These social problems became the main catalysts of public discontent and lead to mass protests. The policy of the ruling elite turned out to be inappropriate to the needs of the Syrian people, which contributed to the deepening of inequality. The Government's inability to respond adequately to changes, especially after the Arab Spring, exacerbated existing grievances. In addition, external factors such as international economic sanctions and regional instability complicated the economic situation. As a result, the author concludes that ignoring social issues on the part of the Syrian leadership played a crucial role in the deterioration of the country's stability and the beginning of the conflict.

Keywords: The Syrian Arab Republic, economic development, The Syrian crisis, unemployment, economic reforms in Syria, standard of living

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kuzmin D.A. 2025. Bashar al-Assad's Economic Policy and its Impact on the 2011 Crisis in Syria. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 631–638 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-631-638. EDN: IDSGEQ

Введение

События Арабской весны 2011 г. потрясли весь Ближний Восток. Во многих странах этого региона произошла насильственная смена власти. Сирийская Арабская Республика (САР) не стала исключением, однако кризис продлился вплоть до 2024 г. У затяжного политического кризиса Сирии существовало множество устойчивых причин, связанных с экономическим и социальным развитием государства с начала 2000-х г. Особую роль в этом процессе сыграли не только внутренние политические противоречия, но и такие экономические проблемы, как инфраструктура, безработица и ухудшающиеся условия жизни, подкрепленные негативным влиянием внешних факторов, включая глобальные экономические кризисы и изменения в международной политике. Эти условия создали почву для социальных волнений, которые в итоге вылились в революционные события. При анализе причин Сирийского кризиса 2011 г. основное внимание в научной литературе уделяется политическим и конфессиональным факторам, экономическим предпосылкам кризиса отводится второстепенная, опосредованная роль.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования данной статьи выступает экономическое развитие Сирийской Арабской Республики в период 2000–2011 гг., а также социальные последствия этого развития.

Целью исследования является анализ социально-экономических процессов в Сирийской Арабской Республике в период 2000–2011 гг. и их влияния на эскалацию кризиса в стране.

Методологическая основа данного исследования представлена основополагающими принципами: принципом объективности и принципом всесторонности, обуславливающими представление наиболее полной и непредвзятой характеристики экономического развития САР в начале XXI в. на основании изучения широкого спектра источников. Методами исторического исследования являются: системный метод, необходимый для анализа экономической системы Сирии; историко-генетический метод был использован для выявления генезиса и реализации экономических реформ Башара аль-Асада в период его первого президентства.

Результаты и их обсуждения

Государственные кризисы не возникают на пустом месте, они имеют ряд открытых и скрытых причин. Кризис, охвативший Сирийскую республику в 2011 г., напрямую связан с общим для Ближнего Востока процессом – Арабской весной [Кузьмин, 2018, с. 142]. Однако данный кризис практически сразу вышел за рамки ближневосточных событий. Причины возникновения затяжного кризиса в Сирии кроются в политических и экономических решениях президентства Башара аль-Асада в период 2000–2011 гг. Б.В. Долгов [2015, с. 402–403] в своей работе отмечает: «Социально-экономическая ситуация в Сирии до начала внутреннего противостояния отличалась в лучшую сторону по сравнению с Тунисом и Египтом, где имел место системный кризис; ситуацию в Сирии перед началом внутреннего конфликта нельзя было определить как социально-экономический кризис». Примерно того же самого мнения придерживается М.С. Ходынская-Голенищева [2018, с. 64], говоря о верховенстве политических причин над экономическими. Для анализа степени влияния экономической

ситуации на развитие сирийского кризиса 2011 г. необходимо рассмотреть политику Башара аль-Асада за период его правления. Сирийская республика – государство на Ближнем Востоке, которое обладает небольшим запасом энергоносителей по сравнению с персидскими монархиями. Доля Сирии в мировых запасах нефти оценивается примерно в 0,2 % [Кузнецов и др., 2017]. Несмотря на это, экономика республики в последней четверти XX в. делала упор на добычу нефти, что предопределило ее будущее развитие.

Политика Башара аль-Асада является прямым продолжением правления его отца. Хафез аль-Асад правил Сирией с 1970 по 2000 гг. и внес значительный вклад в экономическую политику страны [Al Wazani, 2014]. Он провел ряд реформ, которые основывались на принципах социализма и плановой экономики, а также развивал государственный сектор, включая нефтяную промышленность и ключевые отрасли экономики. Важнейшим достижением реформации предыдущего президента было увеличение роста внутреннего валового продукта (далее ВВП) на 6 % при росте населения 3 % в год [Ахмедов, 2005]. Сирия в последней четверти XX в. функционировала в рамках смешанного типа экономики, где преобладал государственный сектор. По данным С.В. Жданова [2007], госсектор составлял около 50 % национального дохода. В последние годы правления Хафеза аль-Асада вопросы приватизации, либерализации внешней торговли и реформирования финансового сектора не входили в число приоритетов государственной политики. Демографическая обстановка в Сирии на рубеже XX–XXI вв. становилась критически сложной, что также имело негативные последствия для экономического развития в новом столетии. Здесь уместны выводы Ф. Balanche [2017] о том, что с 1946 г. население Сирии удваивается каждые 20 лет. Сирия встретила нового президента в положении неуравновешенного развития.

Вступление в должность президента сына Хафеза аль-Асада предопределило преемственность политического курса. Башар аль-Асад декларировал приверженность существующим порядкам как во внутренней, так и во внешней политике, включая верность социалистическим принципам, но с возможностью введения рыночных механизмов в регулирование экономики. Приход Башара аль-Асада к власти сопровождался обещаниями о проведении реформ в экономической сфере. Обосновано это решение было исходя из проблем в экономике в 1999 г., в ходе которых наблюдалось снижение экономического роста на 1,7 %, при этом уровень безработицы возрос до 20 %, а доход на душу населения составил в 1999 г. 1 010 долларов США [Syrian President Bashar al-Assad sworn..., 2011]. С приходом нового президента был инициирован курс на ограниченную экономическую либерализацию, который выражался в поэтапной приватизации и создании условий для привлечения прямых иностранных инвестиций [Жданов, 2007]. Правительство Сирии надеялось, что эти меры позволят диверсифицировать экономику и повысить уровень жизни населения [Мокеев, Альмехраз, 2022]. В результате этих мер доля государственного сектора в основных производственных отраслях не превышала 30 %. В рамках либерализации финансовой системы правительством был санкционирован допуск частного капитала в банковский сектор: к 2005 году было лицензировано четыре частных банка, однако при обязательном условии сохранения за национальным капиталом контрольного пакета акций [Матвеев, 2020, с. 108]. Однако одной из первостепенных задач экономической политики Башара аль-Асада было привлечение иностранных инвестиций в страну. Для этого были приняты меры по улучшению инвестиционного климата и привлечению международных компаний. Это способствовало притоку капитала и технологий, а также созданию новых рабочих мест. Символическими событиями, показывающими изменения политики Сирии, стало создание двух операторов мобильной связи с участием иностранных инвесторов, учреждение частного университета и радиостанции [Юрк, 2023]. Одновременно осуществлялись реформы либерализации финансового регулирования и внешнеторговой деятельности.

Сложность реализации нового курса заключалась в высоком уровне государственного долга, отсутствии развитых финансовых институтов и фондового рынка. Проведение нового экономического курса встретило в обществе неоднозначную реакцию. Оценка текущего на тот

момент состояния экономической системы была радикально противоположной и варьировалась от признания стагнации до глубокого кризиса [Худа, 2000, с. 19–21]. Эффективность данных действий была оценена самим президентом Сирии в мае 2007 г., когда Народный совет Сирии единогласно одобрил продление президентского мандата Башара аль-Асада. В своей программной речи, апеллируя к достижениям предшествующего периода, действующий президент акцентировал внимание на существенном сокращении объема внешнего долга (с 20 до 3 млрд долларов США) и поддержании стабильного роста ВВП на уровне 5,1 % [Зеленин, 2021]. Однако сам Башар аль-Асад признал, что из-за необходимости обеспечения национальной безопасности и внутривнутриполитической стабильности руководство страны вновь откладывает какие-либо серьезные внутренние реформы, в том числе экономические.

Попытки реформирования экономики провалились, официальное высшее руководство признало необходимость глубоких экономических преобразований, однако в последующий период вплоть до начала кризиса практическая реализация не приобрела необходимой динамики. Невозможность сосредоточиться на всех критически важных направлениях связана со складыванием внутренних и внешних факторов, которые создали в Сирии сложную ситуацию. Правительство сталкивалось с дефицитом ресурсов, недостатком политической воли, проблемами внешнеполитического противостояния с Израилем. В результате проблемы накапливались, обязательства обретали давящий характер, и многие инициативы режима, объявленные публично и показывающие понимание им слабых и сильных сторон Сирии, не получали логического завершения. [Пир-Будагова, 2015]. Таким образом, первое десятилетие XXI в. не стало для Сирии периодом плавной и успешной трансформации в соответствии с вызовами современности.

Отсутствие успеха в экономической реформации государства также было подкреплено историческими проблемами Сирии: демографией и безработицей. До 2011 г. демографический кризис проявлялся в неустойчивом и дисбалансированном состоянии населения, влияющем на различные аспекты социальной, экономической и политической жизни страны [Долгов, 2011]. Первым и наиболее существенным аспектом демографического кризиса в Сирии был рост населения в связи с высоким уровнем рождаемости и низкой смертностью. По данным Центрального бюро статистики Сирии, население республики начиная с 1994 г. до 2011 г. выросло с 13,7 млн до 21,1 млн человек [Central Bureau of Statistics, 2015]. Это оказывало давление на государственные институты, снижая их способность обеспечивать население здравоохранением, образованием и социальной защитой. Этот факт отражён в статистике доходов и расходов республики за указанный период. По данным Международного валютного фонда, начиная с 2000 г. по 2011 г. доходы САР уменьшились с 26 % до 21 % от уровня ВВП, а расходы, наоборот, были увеличены с 27 % до 32 % от уровня ВВП [World Economic Outlook Database, 2011]. При увеличении государственных расходов мы наблюдаем ситуацию, при которой в период правления Башара аль-Асада расходы на здравоохранение были уменьшены с 4,6 % до 2,5 % от уровня ВВП, а внутренние государственные расходы на здравоохранение на душу населения составили 33,8 доллара США в год. Расходы, связанные с образованием, за весь рассматриваемый период составили 5,4 % от уровня Валового национального продукта (ВНП) [Government expenditure on education, total (% of GDP), 2024]. При этом, по данным С.В. Жданова [2007], в 2005 г. выделено около 2,5 млрд дополнительных средств на выплаты зарплат госслужащим.

Обеспечить такой интенсивный рост населения рабочими местами сирийское правительство не смогло, что отражается на уровне безработицы от 7,6–10,9 % в рассматриваемом периоде [Unemployment, total Syrian Arab Republic, 2025]. В 2004 г. Центральное статистическое бюро Сирии и Программа развития Организации Объединенных Наций провели исследование бедности в Сирии на рубеже XX–XXI вв., главный вывод доклада подтверждает отсутствие экономических механизмов для уменьшения бедности. В период 2003–2004 гг. почти 2 миллиона человек в Сирии не могли удовлетворить свои основные продовольственные и непродовольственные потребности. При использовании более высокой черты бедности по расходам общая бедность в Сирии возрастает с 11,4 % до 30,1 %, что составляет почти 5,3 миллиона человек [Laithy, Abu-Ismaïl, 2005, p. 10]. Отсутствие адекватных

социально-экономических механизмов и программ для обеспечения благосостояния и основных условий жизни населения стало фактором, обостряющим кризис. Результатом стало недостаточное удовлетворение базовых потребностей населения. Подобное положение негативно сказалось на внутривнутриполитической ситуации республики в 2011 г. [Шеповаленко и др., 2016]. Отсутствие должного внимания со стороны правительства к социальным учреждениям не только понижало уровень жизни населения Сирии, но и не создавало дополнительных рабочих мест, что являлось одной из причин безработицы и создавало замкнутый экономический круг, из которого Сирия до начала кризиса выйти не смогла.

Кроме того, недостаточное привлечение иностранных инвестиций и отсутствие стимула для развития предпринимательства также сказывались на уровне безработицы. Правительство Сирии реализовывало меры по снижению безработицы в 2005 г. [Nasser, 2013]. На съезде партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) было принято решение проводить политику «социальной рыночной экономики». Был разработан среднесрочный план экономического развития, который ориентировался на повышение темпов роста до 7 % в год и снижение уровня безработицы до 8 % [Жданов, 2007]. По этому плану предполагалось создание рабочих мест в государственном секторе, особенно в сфере образования и здравоохранения. Также проводились программы поддержки малого и среднего бизнеса, предоставлялись льготы и субсидии для развития предпринимательства.

Несмотря на меры, предпринимаемые правительством, безработица оставалась серьезной проблемой в Сирии. Это свидетельствовало о недостаточной эффективности принятых мер и необходимости преодоления сопротивления консервативно настроенной элиты. Фактически этому могло поспособствовать создание рабочих мест, однако для этого Сирии нужны были ежегодные инвестиции в размере 4 млрд долларов [Leclerc, 2023, p. 6]. Чтобы обеспечить поток финансов в страну, Сирия стремилась войти в Средиземноморскую торговую зону, которая представляла собой крупнейшую экономическую площадку для развития торговли и инвестиций с участием Европейского Союза. Евро-средиземноморская зона свободной торговли (ЕВСТ) создавалась для содействия свободному движению товаров и услуг между участниками. Для того чтобы войти в Средиземноморскую торговую зону и получить доступ к преимуществам ее членства, Сирия провела ряд мероприятий в начале 2000-х гг. Во-первых, она осуществляла модернизацию и реформирование своих торговых и экономических структур, чтобы обеспечить соответствие требованиям и стандартам, предъявляемым ЕС [Огинасян, 2020, с. 98–99]. Это включало в себя внедрение соответствующих норм и правил, а также адаптацию к международным стандартам качества и безопасности товаров. Во-вторых, Сирия активно взаимодействовала с Европой на уровне политического и экономического диалога, выражая свое стремление к развитию партнерских отношений и установлению сотрудничества, что предполагало проведение переговоров, консультаций и встреч на высоком уровне для продвижения вопросов торговли и экономического сотрудничества [Lumu, 2012, p. 43]. Сирия предоставляла различные стимулы и льготы для привлечения иностранных инвестиций, что способствовало развитию своего экономического потенциала и повышению конкурентоспособности на международном рынке. На фоне стремления Башара аль-Асада вывести свое государство к Средиземноморскому партнерству, Сирия до событий арабской весны сумела наладить двусторонние соглашения с Египтом, Арабскими Эмиратами, Бахрейном, Тунисом, Ливаном и Иорданией [Филоник, 2008, с. 139].

Стремление Сирии войти в Средиземноморскую торговую зону с Европейским союзом представляло собой сложный и многогранный процесс, включающий модернизацию экономических структур, укрепление политического диалога и привлечение иностранных инвестиций. Эти усилия являлись частью общей стратегии развития международного экономического сотрудничества и поиска новых возможностей для Сирии на международной арене торговли и инвестиций. Однако переговорный процесс, длившийся с 2004 г., постоянно затягивался и на практике не привел к существенным изменениям экономического развития САР [Хлюстов, 2013, с. 39].

Заключение

Анализ экономического развития Сирийской Арабской Республики в период 2000–2011 гг. позволяет сделать вывод, что президентство Башара аль-Асада можно охарактеризовать как попытку проведения ограниченных рыночных реформ при сохранении авторитарной политической системы. Несмотря на осознанные намерения и ряд конкретных шагов, правительству САР не удалось добиться устойчивого экономического роста в рассматриваемом периоде, не были решены структурные проблемы в экономике и социальной сфере. Реформы носили точечный характер и не составляли единой стратегии экономического развития. Преобразования постоянно блокировались консервативным крылом правящей партии, чьи экономические интересы были связаны с сохранением старых порядков. Положение усложнялось историческими проблемами Сирии: высоким ростом населения и безработицей. Экономика, которая росла недостаточными темпами, не смогла обеспечить себя необходимым количеством рабочих мест.

Сирийская республика до кризиса не была государством в состоянии коллапса. Однако накопившиеся экономические дисбалансы стали источником формирования хронического социального недовольства. Экономические трудности выступили как мобилизующая сила для протеста, но его коренная причина лежала в политике. Протесты 2011 г. начались под лозунгами политической свободы и свержения авторитаризма Башара аль-Асада и ПАСВ. Таким образом, экономические проблемы не являются ключевым фактором в начале сирийского кризиса 2011 г., особенно в отрыве от политического контекста. Они создали условия для социального взрыва. Исходя из вышесказанного, период правления Башара аль-Асада до кризиса можно охарактеризовать как время упущенных возможностей для мирной трансформации сирийской экономики.

Список источников

- Зеленин Д.А. 2007. Сирия: президентский мандат Башара Асада продлен на новый семилетний срок. ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/opinions/11514523> (дата обращения: 15.01.2025).
- Юрк А.В. 2023. Между гневом и торгом: реакция США на возвращение Сирии в арабский мир. Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdu-gnevom-i-torgom-reaktsiya-ssha-na-vozvrashchenie-sirii-v-arabskiy-mir/> (дата обращения: 10.01.2025).
- Balanche F. 2017. Not Money Alone: The Challenges of Syrian Reconstruction. The Washington Institute. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/not-money-alone-challenges-syrian-reconstruction> (дата обращения: 10.01.2025).
- Government expenditure on education, total (% of GDP). The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GD.ZS?locations=SY> (дата обращения: 14.01.2025).
- Laithy H., Abu-Ismaïl K. 2005. Poverty in Syria: 1996–2004: Diagnosis and Pro-Poor Policy Considerations. United Nations Development Programme, 44 p.
- Leclerc G.A. 2023. Briefing: Impact of sanctions on the humanitarian situation in Syria EPRS. European Parliamentary Research Service. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2023\)749765](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2023)749765) (дата обращения: 15.01.2025).
- Population Existed in Syria According to Censuses (1960, 1970, 1981, 1994, 2004) and Estimates of Their Number in Mid Years 2005–2011. Central Bureau of Statistics. URL: <http://www.cbssyr.sy/yearbook/2011/Data-Chapter2/TAB-10-2-2011.htm> (дата обращения: 13.01.2025).
- Syrian President Bashar al-Assad sworn in for new seven-year term. The Sydney Morning Herald. 17.07.2011. URL: <https://www.smh.com.au/world/syrian-president-bashar-alassad-sworn-in-for-new-seven-year-term-20140717-ztr1.html> (дата обращения: 10.01.2025).
- Unemployment, total Syrian Arab Republic. The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=SY> (дата обращения: 14.01.2025).

World Economic Outlook Database. International Monetary Fund. Available. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2011/September/weo-report?c=463,&s=GGR,GGR_NGDP,GGX,GGX_NGDP,&sy=2000&ey=2011&ssm=0&scsm=1&ssc=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=.&br=1 (дата обращения: 13.01.2025).

Список литературы

- Ахмедов В.М. 2005. Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. Москва, Институт востоковедения РАН, 189 с.
- Долгов Б.В. 2011. Кризис в Сирии: внутренние и внешние факторы. *Восточная аналитика*, 2: 181–187.
- Долгов Б.В. 2015. Сирийский кризис. В кн.: Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. Москва, Институт востоковедения РАН: 401–422.
- Жданов С.В. 2007. Сирия после Хафеза Асада: экономические реформы. *Издание МГИМО МИД России*. 1(2): 30–42.
- Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Ваддах А.Ж. 2017. Социально-экономическое развитие Сирийской Арабской Республики в докризисный период: ретроспективный анализ. *Экономический анализ: теория и практика*. Т. 16, 7: 1231–248.
- Кузьмин В.А. 2018. Причины Сирийского кризиса и его развитие в 2011–2015 гг. *Уральское востоковедение: международный альманах*: 140–148.
- Матвеев И.А. 2020. Сирия в конфликте. Москва, Институт востоковедения РАН, 496 с.
- Мокеев А.М., Альмехраз Х.И. 2022. Социально-политическое положение Сирии при Башаре Асаде (2000–2011 гг.). *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 6(1): 56–61.
- Огинаян Л.Д. 2020. Дилеммы сирийской политики ЕС. *Современная Европа*. 1: 91–101.
- Пир-Будагова Э.П. 2015. История Сирии XX век. Москва, Институт востоковедения РАН, 392 с.
- Сирийский рубеж. 2016. Под ред. М.Ю. Шеповаленко. Москва, Центр анализа стратегий и технологий, 184 с.
- Филоник А.О. 2008. Сирия: с высокого старта – в будущее. *Россия и мусульманский мир*. 2: 135–142.
- Хлюстов М.В. 2013. От мира до войны. Очерк политической истории Сирии в XX и начале XXI века. Аналитический доклад. Москва, АНО «ЦСОиП», 49 с.
- Ходынская-Голенищева М.С. 2018. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Москва, 1047 с.
- Худа А.Т. 2000. Некоторые проблемы сирийской экономики и возможные пути ее эволюции на рубеже XX–XXI веков.: дис. ... канд. ист. наук: 08.00.14. Москва, 193 с.
- Al Wazani K. 2014. The Socio-Economic Implications of Syrian Refugees on Jordan. Bonn, Konrad Adenauer Stiftung, 120 p.
- Lumy R.F. 2011. Sanctioning Assad's Syria Mapping the Economic, Socioeconomic and Political Repercussions of the International Sanctions Imposed on Syria since March 2011. Danish Institute for International Studies, 78 p.
- Nasser R. 2013. Socioeconomic Roots and Impact on the Syrian Crisis. United Nations Development Programme, 80 p.

References

- Akhmedov V.M. 2005. Siriya pri Bashare Asade. Regional'nyy opyt modernizatsii v usloviyakh vneshey nestabil'nosti [Syria under Bashar al-Assad. Regional Experience of Modernization in Conditions of External Instability]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 189 p.
- Dolgov B.V. 2015. Siriyskiy krizis. V kn.: Konflikty i voyny XXI veka. Blizhniy Vostok i Severnaya Afrika [The Syrian Crisis. In: Conflicts and Wars of the 21st Century. The Middle East and North Africa]. *Vostochnaya analitika*, 2: 181–187.
- Dolgov B.V. 2015. Siriyskiy krizis. V kn.: Konflikty i voyny XXI veka. Blizhniy Vostok i Severnaya Afrika [The Syrian Crisis. In: Conflicts and Wars of the 21st Century. The Middle East and North Africa]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN: 401–422.
- Zhdanov S.V. 2007. Siriya posle Khafeza Asada: ekonomicheskie reformy [Syria after Hafez al-Assad: Economic Reforms]. *Izдание MGIOMO MID Rossii*, 1(2): 30–42.
- Kuznetsov Yu.A., Perova V.I., Vaddakh A.Zh. 2017. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Siriyskoy Arabskoy Respubliki v dokrizisnyy period: retrospektivnyy analiz [Socio-economic Development of the Syrian Republic in the Pre-crisis period: retrospective analysis].

- Arab Republic in the Pre-Crisis Period: A Retrospective Analysis]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. Т. 16, 7: 1231–248.
- Kuz'min V.A. 2018. Prichiny Siriyskogo krizisa i ego razvitie v 2011–2015 gg [The Causes of the Syrian Crisis and its Development in 2011–2015]. *Ural'skoe vostokovedenie: mezhdunarodnyy al'manakh*: 140–148.
- Matveev I.A. 2020. Siriya v konflikte [Syria is in Conflict]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 496 p.
- Mokeyev A.M., Al'mekhraz Kh. I. 2022. Sotsial'no-politicheskoe polozhenie Sirii pri Bashare Asade (2000–2011 gg.) [The Socio-Political Situation of Syria under Bashar al-Assad (2000–2011)]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 6(1): 56–61.
- Oginasyan L.D. 2020. Dilemmy siriyskoy politiki ES [The Dilemmas of the EU's Syrian Policy]. *Sovremennaya Evropa*. 1: 91–101.
- Pir-Budagova E.P. 2015. Istoriya Sirii XX vek [The History of Syria in the 20th Century]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 392 p.
- Siriyskiy rubezh. 2016. Pod red. M.Yu. Shepovalenko [The Syrian Frontier]. Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy, 184 p.
- Filonik A.O. 2008. Siriya: s vysokogo starta – v budushchee [Syria: From a High Start, into the Future]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 2: 135–142.
- Khlyustov M.V. 2013. Ot mira do voyny. Ocherk politicheskoy istorii Sirii v KhKh i nachale KhKhI veka. Analiticheskii doklad [From Peace to War. An Essay on the Political History of Syria in the Twentieth and Early Twenty-First Centuries. Analytical Report]. Moscow, ANO «TsSOiP», 49 p.
- Khodynskaya-Golenishcheva M.S. 2018. Siriyskiy krizis v transformiruyushcheysya sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy [The Syrian Crisis in the Transforming System of International Relations]: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.15. Moscow, 1047 p.
- Khuda A.T. 2000. Nekotorye problemy siriyskoy ekonomiki i vozmozhnye puti ee evolyutsii na rubezhe XX–XXI vekov [Some Problems of the Syrian Economy and Possible Ways of its Evolution at the Turn of the XX–XXI Centuries]: dis. ... kand. ist. nauk: 08.00.14. Moscow, 193 p.
- Al Wazani K. 2014. The Socio-Economic Implications of Syrian Refugees on Jordan. Bonn, Konrad Adenauer Stiftung, 120 p.
- Lumy R.F. 2011. Sanctioning Assad's Syria Mapping the Economic, Socioeconomic and Political Repercussions of the International Sanctions Imposed on Syria since March 2011. Danish Institute for International Studies, 78 p.
- Nasser R. 2013. Socioeconomic Roots and Impact on the Syrian Crisis. United Nations Development Programme, 80 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.02.2025

Received 24.02.2025

Поступила после рецензирования 21.08.2025

Revised 21.08.2025

Принята к публикации 23.08.2025

Accepted 23.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кузьмин Денис Анатольевич, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

 [ORCID: 0009-0000-7972-9483](https://orcid.org/0009-0000-7972-9483)

Denis A. Kuzmin, Postgraduate Student of the Department of General History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 940.2

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-639-648

EDN JSZNSE

Обзорное исследование

Нормативно-правовое регулирование национального образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв.

Картбаева С.М.

Омский государственный педагогический университет,
644099, г. Омск, наб. Тухачевского, д. 14

E-mail: kartbaevasairan@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ закономерностей оформления нормативной базы национального образования Степного края в указанный период. В работе выделены три этапа данного процесса: на первом (1822–1868 гг.) документы отражали консервативный дискурс, главной идеей которого была нивелировка национальных, культурных отличий инородцев, распространение русского языка, культуры и «истинной веры». На втором этапе (1868–1901 гг.) происходил синтез консервативного дискурса (создание единой русской нации) и либерального дискурса (первоначальное обучение на родном языке, учет национальной культуры). На третьем этапе (1901–1917 гг.) стали выходить документы, которые закрепляли право инородцев на развитие собственных моделей образования (религиозных школ), но с обязательным изучением русского языка. В работе делается вывод, что на протяжении выделенных этапов происходило постепенное сближение моделей национальной школы, представленных в консервативном и либеральном дискурсе.

Ключевые слова: национальное образование, национальная школа, инородцы, инородческая школа, образовательная политика, дискурс

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Картбаева С.М. 2025. Нормативно-правовое регулирование национального образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 639–648. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-639-648. EDN: JSZNSE

Normative and Legal Regulation of National Education in the Steppe Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

Sairan M. Kartbayeva

Omsk State Pedagogical University,
14 Tukhachevsky Emb., Omsk 644099, Russia

E-mail: kartbaevasairan@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the patterns of development of the regulatory framework for national education in the Steppe Region in the specified period (second half of the 19th – early 20th centuries). Using the

classification method, the authors have singled out three stages in this process. The classification was based on changes in the content of the socio-political and scientific discourse about the foreign school. At the first stage (1822–1868), documents reflected the conservative discourse. Its main idea was to level out national and cultural differences among foreigners and to disseminate the Russian language, culture, and “true faith”. At the second stage (1868–1901), documents reflected a synthesis of the conservative discourse (creation of a single Russian nation) and the liberal discourse (initial education in the native language, taking into account the national culture). At the third stage (1901–1917), documents began to be published that secured the right of foreigners to develop their own models of education (religious schools), but with mandatory study of the Russian language. The work concludes that during the identified stages, there was a gradual convergence of the national school models presented in the conservative and liberal discourse.

Keywords: national education, national school, foreigners, foreign school, educational policy, discourse

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kartbayeva S.M. 2025. Normative and Legal Regulation of National Education in the Steppe Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 639–648 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-639-648. EDN: JSZNSE

Введение

В условиях поиска условий и способов развития в России единого образовательного пространства, включающего разработку общих подходов к разработке стандартов, содержания образования, воспитательных программ, особую актуальность представляет осмысление опыта Российской империи в развитии национального образования. Особенно активно эти процессы в исследуемом регионе происходили во второй половине XIX – начале XX вв., когда Степной край был включен в пул переселенческих миграций, государство решало задачу организации гармоничного взаимодействия между новыми жителями региона и аборигенным населением. Одним из механизмов интеграции власть рассматривала развитие образовательных учреждений для инородческого населения. Все это актуализирует обращение к данной проблеме в настоящее время.

Вообще в исследуемый период по вопросу создания и оснований деятельности национальной школы в Российском обществе сложился дискурс, внутри которого можно выделить сторонников консервативной (чиновники, часть представителей научного, университетского сообщества) и либеральной линии (ученые-востоковеды, практики образования, общественные деятели и др.), Содержание дискурса неизбежно влияло на образовательную политику в отношении инородческого образования. Власть прислушивалась не только к чиновникам, но была вынуждена реагировать на мнение других акторов, в том числе представителей инородческой интеллигенции. Данное предположение подтверждается динамикой и последовательностью выхода нормативных документов в исследуемый период.

Сам термин «инородцы» вошел в российский нормативный и общественный словарь в 1822 году после выхода «Устава о сибирских киргизах». В этом документе была поставлена задача обращения киргиз-кайсаков в христианство. Одним из главных механизмов решения данной задачи называлось образование, поэтому следствием его реализации стало стимулирование миссионерской деятельности русской православной церкви в регионе, обязательным условием которой было открытие миссионерских школ. Этот документ к инородцам относил кочевые и полукочевые коренные народы Сибири. Эти народы получили особые правила, регулирующие их жизнь и отношения с государством и другими народами Российской империи. К началу XIX века эти народы сохраняли свои местные обычаи и традиционное управление, главной их привилегией было освобождение от воинской повинности. В Степном крае инородцы были представлены в основном киргизами (казахами).

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является процесс нормативно-правового регулирования развития национального образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв. Указанный период связан с выходом нормативных документов по регламентации создания и деятельности школ, в которых могли обучаться инородцы. Поэтому, определяя содержательное наполнение понятия «национальное образование», мы относим к нему все типы образовательных учреждений, которые создавались с целью образования представителей инородческого населения (миссионерские школы, русско-киргизские училища, аульные школы, религиозные (мусульманские) школы и др.). Территориальные рамки исследования совпадают с пространством, которое в нормативных документах того времени относили к понятию «Степной край». В Степное генерал-губернаторство входили Акмолинская и Семипалатинская области. Кроме того, в Степной край входила Семиреченская область, но в 1897 г. она была включена в состав Туркестанского края, поэтому в рамки нашего исследования она не попала. *Цель исследования* состоит в обосновании этапов и особенностей нормативно-правового регулирования процесса становления национального образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв. В работе использовался комплекс научных методов: ретроспективный анализ исследовательской литературы, архивных документов, нормативных документов и материалов средств массовой информации. Для выделения этапов нормативно-правового регулирования был применен метод классификации. Основанием для выделения этапов было изменение содержания общественно-политического, научного и государственного дискурса о национальной школе в регионе, что находило отражение в изменении нормативной базы создания разных типов учреждений национального образования в регионе.

Результаты и их обсуждение

До середины XIX века учеными и общественными деятелями проводилась линия на русификацию как основной способ инкорпорации коренных народов в общее «тело» империи. В консервативном дискурсе, который в основном был представлен чиновниками, вопрос о распространении правильного образования среди нехристианских народов Сибири в первой половине XIX века не был значимым. Государство решало военно-политические задачи колонизации, для этого были необходимы переводчики для осуществления взаимодействия с местным населением. С этой целью справлялись отдельные государственные учреждения, например, школа Азиатских языков или школа для казахских детей в Омске.

На первом этапе (1822–1860 гг.) в развитии национального образования проводилась русификаторская линия. Ее закрепил «Устав о сибирских киргизах», в котором предусматривались разные пути получения образования для инородцев: они могли открывать свои школы по согласованию с гражданскими губернаторами; могли отдавать детей в русские учебные заведения, создаваемые государством; могли обучаться в миссионерских школах. Все три модели существовали в регионе параллельно, за каждой из них стояли определенные государственные и общественные силы. Несмотря на отличия этих моделей, их объединяла близость традиционному (консервативному) дискурсу: он предлагал путь ассимиляции через образование на русском языке, по одинаковым с другими народами программам (министерские учебные заведения) или полную русификацию, означавшую разрыв с собственной верой и культурой (миссионерские школы). Обучались в них дети знатных инородцев, оканчивающие русские училища и высшие учебные заведения, многие из них становились проводниками российской культуры у своих соплеменников.

Наименьшей поддержкой у аборигенного населения пользовались миссионерские школы, открытые в начале XIX века в различных областях Западной Сибири. Эти школы пытались объединить инородческие народы с российским государством через принятие православия. Некоторый рост численности таких школ и активизация деятельности в регионе связана с созданием в 1895 г. Омской епархии и Православной киргизской миссии [Стурова, 2017].

Но в середине XIX века киргизы (казахи) предпочитали традиционную школу (медресе, мектебе), которые в 1830–50 гг. стали открываться при мечетях Степного края. Содержание образования в них составляло изучение Корана, арабской письменности. Власть на первом этапе не придавала большого значения масштабам и силе влияния на инородческое общество этих типов национального образования, поэтому не вводилось действенных ограничительных мер.

На втором этапе (1868–1906 гг.) в общественно-политическом и научном дискурсе стали развиваться идеи о «взрослении примитивных народов», позиционирование азиатской периферии как «собственного Востока» России. Важной задачей власти стал поиск способов включения инородцев российской империи в государственное управление. В указанный период в результате активизации либерального дискурса пришло понимание, что оптимальные возможности интеграции имеет путь создания в регионе государственного инородческого образования (светского, с изучением русского языка, мягким приобщением к государственной религии (православию)). Обоснование практики использования школы как механизма мирного продвижения среди инородцев русского языка, русской народности, русской образованности можно найти у А.В. Васильева, С.М. Граменицкого, В.В. Григорьева и др. [Васильев, 1896; Граменицкий, 1896; Григорьев, 1900].

Именно эти идеи лежали в основе системы Н.И. Ильминского, в ней можно обнаружить атрибуты либерального и консервативного дискурса: с одной стороны, признание необходимости использования материнского языка на начальном этапе обучения инородцев, а с другой стороны, он предлагал использовать для обучения инородческому языку славянскую азбуку [Ильминский, 1963]. Таким способом планировалось постепенное вытеснение арабской азбуки и татарской письменности, которые рассматривались просветителем как чуждые и несвойственные культурному коду инородческого населения.

Во «Временном положении об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» (21 октября 1868 г.) закреплялось общее для всех территорий правило, что в каждом уездном городе должна быть открыта школа для представителей всех народностей. Предусматривалось распределение средств, полученных с земских денежных повинностей на содержание «народных школ» (ст. 157). В этот период действовали две образовательные практики: обучение детей инородцев вместе с русскими детьми в школах Министерства народного просвещения, причем для инородцев была предусмотрена льгота – они учились бесплатно или вводилась пониженная стоимость [Сборник узаконений, 1912]. Кроме того, была предпринята попытка введения общих финансовых и организационных основ деятельности религиозных инородческих школ. Было закреплено право киргиз (казахов) вводить специальные налоги для создания и содержания своих учебных заведений [Свод законов, 1912]. При этом отмечалось: «На право преподавания грамоты и устройство при мечетях школ муллы должны иметь разрешение уездного начальника» [Труды Частного совещания, 1908]. Таким образом, уже в правилах 1868 года происходит продвижение основных требований либерального дискурса, для которого характерно признание права инородческих обществ на открытие своих школ, обучение на родном языке, поддержка (финансовая) этих школ государством при общем контроле министерства народного просвещения. Это стало частью демократической реформы других ступеней образования (приходских училищ, гимназий, университетов), осуществленной в 1860 гг.

Идеи Н.И. Ильминского нашли отражение в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г., действие которых было направлено на две категории инородцев (христиан и мусульман). Для инородцев-христиан ставилась задача религиозно-нравственного воспитания. Для инородцев-мусульман предусматривалось первоначальное обучение на родном языке, и только со второго года обучения должно было начинаться изучение русского языка. В «Правилах...» была прописана единая процедура и условия открытия религиозных инородческих школ, определялись зоны ответственности разных ведомств за их деятельность (МВД и МНП). В частности, в § 3 отмечалось: «Не допускать открытия мектебе иначе как с обязательством иметь при них учителей русского языка на счёт магометанских

обществ». В параграфе 6: «Надзор за мектебами возложить на инспектора начальных народных училищ» [Труды частного совещания, 1908]. Д.А. Толстой, поддерживая эту линию, писал: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах России, бесспорно, должно быть их обрусение и слияние с русским народом» [Доклад министра, 1870]. В дальнейшем основные идеи данного документа на протяжении исследуемого периода неоднократно повторялись, что дало возможность исследователям говорить о «нескольких редакциях «Правил 1870 г.» (1906, 1907, 1913 гг.)» [Стурова, 2012, с. 17].

Положение регламентировало практику деятельности начальных школ, но текущей задачей власти оставалась подготовка лояльной местной интеллигенции. Для этих целей стали создавать школы повышенного уровня. После выхода в 1872 году «Положения о городских училищах» в регионе стали открывать русско-киргизские учебные заведения. Процесс их открытия шел очень медленно, например, в Семипалатинской области были открыты «четыре городских училища: 5-классное в Семипалатинске, 3-классные – в Устькаменогорске, Павлодаре и Каркалинском городском поселении»⁵². И даже к концу 1890-х гг. русско-киргизских училищ в Степном крае было 13, в Акмолинской области – 4; в Семипалатинской области – 4, в Семиреченской области – 5, только одно из них было уездное училище. Политика в отношении мусульманских школ, проводимая властью в местах компактного проживания инородцев, воспринималась этими обществами неоднозначно. Выступления представителей инородческого населения в разных частях страны привели к тому, что в 1882 году вышла инструкция в системе МНП, что за инородческими школами нужно наблюдать «осторожно», не провоцировать новых недовольств.

В конце 1880 гг., помимо общеобразовательных школ, стали создаваться учреждения профессионального образования, в которые принимали в том числе киргизов (казахов), для чего открывались сельскохозяйственные школы, технические училища и ремесленные классы. Деятельность сельскохозяйственных школ определялась «Положением о сельскохозяйственных школах в европейской России», которое было издано в 1883 г., на его основе был разработан устав степных сельскохозяйственных школ [Пругавин, 1898]. Эти действия власти не получили поддержки у инородцев, поэтому в Степном крае к концу века существовало по одной сельскохозяйственной школе. Т.Ю. Плахотник приводит данные, что в «Акмолинской области было открыто 5 школ (Омская, Петропавловская, Кокчетавская, Атбасарская, Акмолинская). В Семипалатинской области открыли 4 школы (Павлодарская, Усть-Каменогорская, Каркалинская, Зайсанская), в Семиреченской области – 5 сельскохозяйственных школ (Пигипекская, Джаркентская, Пржевальская, Копальская, Верненская)» [Плахотник, 2007, с. 20].

Управление национальными школами региона стало носить более организованный характер после включения в 1885 г. в состав Западно-Сибирского учебного округа Акмолинской и Семипалатинской областей. Осознание властью важности образования в реализации переселенческой политики в регионе привело к попыткам ввести более жесткий контроль над религиозными школами, причем как со стороны системы МВД, так и МНП. Первоначально в Степном Положении от 25 марта 1891 г. в статье 90 определялся порядок, по которому только с разрешения Степного генерал-губернатора могли возводиться новые мечети и открываться школы при них. В статье 99 закреплено, что «мечети и школы при них содержатся за счет обществ, но последним воспрещается принуждать к участию в сборах на этот предмет лиц, неизъявивших на то согласие» [Положение об управлении, 1893, с. 24]. Но буквально через год вышло дополнительное постановление и распоряжение Министерства народного просвещения, которое изменило порядок открытия новых мусульманских школ: «управлявший Министерством Народного Просвещения товарищ Министра, по соглашению с Министром внутренних дел, предложением от 30 июня 1892 г., за № 11.813, разъяснил, что мектебе и медресе должны быть впредь открываемы с разрешения директоров народных училищ» [Пругавин, 1898, с. 67].

⁵² Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГАРК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 395. Л. 194.

В развитие данной линии в 1892 году был разработан проект, который вводил более жесткие нормы регулирования деятельности магометанских школ. Был ограничен список учебных книг (только одобренные цензурой), а также вводилось требование к учителям (они должны быть русскими подданными, получившие образование в России). Эти требования закреплялись в распоряжении министра от 10 июля 1892 г. за № 123329. Но после многочисленных ходатайств со стороны инородческих обществ «его введение было отсрочено до 1 января 1895 г., затем совсем отменено» [Труды Частного совещания, 1908, с. 69]. В статье 11 «Положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» 1892 г., было подтверждено, что «инородцы областей, кочевые и оседлые, пользуются правами сельских обывателей» [Положение об управлении, 1893, с. 4]. Таким образом, попытки власти регулировать инородческое образование с использованием прежних инструментов контроля и запрета доказали свою нежизнеспособность.

На рубеже XIX–XX вв. начинается третий этап развития инородческой школы (1901–1917 гг.). В дискурсивном пространстве получила признание концепция востоковедческой школы барона В.Р. Розена, в рамках которой выдвинут тезис, что принцип уважения к племенным особенностям инородцев усиливает Россию, а не ослабляет её. И как вывод – они нуждаются в обучении особой европейской методологии познания собственного прошлого, что и является основной задачей образования. Постепенно происходило продвижение и реализация данных идей, в результате чего сложилась новая модель национальной школы в регионе, построенная на основе общественного договора. Власть была готова принять принципиальные требования инородческого общества (использование в школах арабского алфавита, обучение исламу), но при обязательном изучении русского языка и предметов, входивших в круг государственного общего образования.

Дискуссионным вопросом деятельности инородческих школ весь исследуемый период был язык обучения и изучение религии (ислама). Но этот вопрос был решен положительно только в период Первой русской революции в результате введения закона о веротерпимости (1905 года). Во всех учебных заведениях в случае преподавания Закона Божьего для лиц инославных исповедований предписывалось, что он должен вестись на «природном языке учащихся» и быть поручен духовным лицам этой религии. Кроме того, вышло еще несколько документов, определяющих статус, положение, оплату инославных законоучителей, нормы контроля за их деятельностью.

Общественные дискуссии о путях развития инородческой школы, продолжавшиеся на страницах различных изданий, ввели в практику государственного управления новые формы коммуникации – организация совещаний с приглашением представителей государственных структур и общества. В указанный период в Степном крае (1896 г.) были проведены совещания по вопросу развития инородческого образования, на которые пригласили представителей учебного ведомства и киргизских (казахских) депутатов. Результатом проведения общественных обсуждений стали «Правила для аульных русско-киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей» (1901 г.).

В это время появилась еще одна форма коммуникации государства и общества: отправка в отдаленный регион специальных комиссий, перед которыми ставилась задача объективной оценки определенного вопроса, подготовка развернутого отчета. В 1904 году в регион была отправлена комиссия под председательством члена совета министра просвещения А.С. Будиловича для ознакомления с постановкой инородческого образования. Для обсуждения результатов в марте 1905 года под руководством Будиловича было созвано Особое совещание, включающее специалистов по инородческим школам [Труды особого совещания, 1905].

Некоторые проблемы, на которые указала комиссия, были учтены при разработке документа «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России», утвержденного в январе 1906 года. Правила предполагали создание двух возможных типов национальной школы – двухгодичные начальные училища и четырехгодичные училища. Были разработаны разные организационные основы обучения для

детей инородцев, которые знали русский язык и не знали его вообще [Правила о начальных училищах, 1907]. В документе были определены требования к кадровому составу училищ: в статье 25 отмечалось, что «Учителями для образования инородцев могли быть как инородцы соответствующих исповеданий, хорошо знающие русский язык, так и русские, хорошо знающие местные «инородческие наречия», причем и те, и другие должны иметь соответствующую подготовку». В статье 33 предписывалось: «Заведующее мектебом лицо должно состоять в русском подданстве и иметь образование не ниже курса одноклассного училища Министерства народного просвещения» [Всеобщее обучение. 1914, с. 72.]. Попытка власти ввести новые виды контроля за мусульманскими школами привела к протестам мусульманских обществ. Во многочисленных ходатайствах высшим лицам государства отмечалось, что эти правила ограничивают религиозную свободу и вытесняют арабский алфавит и др.

Для согласования позиций по инородческой школе в сентябре 1907 года была образована специальная комиссия с приглашением представителей МВД и мусульманского населения, которая подготовила материалы для проведения Частного совещания «О нуждах киргизов Степного края», созданное под председательством Степного генерал-губернатора. Анализ протоколов обсуждений и итогового решения частного совещания подтверждает тенденцию на постепенное сближение двух моделей национальной школы, представленных в либеральном и консервативном дискурсе. Это совещание позволило согласовать позиции инородческой диаспоры и власти, определить основные моменты системы инородческого образования, договориться о взаимных уступках. Но при этом в материалах совещания просматривается опасение власти, что нельзя допустить обособления инородцев, которые «стремятся создать свою администрацию», требуют преимуществ по сравнению с другими национальностями.

По результатам предварительного обсуждения был разработан новый проект Правил для мусульманских училищ, утвержденный 27 октября 1907 года. Этот документ закрепил важнейшие характеристики новой модели инородческой школы: первоначальное обучение на родном языке; обучение Корану, для преподавания которого приглашаются инородческие законоучители. В школах совместного обучения дети инородцев освобождались от обязательного посещения уроков Закона Божьего, церковного пения и церковно-славянской грамоты, но при этом сохранялось обязательное изучение государственного языка и других предметов светского образования. Кроме того, «был увеличен объем изучения родного языка (до двух лет), допускалось использование как русской, так и арабской транскрипции в письме. Изменились требования к квалификации педагогов (знание местного наречия для русскоязычных педагогов и уровень образовательного ценза для учителей инородческого происхождения), расширились виды внеклассной деятельности» [Ценюга, 2024].

Необходимость подготовки к введению всеобщего образования в Российской империи стимулировала выход 14 июня 1913 года «Правил о начальных училищах для инородцев». Действие этих Правил распространялось на все окраины Российского государства. В отношении национальной школы ставилась задача обучения инородцев государственному (русскому) языку для лучшей их адаптации к государственной (русской) культуре. Была изменена методика обучения Н.И. Ильминского: практически с первых дней в школе проводилось обучение русскому языку; не преподавался родной язык, кроме тех случаев, когда ученики не владели русским языком. Вводились еще более жесткие требования к учителям: требовалось наличие свидетельства на звание начального учителя. Даже чиновники министерства народного просвещения после выхода данного документа говорили, что точное соблюдение этих правил равносильно «закрытию мусульманских школ»⁵³. Современные исследователи дают разную оценку этого документа [Макарова, 2020; Ценюга, 2024]. Нам ближе позиция оренбургских исследователей, которые делают вывод, что их «главной целью являлось введение всеобщего обучения, и достичь ее можно только путем «составления школьных сетей», включив туда в том числе и «инородцев» [Любичанковский, 2021]. А для

⁵³ Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 2508. Л. 36.

этого необходимо было максимально стандартизировать требования к деятельности начальных школ, в том числе в отношении грамотности на русском языке.

Вопросы национальной школы вошли в круг направлений проекта реформирования среднего образования, «подготовленный большим кругом ученых, педагогов, учителей под руководством министра народного просвещения А.Н. Игнатъева» в 1915–1916 гг. Этот проект исследователи характеризуют как синтетический (оптимальный), так как он соединил идеи как либеральной, так и консервативной модели реформирования образования [Дмитриева, 2005]. Целью реформы 1915–1916 гг. было создание национальной школы, что нашло отражение в учебных программах и выступлениях ее организаторов. В речи на заседании Государственной Думы 14 марта 1916 г. П.Н. Игнатъев говорил, что одним из крупнейших недостатков современной школы является отрицание самой возможности построить образование на национальных основах [Лебедев, 2011, с. 114]. Несмотря на то, что он в большей степени говорил о русской национальной школе, содержание проекта было ориентировано и на другие национальные группы россиян. Для этого планировалось строить обучение через изучение родной истории, географии, литературы, широкого использования в преподавании местного краеведческого материала. Реализовать эти идеи предполагалось за счет внедрения в управление образованием принципа децентрализации. Продолжающаяся война и отставка Игнатъева повлияли на свертывание реформы.

Заключение

Таким образом, на протяжении исследуемого периода происходило оформление нормативной базы национальной (иностранческой школы) в разных регионах Российской империи. Особенность процесса создания таких школ в Степном крае была обусловлена многими факторами (политическими, культурными, экономическими). Анализ нормативной базы создания национальной школы в Степном крае показывает тесную связь изменений образовательной политики и содержания общественно-политического и научного дискурса об иностранческой школе. Мы выделили три этапа в развитии нормативной базы национального образования: на первом (1822–1868 гг.) документы отражали консервативный дискурс, главной идеей которого было нивелировка национальных, культурных отличий иностранцев, распространение среди них русского языка, культуры и «истинной веры». На втором этапе (1868–1901 гг.) победила линия, в которой соединилась цель консервативного дискурса (создание единой русской нации), но использовались методы либерального дискурса (первоначальное обучение на родном языке, учет национальной культуры). На третьем этапе (1901–1917 гг.) стали выходить документы, которые закрепляли право иностранцев на развитие собственных моделей образования (религиозных школ), но с обязательным изучением русского языка. Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении выделенных этапов происходило постепенное сближение моделей национальной школы, представленных в консервативном и либеральном дискурсе. Но процесс нормативного оформления национальной школы не был линейным в зависимости от общественной активности, внешних факторов, приоритетов государства, неоднократно происходил отход от уже оформленных в виде регламентирующих документов организационных и педагогических основ иностранческой школы.

Благодарность

Автор выражает глубокую благодарность своему научному руководителю профессору М.К. Чуркину за научно-методическую помощь в реализации исследования.

Список источников

- Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2508. Управление Западно-Сибирского учебного округа.
Центральный государственный архив Республики Казахстан. И-64. Оп. 1. Д. 395. Канцелярия Степного генерал-губернатора.

- Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений. Сост. К. Денисов. Вып. 1. 1907–1913 гг. Санкт-Петербург, 1914. 500 с.
- Доклад министра Народного Просвещения Д.А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870). [Электронный ресурс]. URL: <http://inpo-rus.ru/14/> (дата обращения: 09.04.2025).
- Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, Тургайской: текст по изданию 1892 года с включением текста статей свода законов, на которые в положении сделаны ссылки. Омск, Тип. А.К. Демидова, 1893. 210 с.
- Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России, утвержденные Министерством народного просвещения 31 марта 1906 г. с изменениями, последовавшими 2 января 1907 г. Казань, 1907. 6 с.
- Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному среднему образованию. Санкт-Петербург, 1898. 785 с.
- Сборник узаконений и правительственных распоряжений, касающихся домашних наставников, наставниц, учителей и учительниц. Москва: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. 53 с.
- Свод законов Российской империи под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского; сост.: Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. Изд. неофиц. Санкт-Петербург, 1912. Т. 3. Свод уставов о службе гражданской. 417 с.
- Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. Под ред. А.С. Будиловича. С.-Петербург: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1905. ЛП, 366 с.
- Труды Частного совещания, созванного 20-го мая 1907 г. Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908. 90 с.

Список литературы

- Васильев А.В. 1896. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, Тург. Обл. стат. ком. 72 с.
- Граменицкий С.М. 1896. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Сост. инспектор народных училищ 1-го района Туркестанского края С. Граменицкий. Ташкент, типо-литография торг. д. «В. и Г. бр. Каменские». 89 с.
- Григорьев В.В. 1900. Исторический очерк русской школы. Москва, Тов-во тип. А.И. Мамонтова. 589 с.
- Дмитриева И.И. 2005. Проекты реформирования образования и их роль в развитии отечественной средней школы начала XX в.: Автореф. канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 25 с.
- Ильминский Н.И. 1863. Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на родной язык. *Православное обозрение*. 3: 12–25.
- Лебедев С.В. 2011. Проекты реформы среднего образования России в 1915–1916 гг. *Человек Культура Образование*. 2: 114–121.
- Любичанковский С.В., Алешина С.А. 2021. Проблемы реформирования «инородческого образования» как поле деятельности уездного земства Оренбургской губернии (1913–1917 гг.). *Вестник Томского государственного университета*. 472: 133–138. doi: 10.17223/15617793/472/16.
- Макарова А.И. 2020. Становление и развитие инородческой начальной школы в Якутской области во второй половине XIX – начале XX веков. *Научный диалог*. 7: 375–389.
- Плахотник Т.Ю. 2007. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX – начале XX вв.: Диссертация канд. ист. наук. Омск. 204 с.
- Стурова М.В. 2017. Система начального школьного образования в Степном крае: этноконфессиональный аспект: автореферат диссертации канд. ист. наук, Барнаул. 27 с.
- Стурова М.В. 2012. Законодательство в области образования в Степном генерал-губернаторстве (1881–1917 гг.). Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXIX научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 9. Барнаул: 54–56.
- Ценюга С.Н. 2024. Нормативно-правовое обеспечение деятельности национальных школ в России в пореформенный период (1860–1917 гг.). *Genesis: исторические исследования*. 2: 30–39.

References

- Vasil'ev A.V. 1896. Istoricheskij ocherk russkogo obrazovanija v Turgajskoj oblasti i sovremennoe ego sostojanie [Historical Essay on Russian Education in the Turgai Region and its Current State]. Orenburg, Turg. Obl. stat. kom, 72 p.

- Gramenickij S.M. 1896. Oчерk razvitiya narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae. Sost inspektor narodnyh uchilishh 1-go rajona Turkestanskogo kraja S. Gramenickij [Essay on the Development of Public Education in the Turkestan Region. Comp. by the Inspector of Public Schools of the 1st District of the Turkestan Region S. Gramenitsky] Tashkent: tipo-litografija torg. d. «V. i G. br. Kamenskie», 89 p.
- Grigor'ev V.V. 1900. Istoricheskij oчерk russoj shkoly [Education Reform Projects and Their Role in the Development of Domestic Secondary Schools at the Beginning of the 20th Century]. Moscow, Tov-vo tip. A.I. Mamontova, 589 p.
- Dmitrieva I.I. 2005. Proekty reformirovaniya obrazovaniya i ih rol' v razvitii otechestvennoj srednej shkoly nachala XX v. [Education Reform Projects and Their Role in the Development of Domestic Secondary Schools at the Beginning of the 20th Century]: Avtoref. kand. ped. nauk. Sankt-Peterburg, 25 p.
- Il'minskij N.I. 1863. Ob obrazovanii inorodcev posredstvom knig, perevedennyh na rodnoj jazyk [Projects for the Reform of Secondary Education in Russia in 1915–1916]. *Pravoslavnoe obozrenie*. 3: 12–25.
- Lebedev S.V. 2011. Proekty reformy srednego obrazovaniya Rossii v 1915–1916 gg. [Projects for the Reform of Secondary Education in Russia in 1915–1916]. *Chelovek Kul'tura Obrazovanie*. 2: 114–121.
- Ljubichankovskij S.V., Aleshina S.A. 2021. Problemy reformirovaniya «inorodcheskogo obrazovaniya» kak pole dejatel'nosti uezdnogo zemstva Orenburgskoj gubernii (1913–1917 gg.) [Problems of Reforming "Foreign Education" as a Field of Activity of the District Zemstvo of the Orenburg Province (1913–1917)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 472: 133–138. doi: 10.17223/15617793/472/16
- Makarova A.I. 2020. Stanovlenie i razvitie inorodcheskoj nachal'noj shkoly v Jakutskoj oblasti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov [Formation and Development of Foreign Primary School in the Yakut Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Nauchnyj dialog*. 7: 375–389.
- Plahotnik T.Ju. 2007. Dejatel'nost' administracii Stepnogo kraja v sfere nachal'nogo obrazovaniya kazahskogo naselenija v konce XIX – nachale XX vv. [Activities of the Steppe Region Administration in the Sphere of Primary Education of the Kazakh Population in the Late 19th – Early 20th Centuries]: Dissertacija kand. ist. nauk. Omsk, 204 p.
- Sturova M.V. 2017. Sistema nachal'nogo shkol'nogo obrazovaniya v Stepnom krae: jetnokonfessional'nyj aspekt [The System of Primary School Education in the Steppe Region: Ethnoconfessional Aspect]: Avtoreferat dissertacii kand. ist. nauk, Barnaul. 27 p.
- Sturova M.V. 2012. Zakonodatel'stvo v oblasti obrazovaniya v Stepnom general-gubernatorstve (1881–1917 gg.) [Legislation in the Field of Education in the Steppe Governorate-General (1881–1917)]. *Trudy molodyh uchenyh Altajskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy XXXIX nauchnoj konferencii studentov, magistrantov, aspirantov i uchashhihsja licejnyh klassov*. Vyp. 9. Barnaul: 54–56.
- Cenjuga S.N. 2024. Normativno-pravovoe obespechenie dejatel'nosti nacional'nyh shkol v Rossii v poreformennyj period (1860–1917 gg.) [Normative and Legal Support for the Activities of National Schools in Russia in the Post-Reform Period (1860–1917)]. *Genesis: istoricheskie issledovanija*. 2: 30–39.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.04.2025

Received 09.04.2025

Поступила после рецензирования 04.06.2025

Revised 04.06.2025

Принята к публикации 06.04.2025

Accepted 06.04.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Картбаева Сайран Максовна, соискатель кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия

Sairan M. Kartbaeva, PhD Student, Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

 [ORCID: 0009-0005-6785-0960](https://orcid.org/0009-0005-6785-0960)

УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-649-661

EDN LJYELW

Обзорная статья

Некоторые вопросы деятельности полиции в царстве Польском (вторая половина 1860-х – 1880-е гг.)

Ананьев С.В.¹ , Климов А.А.²

¹) Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии
Российской Федерации,

111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, 9а;

²) Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,

119330, г. Москва, ул. Университетский проспект, 14

E-mail: sergey_ananyev1982@mail.ru, andrey_klimov1968@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности местных органов полиции (за исключением земской стражи) в Царстве Польском (с 1874 года – Привислинском крае) Российской империи в 1860-х – 1890-е годы по борьбе с угрозами общественной безопасности. Дается характеристика принятым мерам ее реформирования, оценка служебной деятельности служащих местной полиции, проводимой кадровой политики в полицейских органах, влиянию местных условий на характер полицейской службы. Отмечаются тенденции по централизации ее управления, зависимости направлений ее служебной деятельности от внутривластных факторов и роста революционного движения в регионе, расширению функций, усовершенствованию проведения оперативно-розыскных мероприятий и повышению межведомственного взаимодействия с другими силовыми структурами того времени. В работе применены историко-сравнительный, историко-типологический, а также общенаучные методы исследования. Сделан вывод, что деятельность местных полицейских органов в польских губерниях была многофункциональной и в целом успешной, несмотря на наличие кадровых, финансовых и иных проблем.

Ключевые слова: Царство Польское, Привислинский край, общественная безопасность, польские губернии, реформы, местная полиция, революционеры

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Ананьев С.В., Климов А.А. 2025. Некоторые вопросы деятельности полиции в царстве Польском (вторая половина 1860-х – 1880-е гг.). *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 649–661. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-649-661. EDN: LJYELW

Some Issues of Police Activity in the Kingdom of Poland (Second Half of the 1860s – 1880s)

Sergey V. Ananyev¹ , Andrey A. Klimov²

¹) Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation,
9a Krasnokazarmennaya St., Moscow 111250, Russia;

²) Research Institute (Military History) of the Military Academy
of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation,
14 Universitetskiy Ave., Moscow 119330, Russia

E-mail: sergey_ananyev1982@mail.ru, andrey_klimov1968@mail.ru

Abstract. This article examines some aspects of the local police activities (with the exception of the zemstvo guard) in the Kingdom of Poland (since 1874 – Privilinsky Territory) of the Russian Empire in the 1860s –

1890s to combat threats to public safety. The authors provide a description of the measures taken to reform it and assess the performance of local police officers, the personnel policy, and the impact of local conditions on the specifics of the police service. The paper explores trends in the centralization of its management, the dependence of the directions of its official activities on internal political factors and the growth of the revolutionary movement in the region, the expansion of functions, the improvement of operational-search measures and an increase in interdepartmental interaction with other power structures of that time. Historical-comparative, historical-typological, and general scientific research methods are employed. The study shows that the activities of local police bodies in the Polish provinces were multifunctional and generally successful, despite the presence of personnel issues, financial and other problems.

Keywords: Kingdom of Poland, Privilinsky Territory, public security, Polish provinces, reforms, local police, revolutionaries

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Ananyev S.V., Klimov A.A. 2025. Some Issues of Police Activity in the Kingdom of Poland (Second Half of the 1860s – 1880s). *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 649–661 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-649-661. EDN: LJYELW

Введение

Восстановление общественного порядка после завершения польского восстания 1863–1864 гг. потребовало от правоохранительных структур Царства Польского (вошедшего в состав Российской империи после заключения Венского конгресса в 1815 году) организации системы мер по дальнейшему обеспечению государственной и общественной безопасности с целью восстановления правопорядка в регионе.

Политические события в Российской империи второй половины 60-х гг. XIX в. внесли существенные коррективы в реформирование полицейских органов и в польских губерниях государства. Развитие народнического революционного движения в России поставило царское правительство перед дилеммой продолжения начатых реформ или их свертывания при ужесточении административно-полицейского режима. С этого времени правоохранительные структуры государства были вынуждены перестраиваться на активную борьбу с ширящимся революционным движением, приспосабливаться к динамично менявшимся внутриполитическим условиям и находить ответы на новые вызовы со стороны надвигавшейся революции.

Исследование актуально, так как с обострением военно-политической обстановки на западных рубежах Российского государства в наше время изучение исторического опыта деятельности правоохранительных структур по обеспечению внутренней безопасности в его национальных окраинах приобретает особое значение, из которого важно извлечь необходимые уроки.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность местных полицейских органов по решению задач обеспечения общественной безопасности в польских губерниях Российской империи во второй половине 1860-х – 1880-е гг. Восстановление общественного порядка после окончания польского восстания 1863–1864 гг. потребовало от правоохранительных структур Царства Польского организации системы мер по дальнейшему обеспечению государственной и общественной безопасности в регионе.

В работе были применены системный, историко-сравнительный, историко-типологический подходы, а также общенаучные методы исследования. Теоретико-методологическими основами исследования стали положения общей теории познания и общенаучные принципы, принципы исторической науки: объективность и историзм, всесторонность, конкретность в изучении исторических явлений, процессов, связей и отношений, а также социального подхода.

Результаты и их обсуждение

В отечественной историографии дореволюционного периода деятельности полиции в интересующий нас временной период был посвящен ряд работ [Анучин, 1872; Андриевский, 1878; Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел, 1880; Адрианов, 1902; Тарасов, 1902; Арефа, 1911], который затрагивал в основном общеимперские масштабы, не акцентируя внимание на региональной составляющей.

В советской историографии деятельность полицейских органов Российской империи рассматривалась с классово-идеологической позиции, была подвержена критике в связи с отведением им роли «душителей» свобод и прогрессивного развития общества. Авторами были использованы работы советских историков [Шуйский, 1930; Шинджикашвили, 1974; Шелкопляс, 1981; Тютюник, 1986], которые также носили преимущественно общий характер анализа реформирования и служебной деятельности имперской полиции.

В современной отечественной историографии отмечается увеличение интереса к вопросам правоохранительной политики царского правительства и местных региональных властей [Перегудова, 2000; Горожанин, 2001; Гонюхов, 2002; Аврутин, 2003; Мулукаев, 2005], защищен ряд диссертационных исследований, также использованных авторами при написании данного исследования [Тимошевская, 1998; Ерин, 2000; Реент, 2002; Иванова, 2003]. Авторами были затронуты не только общие тенденции развития МВД и входящих в него органов внутренних дел, но и специфические полицейские институты западного региона Российской империи, показаны тенденции к унификации полицейских органов с идентичными российскими структурами, прерогативы помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части и другие характерные особенности системы полицейского управления Привислинского края Российской империи, которая была наделена большими полномочиями в сравнении с российскими регионами, их взаимодействие с другими ведомствами, местными гражданскими и военными властями. Кроме того, определенные сведения были почерпнуты из исследований польских и западных историков [Kaczynska, 1993; Daly, 1998; Kozlowski, 2000; Vex, 2013]. В них были исследованы вопросы ведения русской национальной политики и деятельности царской администрации в польских губерниях, кадровой, конфессиональной, образовательной и в целом охранительной политики, каждая из которых затрагивала сферу внутренней безопасности региона. Так, по мнению С. Веха, российские власти в целом рассматривали польское общество с позиции выявления в его среде потенциальных врагов среди дворянства, шляхты и католического духовенства.

Во второй половине 60-х гг. XIX в. в польских губерниях Российской империи служебные обязанности по охране общественного порядка и борьбе с преступностью продолжали выполнять местные полицейские органы, организационная структура которых все более совершенствовалась.

Начиная с 1865 г. в польских губерниях наблюдалось определенное смягчение военно-полицейских мероприятий, установленных с конца 1863 г. как реакции властей на вооруженное выступление польских революционеров и националистов. Был несколько ослаблен внутренний режим и контроль передвижения местного населения⁵⁴.

В связи с этим одной из тенденций стало внесение изменений в штат местной полиции путем ее сокращения. Так, из штата варшавской полиции в 1868 г. исключалась одна полицмейстерская должность, а личный состав всей варшавской полиции сокращался на 325 ед., и это при общей тенденции к увеличению делопроизводственного документооборота⁵⁵. Все Царство Польское делилось на 530 полицейских участков (53 в каждой губернии), каждый из которых территориально включал в себя 3–4 гмины.

Полиция Варшавы продолжала успешно выполнять поставленные перед ней задачи, взимая штрафы, осуществляя аресты по политическим делам, искореняя воровство и

⁵⁴ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1553. Л. 58–60.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 254. Д. 1. Л. 26.

нищенство, организовывая пожарную безопасность в городе, осуществляя полицейский надзор и неся повседневную службу. В 1868 году только по политическим делам виновные лица подверглись штрафам на общую сумму в 1 550 руб., а за неисполнение полицейских постановлений жителями – в 8 тыс. руб. Однако в сравнении с предыдущим годом общие суммы штрафов значительно уменьшились.

Проводилась регулярная перепись населения, оказывалась помощь в организации рекрутских наборов, продолжалась борьба с эпидемиями и социальными болезнями, осуществлялась опека над малолетними лицами, а также ранеными и больными воинами, контролировалось количество иностранных граждан в городе, обеспечивалась охрана полицейских арестантских пунктов⁵⁶.

При всем наличии широкого круга обязанностей, стоявших перед варшавской полицией, ей приходилось выполнять свой прямой функционал и нести службу в городе, объем которой был довольно существенным. Всего же в городе было развернуто 190 полицейских постов. Согласно отчету обер-полицмейстера генерал-майора Г.П. Власова, помимо плановых суточных нарядов, личный состав городской полиции привлекался к несению службы и в т. н. экстренных нарядах, на которые ежедневно привлекалось до 10 офицеров и 150 нижних чинов для участия в следственных делах, дознаниях и обысках. Для ознакомления со службой вновь прибывшие в состав городской полиции лица первоначально определялись в резерв, который делился на две части: для экстренных нарядов и для изучения Обязанностей По Несению Службы⁵⁷.

С целью упорядочения и усовершенствования служебной деятельности варшавской полиции наместником Ф.Ф. Бергом были изданы инструкции от 13 декабря 1868 года для полицмейстеров, полицейских частных приставов, участковых начальников, стражников исполнительной полиции и других должностных лиц. Затем было принято Положение о резервном отделении варшавской исполнительной полиции, состоявшем из 4 обер-офицеров, 1 фельдфебеля, 10 вице-ревирующих, 140 стражников⁵⁸. Город был поделен на 2 отделения.

Согласно инструкции, полицмейстер, например, был обязан выполнять множество различных задач. Не меньший круг обязанностей имелся у участковых начальников и стражников исполнительной полиции⁵⁹. Для последней категории полицейских должностных лиц была разработана специальная памятная книжка с подробной инструкцией. В каждом крупном польском городе предполагалось иметь по 3–4 конных стражника для оперативности в передаче информации, а также на пограничных участках.

В целом применительно к полиции Царства Польского необходимо отметить, что вводились дополнительные отрасли службы, и в ее ведение перешли новые обязанности, такие как обнародование законов и постановлений правительства; объявление решений и заключений судебных и правительственных мест и лиц; принятие присяги; донесение о чрезвычайных происшествиях; перепись прибывших и убывших лиц; выдача различных удостоверений, справок, свидетельств о бедности, о пересылочных суммах и денежных оборотах и т. п.; дела о фальшивомонетчиках; исполнение правил охоты; взыскания с жителей в пользу казны разного рода сборов и повинностей⁶⁰. Полиция в польских губерниях в общем порядке управления была подчинена МВД, а в местном порядке управления – наместнику Царства Польского. В каждом уезде размещалось примерно до 30 полицейских.

Следует отметить, что начавшаяся полицейская реформа 1860–1870-х гг. проводилась постепенно и имела незавершенный характер. Так и не были закончены ее принципиально серьезные преобразования, что в дальнейшем с ростом революционного движения сказалось на обеспечении стабильности общественной безопасности в западных окраинах государства.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1453. Л. 30–35.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1453. Л. 40–45.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1453. Л. 190.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1453. Л. 54–59, 81–170.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1455.

В 1870-х гг. в деятельность полиции западных окраин Российской империи в связи с ее реформированием были внесены новые коррективы. Краткий очерк деятельности варшавской полиции, как показывают архивные документы, подтверждает большой объем задач, который приходилось ей выполнять. Так, только за 1870 год из 135 333 дел, поступивших к исполнению варшавской полиции, было исполнено 124 124, что свидетельствовало не только о большом объеме ее работы, но и о довольно эффективном ее исполнении. Под надзором варшавской полиции за политические преступления находились 405 чел., по приговорам судебных властей за воровство и другие проступки – 476 чел.⁶¹ Увеличился и процент раскрытия преступлений: если за 1870 год из 1 886 преступлений было раскрыто 1 676, то за 1871 год – 1 322 из 1 458⁶². Это связывалось в том числе с усилением наблюдения за местными жителями. Частным приставам ставилась задача по организации периодических досмотров экипажей извоза, городских карет, бричек, фургонов, особенно в праздничные дни⁶³. Сам город был поделен на 9 полицейских частей.

Помимо этого, варшавская полиция продолжила наблюдение за прибывавшими в Варшаву иностранцами, число которых только за 1870 год составило более 55 тыс. чел.; взимание денежных взысканий с жителей за неисполнение полицейских постановлений; осуществление контроля соблюдения мер по предупреждению несчастных случаев и по охране общественного здоровья; поддержание народной нравственности, порядка на улицах и дворах; наблюдение за недопущением аварийности жилых помещений, соблюдением наружного порядка и мер пожарной безопасности в городах. Варшавская пожарная команда, к примеру, состояла из трех отделений в количестве 340 чел.⁶⁴

В целом полиция Царства Польского продолжала наблюдать за исполнением законов, охранением общественной безопасности, исполнять обязанности по судебным делам, а также делам казенного управления и общественного хозяйства, военного ведомства, охранять неприкосновенность церковного имущества, личной и имущественной безопасности местных жителей, составлять списки населения и взыскивать с него недоимки. Внимание обращалось на учащуюся молодежь (как наиболее пассионарную социальную среду), рабочее и крестьянское население, интеллигенцию, профсоюзы и места общественных сборов (библиотеки, читальни, кофейни и т. д.), контролировалась просветительская деятельность различных общественных организаций и религиозных обществ.

Местная полиция также принимала все возможные меры по пресечению чумы, оспы, скарлатины [Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел, 1880]. За наличие нечистот во дворах и неубранного снега на хозяев возлагался штраф от 1 до 3 руб. За жестокое обращение с животными и отсутствие на них намордника взимался штраф 1–2 руб., при этом в городах велась борьба с бродячими собаками. Полиция следила и за соблюдением правил охоты в польских губерниях⁶⁵. Личный состав полиции нес ответственность и за нахождение на службе в нетрезвом виде, грубое отношение с местными жителями, нарушения формы одежды и неопрятный вид⁶⁶.

Данные факты свидетельствовали о постепенной нормализации внутренней обстановки после подавления польского восстания 1863–1864 гг., а также о повышении эффективности действий со стороны варшавской полиции. Выросли и расходы на ее содержание с 540 тыс. руб. до 750 тыс. руб. в год. Жалование варшавского обер-полицмейстера составляло 6 тыс. руб., его помощника – 3 тыс. руб., начальника отделения – 1 400 руб. в год⁶⁷.

⁶¹ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1455. Л. 14–17.

⁶² РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1457. Л. 15.

⁶³ ГАРФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1. Л. 151.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1455. Л. 44 об.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1. Л. 148–150, 635–638.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1. Л. 163–182.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 733. Л. 9–10.

Одним из проблемных вопросов, стоявших перед городской полицией, был рост мелких уголовных преступлений, в частности воровства, что связывалось с ростом цен на недвижимость, падением уровня жизни населения и общим увеличением численности городского населения⁶⁸. Другими проблемами оставались низкий уровень доверия полиции со стороны местного населения и слабое руководство законодательными нормами ее чинами при исполнении служебных обязанностей. Повышения своей эффективности требовало и межведомственное взаимодействие⁶⁹.

С декабря 1874 года в полицейскую практику вошло применение мер по отдаче несовершеннолетних преступников возрастом от 14 до 17 лет в исправительные приюты, а категории лиц возрастом от 10 до 14 лет – под домашнюю опеку родителей или родственников. Число таких лиц возросло в связи с распространением молодежного польского патриотического движения под руководством А. Шиманского и принятием местными революционерами участия в народнической акции «Хождение в народ» в середине 1870-х гг. [Троицкий, 1976, с. 43].

Согласно всеподданнейшему докладу варшавского генерал-губернатора за 1875 год, в Варшаве числилось около 200 тыс. постоянных и около 100 тыс. непостоянных жителей, из которых под надзором полиции находились чуть более 1 100 чел. В течение года в польскую столицу прибыло более 27 тыс. иностранцев – большая часть из Германии (более 8 тыс.)⁷⁰.

Полиция Привислинского края продолжала вести наблюдение за потенциально опасным элементом, склонным к воровству. Статистика показала⁷¹ увеличение общей суммы краж, раскрываемость которых, однако, оставалась на примерно одинаковом уровне. Увеличение числа краж связывалось с процессом освобождения арестантов из арестантских рот и тюрем, а также вследствие общей увеличивающейся нищеты населения. Тем не менее пристальное внимание к проблеме воровства позволило немного уменьшить его проявления к 1877 году. Подобная ситуация обстояла с нищими и праздношатающимися лицами.

Кроме того, осуществлялся надзор за питейными заведениями, наблюдение за очисткой улиц, содержанием городских сооружений и коммуникаций, выдачей жителям паспортов (около 40 тыс. за год), исправным освещением улиц. Полиция взимала штрафы с населения в том числе за продажу недоброкачественных продуктов и жестокое обращение с животными. Помощниками полиции по наблюдению за общественной обстановкой являлись местные дворники.

В этот период наблюдалось расширение и судебно-следственной власти варшавского генерал-губернатора, который совместно с обер-полицмейстером получал право подвергать виновных лиц денежному штрафу в сумме до 10 руб. и аресту сроком до 5 дней за неисполнение предписаний и распоряжений администрации: за невыполнение правил о полицейском надзоре; невыполнение правил о хранении оружия или покупке пороха; нарушение правил о съездах католического духовенства; несанкционированное с властями сооружение часовен в память о политических событиях; ношение траура и других эмблем политического характера без законной причины; нарушение правил военного положения Привислинского края и т. д. [Тарасов, 1885, с. 114].

Со стороны полиции внимание уделялось и конфессиональным вопросам, которые в понимании центральных и местных властей имели принципиально важное значение в целях недопущения противоречий среди местного населения и социально-религиозных протестов и т. п. Для этого задействовались всевозможные административно-полицейские рычаги их урегулирования, осуществлялись регулярные инспекционные проверки деятельности религиозных обществ, что, однако, не уменьшало их количества. Ограничивалось выделение крупных финансовых средств для развития католической церкви в Привислинском крае.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1457. Л. 17.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1472. Л. 6.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1464, Л. 6–16.

⁷¹ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1464. Л. 13 об.

Предельно широким оставался круг обязанностей помощника варшавского обер-полицмейстера, который назначался и увольнялся указом императора, в его подчинение входило городское полицейское управление и собственная канцелярия⁷².

Революционное подполье, в свою очередь, усилило взаимодействие с заграничными политическими организациями по продолжению борьбы за восстановление независимости Польши, все чаще направляя своих резидентов в Вильно, Москву, Санкт-Петербург. Ими планировалось новое польское восстание в случае поражения Российской империи в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., готовились соответствующие воззвания и листовки, но с началом арестов главные организаторы бежали за границу [Шебеко, 1906, с. 107].

В 1879 году по решению судебных и административных властей высылке из Привислинского края подлежали 2 119 чел., из них 1 477 чел. – в его внутренние губернии⁷³. По сравнению с началом 1870-х гг., в 1879 году в значительной степени увеличилось количество иностранцев, прибывших в Варшаву в течение года (более 171 тыс. чел.), также возросла и сумма штрафов, взимаемых с жителей города (более 31 тыс. руб.)⁷⁴. Показатели мелких уголовных преступлений (таких, как воровство) остались на прежнем уровне. Только за 1874–1881 гг. в Варшавском округе было осуждено 29 061 чел., из которых 14 329 чел. суд оправдал (33 %) [Журнал гражданского и уголовного права, 1886, кн. 8, с. 1–2; кн. 10, с. 115–116].

Местная полиция продолжила осуществление контроля за поднадзорными и заключенными под стражу лицами. Принимались меры по предупреждению несчастных случаев, особенно среди малолетних детей. По распоряжению варшавского генерал-губернатора был учрежден временный санитарный комитет, велась борьба с распространением оспы, тифа, чумы, венерических заболеваний⁷⁵.

В начале 1880-х гг., вслед за принятым Положением о полицейском надзоре от 12 марта 1882 года были изданы Правила о полицейском надзоре Привислинского края – как мера предупреждения преступлений против существующего государственного порядка – и Положение о полицейской страже для охранения общественного порядка, спокойствия и безопасности.

Согласно данным документам, полицейская стража наделялась дополнительными льготами с целью привлечения служащих из внутренних губерний Российской империи. Так, данной категории служащих полагались дополнительные 50 руб. в год за службу в польских губерниях сроком более 10 лет, за 25 лет службы – пенсия 120 руб. в год, служебные квартиры с отоплением и освещением, выплаты вдовам 50 % от оклада умершего (погибшего) служащего. Все расходы на содержание полицейской стражи и ее хозяйственные нужды составили 1 млн 206 083 руб.

В среде высших чиновников имелись проекты по реформированию и сокращению штатов полицейской стражи в польских губерниях, численность которой уже не обосновывалась чрезвычайным положением польского восстания 1863–1864 гг.⁷⁶.

Однако убийство императора Александра II 1 марта 1881 года и борьба с народническими революционными организациями способствовали дальнейшей полицизации страны и еще большему возрастанию влияния МВД в общей системе государственного управления. Были расширены полномочия и местной администрации в лице генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников и полиции, которые получали право закрывать собрания, торговые и промышленные заведения, запрещать органы печати, арестовывать граждан, передавать в военный суд любое дело, учреждать особые военно-полицейские команды [Мулукаев, 2005, с. 60] Городские полицейские управления, возглавляемые полицмейстером, получили более широкие полномочия для борьбы с проявлениями революционного и

⁷² РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1472. Л. 10.

⁷³ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 498. Л. 15 об.

⁷⁴ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1472. Л. 11.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1472. Л. 35, 19.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–14, 22–25.

общественного движения, продолжая осуществлять полицейский надзор и сыск за членами политических партий, духовных учреждений, образовательных и культурных учреждений и т. д.⁷⁷. С 1882 по 1883 год были приняты и другие меры по усилению полицейского надзора в государстве.

Начиная с 1880-х годов в западных окраинах Российской империи, прежде всего в Варшаве, начали активную работу сыскные отделения, отвечающие за внутреннее и наружное наблюдение, а также перлюстрацию, все более уходя от старых методов обысков и арестов. В Северо-Западном крае были образованы и действовали окружные суды, судебные палаты, прокуратура и адвокатура. Центральная власть стала постепенно осознавать, что без проведения социальных и политических реформ невозможно решить вопросы обеспечения безопасности общества и государства.

Другой проблемой, вставшей перед правоохрнительными структурами, стала активизация рабочего революционного движения в 1880-х гг. Местными полицейскими и сыскными органами были выявлены рабочие кружки социалистической партии «Пролетариат», функционировавшие в крупных фабричных центрах Привислинского края – Варшаве и Лодзи. В Кракове нередко организовывались съезды польских юристов и финансистов, а в октябре 1883 года там состоялись национальные торжества, способствовавшие дальнейшему росту патриотических чувств польского населения⁷⁸. По региону прокатилась волна студенческих волнений.

Кроме этого, местная полиция составляла ведомости, перечни фабрик и заводов, других промышленных предприятий Привислинского края с числом рабочих более 10 человек. С изданием закона от 3 июня 1886 года «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» был усилен надзор со стороны фабричной инспекции. Надзор за рабочей средой, однако, вызывал волнения местного пролетариата. В июле 1888 года «Пролетариатом» было организовано воззвание к рабочим⁷⁹.

14 апреля 1887 года был принят закон, согласно которому на каждые 500 человек городского населения полагался один городской [Собрание Узаконений и распоряжений правительства, 1887, с. 881–882], предлагалось увеличить денежное содержание должностных лиц и ввести дополнительные пособия и награды чинам участковой полиции⁸⁰. В ответ на данные меры польские кинжальщики начали акции террора в отношении местных жителей, указывавших властям на рабочих, принадлежащих к революционным организациям⁸¹.

В период генерал-губернаторства И.В. Гурко (1883–1894 гг.) отмечалось некоторое усовершенствование организации деятельности и городской полиции. Околоточные надзиратели получали строгие указания по наблюдению за их участками и выявлению лиц с посторонних участков. В случае возникновения беспорядков Варшава подлежала разделению на 6 районов, и в каждый из них направлялся чиновник для особых поручений, приостанавливалось телефонное сообщение между частными абонентами, организовывались казачьи разъезды, ожидалось прибытие военизированных команд⁸².

Полиция в польских губерниях, помимо контроля за фабрично-заводской средой, регулярно осуществляла обыски у подозреваемых лиц, а также у студентов. Так, в доме мирового судьи Бардовского были найдены различные письма и записки политического содержания, прокламации, листы для сбора пожертвований, оружие. В 1887–1888 гг. дополнительно издавались циркуляры о запрете чтения публичных лекций.

Вместе с тем одним из наиболее острых вопросов при организации служебной деятельности полиции оставались бюрократия и волокита. Например, 2 января 1888 года варшавским обер-

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

⁷⁸ РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 140. Л. 2–5, 26.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 127. Л. 181–184, 208–212.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 152.

⁸¹ РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 127. Л. 133.

⁸² РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 144. Л. 45 об.

полицмейстером полковником Н.В. Клейгельсом (1888–1896 гг.) был издан циркуляр на имя участковых приставов, где ставились задачи по необходимости подачи ими правильных сведений о поднадзорных лицах и их местоположении, требовалось убрать «исключительно бумажное отношение к поднадзорным лицам», которое часто позволяло им продолжать вести преступный образ жизни. Н.В. Клейгельс дал рекомендации о подготовке ему донесений о каждой отлучке поднадзорных лиц, об организации ежемесячных отметок данных лиц в участковой канцелярии, о посещениях околоточными надзирателями мест их проживания, о предоставлении раз в полугодие именных списков таких лиц и информации о выдаче паспортов⁸³.

С изданием Положения «О земских участковых начальниках» 12 июля 1889 года облегчилась деятельность и уездной полиции по охране безопасности и общественного порядка. Все уезды делились на 4–5 участков, в каждый из которых министром внутренних дел назначался земский начальник [Байкалов, 2010, с. 149]. Начальникам полиции и руководителям жандармских управлений предоставлялось право задержания, но на срок не более двух недель, «всех лиц, внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним, а равно в принадлежности к противозаконным сообществам» [ПСЗ РИ, собр. 3-е, т. 1. № 350. ст. 21]. Данные меры позволили местным органам исполнительной власти успешно поддерживать общественный правопорядок в польских губерниях, не допуская эскалации внутривнутриполитической обстановки и роста общественно-политического недовольства местного населения.

Заключение

Таким образом, рассмотрев деятельность местных полицейских органов в Царстве Польском в период с 1866 по 1890 год, необходимо констатировать, что их деятельность претерпела довольно серьезную трансформацию. Полицейская деятельность носила многоаспектный характер и не ограничивалась лишь правоохранительными вопросами, учитывая национальный, конфессиональный, социальный, идеологический и другие аспекты, и была тесно связана с политическими событиями в стране, политическим курсом государства и революционным процессом.

Несмотря на общую тенденцию к смягчению военно-полицейского режима, с ростом революционного движения уже к концу 1870-х гг. снова потребовалась мобилизация всех полицейских сил для борьбы с надвигавшимися угрозами государственной и общественной безопасности государства. Серия преобразований, затронувших полицию Российской империи во второй половине 1860-х – 1880-х гг., способствовала дальнейшему ее совершенствованию и поддержанию внутреннего спокойствия в западных окраинах государства, несмотря на разгул революционного народнического и зарождающегося рабочего революционного движений.

Неоднократное реформирование полиции, структура которой все более совершенствовалась, привело к восстановлению и способствовало поддержанию твердого общественного порядка. В целом, несмотря на проведенные реструктуризацию и реформирование, местная полиция продолжила выполнять большую часть поставленных перед ней задач, показав эффективную работу по борьбе с угрозами государственной и общественной безопасности, а ее новые сформированные элементы, такие как земская стража, положительно себя зарекомендовали. Как показала практика правоохранительной деятельности в польских губерниях, только твердые и последовательные меры способствовали эффективному поддержанию государственной и общественной безопасности.

Вместе с тем оставались недостатки в организации служебной деятельности местных полицейских структур Царства Польского, которые проявлялись наличием бюрократии и

⁸³ ГАРФ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–5.

волокиты, недостаточной проработкой кадрового вопроса, малочисленностью полицейских служащих и недостаточным их финансированием.

Органы центральной и региональных властей, руководство МВД были вынуждены признать наличие множества еще нерешенных проблем и вопросов, мешавших местной полиции осуществлять более качественное выполнение своих обязанностей. Волна народнического и зарождавшегося рабочего движений, захлестнувших центральную часть России, в меньшей степени затронула западные окраины государства во многом благодаря эффективным мерам, принятым региональными властями и осуществленным местными полицейскими органами.

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 (Департамент полиции министерства внутренних дел). Оп. 254. Д. 1 (Обозрение мер правительства, принятых по Царству Польскому).
ГАРФ. Ф. 215 (Канцелярия варшавского генерал-губернатора). Оп. 1. Д. 1 (Циркуляры МВД, ДП шефа жандармов о наблюдении за революционным движением, о порядке сообщения сведений в ДП о наиболее важных революционных событиях).
ГАРФ. Ф. 215 (Канцелярия варшавского генерал-губернатора). Оп. 1. Д. 90 (Дело о положении земской и полицейской стражи в Царстве Польском).
ГАРФ. Ф. 220 (Канцелярия варшавского обер-полицмейстера). Оп. 1. Д. 1 (Приказы Варшавского обер-полицмейстера по Варшавской полиции. 1871).
ГАРФ. Ф. 493 (Варшавская исполнительная полиция). Оп. 1. Д. 2 (Циркуляры Варшавского обер-полицмейстера о полицейском надзоре. 1889–1891).
Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 1. № 350. Ст. 21.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 232 (Генерал-фельдмаршал И.В. Гурко). Оп. 1. Д. 127 (Социалистическое движение и рабочий вопрос).
РГВИА. Ф. 232 (Генерал-фельдмаршал И.В. Гурко). Оп. 1. Д. 140 (Польские зарубежные партии. 1883–1892 гг.).
РГВИА. Ф. 232 (Генерал-фельдмаршал И.В. Гурко). Оп. 1. Д. 144 (Материалы к характеристике стремлений польского общества (1883–1893 гг.).
РГВИА. Ф. 232 (Генерал-фельдмаршал И.В. Гурко). Оп. 1. Д. 152 (Устройство полиции. 1885–1891 гг.).
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1270 (Комитет по делам Царства Польского). Оп. 1. Д. 498 (О служебных правах и преимуществах нижних чинов земской стражи).
РГИА. Ф. 1270 (Комитет по делам Царства Польского). Оп. 1. Д. 733 (Об устройстве Варшавской городской полиции).
РГИА. Ф. 1270 (Комитет по делам Царства Польского). Оп. 1. Д. 1453 (Отчет Варшавского обер-полицмейстера за 1868 год).
РГИА. Ф. 1270 (Комитет по делам Царства Польского). Оп. 1. Д. 1455 (Всеподданнейший отчет Варшавского полицмейстера за 1870 год).
РГИА. Ф. 1270 (Комитет по делам Царства Польского). Оп. 1. Д. 1457 (Всеподданнейший отчет Варшавского полицмейстера за 1872 год).
РГИА. Ф. 1270 (Комитет по делам Царства Польского). Оп. 1. Д. 1464 (Всеподданнейший отчет Варшавского полицмейстера за 1875 год).
РГИА. Ф. 1270 (Комитет по делам Царства Польского). Оп. 1. Д. 1472 (Всеподданнейший отчет варшавского обер-полицмейстера за 1879 год).
РГИА. Ф. 1270 (Комитет по делам Царства Польского). Оп. 1. Д. 1553 (Реестр журналов Комитета за 1878 год).
Собрание Узаконений и распоряжений правительства. Вып. 56 от 16 июня 1887. Ст. 485.

Список литературы

- Аврутин Ю.Е. 2003. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. Санкт-Петербург, Юридический центр Пресс, 501.
Адрианов С.А. 1902. Министерство внутренних дел 1802–1902 гг. Санкт-Петербург, тип. Министерства внутренних дел: 225.

- Андриевский И. Е. 1878. Реформа исполнительной полиции в России. Сборник государственных знаний. Санкт-Петербург, тип. В. Безобразова и К, Т. 5.
- Анучин Е. Н. 1872. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. Санкт-Петербург, тип. Министерства внутренних дел: 238 с.
- Арефа Н. И. 1911. Права и обязанности полицейских урядников, стражников, приставов и прочих чинов городской и уездной полиции. Санкт-Петербург: 118.
- Байкалов Н. С. 2010. История государственного управления в России. Улан-Удэ, Бурятский государственный университет: 282.
- Вех С. 2013. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX и начале XX в. *Петербургские славянские и балканские исследования*. 2: 198–215.
- Гонюхов С. О. 2002. МВД России. 200 лет на страже закона и правопорядка. Москва: Рейтар: 236.
- Горожанин А. В. 2001. Государство и полиция. Санкт-Петербург, Фонд «Университет»: 304.
- Ерин Д. А. 2000. Организационные и кадровые реформы российской полиции во 2-й пол. XIX - нач. XX века. Автореферат дис. канд. юрид. наук, Москва: 26.
- Журнал гражданского и уголовного права. Санкт-Петербург, 1886. Кн. 8, 10.
- Иванова Е. А. 2003. Правовые основы организации и деятельности общей полиции России (XVIII – начало XX вв.). Дис. канд. юрид. наук, Краснодар: 221.
- Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие 1855–1880 г. 1880, Санкт-Петербург: 183 с.
- Мулукаев Р. С., Мальгин А. Я., Епифанов А. Е. 2005. История отечественных органов внутренних дел. Москва, NOTA BENE: 336.
- Перегудова З. И. 2000. Политический сыск в России (1880–1917). Москва, РОССПЭН: 432.
- Реент Ю. А. 2002. Полицейская система Российской империи начала XX века (1900–1917 гг.). Дис. докт. истор. наук, Москва: 521.
- Тарасов И. Т. 1885. Полиция в эпоху реформ. Москва, Редакция «Юридического вестника»: 160.
- Тимошевская А. Д. 1998. Особенности организации полиции в национальных регионах российского государства (XIX в. – начало XX в.). Дис. канд. истор. наук, Москва: 207.
- Троицкий Н. А. 1976. Царские суды против революционной России. Саратов, Изд-во Саратовского университета: 411.
- Тютюник Л. И. 1986. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв. (1880–1904 гг.). Дис. канд. истор. наук, Москва: 294.
- Шебеко Н. И. 1906. Хроника социалистического движения в России. 1878–1887. Официальный отчет. Москва, Изд-во В. М. Саблина: 364
- Шелкопляс В. А. 1981. Полицейская реформа в России в 60-х гг. XIX в. Минск, Минская высшая школа МВД СССР: 49.
- Шинджикашвили Д. И. 1974. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. Омск, ОВШ МВД СССР: 177.
- Шуйский П. А. 1930. Департамент полиции. 1880 – нач. XX. Харьков: 150.
- Jonathan W. Daly. 1998. *Autocracy Under Siege. Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905*. Illinois: 272.
- Kaczynska E., Drewniak D. 1993. *Ochrona. Carska policja polityczna*. Warszawa, Bellona: 182.
- Kozlowski J. 2000. *Straz ziemiska w Królestwie Polskim w latach 1867–1875. Przegląd Historyczny*. Т. 91. 4: 519–534.

References

- Avrutin Yu. E. 2003. *Policija i miliciya v mehanizme obespecheniya gosudarstvennoy vlasti v Rossii: teoriya, istoriya, perspektivy* [Police and Police in the Mechanism of Ensuring State Power in Russia: Theory, History, Prospects]. Sankt- Peterburg, Uridicheskij centr Press: 501.
- Adrianov S. A. 1902. *Ministerstvo vnutrennih del 1802–1902 gg.* [Ministry of the Interior 1802–1902]. Sankt- Petersburg, tip. MVD: 225.
- Andrievskiy I. E. *Reforma ispolnitel'noy policii v Rossii* [Reform of the Executive Police in Russia]. Sbornik gosudarstvennih znaniy. Sankt- Peterburg, tip. V. Bezobrazova i K, Т. 5.
- Anuchin E. N. 1872. *Istoricheskij obzor razvitiya administrativno-policieyskih uchrezhdeniy v Rossii s Uchrezhdeniya o guberniyach 1775 g. do poslednego vremeni* [Historical Review of the Development

- of Administrative and Police Institutions in Russia from the Provincial Institution of 1775 to Recent Times]. Sankt-Petersburg, tip. MVD: 238.
- Arefa N.I. 1911. Prava i obyasnosti policeyskich uryadnikov, strazhnikov, pristavov i prochih chinov gorodskoy i uezdnoy policii [Rights and Obligations of Police Officers, Guards, Bailiffs and Other Ranks of the City and County Police]. Sankt-Petersburg: 118.
- Baikalov N.S. 2010. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii [History of Public Administration in Russia]. Ulan-Ude: Buryatskiy gosudarstvenniy universitet: 282.
- Wech S. 2013. Russkie v Carstve Pol'skom vo vtoroy polovine XIX i nachale XX v. [Russians in the Kingdom of Poland in the Second Half of the XIX and Early XX Centuries]. Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya, 2: 198–215.
- Gonuhov S.O. 2002. MVD Rossii. 200 let na straszhe zakona i pravoporyadka [Ministry of Internal Affairs of Russia. 200 Years on Guard of Law and Order]. Moskva, Reitar: 236.
- Gorozhanin A.V. 2001. Gosudarstvo i policiya [State and Police]. Sankt-Peterburg, Fond «Universitet»: 304.
- Erin D.A. 2000. Organizacionnie i kadrovie reformi rossiyskoy policii vo 2 pol. XIX – nach. XX veka [Organizational and Personnel Reforms of the Russian Police in the 2nd floor. XIX – Beg. XX Century]. Avtoreferat dissertacii kandidata uridicheskikh nauk. Moskva: 26.
- Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnoho prava. 1886 [Journal of Civil and Criminal Law]. Sankt- Peterburg, kn. 8, 10.
- Ivanova E.A. 2003. Pravovie osnovi organizacii i deyatel'nosti obzchey policii Rossii (XVIII – nachalo XX vv.) [Legal Foundations of the Organization and Activities of the General Police of Russia (XVIII – Beginning of XX Centuries)]. Dissertaciya kandidata uridicheskikh nauk, Krasnodar: 221.
- Kratkiy ocherk deyatel'nosti Ministerstva vnutrennih del za dvadcatipetiletie 1855–1880 g. 1880. [A Brief Outline of the Activities of the Ministry of the Interior for the Twenty-Fifth Anniversary of 1855–1880]. Sankt-Petersburg: 183.
- Mulukaev R.S., Malygin A.Ya., Epifanov A.E. 2005. Istoriya otechestvennykh organov vnutrennih del [History of Domestic Internal Affairs Bodies]. Moskva, NOTA BENE: 336.
- Peregudova Z.I. 2000. Politicheskii sysk v Rossii (1880–1917) [Political Investigation in Russia (1880–1917)]. Moskva, ROSSPEN: 432.
- Reent Yu.A. 2002. Policeyskaya Sistema Rossiyskoy imperii nachala XX veka (1900–1917 gg) [Police System of the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century (1900–1917)]. Dissertaciya doktora uridicheskikh nauk, Moskva: 521.
- Tarasov I.T. 1885. Policiya v epohu reform [Police in the Age of Reform]. Moskva, Redakciya «Uridicheskogo vestnika»: 160.
- Timoshevskaya A.D. 1998. Osobennosti organizacii policii v nacional'nih regionah rossiyskogo gosudarstva (XIX v. – nachalo XX v.) [Features of the Organization of the Police in the National Regions of the Russian State (XIX Century – Beginning of XX Century)]. Dissertaciya kandidata uridicheskikh nauk, Moskva: 207.
- Troickiy N.A. 1976. Carskie sudi protiv revolutionnoy Rossii [Tsarist Courts Against Revolutionary Russia]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta: 411.
- Tyutyunik L.I. 1986. Departament policii v bor'be s revolutionnim dvizheniem v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Police Department in the Fight Against the Revolutionary Movement in Russia at the Turn of the XIX–XX Centuries (1880–1904)]. Dissertaciya kandidata uridicheskikh nauk, Moskva: 294.
- Shebeko N.I. 1906. Hronika socialisticheskogo dvizheniya v Rossii. 1878–1887. Oficial'niy otchet [Chronicle of the Socialist Movement in Russia. 1878–1887. Official Report]. Moskva: Izdatel'stvo V.M. Sablina: 364.
- Schelkoplyas V.A. 1981. Polizeyskaya reforma v Rossii v 60-ch godach XIX veka. [Police Reform in Russia in the 60s of the XIX Century]. Minsk: Minskaya visschaya shkola: 49.
- Shinjikashvili D.I. 1974. Ministerstvo vnutrennih del carskoj Rossii v period imperializma [The Ministry of Internal Affairs of Tsarist Russia During the Period of Imperialism]. Omsk, OVSh MVD SSSR: 177.
- Schuiskiy P.A. 1930. Departament policii [The Police Department]. 1880 – nach. XX. Har'kov: 150.
- Jonathan W. Daly. 1998. Autocracy Under Siege. Security Police and Opposition in Russia, 1866–1905. Illinois: 272.
- Kaczynska E., Drewniak D. 1993. Ochrona. Carska policja polityczna. Warszawa, Bellona: 182.
- Kozlowski J. 2000. Straz ziemiska w Królestwie Polskim w latach 1867-1875. *Przełd Historyczny*. T. 91. 4: 519–534.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 08.04.2025

Received 08.04.2025

Поступила после рецензирования 12.06.2025

Revised 12.06.2025

Принята к публикации 14.06.2025

Accepted 14.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ананьев Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, старший офицер отдела, Главный центр научных исследований Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0009-0006-9372-165X](https://orcid.org/0009-0006-9372-165X)

Климов Андрей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0009-0000-0102-9516](https://orcid.org/0009-0000-0102-9516)

Sergey V. Ananyev, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Senior Division Officer, Main Center for Scientific Research, Federal Service of the Troops, National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russia

Andrey A. Klimov, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Lead Researcher, Research Institute (Military History) Military Academy, General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia

УДК 94:659.1: [339.1:612.393.1](575)"189/190"

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-662-673

EDN LWFOVN

Обзорная статья

Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: рынок алкогольной продукции

Абдрахманов К.А.¹ , Ефименко М.Н.²

¹⁾ Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19;

²⁾ Оренбургская духовная семинария,
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 17

E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru, efimenkom@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается формирование алкогольного рынка на территории Средней Азии в конце XIX – начале XX в. в контексте распространения печатной коммерческой рекламы. В качестве источников автором были привлечены опубликованные материалы информационно-справочного характера (путеводители, справочники, адрес-календари). Текстовая и визуальная часть объявлений, размещенных в этих изданиях, позволяет увидеть особенности развития нетрадиционной для мусульманского Востока сферы предпринимательства. Для достижения цели исследования применялись общеисторические методы, инструменты источниковедческого анализа и социальной психологии. В завершении исследования сделан вывод, что купеческая реклама благодаря информационно-текстовому насыщению и иллюстративному ряду является уникальным источником по проблеме модернизации архаичной феодальной экономики ханств Средней Азии в период господства Российской империи, дающим представление о специфике и акторах этого процесса.

Ключевые слова: реклама, алкогольный рынок, коммерция, купечество, Средняя Азия, путеводитель, объявления

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н. 2025. Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: рынок алкогольной продукции. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 662–673. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-662-673. EDN: LWFOVN

Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: The Alcohol Market

Konstantin A. Abdrakhmanov ¹ , Marina N. Efimenko ²

¹⁾ Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia;

²⁾ Orenburg Theological Seminary,
17 Chelyuskintsev St., Orenburg 460014, Russia

E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru, efimenkom@mail.ru

Abstract. This paper examines the formation of the alcohol market in Central Asia in the late 19th and early 20th centuries in the context of the spread of printed commercial advertising. The author used published

© Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н., 2025

informational and reference materials (guides, reference books, address calendars) as sources. The text and visual parts of the advertisements placed in these publications reveal the characteristic features of the development of the entrepreneurship sphere that is non-traditional for the Muslim East. To achieve the research goal, general historical methods and tools of source analysis and social psychology were applied. The study allows us to conclude that due to illustrations, information and text content, merchant advertising is a unique source of data on the distinctive features of the modernization of the archaic feudal economy in Central Asian khanates during the dominance of the Russian Empire, as well as on the actors of this process.

Keywords: advertising, alcohol market, commerce, merchants, Central Asia, guidebook, advertisement

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N. 2025. Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: The Alcohol Market. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 662–673 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-662-673. EDN: LWFOVN

Введение

Актуальность исследования напрямую связана с темпами, масштабом и особенностями развития частного предпринимательства в современной России. Анализ содержательно-визуальной части дореволюционной рекламы, способов ее размещения, приемов захвата внимания потребителей и т. д. может дать результаты, актуальные для современного делового сообщества.

Цель исследования предполагает через изучение рекламы детально ретранслировать модернизацию торгово-экономического пространства ханств Средней Азии в пореформенный период и воспроизвести особенности развития в регионе частного бизнеса буржуазно-капиталистического характера.

Для российского купеческого бизнеса период с середины 60-х гг. XIX в. стал временем новых возможностей в плане продвижения на перспективные и емкие рынки ханств Средней Азии. Покорение имперскими войсками Ташкента в 1865 г. позволило купцам отказаться от единственной до этого момента формы реализации делового интереса на азиатском направлении в виде караванного торгового пути и открыть стационарные заведения прямо в городе. Эти пионеры от бизнеса стали знакомить местное население с ранее неизвестными или малораспространенными в городе видами товаров и услуг. Прекрасно понимая законы рынка и разбираясь в психологии потребителей, российское купечество стремилось занять наиболее перспективные сферы коммерции и избежать острой конкуренции как со стороны азиатских предпринимателей, так и своих соотечественников. Например, прибывшие из России в Ташкент коммерсанты направили средства в создание алкогольного рынка. Приезжие купцы инвестировали как в создание производственной базы спиртных напитков, так и в развитие сети их распространения в виде винных магазинов и разнообразных питейных заведений (трактиров, винных погребов, пивных, буфетов). Особую популярность у русских купцов этого вида предпринимательства прокомментировал историк и этнограф А. И. Добросмыслов: «В русской части города Ташкента прибывшими вслед за войсками русскими купцами прежде всего, к нашему стыду, обращается внимание на устройство винокурных заводов и открытие кабаков» [Добросмыслов, 1912, с. 371].

Предприимчивые купцы из России не только развивали новаторские для феодального хозяйства ханств Средней Азии сферы коммерции, но и внедряли передовые механизмы продвижения бизнеса. Купцам, впервые открывавшим в городах Средней Азии свои заведения, требовалось в кратчайшие сроки сформировать постоянную клиентскую базу, чтобы оперативно выйти на стабильную высокую прибыль и надежно закрепить за собой определенную часть рынка. Одним из наиболее удобных и быстрых способов информирования населения о своих предложениях и, следовательно, эффективных рычагов завоевания рынка как раз являлась реклама. Американский экономист И. Кирцнер объяснил,

что в перечень многочисленных функций предпринимателя обязательно входит забота о том, «чтобы заставить потребителя узнать об имеющихся возможностях» [Кирцнер, 2001, с. 151].

Объект и методы исследования

Объектом изучения выступает коммерческая реклама алкогольной продукции и производивших ее предприятий, действовавших на территории ханств Средней Азии с конца 60-х гг. XIX в.

В качестве основных источников были привлечены информационно-справочные издания, освещавшие вопросы истории, этнологии, географии и экономики Средней Азии, ставшей к середине 70-х гг. XIX в. имперским протекторатом с отдельными территориями, полностью вошедшими в состав России. Издававшиеся на профессиональном оборудовании в Санкт-Петербурге, Ташкенте, Самарканде и Оренбурге разнообразные справочники и путеводители предназначались для широкой аудитории, интересовавшейся жизнью азиатских владений России, имели красивое оформление и твердый переплет. Эти характеристики изданий делали их весьма привлекательными для коммерсантов, искавших площадки для размещения рекламной информации. Наиболее значимыми для исследования являются материалы о Туркестане, опубликованные И.И. Гейером [Гейер, 1901; Гейер, 1908; Гейер, 1909]. Также были использованы источники личного происхождения в виде воспоминаний людей, лично посещавших Среднюю Азию в конце XIX – начале XX в. и имевших представление о деятельности некоторых владельцев алкогольного бизнеса [Марков, 1901; Варенцов, 2011].

В историографическом плане история рекламы как одного из важнейших и эффективных инструментов завоевания рынка, конкурентной борьбы, презентации предприятия и трансляции в общество личного бренда предпринимателя до сих пор остается одним из малоизученных элементов профессиональной деятельности коммерсантов. Идентичную точку зрения, подтверждающую недостаток исследований, посвященных проблеме рекламы в Российской империи, высказала И.И. Лейман: «...тема истории рекламы в структуре предпринимательства дореволюционной России в целом изучена достаточно фрагментарно с точки зрения как географических, так и хронологических рамок», – сказано в работе историка [Лейман, 2023, с. 176].

В настоящее время, о чем также сообщает И.И. Лейман [Лейман, 2023, с. 176], можно наблюдать уверенный рост интереса научного сообщества к этому феномену информационно-экономического характера. В современных рекламоведческих исследованиях отчетливо прослеживается региональная тенденция. Авторы изучают влияние рекламы на развитие бизнеса в дореволюционной российской провинции [Лигенко, 2019; Абдрахманов, 2021], роль прессы в распространении коммерческой информации [Жилякова, 2008; Баранова, 2014; Лейман, 2023], рассматривают отношение самих предпринимателей к данному инструменту продвижения дела [Пухарева, 2007; Логиновская, 2015], определяют культурное и информационное значение разнообразных рекламных продуктов [Сухотерин, 2012; Илива, 2020; Михайлова, 2024]. Т.В. Пухарева определила российских коммерсантов как новаторов в деле применения носителей коммерческой информации. Исследователь указала, что «именно русские предприниматели поставили себе на службу новое достижение техники – фотографию» [Пухарева, 2007, с. 59]. А.Е. Михайлова, Н.В. Жилякова и Т.В. Пухарева подчеркнули значение рекламы как релевантного исторического источника, способного качественно осветить социально-экономические, культурно-идеологические, внутри- и внешнеполитические сдвиги в российском обществе второй половины XIX – начала XX в., а также продемонстрировать уровень научно-технологического развития отдельного региона [Пухарева, 2007; Жилякова, 2008; Михайлова, 2024]. А.Е. Михайлова указала, что «рекламные объявления отразили общие изменения в экономической сфере Самарской губернии: модернизация транспортной и финансовой инфраструктуры, техники и средств связи...» [Михайлова, 2024, с. 100]. Н.В. Жилякова определила, что купеческие объявления в «Сибирской газете» по своему содержанию не ограничивались деловой информацией для

потенциальных клиентов, а открывали читателям «развернутую картину жизни крупного города» [Жилякова, 2008, с. 100]. Аналогичные выводы представлены и в статье Т.В. Пухаревой: «Реклама отражала социально-политическую и экономическую жизнь. Объявления в газетах носили не только рекламный характер, нередко они информировали о потребностях граждан» [Пухарева, 2007, с. 61]. Рекламная монотематика представлена в статье Е.В. Барановой о распространении информации об аптечных товарах в периодике Тамбова начала XX в. [Баранова, 2014]. Попытка рассмотреть зарождение и эволюцию газетной коммерческой рекламы в ханствах Средней Азии предпринята в работе Е.С. Лужанской [Лужанская, 2014]. Выбрав для анализа наиболее популярные в Русском Туркестане печатные периодические издания, автор определила основные тематические рубрики рекламных объявлений [Лужанская, 2014, с. 51]. Краткий обзор историографии по теме исследования позволил понять, что, несмотря на усиление интереса исследователей к данной проблеме, работы, освещающие развитие рекламы в среднеазиатских протекторатах Российской империи, на сегодняшний день все еще единичны.

Методологической базой исследования послужили общеисторические методы. Типологический метод использовался для классификации носителей рекламной информации. Системный метод был необходим для определения взаимосвязи развития предпринимательства в Средней Азии середины 60-х гг. XIX – начала XX в. с распространением рекламы в регионе. Идеографический метод обеспечил описание явлений хозяйственно-экономической жизни Средней Азии в исследуемый период. Сравнительный метод использовался для сопоставления особенностей экономики ханств Средней Азии доимперского времени с условиями ее развития в период вассальной зависимости от России. Междисциплинарный характер работы, выраженный в анализе отдельных трудовых функций предпринимателей, потребовал привлечения такого исследовательского инструмента из области психологии, как анализ продуктов деятельности человека. При изучении носителей рекламы как исторического источника был применен принцип контекстно-исторического анализа для установления связи исторической действительности и условий создания источника.

Результаты и их обсуждение

Организаторам алкогольного бизнеса, как и представителям любых направлений коммерции, для успешного развития дела требовался эффективный механизм информирования общественности, которым и стала реклама. Платформой для размещения коммерческой рекламы стала, прежде всего, издававшаяся в Ташкенте разнообразная газетная периодика [Лужанская, 2014, с. 50–51]. В работе Т.В. Пухаревой о развитии рекламы в дореволюционной Удмуртии подчеркивается значение правильного выбора издания и оформления объявления для делового успеха предпринимателя: «Важно было удачно выбрать периодическое издание, а также тип объявления и его “обрамление”», – отмечает исследователь [Пухарева, 2007, с. 61]. При выборе печатной платформы для размещения своей рекламы предприниматели, как правило, руководствовались такими критериями, как тираж издания, его аудитория, периодичность выпуска, география распространения, а также полиграфические возможности типографии, от которых зависел формат объявления, его оформление и стоимость. По многим из этих показателей вне конкуренции оставалась стандартная газетная периодика, однако российско-среднеазиатский бизнес конца XIX – начала XX в. ориентировался и на информационно-справочные многостраничные издания. В конце XIX – начале XX в. типографии Санкт-Петербурга, Ташкента, Оренбурга и других городов начали выпускать объемные, снабженные качественными иллюстрациями издания, содержавшие информацию по истории, географии, культуре, этнологии, экономике Средней Азии. Наиболее интересными из них являлись различного рода путеводители по Туркестану и железным дорогам, соединявшим Россию с азиатскими протекторатами, а также справочные книжки и адрес-календари различных административных единиц Средней Азии. Данные издания были рассчитаны на массового читателя, поэтому представляли интерес для рекламодателей.

Если вести разговор о приоритетной для купцов-первопроходцев коммерческой отрасли – производстве и продаже спиртных напитков, то можно увидеть, что рекламные объявления позволяют рассмотреть детали развития алкогольного рынка Средней Азии рубежа XIX–XX в. С 1868 г. в Ташкенте начинают работы винокуренные, водочные и пивоваренные предприятия. Наиболее масштабное производство алкогольной продукции было организовано предпринимателями Н.И. Ивановым, Д.Л. Филатовым, Е.Х. Жемчужниковой, И.И. Первушиным [Добросмыслов, 1912, с. 371, 376, 378, 380]. Этнограф и путешественник Е.Л. Марков, посетивший крупнейшие города среднеазиатских ханств в начале 90-х гг. XIX в., не остался равнодушным к коммерческим успехам первых купцов из России, обосновавшихся в Ташкенте: «Первые предприимчивые люди, решившиеся завести здесь разные отрасли промышленности, дотоле неведомые Туркестану, как Иванов, Филатов, Первушин и др., сильно обогатились и стали влиятельными местными воротилами» [Марков, 1901, с. 496]. Несмотря на то, что массовое употребление алкоголя не практиковалось в мусульманском обществе Средней Азии доимперского периода, продукция этих заводов все же нашла своего потребителя, так как запущенные в конце 60-х гг. XIX в. предприятия продолжали успешно действовать и в начале XX в.

В рекламном объявлении, размещенном в путеводителе по Туркестану от 1901 г., коммерции советник Николай Иванович Иванов информировал население о продукции своих предприятий. Размещенное на отдельной странице объявление содержало сведения о номенклатуре спиртных напитков, географии производства, качестве товара и логистических возможностях купеческой фирмы [Гейер, 1901, с. 15]. Реклама сообщала, что винокуренные заводы Н.И. Иванова расположены в Ташкенте, Намангане, Самарканде, Верном, Аули-Ате [Гейер, 1901, с. 15]. Пивоваренное производство базировалось в Ташкенте, Верном, Намангане, Самарканде, Казалинске, Перовске и Пржевальске [Гейер, 1901, с. 15]. Водочные заводы Н.И. Иванова действовали в Ташкенте и Верном. Подробная характеристика географии бизнеса показывает, что купец Иванов организовал производство и продажу спиртных напитков не только в городах Средней Азии, но и на территории Казахской степи. Чтобы подчеркнуть качество продукции, в объявлении указали, что «фирма удостоена многими высшими наградами», а сырье для виноградных вин производится на собственных виноградниках [Гейер, 1901, с. 15]. Также объявление подчеркивало клиентоориентированность фирмы Н.И. Иванова. Производитель имел возможность доставить заказчикам по железной дороге необходимый объем продукции даже в регион, где отсутствовали производство и розничная торговая сеть компании. Для этого клиенту было необходимо внести задаток, равный половине стоимости товара [Гейер, 1901, с. 15]. Более скромного объема объявление о деятельности самаркандской конторы Н.И. Иванова кроме сведений об ассортименте алкогольной продукции предлагало клиентам бесплатные прейскуранты «по требованию» и сообщало им о возможности как оптовых, так розничных сделок [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 19].

Т.В. Пухарева писала о том, что в связи с возрастающей популярностью объявлений в Удмуртии начала XX в. все новые и новые виды печатной продукции становились носителями коммерческой рекламы. «Не оставались в стороне от рекламных проспектов, газетной рекламы и книгоиздатели. Порой в книгах помещалось до десятка и более страниц с текстами объявлений различной тематики», – отмечает исследователь [Пухарева, 2007, с. 61]. Аналогичная тенденция была характерна и для ташкентской печати. В многостраничном труде И.И. Гейера «Весь Русский Туркестан», оформленном в тканевый переплет из коленкора и опубликованном в 1908 г., основную текстовую часть предваряла разнообразная реклама, занимавшая 88 страниц [Гейер, 1908, с. 93]. Реклама алкогольной продукции Н.И. Иванова занимала в нем весь разворот (рис. 1). Информация, представленная в путеводителе, была дополнена сведениями о магазинах, расположенных в городах Средней Азии и Казахской степи, и о производственной базе, в которой появились спиртоочистительные заводы и завод специальных водок [Гейер, 1908, с. 34–35]. Главным отличием этой рекламы от более простого

варианта, размещенного в путеводителе, было более красочное оформление. Помимо использования цветной бумаги, декора в виде узоров и применения разнообразных шрифтов, объявление было снабжено тремя иллюстрациями, изображающими самого коммерсанта и здания табачной фабрики и пивоваренного завода [Гейер, 1908, с. 34–35].

Рис. 1. Реклама фирмы наследников Н.И. Иванова [Гейер, 1908, с. 34–35].
 Fig. 1. Advertisement of the firm of N.I. Ivanov's heirs [Geyer, 1908, p. 34–35].

Значение информационной составляющей рекламного объявления заключается также и в том, что реклама позволяет увидеть кардинальные изменения в деятельности какого-либо предприятия. В вышеуказанном объявлении фирма Н.И. Иванова изменила название на «Наследники коммерции советника Н.И. Иванова» [Гейер, 1908, с. 34–35]. Переименование предприятия говорит о том, что один из основателей алкогольного рынка Средней Азии скончался, передав успешный бизнес своим детям. В книге И.И. Гейера «Туркестан», опубликованной в 1909 г., рекламный блок был размещен на последних страницах издания. К стандартной информации о видах алкогольной продукции, географии производства и распространения предприниматели добавили сведения о месте расположения отдельных предприятий отрасли. В Ташкенте на Заводской улице действовал пивоваренный завод, табачная фабрика располагалась на улице Дачной, производство вина осуществлялось на Кладбищенской улице [Гейер, 1909, с. 403]. Кроме этого, в объявлении были указаны контакты для связи с производителем. Письма следовало направлять в Главную контору Н.И. Иванова, а телеграммы – в Контору Иванова [Гейер, 1909, с. 403]. Экономист И. Кирцнер утверждает, что, указывая в рекламе точные координаты магазина или предприятия, предприниматель предоставляет потенциальному клиенту дополнительную услугу, отменяющую для покупателя длительный, а порой финансово и морально затратный поиск адреса интересующего его места [Кирцнер, 2001, с. 157].

Не менее информативной и интересной является коммерческая реклама алкогольного производства Торгового дома «И.А. Первушина сыновья». В отличие от объявлений предпринимателей Ивановых, реклама фирмы Первушиных содержала больше конкретики о стоимости товара, ассортименте продукции и способах ее изготовления. Из объявлений потенциальные покупатели могли узнать, что виноградное вино было представлено сухими и сладкими категориями, стоимостью от 20 до 80 коп. за бутылку [Гейер, 1901, с. 20]. Столовое хлебное вино было изготовлено из «химически-чистого спирта отректированного аппаратом “Савалль”» [Гейер, 1908, с. 64]. В объявлениях фирма Первушиных подчеркивала свои преимущества перед конкурентами и приглашала к сотрудничеству продавцов алкогольной продукции. Реклама сообщала заинтересованным лицам, что цены на весь товар были «умеренные», а «заказы выполняются скоро и аккуратно» [Гейер, 1901, с. 20; Гейер, 1908, с. 64]. Для оптовых покупателей была предусмотрена скидка. В основном тексте объявления и в элементах оформления (фигурная рамка) пять раз упоминался период существования бизнеса с 1867 г. [Гейер, 1908, с. 64].

Другой первооткрыватель алкогольного рынка ханств Средней Азии Дмитрий Львович Филатов публиковал в справочно-информационных изданиях объявления более скромные по объему и в плане оформления, чем у купцов Ивановых и Первушиных. Из рекламы можно было понять, что винодельческий комплекс и коньячный завод Д.Л. Филатова располагались в Самарканде [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 23; Гейер, 1901, с. 14]. По классической схеме в объявлении упоминался период активности купеческой фирмы, начавшей торговлю «во всех областях Туркестанского края с 1865 года», а производством вина занявшейся с 1868 г. [Гейер, 1901, с. 14]. Высокое качество продукции подтверждалось наличием ряда отраслевых наград: золотые и серебряные медали, почетные дипломы и отзывы «на различных выставках в России и за границей» [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 23]. В путеводителе по Туркестану, опубликованному в 1913 г., Д.Л. Филатов сообщал о наличии у него крепких спиртных напитков. Расположенное в Самарканде производство поставляло на рынок «натуральный виноградный коньяк, спирт виноградный», а также виноградную и хлебную водку [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 549].

Кроме указанных выше наиболее известных представителей алкогольного бизнеса, в соответствующих изданиях печатали объявления аналогичного характера и многие другие предприниматели. Винокуренные и спиртоочистительные заводы потомственного почетного гражданина Н.Я. Пугасова действовали в Ташкенте, Верном и Копале. На спиртоочистительном производстве технологический процесс обеспечивали перегонные аппараты Савалль, которые позволяли очищать спирт от примесей и получать продукт крепостью 96 % [Гейер, 1901, с. 11]. В этом же путеводителе по Туркестану И.И. Гейера реклама алкогольного производства Н.Я. Пугасова была продублирована, правда, во втором случае информационный текст занимал не всю страницу, а помещался в фигурную рамку объявления о магазинах Е.Е. Пугасовой в Ташкенте [Гейер, 1901, с. 16]. Предприниматель П.С. Пороховский предлагал покупателям «вино всех сортов из собственных виноградников» [Гейер, 1901, с. 20]. Лица, заинтересованные в организации собственного виноделия, могли приобрести «кусты и черенки всех сортов европейских виноградников» [Гейер, 1901, с. 20]. Стремление продавцов алкогольной продукции удовлетворять потребности даже самых требовательных клиентов привлекло внимание ташкентского сатирического издания «Туркестанский скорпион». Анекдотичный диалог продавца и покупателя, отражавший реалии алкогольного бизнеса в Средней Азии, выглядел так:

«Требуя вина, посетитель сказал хозяину-винооторговцу:

- О качестве вин я пока не говорю, но у вас, кажется, есть вина урожая каждого года?
- О да! У меня даже есть вина урожая будущего года!» [Перехвалил, 1907, с. 12].

Одно из объявлений П.С. Пороховского сообщало о гибкой ценовой политике производителя. У всех покупателей была возможность приобретать вино в бутылках по сниженным оптовым ценам, а лица, покупавшие алкоголь из некоего «подвала», могли

рассчитывать на дополнительную «значительную уступку» [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 9]. Реклама предпринимателя Д.Ф. Толочинова, несмотря на размер объявления во всю страницу и красивое оформление, была нестандартно лаконичной в текстовой части. Объявление ограничилось кратким сообщением о торговле в Самарканде виноградным вином Д.Ф. Толочинова по адресу Абрамовский бульвар, 10 [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 10].

На производстве игристых вин специализировалась фирма предпринимателя С.М. Гладышева, расположенная в Самарканде. Ценителям этого напитка реклама предлагала купить вина под номерами 10, 20 и 30 [Гейер, 1901, с. 308]. Содержание одного из объявлений этого коммерсанта указывало на оптово-розничный характер торговли спиртными напитками и на размещение бизнеса в Самарканде в собственном доме [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 4]. Реклама позволила узнать, что в начале XX в. из Санкт-Петербурга в Среднюю Азию осуществлялась поставка шампанского фирмы «Дуаэн и К°» [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 548]. За деятельность компании в Азии отвечал проживавший в Ташкенте в собственном доме «представитель для Туркестана» Альфред Пфейфер. Информацию об этом содержало весьма примечательное в визуальной части объявление, где центральным элементом оформления являлась большая (на всю страницу) бутылка шампанского (рис. 2) [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 548].

Рис. 2. Реклама шампанского фирмы Дуаэн и К° [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 548]

Fig. 2. Advertisement for champagne from the Doyen & Co firm [Dmitriev-Mamonov, 1913, p. 548]

Массовая ориентация коммерсантов на производство и продажу спиртных напитков говорит о достаточно высоком уровне конкуренции в этом сегменте бизнеса и указывает на значительную емкость среднеазиатского рынка. На формирование в мусульманской среде клиентской базы, объема которой было бы достаточно для окупаемости вложений в организацию дела и выхода на хорошую прибыль, обратил внимание московский купец Н.А. Варенцов, неоднократно посещавший Среднюю Азию по торговым делам. В своих мемуарах предприниматель отметил игнорирование автохтонным мусульманским обществом традиционных норм поведения, подразумевавших отказ от употребления алкоголя, отчетливо проявившееся в первой четверти XX в.: «В чайханах мало спрашивали чай, а больше пиво, плов, пироги и тому подобное, а в последний мой приезд в 1925 году уже преимущественно спрашивали коньяк и вино. На базарах много встречалось пьяных бухарцев, даже валяющихся на земле», – сообщил Н.А. Варенцов [Варенцов, 2011, с. 281]. Высокий спрос среди населения Средней Азии в этот период на различные виды спиртного показывает, что русские коммерсанты не прогадали, рискнув вложить средства в развитие алкогольного сектора экономики на территории мусульманских стран. Дальновидность купечества объясняется тем, что многие успешные коммерсанты были хорошими специалистами в области психологии человека. Они понимали, что людям с их индивидуальным сознанием свойственна тяга к познанию ранее неизвестного, а особенно привнесенного извне, будь то материальные вещи, такие как предметы быта и гардероба, как продукты питания, средства передвижения и т. д., или элементы культуры в виде досуговых форм и интеллектуальных практик.

Наряду со средне-крепкой алкогольной винно-водочной продукцией, в Средней Азии начиная с конца 60-х гг. XIX в. активно развивалось производство пива. Из объявлений о торговле напитком можно было узнать, что уже в конце XIX в. в Самарканде действовал пивоваренный завод Отто Вогау. Новейшее оборудование «для пастеризации и дистилляции» позволяло производить выдержанное «столовое и кабинетное» пиво [Справочник и адрес-календарь, 1899, с. 3]. Организованное в Ташкенте пивоваренное производство носило название «Новая Бавария» [Гейер, 1901, с. 391]. Объявление предлагает информацию о том, что фирма Е.И. Ильина была открыта в 1878 г., а к 1909 г. принадлежала его наследникам. Ташкентская пивоварня В.Н. Жемчужникова производила столовое, венское и экспортное пиво. О качестве сырья для производства напитка говорила большая серебряная медаль «За хмелеводство», которой предприятие отметили в 1900 г. [Гейер, 1901, с. 27]. Астраханские пивоваренные заводы наследников действительного статского советника П.П. Вейнера поставляли пиво в магазины Закаспийской области и Туркестанского края [Гейер, 1908, с. 25].

Отличительной особенностью рекламы пива в информационно-справочных изданиях о Туркестане и других территориях Средней Азии можно считать очень ограниченный объем текста объявлений. В объявление, занимавшее, как правило, только половину, а в отдельных случаях всего четверть страницы, вмещалась лишь конкретика о собственниках предприятия, марках пива, расположении производства или пунктов продаж. По сравнению с рекламой вина, коньяка или водки, при рекламе пива практически не применялись восторженные эпитеты, такие как «самое лучшее», «из самых лучших сортов», «высочайшего качества», «единственное в ...» и т. д. Некоторым исключением можно считать рекламу оренбургского пивоваренного производства – «Товарищество парового пивоваренного завода Е.Е. Гофман и К°». Из подробных сведений о географии бизнеса становится видно, что фирма купца немецкого происхождения Егора Гофмана преимущественно сосредоточилась на работе в граничившей с Оренбургом Казахской степи. В Уральске, Темире, Актюбинске и Казалинске были организованы пивные склады [Бодров-Повираев, 1908, с. 14]. В Средней Азии предприятие было представлено сетью пивных лавок в Сырдарьинской области. Также в объявлении подчеркивался паровой способ производства пива, что говорит о стремлении рекламодателя показать соответствие своего предприятия требованиям времени, обозначить его технологичность, положительно влиявшую на скорость производства и качество продукции.

Заключение

Завершая работу, необходимо сказать, что реклама алкогольной продукции на территории Средней Азии в конце XIX – начале XX в., особенно размещенная в печатных многостраничных изданиях, представляет собой репрезентативный источник по проблеме развития в регионе этой сферы коммерции. Алкогольный рынок Средней Азии, возникший и развивавшийся усилиями русских купцов, полностью сформировался в период с конца 60-х гг. XIX до начала XX в., несмотря на чужеродность этого явления для культурно-нравственного пространства исламских стран. За относительно непродолжительное время производство спиртных напитков превратилось в полноценную отрасль промышленности, функционировавшую по законам капиталистического рынка. О коммерческом успехе алкогольной промышленности свидетельствует указанный в объявлениях длительный период деятельности множества купеческих предприятий.

Реклама позволяет увидеть географический охват отраслю территории Средней Азии и Казахской степи. Главными центрами производства спиртных напитков являлись Ташкент и Самарканд. В этих городах были построены винокуренные, спиртоочистительные и пивоваренные заводы. Создав производственную базу, купцы организовали широкую сеть распространения продукции. Винные магазины, склады, подвалы, пивные лавки открывались как в древних городах Средней Азии, так и новых, построенных по инициативе России степных укреплений. Рекламодатели считали необходимым подчеркнуть, что владеют производством полного цикла. Потребителям сообщали, что основа (виноград, хмель), для конечной продукции получена на собственной сырьевой базе, напитки изготовлены на собственных предприятиях и продаются в собственных магазинах. Владельцы алкогольного бизнеса модернизировали дело в соответствии с развитием мировой научно-технической мысли. Результаты технического прогресса в области паровых технологий и инфраструктурных проектов предприниматели применяли для увеличения объемов производства, повышения качества продукции и настраивали бизнес на работу в пользу клиентов.

Список источников

- Бодров-Повираев Н.И. 1908. Путеводитель-справочник по Оренбургу и Ташкентской железной дороге с расположенными на ней городами. Оренбург, Паровая типо-литография Дворжец, 120 с.
- Варенцов Н.А. 2011. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. Вступ. статья, сост., подг. Текста и коммент. В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко. Москва, Новое литературное обозрение, 848 с.
- Гейер И.И. 1901. Путеводитель по Туркестану (с двумя картами и одним портретом). Изд. I. Ташкент, Типо-литография В.М. Ильина, 316 с.
- Гейер И.И. 1908. Весь Русский Туркестан. Ташкент, Туркестанское товарищество печатного дела, 435 с.
- Гейер И.И. 1909. Туркестан. Изд. второе, исправленное и дополненное автором. Ташкент, Туркестанское товарищество печатного дела, 406 с.
- Дмитриев-Мамонов А.И. 1913. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской. Изд. 6. Санкт-Петербург, Типография И. Шурухта, 552 с.
- Добросмыслов А.И. 1912. Ташкент в прошлом и настоящем: исторический очерк. Ташкент, Электропаровая типо-литография О.А. Порцева, 520 с.
- Марков Е.Л. 1901. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. В 2-х томах и 6-и частях. Т. 1. Санкт-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича, 545 с.
- Перехвалил. 1907. *Туркестанский скорпион*, 5: 16 с.
- Справочник и адрес-календарь Самаркандской области. Издание Самаркандского областного статистического комитета. 1899. Самарканд, Типография Белобородова, 294 с.

Список литературы

- Абдрахманов К.А. 2021. Коммерческая реклама оренбургских купцов в пореформенный период (последняя четверть XIX – начало XX в.). *Исторический бюллетень*, т. 4, 4: 14–26.

- Баранова Е.В. 2014. Развитие лекарственной и аптечной рекламы в периодической печати (на материалах тамбовской прессы начала XX в.). *Социально-экономические явления и процессы*, 4(62): 115–120.
- Жилякова Н.В. 2008. Рекламная политика томских изданий конца XIX в. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 1(2): 96–110.
- Илива М.Н. 2020. Реклама как исторический источник. *Причерноморье. История. Политика. Культура*, 30: 72–76.
- Кирцнер И.М. 2001. Конкуренция и предпринимательство / Пер. с англ. под ред. проф. А.Н. Романова. Москва, Юнити-Дана, 239 с.
- Лейман И.И. 2023. Зарождение рекламы в российской провинции (на примере купеческих объявлений в «Вологодских губернских ведомостях» во второй трети XIX в.). *Уральский исторический вестник*, 3(80): 175–181.
- Лигенко Н.П. 2019. Реклама как новое стратегическое направление в предпринимательской деятельности Камско-Вятского региона в конце XIX – начале XX в. *Вопросы истории*, 12–4: 116–136.
- Логиновская А.В. 2015. Наружная реклама в дореволюционном Барнауле. *PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект*, 13: 167–172.
- Лужанская Е.С. 2014. Исторический анализ газетной рекламы в начале XX века на территории Кыргызстана. *Вестник кыргызско-российского славянского университета*, т. 14, 3: 50–52.
- Михайлова А.Е. 2024. Реклама как исторический источник по истории предпринимательства: по материалам самарских газет и справочных изданий второй половины XIX – начала XX века. *Исторический поиск*, т. 5, 4: 95–106.
- Пухарева Т.В. 2007. История коммерческой рекламы дореволюционной Удмуртии. *Сервис PLUS*, 3: 59–62.
- Сухотерин Д.Я. 2012. Массовая культура и реклама в России: взаимовлияние феноменов на рубеже XIX–XX веков (на примере журнала «Нива»). *Культура и цивилизация*, 2–3: 51–64.

References

- Abdrakhmanov K.A. 2021. Commercial Advertising of Orenburg Merchants During the Post-Reform Period (The Last Quarter of the 19th – Early 20th Century). *Historical Bulletin*, vol. 4, 4: 14–26 (in Russian).
- Baranova E.V. 2014. Development of Medicinal and Pharmaceutical Advertising in Periodicals (On Materials of the Tambov Press of the Beginning of the XXth Century). *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 4(62): 115–120 (in Russian).
- Zhilyakova N.V. 2008. Advertising Policy of Tomsk Publications at the End of the 19th Century. *Tomsk State University Journal of Philology*, 1(2): 96–110 (in Russian).
- Iliya M.N. 2020. Advertising as a Historical Source. *Prichernomor'e. Istoriya. Politika. Kul'tura*, 30: 72–76 (in Russian).
- Kirtsner I.M. 2001. Konkurentsiya i predprinimatel'stvo [Competition and Entrepreneurship]. Moscow, Yuniti-Dana, 239 (Kirtzner I.M. 1973. Competition and Entrepreneurship. Chicago, University of Chicago Press, 256).
- Leyman I.I. 2023. The Origin of Advertising in the Russian Province (By the Example of Merchant's Announcements in the "Vologda Provincial Gazette" of the Second Third of the 19th Century). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 3(80): 175–181 (in Russian).
- Ligenko N.P. 2019. Advertising as a New Strategic Direction in Entrepreneurial Activity in the Kama-Vyatka Region in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Voprosy istorii*, 12–4: 116–136 (in Russian).
- Loginovskaya A.V. 2015. Outdoor Advertising in Prerevolutionary Barnaul. *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyy aspekt*, 13: 167–172 (in Russian).
- Luzhanskaya E.S. 2014. Historical Analysis of Newspaper Advertising in the Early XX Century on the Territory of Kyrgyzstan. *Vestnik kyrgyzsko-rossiyskogo slavyanskogo universiteta*, vol. 14, 3: 50–52 (in Russian).
- Mikhailova A.E. 2024. Advertisement as a Historical Source on the History of Entrepreneurship: Based on the Materials of Samara Newspapers and Reference Publications of the Second Half of the XIX – Early XX Century. *Historical Search*, vol. 5, 4: 95–106 (in Russian).
- Pukhareva T.V. 2007. History of Commercial Advertising in Pre-Revolutionary Udmurtia. *Servis PLUS*, 3: 59–62 (in Russian).

Sukhoterina D.Ya. 2012. Mass Culture and Advertising in Russia: Interference of Phenomena at the Turn of the XIX–XX Centuries (By the Example of "Niva" Magazine). *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2–3: 51–64 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.06.2025

Received 21.06.2025

Поступила после рецензирования 05.08.2025

Revised 05.08.2025

Принята к публикации 07.08.2025

Accepted 07.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абдрахманов Константин Алексеевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9469-7694](https://orcid.org/0000-0001-9469-7694)

Konstantin A. Abdrakhmanov, Doctor of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Ефименко Марина Николаевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургская духовная семинария, г. Оренбург, Россия

 [ORCID: 0009-0006-7216-927X](https://orcid.org/0009-0006-7216-927X)

Marina N. Efimenko, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Vice Rector for Scientific Work, Orenburg Theological Seminary, Orenburg, Russia

УДК 94(47).08
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-674-688
EDN MLSZGX
Оригинальное исследование

Деятельность органов городского самоуправления по содержанию и развитию городской инфраструктуры в уездных центрах Курской губернии в конце XIX – начале XX в.

Кузнецов В.В.

Воронежский институт Министерства внутренних дел России,
Россия, 394065, г. Воронеж, просп. Патриотов, 53
E-mail: vvk.vspu@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов самоуправления уездных городов Курской губернии по содержанию и развитию городской инфраструктуры в конце XIX – начале XX вв. Обобщается законодательная и разъяснительная работа правительства и губернского аппарата, правотворческая и управленческая практика городского самоуправления в исследуемой сфере. Анализируются механизмы и результаты благоустройства городских территорий общественного пользования. Определяются функции городских дум и управ по развитию транспортной инфраструктуры. Характеризуется состояние коммунальной благоустроенности населения и организация культурно-досуговой среды. Выявляются полномочия уездных городов в архитектурно-строительной сфере. Формулируются выводы относительно эффективности и специфики деятельности самоуправления по формированию материальной базы городского хозяйства и её содержанию.

Ключевые слова: местное самоуправление, городская дума, городская управа, уездные города, Курская губерния, благоустройство городов, городская инфраструктура

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Кузнецов В.В. 2025. Деятельность органов городского самоуправления по содержанию и развитию городской инфраструктуры в уездных центрах Курской губернии в конце XIX – начале XX в. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 674–688. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-674-688. EDN: MLSZGX

The Activities of City Self–Government Bodies for the Maintenance and Development of Urban Infrastructure in the County Centers of Kursk Province in the Late 19th – Early 20th Century

Vadim V. Kuznetsov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
53 Patriotov Ave., Voronezh 394065, Russia
E-mail: vvk.vspu@yandex.ru

Abstract. The article examines the activities of the self-government bodies of the county towns in Kursk province aimed at the maintenance and development of urban infrastructure in the late 19th – early 20th centuries. It summarizes the legislative and explanatory work of the government and the provincial apparatus, the law-making and managerial practice of urban self-government in the field under study. The mechanisms and results of the improvement of urban areas of public use are analyzed. The functions of city councils and departments for the development of transport infrastructure are defined. The author characterizes the state of public utilities and the specifics of organizing cultural and leisure environment. The powers of county towns

in the architectural and construction sphere are revealed. The study allows making conclusions regarding the effectiveness and specifics of self-government bodies' activities in establishing and maintaining the material base of the urban economy.

Keywords: local government, city Duma, city councils, county towns, Kursk province, urban improvement, urban infrastructure

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kuznetsov V.V. 2025. The Activities of City Self-Government Bodies for the Maintenance and Development of Urban Infrastructure in the County Centers of Kursk Province in the Late 19th – Early 20th Century. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 674–688 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-674-688. EDN: MLSZGX

Введение

Программной целью деятельности городского самоуправления, изложенной в Городовом положении 1870 г., была организация городского хозяйства посредством реализации трех взаимосвязанных направлений. Во-первых, «внешнее благоустройство города», то есть планирование и содержание городского пространства, устройство дорожно-транспортной и коммунальной инфраструктур, учет экологических аспектов в ходе проведения указанных мероприятий. Во-вторых, обеспечение «благосостояния городского населения»: организация здравоохранения, противопожарных мероприятий, страхования, промышленного производства и промыслов, торговли, снабжения, кредитно-финансовых услуг. В-третьих, устройство учебных и благотворительных заведений, больниц, театров, библиотек, музеев и прочих социально-культурных учреждений [Высочайше утвержденное..., 1870. с. 5, 6]. Объединяющим началом данных функций было формирование материальной базы городского хозяйства, отвечающей потребностям населения и законодательным нормам, другими словами, городской инфраструктуры.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность органов городского самоуправления уездных центров Курской губернии по содержанию и развитию городской инфраструктуры в конце XIX – начале XX вв.

Методологическую основу исследования составили общенаучный метод анализа, статистический метод, системный подход, а также принципы объективности и историзма.

Источниковая база исследования представлена материалами фондов Государственного архива Курской области: Ф. 1589 «Курское губернское по городским делам присутствие»; Ф. 54 «Курское губернское по земским и городским делам присутствие»; Ф. 228 «Обоянская городская дума»; Ф. 302 «Рыльская городская управа»; Ф. 377 «Суджанское городское общественное управление». Статистические выкладки подготовлены на основе опубликованных материалов Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи. Нормативные механизмы определены в соответствии с высочайше утвержденными Городовыми положениями 1870 г. и 1892 г., уставами и разъяснениями правительства.

Различные аспекты хозяйствования в городах Курской губернии рассматривались в работах А.А. Терещенко [Терещенко, 2021], М.А. Сергиенко [Сергиенко, 2008; Сергиенко, 2011], А.Д. Сидорова [Сидоров, 2009; Сидоров, 2009]. При этом авторы уделяли внимание либо отдельным направлениям развития городской инфраструктуры, либо осуществляли обобщённый анализ деятельности по благоустройству городов, которая дополнительно включала развитие образовательных учреждений, санитарный и ветеринарный надзор, противозидемическую деятельность, организацию пожарной безопасности и т. п. Наряду с уездными городами анализировался опыт хозяйствования в губернском Курске. Таким

образом, оставалась не уточненной специфика развития городской инфраструктуры уездных центров. Научная новизна работы определяется также введением в научный оборот новых архивных документов.

Результаты и их обсуждение

Полномочия городских дум и управ по развитию местной инфраструктуры в общих чертах регламентировались в Городовом положении, в соответствии с которым им предоставлялось право изменять планы городов по согласованию с губернатором или Министерством внутренних дел (далее – МВД), утверждать проекты зданий и следить за верностью их технического исполнения, разрешать устройство промышленных, торговых, социальных, культурных заведений, а также возможность локального правотворчества в форме обязательных постановлений по вопросам содержания городского пространства общественного пользования, муниципального и частного имущества, путей сообщения [Высочайше утвержденное..., 1870. С. 93, 94, 97, 98].

Фрагментарный характер норм Городового положения, регулировавших существенную часть функций в сфере городского хозяйствования, был обоснован действующими узаконениями, в основном уставами, к которым городские думы и управы должны были обращаться. Впрочем, умелое использование законов требовало от должностных лиц на местах соответствующей квалификации, поэтому в целях адаптации и систематизации норм, регулировавших вопросы хозяйственного ведения, 26 апреля 1871 г. было высочайше утверждено мнение Государственного совета, на основе которого МВД подготовило Временные правила по предметам городского благоустройства, действовавшие повсеместно, где вводилось Городовое положение, до момента издания в городах собственных обязательных постановлений [Правительственный вестник. 1871. № 133]. Документ включал статьи различных законов, а также структурировал основные направления хозяйственной деятельности городов по группам и подробно пояснял механизмы реализации соответствующих функций.

Многие нормы, касавшиеся благоустройства городов, всё же оставались за пределами специализированного городского законодательства и требовали адресного обращения, например, к Уставу о промышленности, Положению о трактирном промысле, Уставу питейному и другим источникам. Существенный вклад в толкование Городового положения вносили циркуляры с подробными разъяснениями МВД по наиболее актуальным вопросам и решения Правительства сената.

Выработка городскими думами собственных обязательных постановлений, учитывавших образец, предоставленный МВД, законодательство, правительственные рекомендации, местные особенности и потребности, оказалась трудоемким и длительным процессом. Например, 24 марта 1876 г. Губернское по городским делам присутствие, рассмотрев обязательное постановление по вопросам городского благоустройства, утвержденное Обоянской городской думой 2 марта 1876 г., признало его неудовлетворительным из-за неопределенности и неточности формулировок и отменило решение гласных⁸⁴. В новой редакции постановление Обояни присутствие рассмотрело 31 марта 1879 г. и определило вернуть его в городскую управу для исправления с учетом данных рекомендаций⁸⁵. Впоследствии документ был согласован, но в 1885 г. городская дума снова обсуждала проект постановления по городскому благоустройству, желая дополнить имевшийся текст⁸⁶. Правотворческая практика других уездных городов губернии проходила в аналогичном порядке. Таким образом, обобщение законодательства, разъяснительная работа правительства и губернского аппарата, правотворческая и управленческая практика

⁸⁴ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 1589. Оп. 1. Д. 6. Л. 45–47.

⁸⁵ ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 8. Л. 42.

⁸⁶ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 802. Л. 3, 11.

городского самоуправления по ключевым вопросам формировались вплоть до принятия нового Городового положения 1892 г. К этому момент сложилась база, необходимая для структурного определения деятельности по содержанию и развитию городской инфраструктуры.

Универсальным направлением хозяйственной деятельности всех городов являлось благоустройство пространства общего пользования: осушение и мощение улиц и площадей, устройство тротуаров, а также регулирование порядка их содержания и использования. Значимость данного направления наглядно иллюстрируется в письме обоянского уездного исправника городской управе от 8 октября 1891 г., в котором он просил внести на рассмотрение городской думы вопрос о благоустройстве Тимской улицы и Монастырской набережной. Как сообщал исправник, Монастырская набережная напротив домов Зябкина, Попова, Афанасьева и других весной и осенью «изображает собой непроходимое болото, которое нечасто можно встретить и в глухих деревнях», а также напомнил, что в этом болоте неоднократно опрокидывались экипажи вместе с седоками, к тому же на улице располагались пожарный обоз, городская управа, прогимназия, почтово-телеграфная контора, – объекты, сообщение с которыми было необходимо⁸⁷. Вместе с тем характерной проблемой городов, препятствующей созданию комфортного уличного пространства, была скудная наполняемость местных бюджетов. В этой связи решением Правительствующего сената № 2311 от 15 марта 1882 г. думам предоставлялось право возлагать расходы по содержанию в исправности улиц на домовладельцев при условии издания обязательного постановления. Исключение из правила составляли городские площади, содержание которых решением сената № 3224 от 12 сентября 1873 г. было отнесено к обязанностям муниципалитетов [Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями, 1894, с. 210].

Технические требования к устройству улиц и площадей регламентировались в статьях Устава строительного и имели свое отражение во Временных правилах. Так, для осушения улиц по обеим сторонам прорывались канавы, укрепленные камнем, плитой, кирпичом, в крайнем случае – досками или плетнем. Мостовые в городах разрешалось строить только из камня с предварительной подготовкой поверхности тремя способами в зависимости от наличия в конкретной местности тех или иных материалов. Со стороны канав допускались пешеходные тротуары, обложенные плахами, закрепленными кольями или плетнем [Свод законов Российской империи. Том XX. Часть I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный, 1857, с. 62–67].

Дополнительные и уточняющие нормы об устройстве и содержании улиц устанавливались городами индивидуально. Например, в проекте обязательного постановления Суджи, разработанном в 1890 г., жители обязывались для осушения улиц прорывать покатые канавы на расстоянии не менее 2 аршин от своих усадеб, по канавам производить посадку деревьев, осуществлять уборку до середины улицы, а там, где участок выходил на площадь – на 5 сажень от усадьбы, следить за чистотой уличных колодцев⁸⁸. В постановлении того же города от 30 ноября 1905 г. говорилось, что домовладельцы должны были сделать прочный деревянный мостик через канаву для въезда во двор, кровельные водосточные трубы устроить так, чтобы вода стекала в канаву, а устройство перед домом балконов, выходов с высоким крыльцом, «вертелок», зонтиков и палисадников осуществлять с разрешения городской управы, не стесняя прохода по тротуарам и проезда по улицам⁸⁹. Обязательным постановлением, изданным в Старом Осколе в 1879 г., на улицах города, кроме Курской, допускалось устройство палисадников и загоронок перед окнами домов на расстоянии не более 2 аршин от фундамента дома⁹⁰. Обширная практика местного регулирования в данной

⁸⁷ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 811. Л. 16, 16 об.

⁸⁸ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–42.

⁸⁹ Там же. Д. 12. Л. 1.

⁹⁰ Там же. Д. 2. Л. 289 об.

сфере выработала универсальные правила, которые использовались большинством городов, например, относительно посадки деревьев.

Стоит сказать, что благоустройство городских территорий за счёт средств населения не стало общеобязательной повинностью, а осуществлялось локально, чаще – на центральных улицах, прямо указанных в постановлении. По этой причине к 1910 г. только 23 % совокупной протяженности городских улиц уездных городов Курской губернии (о которых имеются полные данные) было замощено камнем, 55 % – оснащено тротуарами и 24 % – обсажено деревьями (см. таблицу 1).

Таблица 1
Table 1

Благоустроенность улиц и площадей уездных городов Курской губернии в 1910 г.⁹¹
Landscaping of streets and squares of the county towns of Kursk province in 1910

Город	Количество площадей	Площадь, кв. сажень		Количество улиц	Протяженность, верст			
		общая	мощеных (% от общей)		общая	мощеных (% от общей)	с тротуарами (% от общей)	с деревьями (% от общей)
Белгород	4	30	0	48	10	6,4 (64 %)	0	3 (30 %)
Грайворон	4	51,1	0	22	31	0	0	0
Дмитриев	3	36	0	14	7	2 (29 %)	5 (71 %)	0
Короча	2	28,8	0	22	15,4	н/д	н/д	0
Льгов	3	14,2	0	12	8,5	3,2 (38 %)	8,5 (100 %)	0
Новый Оскол	2	3,6	0	9	4	0	4 (100 %)	н/д
Обоянь	2	н/д*	0	23	12	3,3 (28 %)	3,3 (25 %)	2,1 (18 %)
Путивль	3	25,6	0	40	30	7,9 (26 %)	н/д	28 (93 %)
Рыльск	3	12,3	0	23	н/д	н/д	н/д	0
Старый Оскол	2	97,2	0	24	20	2,5 (13 %)	12 (60 %)	12 (60 %)
Суджа	2	10,8	0,2 (1,9 %)	12	н/д	3,3	3,3	0
Тим	2	14,4	0	11	7	1,3 (19 %)	5,5 (79 %)	5 (71 %)
Фатеж	2	4,8	4,8 (100 %)	13	7	1 (14 %)	1 (14 %)	0
Щигры	4	38,8	0,4 (1 %)	23	10,2	1,7 (17 %)	10,2 (100 %)	4 (39 %)

Примечание: * – нет данных.

Как видно из приведенных данных, органы городского самоуправления редко изыскивали средства, необходимые для мощения площадей, а точечное благоустройство в Судже и Щиграх объясняется решением Сената от 27 июля – 9 декабря 1882 г. № 6176, по которому муниципалитеты обязывались устраивать мостовые на площадях перед городскими строениями и зданиями военного ведомства.

Другим направлением деятельности по развитию городской инфраструктуры являлось формирование транспортной сети. Городовым положением было прямо отнесено к компетенции местного самоуправления, помимо исправного содержания городских дорог, устройство пристаней, переправ, перевозов, железно-конных и иных усовершенствованных путей [Высочайше утвержденное..., 1870, с. 94], при этом интересы самоуправления и местного сообщества в этом вопросе не ограничивались благоустройством в пределах городской черты.

Органы самоуправления осуществляли регулирование извозного промысла [Терещенко, 2021, с. 36, 37; Сергиенко, 2008] и дорожного движения. Например, в Белгороде

⁹¹ Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 372, 373.

постановлением городской думы от 15 сентября 1908 г. запрещалось ездить «на моторах и прочих экипажах» быстрее 10 верст в час, ограничивалось передвижение по бульварам, садам, в местах скопления народа и по тротуарам, а на велосипедах – по тротуарам мощеных улиц [Курские губернские ведомости, 1908, № 218]. Циркуляр МВД № 12487 от 10 декабря 1875 г. устанавливал требования к проходимости внутренних дорог: уличные постройки, возводимые за пределами усадебных участков, должны были иметь незначительный размер и временный характер, например, подвижные лари или палатки, либо общегородское значение – полицейские будки, отхожие места⁹². Впрочем, подобная практика существовала и ранее, так, 16 июля 1874 г. Губернское по городским делам присутствие, рассмотрев решение Щигровской городской думы о сносе лавки купца 2 гильдии Якова Игнатьевича Голева, находившейся на месте проезда, признала приговор гласных обоснованным и законным⁹³.

На попечение самоуправления находились также малые дороги, проходившие через городские дачи. Содержание участков шоссе, прилегающих к городским домам, по решению гласных могло стать обязанностью местных жителей [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1984, с. 210].

Строительство конно-железных и иных усовершенствованных путей по указу Правительствующего сената № 14551 от 14 апреля 1880 г. в черте городского поселения подчинялось компетенции самоуправления и МВД, однако, если эти пути соприкасались с объектами, находящимися в ведении Министерства путей сообщения, требовалось его предварительное согласие [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1984, с. 212, 213]. В уездных центрах Курской губернии в начале XX века не было создано конных, паровых или электрических городских железных дорог [Города России в 1910 году, 1914, с. 411], однако железнодорожные линии проходили в непосредственной близости от Белгорода, Дмитриева, Льгова, Нового Оскола, Обояни, Рыльска, Суджи и Щигров [Города России в 1910 году, 1914, с. 365]. Подобное соседство имело существенное значение для городской экономики, и органы самоуправления стремились его обеспечить.

В 1906 г. решался вопрос об устройстве Северо-Донецкой железной дороги через Курскую губернию, активными участниками дискуссии о её местоположении стали уездные города. Так, голова Грайворона А.С. Петренко обратился к губернатору с докладной запиской о том, что проведение через местности рельсового пути оказывает благотворное влияние на их экономическую жизнь и «убивает те, которые остаются в стороне», что пока Грайворон по отношению к существовавшим линиям «не стоял в центре равнобедренного треугольника», и каждая из таких линий не подходила к нему ближе, чем на 45 верст, в нем велась успешная торговля хлебом, было развито перевозочное производство, и население имело достаточный заработок, после – вся эта торговля и производство пришли в упадок. Город, имея 3 000 десятин земли, в том числе до 500 десятин заливных лугов, из-за удаления от него рельсовых путей не мог добиться удовлетворения своего ходатайства о постановке в нем войск, а такая стоянка была для него выгодна. Губернатор, разделяя доводы городского головы, ходатайствовал перед правительством и обществом Северо-Донецкой железной дороги о проведении пути через Грайворон. В переписке с министерствами и руководством железной дороги участвовали также Суджа и Мирополье, просившие утвердить участок пути Льгов – Суджа – Мирополье – Грайворон. Переговоры продолжались в течение трех лет, в результате Мирополье и Грайворон остались в стороне, а Суджа 16 апреля 1909 г. получила письмо от общества Северо-Донецкой железной дороги с приложением плана для выбора одного из трех мест удаленной от города станции⁹⁴.

В транспортную сеть городов входили водные объекты: на реках располагались Белгород, Дмитриев, Льгов, Новый Оскол, Обоянь, Путивль, Старый Оскол, Суджа [Города

⁹² Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 158. Оп. 1. Д. 7. Л. 172.

⁹³ ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 3. Л. 112, 112 об.

⁹⁴ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 14. Л. 50 об., 66, 71–74.

России в 1910 году, 1914, с. 365]. Городскому самоуправлению предоставлялось право разрешать устройство пристаней для швартования судов и выгрузки товаров [Высочайше утвержденное..., 1870, с. 98], переправ и перевозов, регулировать посредством обязательных постановлений порядок их содержания и использования [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 193]. Вместе с тем на городах лежала обязанность по сохранению рек в состоянии, пригодном для судоходства. В 1878 г. Министерство путей сообщения уведомило МВД, что в большинстве городов, расположенных на берегу или вблизи рек и озер, последние служили местом свалки снега, навоза и прочих нечистот, которые при таянии льда опускались на дно, становясь причиной обмеления рек, в особенности на перекатах. В этой связи городские и земские управы обязывались принимать предупредительные меры⁹⁵. Соответствующие запреты встречаются в постановлениях Суджи. Город устанавливал и собственные, дополнительные меры, например, запрещал «прихватывать» берега посредством мусора и искусственно возвышать их, отводить протоки, перегораживать реки вязками, плетнями и другими средствами, препятствующими течению⁹⁶.

Кроме того, водоемы для многих уездных городов являлись источником питьевой воды, поэтому в реках запрещалось мочеение кожи и других предметов, производящих их порчу, в Судже при торговых банях на берегах рек и ручьев устраивались сточные ямы и фильтры, очищавшие воду⁹⁷. В Обояни не допускалось в пределах городского поселения и выше по течению реки стирать белье, купаться, купать лошадей, собак и других животных [Кузнецов, 2024, с. 984]. В целом источники водоснабжения являлись элементом городской инфраструктуры и составляли часть коммунальной сферы, попечение о которой осуществляло самоуправление.

Основным источником водоснабжения для уездных городов являлись местные реки и колодцы (см. таблицу 2). Помимо поддержания чистоты природных водоемов посредством упомянутых мер, города занимались организацией водовозного промысла и контролем за его реализацией. Большинство колодцев в пределах поселения, устраиваемых местными жителями, были ключевыми или выкапывались до первого водоносного слоя, находившегося недалеко от поверхности земли. Создание артезианских колодцев требовало привлечения дополнительного финансирования из городского бюджета. Так, 19 августа 1910 г. на заседании городской думы Грайворона управа предложила устроить артезианский колодец на торговой площади. Гласные рассудили, что сначала необходимо определиться со стоимостью работ и финансовыми возможностями города, поэтому только 13 октября 1910 г. было принято положительное решение⁹⁸. Постройка водопровода для большей части уездных городов была непосильным бюджетным бременем, хотя и открывала возможности для получения постоянных доходов за его использование. В числе уездных городов Курской губернии, построивших водопровод до XX в., был Белгород. 28 ноября 1901 г. МВД дало разрешение на устройство по концессионному договору водопровода в Короче⁹⁹, однако к 1910 г., по имеющимся данным, он не функционировал. К тому же подобные договорные отношения городов с предпринимателями имели ряд ограничений. Министерство внутренних дел в циркуляре № 6413 от 1 июня 1873 г. разъяснило, что устройство сооружений для водоснабжения и газоосвещения с исключительным правом доставлять в город воду, освещать улицы и частные дома должно рассматриваться правительством либо предоставлять горожанам право на выбор источников получения данных благ¹⁰⁰.

⁹⁵ ГАТО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 7. Л. 240.

⁹⁶ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 42–43.

⁹⁷ Там же. Л. 42–43.

⁹⁸ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1836. Л. 75 об., 122.

⁹⁹ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1022. Л. 7.

¹⁰⁰ ГАТО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 7. Л. 98, 98 об.

Таблица 2
Table 2Элементы коммунальной инфраструктуры уездных городов Курской губернии в 1910 г.¹⁰¹
Elements of the municipal infrastructure of the county towns of Kursk province in 1910

Город	Уличные фонари, шт.	Водоснабжение, источники	Удаление нечистот, способы	Телефонная сеть, верст / абонентов
Белгород	437	водопровод, колодцы, река	ассенизационный обоз, вывоз	60 / 90
Грайворон	нет данных	колодцы	ассенизационный обоз, вывоз	нет данных / 14
Дмитриев	10	колодцы, река	вывоз	0
Короча	11	колодцы, река	вывоз	317,6 / нет данных
Льгов	8	колодцы, река	вывоз	0
Новый Оскол	18	колодцы, река	вывоз	0
Обоянь	23	река	ассенизационный обоз, вывоз	0
Путивль	39	колодцы, река	ассенизационный обоз, вывоз	0
Рыльск	210	колодцы	ассенизационный обоз	275 / 65
Старый Оскол	15	колодцы, река	вывоз	0
Суджа	16	колодцы, река	ассенизационный обоз	0
Тим	13	колодцы	вывоз	0
Фатеж	90	колодцы	вывоз	0
Щигры	16	колодцы, пруды	вывоз	0

В число задач коммунального благоустройства также входило освещение улиц и домов, организация удаления нечистот, устройство средств коммуникации и городских кладбищ.

Освещение уездных городов было еще одно насущной проблемой местного самоуправления. Газовое освещение частично использовалось в конце XIX в. на улицах и в крупных общественных зданиях Белгорода [Сергиенко, 2011, с. 174]. Электрификация уездных центров началась с Белгорода и Рыльска в 1911 г. [Жигулин, 2016, с. 190]. 17 июня 1911 г. городская дума Старого Оскола постановила начать устройство электрического освещения, а 6 августа 1912 г. проект договора на электрификацию с предпринимателем Файнштейном был утвержден МВД¹⁰². В других уездных центрах губернии этот процесс начался только в 1920-е гг. [Ананьева, 2014, с. 20]. Основным источником уличного освещения были керосиновые фонари, число которых в большинстве уездных городов не достигало 20 единиц. Наиболее благоустроенными в этом отношении являлись Белгород, Рыльск и Фатеж (см. таблицу 2). Повсеместное освещение города было не по карману общественному самоуправлению. Так, 14 февраля 1896 г. гласный Корочанской городской думы дворянин А.З. Попов представил проект освещения городских улиц, который дума признала целесообразным и постановила внести расходы в размере 1 000 руб. в смету на 1897 г.¹⁰³, на эти средства было приобретено 11 фонарей. Доходы города в 1897 г. составили 24 576 руб. 64 коп. [Обзор Курской губернии за 1897 г. Курск, 1898, с. 85], то есть всего бюджета хватило бы на покупку 270 фонарей. В этой связи приобретение и обслуживание каждого фонаря в некоторых городах становились предметом обсуждения органов самоуправления. Например, на заседании Грайворонской городской думы 3 мая 1910 г. управа предложила купить 2 керосинокалильных фонаря «Самосвет». Гласные, обсудив ходатайство, постановили провести совместно с управой ревизию городского освещения, перенести часть фонарей на другие места, в том числе установить 4 простых керосиновых фонаря в Троицком саду, не приобретая новых¹⁰⁴.

¹⁰¹ Города России в 1910 году. СПб, 1914. С. 382, 411.

¹⁰² ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2183. Л. 1, 6, 38.

¹⁰³ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 343. Л. 19, 19 об.

¹⁰⁴ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1836. Л. 43.

В соответствии с Городовым положением гласные определяли порядок утилизации нечистот или удаления их посредством канализации [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 110]. Содержание канализации производилось на городские средства или по соглашению с домовладельцами за счёт целевого сбора. Впрочем, в курских уездных городах очистка отхожих мест и помойных ям производилась исключительно путем вывоза в ящиках, бочках или ассенизационным обозом за пределы городского поселения в места, определяемые городской управой. В обязательных постановлениях этот порядок мог уточняться. Так, в Обояни нечистоты в закупоренных бочках вывозили в ночное время, минуя главные улицы ¹⁰⁵.

Необходимым элементом городской инфраструктуры являлись кладбища. Высочайше утвержденным 27 ноября 1889 г. мнением Государственного совета устройство городских кладбищ допускалось на расстоянии не менее 100 сажень от ближайшего дома [Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1890, № 2, Ст. 8]. Кладбище, организованное на городской земле, не переставало быть собственностью города, но переходило в ведение духовного начальства, которое осуществляло обязанности по поддержанию чистоты и порядка на территории, а также по приданию умерших земле [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 21, 22]. В начале XX в. в Тиме и Новом Осколе было по 1 кладбищу, в Белгороде, Грайвороне, Короче, Старом Осколе, Судже, Фатеже, Щиграх – 2, в Дмитриеве, Льгове и Обояни – 3, в Путивле – 4, в Рыльске – 5 [Города России в 1910 году, 1914, с. 437]. Помимо учреждения новых, города расширяли действующие кладбища. Так, 19 марта 1910 г. в Грайвороне гласные постановили прирезать к старому городскому кладбищу часть земли, освободившейся от аренды, на которой находился кирпичный завод Л.И. Сурина ¹⁰⁶.

Новациям для некоторых уездных центров стали телефонные сети. К 1910 г. в 4 городах появились телефонные аппараты, однако количество абонентов было незначительным: от 14 – в Грайвороне, до 90 – в Белгороде (см. таблицу 2).

Коммунальное благоустройство являлось важным направлением обеспечения комфортной жизни горожан, к тому же эта функция самоуправления была тесно связана с поддержанием удовлетворительного санитарного состояния в поселениях и противоэпидемической деятельностью. Ключевым условием эффективного развития коммунальной инфраструктуры городов являлись их бюджетные возможности [Сидоров, 2009, с. 18; Сидоров, 2009, с. 341; Ананьева, 2017, с. 9; Щербаков, 2020, с. 81], по этой причине среди всех курских уездных центров частично Белгород и в меньшей мере Рыльск могли предложить горожанам блага, имевшиеся в губернском центре. Прочие города развивались в данном направлении по мере своих скромных возможностей.

Введение Городового положения открыло самоуправлению возможность изменения действовавших и создания новых планов городов, для уездных – в упрощенном порядке, по определению думы, утвержденному губернатором [Высочайше утвержденное..., 1870, с. 97]. При этом на основании Устава строительного составление проектов планов для городов было возложено на строительные отделения губернских правлений, которое осуществлялось в соответствии со специальной инструкцией, изданной Техническо-строительным комитетом МВД. Отношения Хозяйственного департамента МВД от 29 и 30 апреля и 3 мая 1871 г., подводя организационный итог, разъяснили порядок, по которому губернское правление составляло план города и передавало его на обсуждение в местную думу. Так, после реформы 1870 г. курское губернское строительное отделение произвело снятие с натуры планов Фатежа, Обояни, Белгорода, Щигров, Нового Оскола, Рыльска, Путивля, Корочи, Льгова, Дмитриева и Суджи, привело в соответствие с нормами и 5 июня 1874 г. направило на места для рассмотрения городскими думами ¹⁰⁷. Таким образом, реальные полномочия по

¹⁰⁵ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2210. Л. 65–66 об.

¹⁰⁶ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1836. Л. 22 об.

¹⁰⁷ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

составлению новых планов городов остались вне компетенции самоуправления, а фактические возможности ограничивались дополнением действующих и корректировкой новых планов. В подтверждение этого 5 августа 1875 г. в губернии был направлен циркуляр МВД № 8452, который требовал от городов разьяснять причины переутверждения планов необходимостью нового планирования кварталов и улиц, которое осуществляло бы губернское правление, или же назначением отдельных мест для строительства новых зданий по решению самоуправления¹⁰⁸.

Утверждение планов новых зданий и выдача разрешений на строительство предоставлялось городской управе, на которую при содействии полиции также возлагалось наблюдение за верным техническим исполнением строительных работ [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 159, 160]. Успешное согласование нового здания или переустройства старого на городской или частной земле в пределах поселения зависело от его назначения, габаритов участка, материалов, используемых при строительстве, и экстерьера.

Планирование расположения заведений в зависимости от функционального назначения являлось наиболее сложным в организационном аспекте вопросом. По этому поводу действовали нормы относительно промышленных заведений, церквей, кузниц, бань, трактирных заведений и т. д. Так, органы самоуправления давали разрешение на открытие только тех фабрик и заводов, которые были безвредны для городских жителей. Перечень промышленных заведений, разрешение которых выходило из компетенции самоуправления, ежегодно уточнялся МВД и Министерством финансов, публиковался и рассылался в губернии. Первый циркуляр МВД по этому вопросу был направлен на места 16 января 1871 г.¹⁰⁹ Устав строительный запрещал устройство вредных фабрик и заводов выше городов по течению рек и притоков [Свод законов Российской империи. Том XX. Часть I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный, 1857, с. 95]. Дополнительно меры предпринимались и самоуправлением, поэтому даже разрешенные к устройству в городе, но опасные в санитарном отношении и распространявшие смрад скотобойни обычно открывались за пределами городской черты. Например, в 1893 г. Суджа устроила общественную скотобойню за городом при слободе Гончарной, купив усадьбу у купца Ф.М. Тахтамирова¹¹⁰.

Многие ограничения на расположение зданий устанавливал Устав пожарный: запрещалось открывать кузницы в центре города; склады легковоспламеняемых веществ и материалов допускались только в указанных законом местах; не разрешалось возводить постройки на дворовых участках, имевших протяженность по улице менее 10 саженей¹¹¹. Относительно последней нормы города могли утвердить иной порядок в обязательном постановлении, так, в Рыльске в 1877 г. дума определила разрешать застройку маломерных участков по результатам рассмотрения ходатайств горожан¹¹². Бани предписывалось устраивать по возможности вблизи воды и отдельно от прочих зданий; постоянные дворы в центре города и «скученных местах» открывать только при соблюдении дополнительных противопожарных мер [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 204, 214].

Положение о трактирном промысле и Устав питейный предоставляли органам городского самоуправления право определять места, где заведения соответствующего профиля не должны были открываться [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 632, 649]. Например, в обязательном постановлении Старого Оскола от 15 декабря 1894 г. заведения трактирного промысла с продажей крепких напитков запрещались на некоторых участках Набережной улицы по реке Оскол¹¹³.

¹⁰⁸ ГАТО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 7. Л. 163.

¹⁰⁹ Там же. Л. 88.

¹¹⁰ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

¹¹¹ Там же. Л. 152–159.

¹¹² ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–23.

¹¹³ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 299 об., 300.

Разрешение на открытие в городе ряда заведений вообще не входило в компетенцию самоуправления. Например, строительство церквей и часовен относилось к ведению духовной консистории [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 165]. Не имея систематизированного источника информации по данному предмету, города по ошибке могли выходить за пределы полномочий и уточняли свои права в разъяснениях губернского правления. В этой связи 31 марта 1879 г. Губернское по городским делам присутствие отменило постановление городской думы Старого Оскола от 12 марта 1879 г., в котором гласные разрешили открыть местным собственникам дома терпимости на Погостинской и Мясницкой улицах ¹¹⁴.

Напротив, устройство объектов культурно-досугового характера: театров, библиотек, музеев, садов и других – являлось прямо предусмотренным Городовым положением направлением городского хозяйствования и допускалось по усмотрению самоуправления повсеместно. Однако эта сфера развивалась неактивно. Библиотеки и читальни учреждались в контексте совместной образовательной политики государства, земств, церкви и городов при учебных заведениях или для их обеспечения, поэтому были распространены. По-другому организовать свой досуг, отвлекшись от книг, жители уездных центров Курской губернии могли, прогуливаясь в городском саду, а в Белгороде, Грайвороне и Путивле – посещая театры и музеи (см. таблицу 3).

Таблица 3
Table 3

Культурно-досуговые заведения уездных городов Курской губернии в 1910 г. ¹¹⁵
 Cultural and leisure establishments of the county towns of Kursk province in 1910

Город	Библиотеки	Читальни	Библиотеки-читальни	Театры постоянные	Театры временные	Клубные и иные сцены	Народные дома	Музеи	Сады
Белгород	1				2	1		1	
Грайворон	1		1	1		1		1	2
Дмитриев						1			2
Короча	4	2	2			1			1
Льгов	2		1				1		2
Новый Оскол		1							2
Обоянь						1			1
Путивль	1				1				1
Рыльск	1		1			1			1
Старый Оскол	3					2			1
Суджа	1		1						1
Тим	1		1						1
Фатеж			1						1
Щигры			1						1

Отдельное внимание уделялось экстерьеру городских зданий и материалам, используемым при строительстве. По общему правилу полномочия утверждать фасады, устройство или переустройство зданий принадлежали управам, однако в поселениях, где до введения Городового положения существовали должности городских архитекторов или таковые были учреждены по решению городских дум после 1870 г., права в данной сфере предоставлялись также последним [Высочайше утвержденное..., 1870, с. 97, 98].

¹¹⁴ ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 8. Л. 57.

¹¹⁵ Города России в 1910 году. СПб, 1914. С. 373, 451, 457.

По разъяснениям МВД от 27 ноября 1871 г. и 4 октября 1873 г., городские архитекторы относились к числу должностных лиц городского самоуправления, их выборы и определение размера содержания предоставлялось городским думам с условием, что избранные лица имели аттестат на производство работ и на занятие должностей по техническо-строительной части и были представлены в МВД для внесения в приказы [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 189].

Устав строительный определял общие правила внешнего оформления зданий. Требования относительно фасадов, высоты крыш и других архитектурных наружных стандартов не распространялись на заводские и фабричные заведения [Свод законов Российской империи. Том XX. Часть I..., с. 96]. Дополнительные требования к опрятному внешнему виду городских строений могли устанавливать думы. Например, в Обояни с 1901 г. домовладельцы обязывались выставлять на воротах своих усадеб таблицы с номерами домов [Курские губернские ведомости, 1901, № 62]. Обязательными постановлениями, изданными в Льгове и Белгороде в 1907 г., расклеивать объявления и афиши запрещалось на домах, заборах, фонарных столбах и вообще где бы то ни было, кроме специально оборудованных витрин¹¹⁶.

Технологии городского строительства были связаны с обеспечением комплекса противопожарных мер: строения предписывалось возводить на возможном удалении друг от друга; подробно регламентировался порядок устройства печей, печных труб, лестниц и крыш [Свод законов Российской империи. Том XX. Часть I..., с. 87–89]. Вопрос покрытия частных домов был наиболее проблемным. Устав строительный предлагал использовать для этих целей железо, черепицу, тес, гонт и полированный войлок, произведённый на фабрике флигель-адъютанта Глазенапа. Однако не все домовладельцы имели возможность приобрести разрешенные материалы, поэтому в нарушение требований иногда использовались традиционные для многих поселений солома и камыш. В этой связи, предостерегая возможные несчастия, органы самоуправления по согласованию с губернским начальством шли на допустимые компромиссы. Так, 15 февраля 1872 г. городская дума Старого Оскола разрешила обывателям крыть дома соломой с глиной, кроме строений на Курской улице, при этом соломенные и камышовые крыши без добавления глины были запрещены повсеместно¹¹⁷. Данную технологию разрешено было применять и бедным жителям Грайворона, если их дома были удалены от торговых площадей.

Таким образом, производство любых строительных работ требовало согласования с городским самоуправлением. Исключение составляли только «мелочные починки и поправки», разъясненные циркуляром МВД № 4058 от 21 апреля 1876 г.: замена отдельных железных или полевых листов на крыше, досок, гонтин или драни, досок из обшивки стен, стекол, оконных переплетов и дверных полотен, перекладка дымовых труб, штукатурка, покраска, а также все внутренние исправления, производимые без изменения внешнего вида¹¹⁸.

Заключение

Деятельность органов самоуправления курских уездных городов по формированию и содержанию материальной базы городского хозяйства являлась важной задачей, ориентированной на создание комфортной и безопасной для проживания среды; представляла многоплановое и сложное в организационно-правовом вопросе направление, постоянно находившееся в сфере активного обсуждения не только на местах, но и в центральных органах государственного управления. Вместе с тем характерными тенденциями для большинства уездных центров были: точечное благоустройство городских территорий за счёт средств домовладельцев и отставание от губернского центра в эволюции коммунально-бытовой сети

¹¹⁶ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1493. Л. 56, 76.

¹¹⁷ ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 2. Л. 306, 306 об.

¹¹⁸ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 1. Л. 54, 54 об.

и культурно-досуговой среды. Это обосновывалось слабым экономическим потенциалом городов. В некоторых случаях развитие торговли и промыслов на местах останавливала удаленность от внешних транспортных путей, с которыми самостоятельно обеспечить связь города не могли.

Таким образом, деятельность уездных центров по развитию городской инфраструктуры можно считать в большей мере организационной. Города адаптировали механизмы содержания городского хозяйства в соответствии со своими возможностями, законодательными требованиями и общественными нуждами, вырабатывая правила, приемлемые в существовавших условиях.

Список источников

- Высочайше утвержденное 16 июня 1870 года Городовое положение с объяснениями. СПб., 1870. [2], 241 с.
- Города России в 1910 году. СПб, 1914. 1200 с.
- Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1894. XVI, 816 с.
- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1589. Курское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2.
- ГАКО. Ф. 1589. Курское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 3.
- ГАКО. Ф. 1589. Курское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 6.
- ГАКО. Ф. 1589. Курское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 7.
- ГАКО. Ф. 1589. Курское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 8.
- ГАКО. Ф. 228. Обоянская городская дума. Оп. 1. Д. 802.
- ГАКО. Ф. 228. Обоянская городская дума. Оп. 1. Д. 811.
- ГАКО. Ф. 302. Рыльская городская управа. Оп. 1. Д. 1.
- ГАКО. Ф. 377. Суджанское городское общественное управление. Оп. 1. Д. 12.
- ГАКО. Ф. 377. Суджанское городское общественное управление. Оп. 1. Д. 14.
- ГАКО. Ф. 377. Суджанское городское общественное управление. Оп. 1. Д. 2.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 1022.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 1836.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2183.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2210.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 343.
- Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 158. Козловская городская управа. Оп. 1. Д. 7.
- Курские губернские ведомости. 1901. № 62.
- Курские губернские ведомости. 1908. № 218.
- Обзор Курской губернии за 1897 г. Курск, 1898. 109, [112] с.
- Правительственный вестник. 1871. № 133.
- Свод законов Российской империи. Том XX. Часть I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный. СПб, 1857. [4], 231, 88, 39, 172, 41 с.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1890. № 2. Ст. 8.

Список литературы

- Ананьева Г.В. 2017. Исторический аспект состояния коммунального хозяйства Курской губернии в конце XIX начале XX вв. *Innova*. 2(7): 6–11.
- Ананьева Г.В. 2014. Коммунальное хозяйство Курской губернии в 1921–1924 гг.: вопрос электрификации. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 11–2(49): 19–21.
- Жигулин Е.П. 2016. Особенности начального периода электрификации Курской губернии (1898–1928 годы). *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 3(20): 188–194.
- Кузнецов В.В. 2024. Противоэпидемическая деятельность органов городского самоуправления в уездных городах Курской губернии в конце XIX – начале XX в. *Via in Tempore. История. Политология*. 4: 980–992.

- Сергиенко М.А. 2008. Городское самоуправление провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 199.
- Сергиенко М.А. 2011. Влияние органов общественного управления Курской губернии на структуру городской повседневности в конце XIX – начале XX вв. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика*. 7(102): 168–176.
- Сидоров А.Д. 2009. Городское хозяйство российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 27.
- Сидоров А.Д. 2009. Развитие хозяйства городов российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Курской губернии). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 11(79): 338–343.
- Терещенко А.А. 2021. Логистическая составляющая в хозяйственной инфраструктуре городов Курской губернии во второй половине XIX века. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 4(60): 35–40.
- Щербаков С.В., Усатов С.А. 2020. Деятельность самоуправления по решению вопросов местного значения (по Городовому положению 1870 года). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 1: 79–87.

References

- Ananyeva G.V. 2017. Istoricheskij aspekt sostoyaniya kommunal'nogo hozyajstva Kurskoj gubernii v konce XIX nachale XX vv. [The Historical Aspect of the State of Public Utilities in Kursk Province in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Innova*. 2(7): 6–11.
- Ananyeva G.V. 2014. Kommunal'noe hozyajstvo Kurskoj gubernii v 1921–1924 gg.: vopros elektrifikacii [Public Utilities of Kursk Province in 1921–1924: the Issue of Electrification]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice]*. 11–2(49): 19–21.
- Zhigulin E.P. 2016. Osobennosti nachal'nogo perioda elektrifikacii Kurskoj gubernii (1898–1928 gody) [Features of the Initial Period of Electrification of Kursk Province (1898–1928)]. *Izvestiya YUGo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo [Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law]*. 3(20): 188–194.
- Kuznetsov V.V. 2024. Protivoepidemicheskaya deyatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniya v uездных gorodah Kurskoj gubernii v konce XIX – nachale XX v. [Anti-Epidemic Activities of City Self-Government Bodies in the County Towns of Kursk Province in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya [Via in Tempore. History and Political Science]*. 4: 980–992.
- Sergienko M.A. 2008. Gorodskoe samoupravlenie provincial'noj Rossii v konce XIX – nachale XX vv. (na primere Kurskoj gubernii) [Urban Self-Government of Provincial Russia in the Late XIX – Early XX Centuries (On the Example of Kursk Province)]. Dis. ... канд. ист. наук. Белгород, 199.
- Sergienko M.A. 2011. Vliyanie organov obshchestvennogo upravleniya Kurskoj gubernii na strukturu gorodskoj povsednevnosti v konce XIX – nachale XX vv. [The Influence of the Kursk Governorate's Public Administration Bodies on the Structure of Urban Daily Life in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Economics. Computer Science]*. 7(102): 168–176.
- Sidorov A.D. 2009. The Urban Economy of the Russian Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Using the Example of Kursk Province)]. Aftoref. dis. ... канд. ист. наук. Курск, 27 (in Russian).
- Sidorov A.D. 2009. Razvitie hozyajstva gorodov rossijskoj provincii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere Kurskoj gubernii) [The Development of the Economy of the Cities of the Russian Province in the Second Half of the XIX – Early XX Century (Using the Example of Kursk Province)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities]*. 11(79): 338–343.
- Tereshchenko A.A. 2021. Logisticheskaya sostavlyayushchaya v hozyajstvennoj infrastrukture gorodov Kurskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka [The Logistical Component in The Economic Infrastructure of the Cities of Kursk Province in the Second Half of the 19th Century]. *Uchenye zapiski*.

Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. 4(60): 35–40.

Shcherbakov S.V., Usatov S.A. 2020. Deyatel'nost' samoupravleniya po resheniyu voprosov mestnogo znacheniya (po Gorodovomu polozheniyu 1870 goda) [The Activity of Self-Government in Resolving Issues of Local Importance (According to the City Regulations of 1870)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence]. 1: 79–87.*

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.03.2025

Received 21.03.2025

Поступила после рецензирования 05.05.2025

Revised 05.05.2025

Принята к публикации 07.05.2025

Accepted 07.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кузнецов Вадим Вадимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт Министерства внутренних дел России, г. Воронеж, Россия

Vadim V. Kuznetsov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines Department, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russia

 [ORCID: 0009-0003-6045-0310](https://orcid.org/0009-0003-6045-0310)

УДК 94(100)"1914/19"

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-689-700

EDN NPKYYU

Оригинальное исследование

Взаимодействие войск Юго-Западного фронта русской императорской армии в ходе подготовки Галицийской операции в кампании маневренного периода Первой мировой войны

Пантелеев П.В.

Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации,
Россия, 119330, г. Москва, Университетский проспект, 14
E-mail: panteleew.p@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию войск при подготовке Галицийской операции Юго-Западного фронта, одной из первых операций Первой мировой войны. Раскрываются сроки, содержание взаимодействия войск на этапах заблаговременной и непосредственной подготовки операции, проблемные вопросы согласования на каждом этапе и необходимые мероприятия по окончательной подготовке к ведению боевых действий и войне в целом. Показано значение согласованности действий войск в подготовительный к войне период. На основании представленных исторических документов раскрываются основы взаимодействия войск 4-й, 5-й, 3-й и 8-й армий Юго-Западного фронта по нескольким вариантам действий войск в ходе практической работы должностных лиц Киевского, Казанского и Московского военных округов при заблаговременной подготовке, а также организация взаимодействия руководства полевых армий в ходе непосредственной подготовки операции. Приводятся примеры проведения полевых поездок и их влияние на тщательное согласование действий войск по каждому варианту ведения боевых действий. Раскрываются документы, отражающие вопросы подготовки к боевым действиям и войне в целом на каждом этапе подготовки и окончательное решение Верховного главнокомандующего, директивы главнокомандующего Юго-Западным фронтом на подготовку наступления в Галицию. На основании исторических документов делаются выводы о содержании взаимодействия войск, применяемым формам, способам, методам и приемам организации взаимодействия по согласованию усилий различных родов войск на различных этапах подготовки Галицийской операции.

Ключевые слова: Первая мировая война, вооруженные силы, Галицийская операция, операции армий, взаимодействие войск, организация, поддержание и восстановление взаимодействия, Н.И. Иванов, А.Е. Зальца, П.А. Плеве, Н.В. Рузский, А.А. Брусиллов, П.А. Лечицкий, Эрцгерцог Фридрих Мария Альбрехт Вильгельм Карл

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Пантелеев П.В. 2025. Взаимодействие войск Юго-Западного фронта русской императорской армии в ходе подготовки Галицийской операции в кампании маневренного периода Первой мировой войны. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 689–700. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-689-700. EDN: NPKYYU

Interaction of the Troops of the Southwestern Front of the Russian Imperial Army during the Preparation for the Galician Operation in the Campaign of the Maneuver Period of the First World War

Peter V. Panteleev

Scientific Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation,
14 Universitetskiy Ave., Moscow 119330, Russia
E-mail: panteleew.p@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the interaction of troops in the preparation for the Galician operation in the Southwestern Front, one of the first operations of the First World War. The study discloses the timing and content of the interaction between troops at the stages of early and immediate preparation for the operation, problematic issues of coordination at each stage, and the measures necessary for the final preparation for the hostilities and the war as a whole. The importance of coordination of troops' actions in the preparatory period before the war is shown. Based on the historical documents presented, the basics of the interaction between the troops of the 4th, 5th, 3rd and 8th armies of the Southwestern Front are revealed in several variants of the troops' actions in the course of the practical work of officials of the Kiev, Kazan and Moscow military districts during advance training, as well as the organization of interaction between the commanders of the field armies during immediate preparation for the operation. Examples of field trips and their impact on the careful coordination of the troops' actions for each combat option are provided. The author discloses documents reflecting the issues of preparation for combat operations and the war in general at each stage of preparation, the final decision of the Supreme Commander-in-Chief, directives of the Commander-in-Chief of the Southwestern Front to prepare an offensive in Galicia. Based on historical documents, the author draws conclusions about the content of the interaction between the troops, the forms, ways, methods and techniques used to organize interaction for coordinating the efforts of various branches of the armed forces at various stages of the preparation for the Galician operation.

Keywords: World War I, armed forces, Galician operation, army operations, interaction of troops, organization, maintenance and restoration of interaction, N.I. Ivanov, A.E. Saltsa, P.A. Plehve, N.V. Ruzsky, A.A. Brusilov, P.A. Lechitsky, Archduke Friedrich Maria Albrecht Wilhelm Karl

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Panteleev P.V. 2025. Interaction of the Troops of the Southwestern Front of the Russian Imperial Army during the Preparation for the Galician Operation in the Campaign of the Maneuver Period of the First World War. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 689–700 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-689-700. EDN: NPKYYU

Введение

Галицийская операция являлась одной из первых операций Первой мировой войны [Вооруженные силы России..., 2014, с. 180–185; Атлас офицера..., 2021, с. 256] (рис. 1).

Ее подготовка, так же как и Восточно-Прусской операции Северо-Западного фронта, осуществлялась в сложных условиях начального периода войны, проводилась в не менее сложной и противоречивой международной и стратегической обстановке на протяжении более месяца (с 5 (18) августа по 8 (21) сентября 1914 г.) на фронте протяженностью до 400 км (от Вислы до Румынской границы), глубиной наступления до 200 км и являлась совокупностью нескольких операций армий, входящих в состав Юго-Западного фронта [Вооруженные силы России..., 2014, с. 453–479; Российская империя: победы..., 2014, с. 51, 84].

В боевых действиях приняли участие 4-я (командующий армией генерал от инфантерии барон А.Е. Зальца, назначенный с должности командующего войсками Казанского военного округа), 5-я (командующий армией генерал от кавалерии П.А. Плеве, назначенный с должности командующего войсками Московского военного округа), 3-я (командующий

армией генерал от инфантерии Н.В. Рузский, назначенный с должности помощника командующего войсками Киевского военного округа), 8-я (командующий армией генерал от кавалерии А.А. Брусилов, назначенный с должности командира 12 армейского корпуса Киевского военного округа) и сформированная в ходе операции 9-я (командующий армией генерал от инфантерии П.А. Лечицкий, назначенный с должности командира группы войск, оказывающей помощь 4-й армии) армии Юго-Западного фронта вооруженных сил России [Цихович, 1922, с. 132–133] (главнокомандующий армиями фронта генерал от артиллерии Н.И. Иванов) и Австро-Венгерская армия (главнокомандующий армией и флотом эрцгерцог Фридрих Мария Альбрехт Вильгельм Карл), 1-я (командующий армией генерал В. Данкль), 4-я (командующий армией генерал М. Ауффенберг), 3-я (командующий армией генерал Р. Брудерман), две группы (под командованием генерала Кумера фон Фалькенфельда и генерала Г. Кёвесса).

Рис. 1. Галицийская операция. 5 (18) августа – 8 (21) сентября 1914 г.

Fig. 1. Galician operation. August 5 (18) – September 8 (21), 1914

Данная статья будет посвящена вопросам последовательности, содержания и роли взаимодействия войск Юго-Западного фронта на каждом этапе подготовки Галицийской операции.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является Галицийская операция Юго-Западного фронта, а в её рамках армейские операции 3-й, 4-й, 5-й, 8-й и 9-й армий этого фронта [Строков, 1974, с. 244–255]. Предметом исследования является взаимодействие войск Юго-Западного фронта русской императорской армии в ходе подготовки Галицийской операции в кампании маневренного периода Первой мировой войны.

При проведении исследования была использована совокупность методов научного познания [Ковальченко, 2003, с. 197–205], таких как синтез информации из опубликованных источников и архивных документов [Визильтир, 2025, с. 207–215], обобщения полученных данных, историко-типологического метода [Гаврилов, Прямыцын, 2022, с. 178–188].

В совокупности все использованные для проведения исследования методы позволили комплексно проанализировать сущность, содержание взаимодействия войск при подготовке операции и выявить влияние организации взаимодействия на её ведение в ходе операции. Кроме того, позволило выявить формы, способы, методы и приемы работы на должностях лиц органов военного управления всех уровней (Высшего государственного и военного управления Российской империи, штабов военных округов, других министерств и ведомств, Ставки Верховного главнокомандующего, полевых управлений фронтов и армий) по организации взаимодействия войск на этапах заблаговременной и непосредственной подготовки, а также причины, повлиявшие на частичное не достижение целей операции.

Результаты и их обсуждение

Подготовка Галицийской операции, так же как и Восточно-Прусской операции, началась заблаговременно в те же сроки (за 4 года до начала войны) разработкой предложений и наборок [Золотарев, 2000, с. 116–117] и представлением основных соображений руководством приграничных округов (Варшавского, Виленского, Киевского, Одесского военных округов) и внутренних округов (Московского и Казанского военных округов) при войне с Германией и Австро-Венгрией [Вооруженные силы России..., 2014, с. 180–185].

На основании высочайших указаний командующим военных округов от 1 мая 1912 г.¹¹⁹ (за 2 года до начала войны), штабами округов были подготовлены предложения в форме соображений штабов военных округов в случае войны с державами тройственного союза¹²⁰, основными из которых являлись соображения штаба Киевского военного округа в случае войны с державами тройственного союза от 21 ноября 1913 г.¹²¹. Соображениями, доложенными в форме рапорта за подписью начальника штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанта М.В. Алексеева, предусматривалось и согласовывалось применение сил и средств, принимающих участие в операциях армий Юго-Западного фронта, состав, задачи, разграничительные линии армий, входящих в состав, некоторые проблемные вопросы и ходатайства по улучшению управления и взаимодействия для ведения успешных боевых действий и всестороннего снабжения всеми необходимыми видами довольствия. Причем, так же как и при подготовке Восточно-Прусской операции, важным являлось количество сил, выделяемых для участия в операции на Австрийском фронте против Австро-Венгрии, соотношение сил и средств сторон по имеющимся данным о противнике (данные разведки), их достаточности для успешного ведения боевых действий на каждом операционном направлении. Ключевым и крайне важным являлся порядок действий 3-й и 8-й армий, формируемых на базе Киевского военного округа и 4-й и 5-й армии, формируемых на базе Казанского и Московского военных округов по двум вариантам (планам) действий войск фронта¹²²:

– активный вариант – с сосредоточением основных сил против Австрии и нанесением поражения австро-венгерским войскам;

– пассивный вариант – с сосредоточением основных сил против Германии, являвшийся выжидательным вариантом, позволяющий противнику диктовать свою волю при ведении боевых действий, навязывать свои условия при нанесении главного и других ударов (за счет сосредоточения около 60 дивизий для нанесения удара севернее Полесья)¹²³.

Исходя из указанных вариантов менялась и совершенно различная оперативная обстановка по двум вариантам, боевой состав армий и их сосредоточение. Различие оперативной обстановки заключалось в достаточности сил против Австрии по первому

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2236, л. 2–7 об.

¹²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8459, л. 136–141.

¹²¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8459, л. 205–280.

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

варианту, а при усилении семью дивизиями второй очереди – полного превосходства над ними. При втором варианте при ослаблении на пять корпусов (10–12 дивизий), соответственно изменении боевого состава и упразднении одной армии, а также снижении возможностей третьей армии на два корпуса это привело бы к крайней слабости по отношению к армии противника. Изменение в расстановке сил, кроме того, привело бы к необходимости перемещения 5-й армии к Бресту, а 3-й и 8-й армиям – к вступлению в боевые действия с Австро-Венгрией на невыгодных условиях. Потому и первый вариант действий руководством Киевского округа рассматривался как предпочтительный, в отношении же второго требовались необходимые определенные разъяснения со стороны генерального штаба и военного министерства. Силы и средства для выполнения задач по первому варианту признавались достаточными. Имелось ряд проблемных вопросов, находящихся в компетенции генерального штаба и военного министерства, таких как:

- необходимость пересмотра включения в состав 3-й армии двух корпусов (3-го Кавказского и 24-го армейских корпусов), находящихся на значительном удалении от западной границы;

- целесообразность изменения районов сосредоточения корпусов 3-й армии в целях более быстрого сбора и согласованных совместных действий с 8-й армией, а также обеспечения развертывания корпусов 4-й и 5-й армий, прибывающих из Казанского и Московского военных округов ¹²⁴;

- вероятность вступления корпусов 3-й и 8-й армий в боевые действия с противником полностью не готовыми к выполнению задач соединениями (не закончившим сосредоточения корпусами, не до конца организованного взаимодействия между ними и между армиями, в том числе и по согласованному и всесторонне обеспеченному развертыванию и сосредоточению 4-й и 5-й армий);

- необходимость своевременного и объективного информирования о действиях противника в целях согласованных, не разрозненных, действий всех войск 3-й и 8-й армий Юго-Западного фронта, а также прибывающих в состав фронта 4-й и 5-й армий в период развертывания, сосредоточения и занятия районов для подготовки ведения активных боевых действий ¹²⁵;

- необходимость изменения направлений наступления 8-й армии на Стрый или Галич ¹²⁶ (направление наступления для 8-й армии было определено на Львов, хотя направление ее правофлангового корпуса определено было гораздо южнее указанного населенного пункта, вторая же часть задачи заключалась в воспреещении отхода за р. Днестр, что не позволило бы ведению наступления армии на Львов);

- необходимость учета разности задач 3-й и 8-й армий (8-й, находящейся на левом фланге фронта, это разнообразное и искусное маневрирование, 3-й же предстояло практически фронтальное наступление);

- необходимость дополнительной проработки и изучения всех разнообразных задач, согласованность действий всех войск по ним в ходе полевых поездок и военных игр в 1913–1914 гг.) ¹²⁷;

- желательно было уточнить роль 8-го корпуса в случае направления его на австрийский фронт и целесообразностью его использования на направлении Черновцы, Станислав по правому берегу Днестра в целях обеспечения железнодорожного сообщения через Новоселицы и Могилев и форсирования указанной реки корпусами 8-й армии.

Также тщательно и скрупулёзно осуществлялось согласование действий войск по существующим путям передвижения при вторжении войск в Галицию, подвоза материальных средств исходя из проведенных рекогносцировок и установления разграничительных линий

¹²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8459, л. 205–280.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

между армиями с предложениями по пересмотру и переносу путей подвоза. Много внимания было уделено размещению тыловых учреждений армий, их устройству (созданию коммуникационных путей, устройству базисных и промежуточных магазинов, интендантских заведений, необходимых просчитанных (с переходом на новые составы армий) и обеспеченных запасов, порядку использования местной базы в продовольственном отношении¹²⁸.

Пристальное внимание было уделено планированию перевозок тыловых учреждений, госпиталей, местам их размещения и порядку функционирования. Самым тщательным образом планировалась и согласовывалась деятельность артиллерийских парков с требованиями по размещению на местах к 18–20 дням сосредоточения (предполагаемого времени начала серьёзных боев) и бесперебойного функционирования по обеспечению огнестрельными припасами¹²⁹. Согласованы вопросы и по возложенному на округ порядку формирования штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, двух штабов армий (3-й и 8-й) и военно-окружных управлений, тщательному подбору должностных лиц, хорошо знающих друг друга, способных выполнять обязанности как в мирное, так и военное время.

Также докладом штаба Казанского от 13 ноября 1913 г.¹³⁰ и рапортом Московского от 15 ноября 1913 г.¹³¹ военных округов за подписью начальников штабов были доложены и согласованы соображения о развертывании 4-й и 5-й армий в соответствии с мобилизационным расписанием № 20 и новым боевым расписанием. Указанными документами были доложены и согласованы боевой состав армий, их районы сосредоточения после перевозок по железной дороге, пути и направления наступления при вторжении в Галицию, некоторые вопросы взаимодействия между армиями, корпусами и другими учреждениями, более детальное изучение и согласование планировалось в ходе полевых поездок и военных игр 1913–1914 гг.¹³²

Анализ вышеперечисленных документов (планов о подготовке к наступлению в Галицию) позволяет сделать вывод, что вопросам согласования действий всех войск, принимающих участие в операции, отводилось важнейшее значение. Надо отметить, что подготовка Галицийской операции, так же как и Восточно-Прусской операции, была осуществлена заблаговременно (за четыре года до начала войны). Продолжалась на всем протяжении с 1910 г. и до начала войны в 1914 году. Разделялась на этапы заблаговременной и непосредственной подготовки. Взаимодействие войск (согласование усилий действий всех войск, принимающих участие в операции) осуществлялось в целях своевременных, совместных, самоотверженных, совокупных и продуманных действий разных родов войск, проводимых в определенные (установленные) время и место при решении различных задач в интересах достижения общей цели [Устав полевой службы 1912 г. 1912, с. 7–12].

Организация взаимодействия осуществлялась (схема 1):

– сначала сверху вниз, «Высочайшими указаниями командующим военными округами на случай войны с державами Тройственного союза»¹³³, в том числе и командующему войсками Киевского военного округа, отвечающему за формирование 3-й и 8-й армий, командующим Казанским и Московским округам, отвечающим за формирование и подготовку соответственно 4-й и 5-й армий;

– с получением указаний, организацией работы внутри, в штабах Киевского, Казанского и Московского военных округов, с привлечением командиров соединений и частей, планируемых к участию в операции по согласованию действий всех соединений, частей и родов войск;

– после проведенной работы был подготовлен и доведен в письменном виде доклад (снизу вверх) в Генеральный штаб в форме «соображений (за 4 года до начала войны),

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8459, л. 205–280.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8459, л. 245–262.

¹³² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8459, л. 136–141, 205–280.

¹³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2236, л. 2–7.

оперативных соображений (за 2 года до начала войны), повторных соображений (за 8–4 месяца до начала войны) после более тщательной проработки вопросов по согласованному применению всех соединений, частей и родов войск в Галицийской операции;

– полученные из штаба Киевского военного округа «соображения» были рассмотрены в Генеральном штабе, внесены необходимые изменения, предложенные нижестоящими штабами и отработаны практически в ходе полевых поездок Генерального штаба [История первой мировой войны, 1975], а также военной игры высшего командного состава – командующих войсками округов, которая состоялась с 20 по 24 апреля 1914 года в г. Киеве [Суворов, 1919, с. 9–29] (за три месяца до начала войны);

– за 7 дней до начала войны были доведены Высочайшие указания¹³⁴ командующим войсками округов о введении подготовительного к войне периода на всей территории Европейской России [Вооруженные силы России..., 2014, с. 480–483]. В заблаговременно подготовленных «указаниях» были определены мероприятия, требующиеся к проведению в военном, морском министерствах, а также в других министерствах, имеющих отношение к мобилизации армии и флота, таких как министерства внутренних дел, путей сообщения, финансов, иностранных дел, по государственному контролю, торговле и промышленности. Главной целью являлась организованная подготовка военной организации государства к войне, включавшей в себя четкость, согласованность и планомерность проведения мобилизационных мероприятий, организацию ее прикрытия, подготовку, развертывание и занятие исходных районов 4-й, 5-й армий, прибывающих с Казанского и Московского военных округов и 3-й, 8-й армий Юго-Западного фронта, формируемых Киевским военным округом, а также их всестороннее обеспечение всем необходимым;

– доведением телеграммой указаний до командующих войсками военных округов (за 3 дня до начала войны) о начале мобилизации с 17 июля¹³⁵ (за 2 дня до начала войны) и указаниями военного министра В.А. Сухомлинова циркулярной телеграммой командующим войсками округов о приведении на военное положение армии и флота с призывом чинов запаса и поставкой лошадей согласно мобилизационному расписанию 1910 года¹³⁶;

– в свою очередь, на основании Высочайших указаний, требований военного министра были доведены указания командующих войсками Казанского, Московского и Киевского военных округов до войск округов и организован контроль по согласованному выполнению всех мероприятий подготовительного к войне периода.

На этапе заблаговременной подготовки была проведена большая работа по согласованию усилий действий всех войск фронта в интересах достижения целей операции и войны в целом, что и нашло отражение уже в документах на выполнение реальных задач и в противоборстве уже с реальным противником на следующем этапе подготовки.

На этапе непосредственной подготовки (с началом войны):

– объявлением 20 июля 1914 г. (на следующий день после объявления войны) высочайших повелений¹³⁷ и доведением приказов по войскам о вступлении в должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала от артиллерии Н.Ю. Иванова¹³⁸ от 20 июля 1914 г., командующего 3-й армией генерала от инфантерии Н.В. Рузского, командующего 8-й армией генерала от кавалерии А.А. Брусилова, командующего 4-й армией генерала от инфантерии А.Е. Зальца от 18 июля 1914 г.¹³⁹, командующего 5-й армией генерала от кавалерии П.А. Плеве от 23 июля 1914 г.¹⁴⁰ и их начальников штабов;

¹³⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1153, л. 7.

¹³⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1153, л. 49.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1, л. 27–39.

¹³⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1, л. 35–39.

¹³⁹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1, л. 15–18, 27, 35, 39.

¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 1, л. 15–18.

– доведением директивы верховного главнокомандующего № 3321 от 31 июля (13) августа 1914 г., в которой до главнокомандующего Юго-Западным фронтом доводилась информация о действиях войск Северо-Западного фронта (о начале наступления 1-й и 2-й армий, развитии ими наступления в обход Мазурских озер с севера и запада), о переходе в наступление Сербской армии против австрийцев. Ставилась задача о включении в состав Юго-Западного фронта 4-й и 5-й армий с 12 часов ночи 31 июля (13) августа, о переходе в наступления 3-й и 8-й армий (без окончательного сосредоточения 3-го Кавказского и 24-го корпусов) [Цихович, 1922, с. 132–133] в целях поддержки армий Северо-Западного фронта, вторжении в Галицию, приковывании к себе как можно больших сил австро-венгерской армии и недопущении ими развития продвижения по левому берегу Вислы против 4-й и 5-й армий (запаздывающих в своем развертывании). Предлагались и сроки наступления для 3-й и 8-й армий на 5 (18) августа 1914 г.

Подчеркивалась основная идея плана, заключающаяся в проведении наступления обоих фронтов (Северо-Западного и Юго-Западного) в целях обеспечения выгодных условий для дальнейшего успешного наступления вглубь Германии на Берлин силами формируемой у Варшавы на левом берегу Вислы 9-й армии [Российская империя: победы..., 2014, с. 44, 111]. Ведением активных наступательных действий 3-й и 8-й армий предполагалось привлечь против себя основные силы австрийцев в целях недопущения ведения ими наступления по левому берегу Вислы, далее к востоку до Буга и тем самым обеспечить проведение будущей операции по вторжению армий вглубь Германии [Белой, 1929, с. 64–69]. Кроме того, в дополнение к директиве № 3321 от 31 июля (13) августа были согласованы и вопросы обеспечения тыла и его разграничения между Северо-Западным и Юго-Западным фронтами;

– утверждением плана главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта верховным главнокомандующим 3 (16) августа 1914 г. Основным содержанием плана явились одновременность наступления армий фронта (время наступления для каждой армии: 8-я армия – 5 (18) августа, 3-я армия – 6 (19) августа, 4-я армия – 8 (21) августа, 5-я армия – 8 (21) августа 1914 г), разнонаправленность задач армий (наступление с востока на запад 3-й армии на Львов и 8-й армии на Ходоров, Галич, наступление с севера на юг 4-й армии на Перемышль и 5-й армии на Томашев, Львов) [Белой, 1929, с. 64–69], осуществление идеи концентрического охвата и разгрома австро-венгерских войск в Галиции и переноса войны в глубину Австро-Венгрии [Белой, 1929, с. 67], но в условиях незавершенного сосредоточения корпусов для наступления (особенно 4-й и 5-й армий) и изъятия из состава 4-й армии 20-го армейского корпуса. Соотношение сил противоборствующих сторон на направлении действий 4-й и 5-й армий не являлось преобладающим и составляло по батальонам 0,8:1 (248 против 312 батальонов), по эскадронам – 1:0,77 (184 против 143 эскадрона), по орудиям – 1:0,95 (942 против 900 орудий) [Белой, 1929, с. 67–69]. Кроме того, не был принят во внимание и не конца разведан фактор изменения плана австрийцев по изменению рубежей и районов развертывания и сосредоточения армий противника на других рубежах [Российская империя: победы..., 2014, с. 111].

Организация управления и взаимодействия на данном этапе, так же как и при подготовке Восточно-Прусской операции Северо-Западного фронта, осуществлялись в основном отдачей указаний в форме телеграмм (решение Верховного главнокомандующего о подготовке к наступлению в Галицию) [Российская империя: победы..., 2014, с. 84–111], директив (от фронта в армию: директива главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта командующему 8-й армией, командующему 3-й армией, командующему 4-й армией и командующему 5-й армией о подготовке к наступлению в Галицию)¹⁴¹, приказами по армии (приказ 8-й армии № 1, приказ 3-й армии № 1 и т. д.)¹⁴², распоряжениями (о занятии тех или иных пунктов, о маршрутах перемещения, районах сосредоточения, о переподчинении и т. д.), сводками

¹⁴¹ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 6, л. 29–54.

¹⁴² РГВИА. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 7, л. 38–48.

(сведения о противнике)¹⁴³, обратными докладами снизу вверх о выполненных мероприятиях, доклады по линии подчиненности: начальников дивизий – командирам корпусов, командиров корпусов – командующим армиями, командующих армиями – главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта, главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта – верховному главнокомандующему. Важным в организации взаимодействия являлись и выезды рабочих групп во главе с командирами и начальниками в передовые соединения и части для согласования действий войск, контроля и оказания помощи и последующими докладами в вышестоящие органы управления о состоянии и положении войск¹⁴⁴.

Заключение

Рассмотренные выше положения основных руководящих документов, ряд архивных документов, а также приведенные исторические примеры позволяют сделать ряд выводов.

1. Работа по согласованию усилий действий всех войск Юго-Западного фронта, так же как и Северо-Западного фронта, была проведена большая и заблаговременно за 4 года до начала операции, продолжалась на всем протяжении до начала войны в интересах достижения целей операции и войны в целом [Головин, 2001, с. 290–299].

2. Взаимодействие на этапе заблаговременной подготовки (схема 1) организовывалось в форме работы должностных лиц органов военного управления всех уровней управления при нахождении в своих штабах в пунктах дислокации, при выезде в подчиненные штабы, при выезде в вышестоящие штабы, а также в ходе полевых поездок и военных игр. При этом вопросы, требующие согласования действий войск, доводились указаниями, сношениями, письмами, телеграммами, директивами, приказами, планами, а после рассмотрения вышестоящие органы управления вносили необходимые изменения в планы. Порядок и последовательность действий войск (схема 2) отработывался последовательно (в начале – в генеральном штабе, затем – в округах, после – с соединениями и частями округа) с обратными докладами по вертикали подчиненности с представлением многовариантности действий войск и прогнозированием возможных результатов, а с началом выдвижения войск к государственной границе и рассмотрением реальных действий передовых частей вносились коррективы по результатам их действий. Методами организации взаимодействия при этом являлись отдача указаний («высочайшие указания командующим войскам на случай войны...») и т. д.), рассмотрение поступивших докладов из округов, повторные указания генерального штаба, рассмотрение возможных вариантов действий войск.

3. Приведенные формы, способы, методы и приемы организации взаимодействия при подготовке Галицийской операции являлись примерно такими же, как и при подготовке Восточно-Прусской операции Северо-Западного фронта, что говорит о продуманности деятельности Генерального штаба по вопросам планирования, применения всех войск и родов войск заблаговременно до войны и их согласованности в действиях для достижения целей операций и войны в целом.

4. На этапе непосредственной подготовки с началом войны вследствие угоды союзникам, неправильно проведенных расчётов подготовительного к войне периода и объявлением полной мобилизации (из-за страха спровоцировать агрессию Германии и Австро-Венгрии) было принято решение, поставившее войска Юго-Западного фронта в недостаточно выгодное положение, особенно войска 4-й и 5-й армий (отрыв сил и средств для сосредоточения на новое направление по требованиям Франции для наступления в сердце Германии, перенос начала наступления неготовыми и не до конца доукомплектованными корпусами).

5. Отход от утвержденных планов и изменение сосредоточения войск армий (созданием маневренной группы в районе Варшавы), изменения в боевом составе армий (передача и прием других корпусов) привели к недостижению целей Галицийской операции в полном объеме.

¹⁴³ Ф. 2113. Оп. 1. Д. 7, л. 38–48.

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 6, л. 29–54, 75.

Рис. 1. Структура организации взаимодействия при подготовке Галицийской операции (формы и приемы организации взаимодействия)

Fig. 1. The structure of the organization of interaction in the preparation for the Galician operation (forms and techniques of organization of interaction)

Рис. 2. Структура организации взаимодействия при подготовке Галицийской операции (формы, способы и методы организации взаимодействия)

Fig. 2. The structure of the organization of interaction in the preparation for the Galician operation (forms, ways, and methods of organization of interaction)

Список источников

- РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Управление генерал-квартирмейстера. Д. 2236. Указания военного министра командующим войсками фронтов и армий в случае войны с державами Тройственного союза по мобилизационному расписанию № 19.
- РГВИА. Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Управление генерал-квартирмейстера. Д. 8459. Предварительные соображения штабов военных округов о развертывании I–VIII армий по мобилизационному расписанию. 136–141, 205–280.

- РГВИА. Ф. 2000 Главное управление Генерального штаба. Оп. 3. Мобилизационный отдел. Д. 1153. Докладная записка по ГУГШ и переписка с министерствами Финансов, Путей сообщения, Управлением по постройке железнодорожной ветки Ковель – Владимир-Волынский и с владельцем имения «Сошично».
- РГВИА. Ф. 2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Оп. 1. Управление генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Д. 1. Приказы главнокомандующего Юго-Западным фронтом.
- РГВИА. Ф. 2134 Штаб 8-й армии. Оп. 1. Отдел генерал-квартирмейстера штаба 8 Армии. Д. 1. Оперативные директивы штабов армии и фронта; переписка со штабами корпусов; записи переговоров по прямому проводу.
- РГВИА. Ф. 2113. Штаб 3-й армии. Оп. 1. Отдел генерал-квартирмейстера штаба 3 Армии. Д. 7. Оперативные приказы, распоряжения по войсках армии и сведения о боевых действиях, и о расположении войск армии; дислокация австрийской армии в мирное время в восточной Галиции и Буковине.

Список литературы

- Атлас офицера. 2021. Географический атлас. Москва, «Красная звезда», 303 с.
- Белой А.С. 1929. Галицийская битва. Москва, Государственное издательство, Военная Академия РККА им. Фрунзе, 370 с.
- Визильтир Е.В. 2025. Формирование отрицательного мировоззрения к самодержавной власти у населения Российской империи в 1916 году. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. Т. 15. Выпуск 1. Курск, 207–215.
- Вооруженные силы России в первой мировой войне (1914–1917). Т. 1. 2014. Москва, Мегapolis, 744 с.
- Гаврилов А.Г., Прямицын В.Н. 2022. Установление многоаспектной и многоуровневой типизации на примере исследования истории метеорологического обеспечения Военно-Воздушных сил Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. Т. 12. Выпуск 5. Курск, 178–188.
- Головин Н.Н. 2001. Военные усилия России в мировой войне. Москва, Кучково поле, 434 с.
- Золотарев В.А. 2000. История военной стратегии. Москва, Кучково поле, Полиграф ресурсы, 592 с.
- История первой мировой войны. Т. 1. 1975. Москва, Наука, 446 с.
- Ковальченко И.Д. 2003. Методы исторического исследования. Издание второе, дополненное. Москва, Наука, 485 с.
- Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны. 2014. Москва, Олма Медиа Групп, 448 с.
- Строков А.А. 1974. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. Москва, Воениздат, 616 с.
- Суворов А.Н. 1919. Военная игра старших войсковых начальников в апреле 1914 г. *Военно-Исторический Сборник*. Выпуск I. Москва, Военное дело, 9–29.
- Устав полевой службы 1912 г. 1912. Санкт-Петербург, военная типография, издательство Главного штаба, 244 с.
- Цихович Я.К. 1922. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Москва, Мосполиграф, 237 с.

References

- Atlas oficera. 2021. Geograficheskiy atlas [The Officer's Atlas. Geographical Atlas]. Moscow, «Krasnaja zvezda», 303 p.
- Beloj A.S. 1929. Galicijeskaja bitva [The Galician Battle]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Voennaja Akademija RKKA im. Frunze, 370 p.
- Vizil'tir E.V. 2025. Formirovanie otricatel'nogo mirovozzrenija k samoderzhavnoj vlasti u naselenija Rossijskoj imperii v 1916 godu [The Formation of a Negative Worldview Towards Autocratic Power Among the Population of the Russian Empire in 1916]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Istorija i pravo. T. 15. Vypusk 1. Kursk, 207–215.
- Vooruzhennnye sily Rossii v pervoj mirovoj vojne (1914–1917) [The Russian Armed Forces in the First World War (1914–1917)]. T. 1. 2014. Moscow, Megapolis, 744 p.
- Gavrilov A.G., Prjamicyn V.N. 2022. Ustanovlenie mnogoaspektnoj i mnogourovnevoj tipizacii na primere issledovaniya istorii meteorologicheskogo obespechenija Voенno-Vozdushnyh sil Krasnoj armii v gody

- Velikoj otechestvennoj vojny (1941–1945) [Establishment of Multidimensional and Multilevel Typification Using the Example of a Study of the History of Meteorological Support for the Red Army Air Force during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*. T. 12. Vypusk 5. Kursk, 178–188.
- Golovin N.N. 2001. *Voennye usilija Rossii v mirovoj vojne* [Russia's Military Efforts in World War II]. Moscow, Kuchkovo pole, 434 p.
- Zolotarev V.A. 2000. *Istorija voennoj strategii* [The History of Military Strategy]. Moscow, Kuchkovo pole, Poligraf resursy, 592 p.
- Istorija pervoj mirovoj vojny*. T. 1. 1975. Moscow, Nauka, 446 p.
- Koval'chenko I.D. 2003. *Metody istoricheskogo issledovanija* [Methods of Historical Research]. Izdanie vtoroje, dopolnennoe. Moscow, Nauka, 485 p.
- Rossijskaja imperija: pobedy i porazhenija na frontah Pervoj mirovoj vojny [The Russian Empire: Victories and Defeats on the Fronts of the First World War]. 2014. Moscow, Olma. Media. Grupp, 448 p.
- Strokov A.A. 1974. *Vooruzhennye sily i voennoe iskusstvo v Pervoj mirovoj vojne* [Armed Forces and Military Art in the First World War]. Moscow, Voenizdat, 616 p.
- Suvorov A.N. 1919. *Voennaja igra starshih vojskovykh nachal'nikov v aprele 1914 g* [The War Game of Senior Military Commanders in April 1914]. *Voенно-Istoricheskij Sbornik*. Vypusk I. Moscow, Voенное дело, 9–29.
- Ustav polevoj sluzhby 1912 g.* [The Charter of the Field Service of 1912]. 1912. Sankt-Peterburg, voennaja tipografija, izdatel'stvo Glavnogo shtaba, 244 p.
- Cihovich Ja.K. 1922. *Strategicheskij oчерk vojny 1914–1918 gg.* [A Strategic Sketch of the War of 1914–1918]. Moscow, Mospoligraf, 237 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.04.2025

Received 14.04.2025

Поступила после рецензирования 11.05.2025

Revised 11.05.2025

Принята к публикации 12.05.2025

Accepted 12.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пантелеев Пётр Валентинович, кандидат военных наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории), Военная академия Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации, г. Москва, Россия

Peter V. Panteleev, Candidate of Military Sciences, Senior Researcher at the Research Institute (Military History), Military Academy, General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia

 [ORCID: 0009-0004-7070-4086](https://orcid.org/0009-0004-7070-4086)

УДК 94(47) «1914-1917»

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-701-710

EDN ONRMHR

Оригинальное исследование

Проблема «сахарного голода» на страницах российской периодической печати в годы Первой мировой войны

Сорокина Ж.А.

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,

Россия, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14

E-mail: to-janna@yandex.ru

Аннотация. В статье выявляются причины и факторы, которые предопределили возникновение дефицита сахара в годы Первой мировой войны, а также рассматриваются правительственные меры, направленные на борьбу с «сахарным голодом». Основным источником интерпретации проблемы явились материалы периодической печати, на страницах которой весьма критично комментировались правительственные меры, направленные против роста цен на сахар, регулярно ставился вопрос о реорганизации самой системы управления сахарным производством и его распределения. Не случайно Министерство финансов отслеживало газетные публикации, рассматривая их и как источник сведений о ситуации с сахарным обеспечением, и как информационный ресурс о настроениях населения в связи с возникавшими проблемами. Материалы периодики использовались и в процессе поиска решений преодоления «сахарного голода» в стране.

Ключевые слова: Первая мировая война, продовольственный кризис, периодическая печать, производство сахара, «сахарный голод», таксы

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Сорокина Ж.А. 2025. Проблема «сахарного голода» на страницах российской периодической печати в годы Первой мировой войны. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 701–710. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-701-710. EDN: ONRMHR

The Problem of "Sugar Famine" in the Russian Periodical Press during the First World War

Zhanna A. Sorokina

Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University,

14 Bezhitskaya St., Bryansk 241036, Russia

E-mail: to-janna@yandex.ru

Abstract. With the outbreak of World War I in the Russian Empire, it became necessary to create a well-functioning system that combined elements of administrative and market mechanisms for obtaining food from its producers and ensuring its sale to the population at affordable prices. The article identifies the causes and factors that predetermined the emergence of a sugar deficit during the war, and also examines government measures aimed at combating the "sugar famine". The main source of interpretation of the problem was the periodical press. In it, government measures aimed at preventing the growth of sugar prices were heavily criticized, and the issue of reorganizing the system of sugar production management and distribution was regularly raised. It is no coincidence that the Ministry of Finance monitored newspaper publications, considering them as a source of information both on the situation with sugar supplies and on the mood of the population in connection with the problems that arose. Periodical materials were also used in the process of finding solutions to overcome the "sugar famine" in the country.

Keywords: World War I, food crisis, periodical press, sugar production, "sugar famine", fixed prices

Funding: The work was completed without external sources of funding.

For citation: Sorokina Zh.A. 2025. The Problem of "Sugar Famine" in the Russian Periodical Press during the First World War. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 701–710 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-701-710. EDN: ONRMHR

Введение

Законодательство в области сахарной промышленности было установлено актами 1895 и 1903 гг. и в последующие более 10 лет не получило никаких изменений. При руководстве Министерством финансов С.Ю. Витте 20 ноября 1895 г. был принят закон «О некоторых мерах относительно сахарной промышленности»¹⁴⁵, дополненный 12 мая 1903 г. законом «Об изменении и дополнении действующих узаконений о сахарной промышленности»¹⁴⁶. По оценке советского и российского историка А.П. Корелина, «Внимание правительства к этой отрасли обуславливалось как особым покровительством в отношении "благородных" владельцев сахарных заводов (отрасль традиционно считалась дворянской), так и фискальной заинтересованностью – доходы от акциза с сахара занимали второе место (после питейных сборов) среди косвенных налогов» [Корелин, 1999, 59].

Скрытой льготой, полученной производителями сахара от государства, была система взимания акциза, который уплачивался не при выпуске продукции, как в других отраслях, а спустя некоторое время после ее реализации. Производители сахара были вполне удовлетворены установленными нормами, а время от времени возникавшая их общественная критика не находила поддержки со стороны Министерства финансов и не приводила к изменению законодательной базы. С момента принятия законов о сахарном производстве вопрос о реформе сахаропромышленного законодательства поднимался только в исключительных случаях, связанных с определёнными потрясениями на сахарном рынке. Такая ситуация возникла в 1908–1909 и в 1909–1910 гг., но она была несопоставима с тем значением, который приобрел сахарный вопрос в период Первой мировой войны.

Объект и методы исследования

Государственная политика, направленная на обеспечение продовольствием населения страны в условиях Первой мировой войны, получила в советской и российской историографии обозначение в качестве сложной, исторически значимой части общенационального кризиса, сложившегося в стране на переломном моменте ее существования. При неоднозначных оценках, основанных в том числе на классовом подходе [Шигалин, 1956], общим являлось мнение о многоплановости и принципиальности решения задач, связанных со снабжением продовольствием армии и населения, признание того, что в условиях войны требовались иные подходы к проблемам снабжения [Сидоров, 1973; Китанина, 1985; Оськин, 2018]. Особая роль в освещении этих вопросов, поскольку речь шла о настроениях жителей страны, принадлежала периодической печати, степень участия которой в этом процессе до сих пор за малым исключением практически не являлась предметом целенаправленных исследований [Белогурова, 2006]. Между тем в фонде Редакции периодических изданий Министерства финансов Российской империи, хранящемся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), сохранилось дело с газетными вырезками, касавшимися сахарного производства в России. Поскольку вскоре после начала войны производство и продажа сахара стали предметом активного общественного обсуждения, по поручению министра чиновники отслеживали публикации, касавшиеся проблем в этой отрасли. Сохраненные газетные материалы позволяют понять беспокоившие финансовое ведомство вопросы, возникшие в этой сфере¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 15 (1895). № 12166. С. 623–625.

¹⁴⁶ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 23 (1903). № 22951. С. 511–513.

¹⁴⁷ Газетные вырезки о сахарной промышленности в России 1914–1916 гг. // РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845.

В ходе исследования автором использовались специальные общеисторические методы: проблемно-хронологический и историко-генетический.

Проблемно-хронологический метод был задействован при выявлении зависимости возникновения «сахарного голода» от менявшегося на протяжении войны внутри- и внешнеэкономического состояния страны. Метод использовался и при интерпретации отношения сахарозаводчиков, властных структур в центре и на местах к сахарной проблеме, а также при рассмотрении имевших место с их стороны способов ее решения на разных этапах военного конфликта. Историко-генетический метод (ретроспективный) позволил выявить причины и факторы, определявшие специфику сахарного дефицита, выявить взаимосвязь возникающих проблем с общественно-политической и экономической ситуацией в стране.

Применение методов содействовало решению главной задачи предлагаемой научной статьи, позволило проанализировать изменения исследуемой реальности в процессе её исторического развития.

Результаты и их обсуждение

«Общий контингент потребления сахара на "сахарный" год с 1-го сентября 1914 по 1-е сентября 1915 г. был определён Министерством финансов в 86 миллионов; количество сахара, необходимого для зачисления в неприкосновенный запас, был предположен в 9 миллионов»¹⁴⁸. Таким образом, на внутренний рынок требовалось поставить 95 миллионов пудов сахара. «Выработано же было, несмотря на уменьшение количества функционировавших заводов, 113 миллионов пудов, а вместе с прошлогодним остатком сахарный запас составлял на нынешний год 123 миллиона пудов»¹⁴⁹. В итоге удалось практически полностью компенсировать потери производства, находившегося в непосредственной близости от фронта. Изготовление рафинированного сахара в это время фактически возросло до рекордного уровня в 1915 г., и, несмотря на снижение в следующем году, объём его оставался примерно на уровне 1914 г. [Gatrell Peter, 2005, 159].

В сложившихся условиях вызывала недоумение ситуация с сахарным дефицитом. По сведениям, приведенным в газете «Новое время», до мая месяца 1915 г. никакого недостатка в сахаре не наблюдалось, и цены еще были вполне приемлемыми. На заводах и в складах Юго-Западного края оставалось значительное его количество, при этом большая половина года уже прошла (запасы были нужны только до осени, когда начиналась выработка нового продукта). Однако, несмотря на очевидные успехи в решении вызванных войной проблем, связанных с производством этого сладкого продукта, в стране возник «сахарный голод». «Чтобы достать фунт сахара, обыватель должен был избегать десять магазинов; более фунта в одни руки не отпускалось, цена сразу повысилась на 20–25 % и, кроме того, требовалась ещё особая премия: чтобы получить по повышенной цене фунт сахара, нужно было купить при этом чая или кофе, – иначе сахар не отпускался»¹⁵⁰.

Ответом на возникшую ситуацию послужила попытка введения административных мер. В большинстве изданий, посвященных экономическому положению страны на начальном этапе войны, упоминается циркуляр Министерства внутренних дел об установлении таксированных цен на ряд продуктов питания. Он датируется уже 31 июля 1914 г., и в этот день (и даже накануне) городскими думами, губернаторами и смешанными комиссиями были определены твердые цены на продукты. Исходя из городского положения, выработка такс на продовольствие была предоставлена городским думами с последующим утверждением губернатором. После этого о них сообщалось в местных губернских ведомостях, и со дня напечатания они считались вошедшими в законную силу¹⁵¹.

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 227. Л. 1.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Новое время. 1915. 21 июня.

¹⁵¹ Новое время. 1916. 10 сентября.

Известный экономист Н.Д. Кондратьев в своей работе, впервые изданной в 1922 г., рассуждал о нормировании цен на примере регулирования хлебного рынка в период Первой мировой войны. По его мнению, оно проявлялось в двух основных формах: «во-первых, в форме воздействия на рыночное соотношение спроса-предложения <...> путем выбрасывания на рынок государственных или муниципальных запасов их, во-вторых, и главным образом, в форме установления указных цен взамен цен вольных» [Кондратьев, 1991, 234]. «Указные цены», по его определению, разделялись на твердые (предельные) цены и на таксы. Первые устанавливались в районах заготовки продуктов, вторые – в местах их реализации. В отношении сахара обсуждался вопрос о желательности издания таксы на него как в местах потребления, так и в местах производства.

Против этого предложения резко возражали представители сахарозаводчиков, которые доказывали, что причины вздорожания сахара лежат не в искусственной спекуляции, а также не в недостатке сахара, а исключительно в неурегулированности железнодорожного товарного движения. Что же касалось запасов сахара на заводах, то они, по их словам, достигают 35 млн пудов, в то время как в прошедшем году их было не более 25 млн пудов. Издание таксы, по мнению производителей сахара, не только не улучшит дело, но может ещё и значительно ухудшить его, привести к тому, что Петроград временно останется без сахара. За введение таксы высказались представители чайной и фруктовой биржи, но соглашение не было достигнуто¹⁵². Однако процесс установления принудительных цен уже начал осуществляться на местном уровне.

Помимо загруженности железных дорог, в основе версии Министерства финансов значились две причины сахарного кризиса: установление во многих местах принудительных таксировок цен на сахар и спекуляция со стороны торговцев. «Принудительная таксировка цен приводит к тому, что оптовики намеренно уклоняются от отправки сахара в те районы, где установлены более или менее низкие цены»¹⁵³. Для устранения этого искусственного препятствия, по мнению Министерства финансов, было необходимо принять меры к урегулированию цен на всей территории империи и приведения их к общему уровню¹⁵⁴.

С министерскими выводами отчасти соглашалась и периодическая печать. В статье газеты «Биржевые ведомости», посвященной позиции Министерства финансов по сахарной проблеме, отмечалось, что важнейшей причиной ее возникновения во многих местностях империи, в частности в Петрограде, являлась загруженность железнодорожных линий и недостаток подвоза. «Но кроме этой главной причины, с которой, благодаря особенностям военного времени, очень трудно бороться, Министерством финансов усмотрен ряд других, вызванных отчасти местными условиями отдельных районов, отчасти спекулятивными действиями частных лиц, стремящихся использовать настоящий момент в целях быстрой наживы»¹⁵⁵. Газета «Южный край» приводила свои аргументы по этому вопросу: «Жалобы сахарных гигантов на отсутствие вагонов не являются оправданием повышения цен, поскольку и осенью, и зимой (1914–1915 гг. – Ж.С.) эти причины уже действовали, но цены были значительно ниже. Не понизились они и в местах производства сахара, несмотря на отсутствие необходимости там перевозок»¹⁵⁶.

Что касается торговых спекуляций, то определенный ответ по поводу этой версии содержался в одной из газет, которая еще в середине февраля 1915 г. на основе анализа писем, полученных редакцией от провинциальных торговцев, опубликовала статью под названием «По поводу алчности торговцев». В ней констатировалось, что предпринятый некоторой частью прессы поход против провинциальных продавцов сахара совершенно несправедлив. «Алчность действительно существует, но не у торговцев, а у крупных промышленников и оптовых фирм, и удорожание сахара, хлеба, чая и прочих предметов первой необходимости зависит не от перепродавцов мелких и средних, а от тех фирм, которые руководят, главным образом, распределением продуктов»¹⁵⁷. В повышении сахарных цен обвинялся синдикат

¹⁵² Речь. 1915. 16 мая.

¹⁵³ РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 227. Л. 1.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Южный Край. 1915. 25 июнь.

¹⁵⁷ Киевская мысль. 1915. 19 февраля.

рафинеров, увеличение стоимости чая происходило из-за соглашения московских чайных фирм, а удорожание хлеба зависело от банков, располагавших его запасами.

Газета «Речь» в мае 1915 г. предоставила свой вариант оценки случившегося: «Даже такая могучая и давно протезируемая организация промышленности, как сахарная нормировка, оказалась бессильной, когда потребовалось не ущемление потребителя, а его защита. Эта организация не сумела и в наши тяжёлые и ответственные дни ни унять спекуляцию с сахаром, ни предупредить сахарный кризис, т. е. не сумела предотвратить искусственное оскудение при естественном изобилии»¹⁵⁸.

Среди газетных вырезок, сохраненных в Министерстве финансов, имеется статья с примечательным названием «Нужды сахарной промышленности». На наш взгляд, тема, поднятая в ней, в некоторой степени раскрывает позицию государства в отношении сахарного вопроса. С началом войны российская экономика столкнулась с рядом серьезных проблем, часть из которых была связана с отсутствием необходимого оборудования для военного производства и сокращением валютных запасов. Решение этих вопросов невозможно было осуществить даже при успешной мобилизации промышленности, и требовалось восполнение отсутствующих материалов за счет международной торговли.

В начале апреля 1914 г. в помещении Русского для внешней торговли банка в Петербурге состоялось первое заседание избранного на совещании правления образованного синдиката рафинеров. Оно состояло из восьми человек и должно было находиться в Киеве, собираясь ежемесячно в помещении Русского банка. Для осуществления всех мероприятий, намеченных правлением, была создана особая контора с филиалами во многих городах России¹⁵⁹. Петербургскую контору возглавил управляющий центральным отделением Всероссийского общества сахарозаводчиков М.Ю. Цехановский. Он являлся автором ряда публикаций по правовым аспектам сахарной промышленности, а также исторического обзора этого направления в развитии промышленности за 1800–1904 гг.

В сообщении о создании синдиката рафинеров отмечалось, что главные цели его заключались в нормировании выпуска сахара и упорядочения торговли рафинадом: «Кроме того предполагались крупные работы по собиранию статистических данных о производстве и о нашей внутренней и внешней торговле сахара»¹⁶⁰. Отмечалось, что под этим подразумевалось «приобретение новых рынков для распространения нашего рафинада»¹⁶¹.

Возвращаясь к фигуре М.Ю. Цехановского, следует подчеркнуть, что он являлся активным сторонником организации сахарного экспорта за границу. В своем обзоре истории развития в России свеклосахарной промышленности автор, сравнивая потребление сахара в России за 15 лет, констатировал его рост с 8,07 фунтов до 14 фунтов на душу населения. При этом М.Ю. Цехановский предсказывал, что в ближайшем будущем сахарная промышленность будет играть значительную роль в экономической и финансовой жизни России, и она может и должна принять участие в мировой торговле сахаром [Цехановский, 1904, 43]. В условиях потерь, вызванных войной, цена на сахар на мировом рынке существенно выросла и предоставился шанс выгодного участия в мировой торговле этим продуктом.

Повышение спроса за границей на российский сахар после окончания военных действий связывался в первую очередь с ситуацией во Франции и в Бельгии, где от военных действий не только пострадали сахарные заводы, но и были уничтожены почти все свекловичные посевы. Таким образом, предполагалось, что снабжать сахаром Францию и Бельгию придется России. В связи с этим по указанию представителей сахарозаводчиков было предположено увеличить текущей весной посевы свеклы приблизительно на 25 тыс. десятин, т. е. довести общую площадь до 800 тыс. десятин¹⁶².

¹⁵⁸ Речь. 1915. 26 мая.

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 5.

¹⁶⁰ Киевлянин. 1914. 4 апреля.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 3.

К числу потребителей российской сахарной продукции относилась и Англия, которая до войны большую часть необходимого для страны сахара выписывала из Германии и Бельгии и только отчасти из России. Зато в условиях войны именно вопрос ввоза в Англию русского сахара обрел принципиальный интерес для российской внешней торговли. В феврале 1915 г. последовало сенсационное сообщение о том, что пароходу русско-датского товарищества «Александр Жуков», гружёному российским сахаром, удалось «пробраться» в английский порт Кардифф. «Всего на пароход было погружено 20 229 мешков русского сахарного песка, весом около 135 000 пудов. Сахар этот принадлежит различным русским банкам и частным фирмам и снабжён консульским удостоверением о русском происхождении»¹⁶³.

Газеты сообщали, что с открытием навигации в Архангельске предвидится возможность вывоза значительного количества сахара-песка в Англию. Был также уже установлен специальный пониженный железнодорожный тариф для поставок сахара через Архангельск во Францию. Большие надежды связывались с военными успехами союзников с вытекавшей из них возможностью скорого открытия пролива Дарданеллы. В этом случае «английский мировой рынок для сбыта сахара» приобретал для России, по утверждению печати, особо важное значение¹⁶⁴.

В статье «Дарданеллы и сахарный экспорт» сообщалось, что в связи с операциями союзников у Дарданелл на Киевской сахарной бирже замечается серьёзное повышение цен на конвенционные права, т. е. свидетельства на право вывоза русского сахара. «Цены конвенционных прав, стоившие недавно на уровне 3,5–4 коп., поднялись сначала до 6 коп., а затем и до 8 коп. за пуд, сделали скачок на 100 %. Рост этот вызван надеждой на скорое открытие проливов, в связи с чем увеличится вывоз русского сахара»¹⁶⁵. Подобное оживление на сахарной бирже наблюдалось в октябре 1914 г., когда у сахарозаводчиков была надежда на большой экспорт сахара в Турцию, испытывавшую большой дефицит этого продукта. Однако вступление Турции в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии обрушило эти надежды, и цены конвенционных прав сразу упали до 2,5 коп. за пуд.

Первая мировая война сказалась на поставках сахара еще в одну страну – в Персию, которая испытывала серьезные бюджетные трудности из-за сокращения вывоза товаров, являвшихся основой внешней торговли страны. При изыскании средств для решения задачи сбалансирования бюджета и увеличения государственных доходов за счет постоянного и надёжного источника Персия ввела сахарную монополию. Государство при этом потребляло ежегодно до 7 млн пудов сахара, и 90 % его поставляла Россия. Участие в сахарной монополии в Персии должно было сыграть важную роль в развитии российско-персидских торговых отношений и явиться новым фактором упрочения политики экономического влияния России в Персии¹⁶⁶.

На активизацию внешнеторговой деятельности настраивал сахарозаводчиков и закон о сахарной промышленности. Его девятый пункт гласил: «При вывозе с заводов за границу излишков сахара, сахар этот освобождается от акциза и дополнительного налога в полном размере»¹⁶⁷. Правда, эта статья закона содержала особое примечание, в котором говорилось, что в случае повышения цен на сахар на зарубежных европейских рынках, которое могло бы явиться стимулом к значительному перепроизводству на сахарных заводах в России, министру финансов предоставлялось право войти в Комитет министров с представлением об уменьшении размера или совершенном приостановлении на определенный период льготы по освобождению вывозимого сахара от дополнительного налога¹⁶⁸.

Таким образом, Министерство финансов через нормирование ежегодного производства сахара обеспечивало устойчивые максимально доступные цены на сахар. Излишки изготовленного продукта в случае их вывоза за границу освобождались от уплаты акциза и налогов.

¹⁶³ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 6.

¹⁶⁴ Там же. Л. 6 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶⁶ Там же. Л. 4.

¹⁶⁷ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 15. № 12166. С. 624.

¹⁶⁸ Там же.

Душевое потребление сахара в государствах Западной Европы заметно превышало российское, но «при существовавшем положении заграничных сахарных рынков, при развитии там сахарной промышленности, при значительной стоимости производства сахара в России, а также и стоимости провоза его за границу, успех вывозной торговли мог быть обеспечен лишь при содействии в том правительства и при поощрении внешней торговли сахаром» [Цехановский, 1904, 43]. Ситуация, вызванная войной, как было показано, внесла изменения в сложившуюся рыночную конъюнктуру. Разумеется, ориентиры на внешний рынок не играли первостепенной роли в позиции российских производителей сахара, но занимали свое определенное место в рыночных отношениях, а представления о длительности войны корректировались той же периодической печатью, которая стремилась представить развивавшиеся события в позитивном ключе и как близкие к завершению.

Закон о сахарном производстве и торговле им внутри страны также содержал положения, настраивавшие сахарозаводчиков на действия, а точнее – бездействия, в своих интересах. В пятом пункте закона отмечалось, что излишек сахара (сверх обязательного неприкосновенного запаса) мог быть выпущен на внутренний рынок с завода «не иначе, как по предварительной оплате полностью дополнительным налогом, акциз же за этот сахар подлежит уплате на общем основании как за сахар текущего периода; но заводчику предоставляется оставлять излишек сахара на заводе в свободном запасе, и в сём случае излишек сахара впредь до выпуска с завода не подлежит оплате ни дополнительным налогом, ни акцизом»¹⁶⁹.

Возникший кризис сахарной отрасли заставил Министерство финансов заняться вопросом о реформировании законодательства о сахаре. Однако, по оценке средств печати, министерство остановилось на двух мерах совершенно частного значения, ни в коей мере не менявших принципиальных основ сахарного нормирования. Одна из этих мер предусматривала установление предельной цены на рафинад и носила характер временного обязательного постановления, опирающегося на исключительно политические условия военного времени. Таким образом, введение максимальных цен на рафинад имело прецедент в законодательной практике и не требовало пересмотра действующего закона.

Вторая мера, направленная на борьбу с «сахарным голодом», наоборот, требовала определённой законодательной реформы, ориентированной вновь возникавшие заводы на максимальную производительность. В проекте, представленном министром финансов Совету министров, предполагалось повысить нормы максимальной производительности вновь возникавших заводов до 300 000 пудов, а норму выпуска сахара на внутренний рынок – до 150 000 пудов¹⁷⁰. Проект был утверждён Советом министров и вступил в силу согласно 87 статьи основных законов, т. е. без участия Государственной Думы, работа которой была на тот момент приостановлена.

Однако эти меры сталкивались с полным несоответствием между установленными нормами, с одной стороны, а также с фактической производительностью и размерами внутреннего потребления – с другой. Законодателями выработка продукции заводами была определена с таким расчётом, чтобы она содействовала возникновению мелких сельскохозяйственных предприятий, но за 20 лет нормирования выпуска сахара особое развитие получил процесс концентрации производства, и мелкие сельскохозяйственные предприятия потеряли своё прежнее значение. «Средняя производительность каждого завода значительно возросла и ныне превышает 350 000 пудов, т. е. более чем в два раза выше действующей максимальной нормы... Ясно, что норма в 150 000 пудов оказалась отжившей, устарелой и стесняла возникновение новых заводов»¹⁷¹.

Сахар исчез из продажи после объявления обязательной на него таксы. Некоторое время спустя он появился, но только «в самых захудалых, прямо подозрительных лавочках, и продавался, несмотря на существование таксы, по 23–26 и более копеек за фунт»¹⁷².

¹⁶⁹ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 15. № 12166. С. 624.

¹⁷⁰ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 13.

¹⁷¹ Киевская мысль. 1915. 2 июня.

¹⁷² Новое время. 1916. 2 июля.

Примечательно, что поступал он в небольших количествах, чтобы поддерживать «настроение кризиса» и тем самым объяснять его высокую цену. Газеты утверждали, что заводские конторы отпускали сахар только тем торговцам, которые расписывались, что получили его по установленной цене, но на самом деле нелегально соглашались на значительную переплату¹⁷³.

Работа целой армии перекупщиков, до последнего времени ничего общего с сахарным делом не имевших, привела к тому, что на спекуляциях сахаром через создание искусственного дефицита наживались крупные состояния¹⁷⁴. Их деятельность дополняла усилия производителей сахара, которые преследовали цели реализации своей продукции с наибольшей для себя выгодой. «Для обыкновенного российского промышленника выжидание "хороших" цен даже при наличии голода на продукты, коими оперирует этот промышленник – вещь слишком обыкновенная, слишком позволительная (как то, к сожалению, показывают факты русской жизни)»¹⁷⁵. Как уже отмечалось, определенную роль играли также ожидания, связанные с возможностями будущего вывоза сахара за границу. Сложившуюся ситуацию с поставками сахара ярко иллюстрируют заголовки статей в газетах: «Сахарные чудеса», «Сахарная эпопея», «Сахарные фокусы», «Сахарные манипуляции», «Сахарные анекдоты».

В 1916 г. к проблемам спекулятивного характера и хождению раздвоенных цен: твердой и «вольной» добавились объективные экономические причины. В отличие от первых двух лет войны, когда сахарная промышленность благодаря высоким урожаям свеклы более или менее успешно справлялась с затруднениями военного времени, кампания 1916 г. уже проходила в условиях расстройств всех сторон экономики. К 20 сентября 1916 г. было убрано всего 20 %, а доставлено на заводы только 13 % ожидавшейся свекловицы, тогда как в 1915 г. при весьма неблагоприятных условиях было собрано на тот период 68 %, а доставлено на заводы 45 % урожая¹⁷⁶. Низкий урожай привел к повышению цен на свекловицу, а вслед за этим, естественно, сильно выросла себестоимость сахара.

Одновременно, несмотря на снижение урожайности, в 1916 г. стало ощущаться отсутствие рабочих рук как при посевных и уборочных работах, так и на заводах при производстве сахара. При этом наблюдался недостаток как специалистов: машинистов, токарей, слесарей, паковщиков и др., так и чернорабочих. Созданное в Киеве 20 января 1916 г. Центральное бюро, через которое должны были проходить все требования по закупке сахара, неоднократно обращалось с просьбой об освобождении женщин и подростков от окопных работ в районах возделывания свекловицы, что находило поддержку у военных властей. Хуже обстояло дело с военнообязанными рабочими-мужчинами: отсрочки им предоставлялись только в очень редких случаях. В итоге в июне 1916 г. от сахарозаводчиков была направлена заявка на выделение 8 500 военнопленных для работы на заводах по производству сахара, в июле – на 15 945, в августе – на 10–20 тысяч человек, в сентябре – на 25–30 тысяч¹⁷⁷.

В начале 1916 г. второй раз с лета 1915 г. года страна испытала «сахарный голод», а осенью 1916 г. на сахар с целью равномерности его распределения были введены карточки. Для этого была осуществлена регистрация населения, в городах для разного рода учреждений выдавались коллективные карточки по пяти разрядам: 1) для больниц; 2) для гостиниц; 3) для столовых; 4) для общежитий; 5) для учреждений, выдающих чай¹⁷⁸.

В июне 1916 г. был упразднен последний остаток старой нормировочной системы: циркуляром от 9 июня неприкосновенный запас сахара в размере около 7 млн пудов стал свободным для реализации на внутреннем рынке в зависимости от распоряжения Центрального бюро. Этим актом было закончено дело объединения всей продажи сахара в

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Киевская мысль. 1916. 22 февраля.

¹⁷⁵ Киевская мысль. 1916. 10 февраля.

¹⁷⁶ Народное хозяйство в 1916 г. Вып. 5–6. Петроград, 1921. С. 43.

¹⁷⁷ Там же. С. 57.

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Л. 39.

руках этой организации и прекратилось применение мер урегулирования сахарной промышленности по законам 20 ноября 1895 г. и 12 мая 1903 г. (сахарной нормировки).

Заключение

Таким образом, политика твёрдых цен на продукты первой необходимости, в том числе на сахар, в условиях Первой мировой войны не оправдала возлагаемых на неё надежд. Таксировка продукции, к которой стало прибегать правительство Российской империи при посредничестве местных властей, не решала всех проблем, порой порождая новые, например, спекуляцию и искусственный дефицит. Существенным фактором, способствовавшим возникновению «сахарного голода» в первый год войны, явилась также проблема с его транспортировкой из производительных регионов в места потребления. Дефицит сахара был вызван и политикой сахарозаводчиков, а в некоторой степени и правительства, которое вынашивало идею активизации внешнеторговой деятельности, в том числе в сфере экспорта сахара во Францию, в Бельгию, в Англию, а также в Персию. В 1916 г. к проблемам спекулятивного характера добавились объективные экономические причины. На заводах по производству сахара стало ощущаться отсутствие рабочих рук. Усугубил ситуацию низкий урожай свекловицы в 1916 г.

Как показало исследование, периодическая печать уделяла должное внимание состоянию сахарного рынка, размещая на своих страницах материалы информационного и аналитического характера. Газеты весьма критично комментировали правительственные меры, направленные против роста цен на сахар, регулярно ставили вопрос о реорганизации самой системы управления сахарным производством и его распределения. Не случайно Министерство финансов отслеживало газетные публикации, рассматривая их и как источник сведений о ситуации с сахарным обеспечением, и как информационный ресурс о настроениях населения в связи с возникавшими проблемами. Материалы периодики использовались, вероятно, и в процессе поиска решений преодоления «сахарного голода» в стране.

Список источников

- Киевлянин. 1914. 4 апреля.
Киевская мысль. 1915. 19 февраля.
Киевская мысль. 1915. 2 июня.
Киевская мысль. 1916. 10 февраля.
Киевская мысль. 1916. 22 февраля.
Народное хозяйство в 1916 г. Вып. 5–6. Петроград. Гос. тип., 1921. 107 с.
Новое время. 1915. 21 июня.
Новое время. 1916. 2 июля.
Новое время. 1916. 10 сентября.
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. 15 (1895). № 12166.
ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 23 (1903). № 22951.
Речь. 1915. 16 мая
Речь. 1915. 26 мая.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 564. Оп. 2. Д. 1845. Газетные вырезки о сахарной промышленности в России 1914–1916 гг.
Южный Край. 1915. 25 июнь.

Список литературы

- Белогурова Т.А. 2006. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Смоленск, Смоленский ЦНТИ, 130 с.
Кафенгауз Л.Б. 1994. Эволюция промышленного производства России. Москва, Эпифания. 848 с.
Китанина Т.М. 1985. Война, хлеб и революция (Продовольственный в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Ленинград, Наука. 384 с.
Китанина Т.М. 2016. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций. Санкт-Петербург, Гуманитарная академия. 352 с.

- Кондратьев Н.Д. 1991. «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции». Москва, Наука. 487 с.
- Корелин А.П. 1999. С.Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы. *Отечественная история*. 3: 42–63.
- Оськин М.В. 2018. Хлеб для фронта: продовольственное и фуражное снабжение русской армии в период Первой мировой войны и революции (1914 – октябрь 1917). Тула, ООО Аквариус. 596 с.
- Сидоров А.Л. 1973. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. Москва, Наука. 655 с.
- Цехановский М.Ю. 1904. Исторический обзор свекло-сахарной промышленности (1800–1904). Киев. 54 с.
- Шигалин Г.И. 1956. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). Москва, Воениздат. 332 с.
- Gatrell Peter. 2005. *Russia's First World War: A Social and Economic History*. Harlow, England: Longman. 318 p.

References

- Belogurova T.A. 2006. *Russkaya periodicheskaya pechat' i problemy vnutrenney zhizni strany v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917 gg.)* [Russian Periodical Press and Problems of Internal Life of the Country during the First World War (1914 – February 1917)]. Smolensk, Smolenskiy TsNTI. 130 p.
- Kafengauz L.B. 1994. *Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii* [Evolution of Industrial Production in Russia]. Moscow, Epifania. 848 p.
- Kitanina T.M. 1985. *Voyna, khleb i revolyutsiya: (Prodovol'stvennyy v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917 g.)* [War, Bread and Revolution (Food in Russia. 1914 – October 1917)]. Leningrad, Nauka. 384 p.
- Kitanina T.M. 2016. *Rossiya v Pervoy mirovoy voynе 1914–1917 gg.: ekonomika i ekonomicheskaya politika. Kurs lektiy* [Russia in the First World War 1914 – 1917: Economy and Economic Policy. Course of Lectures]. St. Petersburg, Humanitarian Academy. 352 p.
- Kondratiev N.D. 1991. «Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremya voyny i revolyutsii» [“The Bread Market and its Regulation during the War and Revolution”]. Moscow, Nauka. 487 p.
- Korelin A.P. 1999. *S.Yu. Vitte i byudzhethno-finansovye reformy* [S.Yu. Witte and Budgetary and Financial Reforms]. *Otechestvennaya istoriya*. 3: 42–63.
- Oskin M.V. 2018. *Khleb dlya fronta: prodovol'stvennoe i furazhnoe snabzhenie russkoy armii v period Pervoy mirovoy voyny i revolyutsii (1914 – oktyabr' 1917)* [Bread for the Front: Food and Forage Supply of the Russian Army during the First World War and Revolution (1914 – October 1917)]. Tula, ООО Аквариус. 596 p.
- Sidorov A.L. 1973. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Economic Situation of Russia in the Years of the First World War]. Moscow, Nauka. 655 p.
- Tsekanovsky M.Y. 1904. *Istoricheskiy obzor sveklo-sakharnoy promyshlennosti (1800–1904)* [Historical Review of the Beet-Sugar Industry (1800–1904)]. Kiev. 54 p.
- Shigalin G.I. 1956. *Voennaya ekonomika v Pervuyu mirovuyu vojnu (1914–1918 gg.)* [Military Economy in the First World War (1914–1918)]. Moscow, Voenizdat. 332 p.
- Gatrell Peter. 2005. *Russia's First World War: A Social and Economic History*. Harlow, England: Longman. 318 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.05.2025

Received 20.05.2025

Поступила после рецензирования 07.06.2025

Revised 07.06.2025

Принята к публикации 09.06.2025

Accepted 09.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сорокина Жанна Александровна, аспирант кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия

Zhanna A. Sorokina, Postgraduate Student of the Department of National History, Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia

 [ORCID: 0009-0006-5046-9757](https://orcid.org/0009-0006-5046-9757)

УДК 930.1 930.85

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-711-721

EDN RZKUIN

Обзорная статья

История регионально-демографического развития приграничья Центральной России в конце XX – начале XXI вв.: современная отечественная историография

Макеева С.Б.

Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук,
121069, Россия, г. Москва, переулок Борисоглебский, 13/3
E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению основных теоретических положений отечественных ученых по регионально-демографической истории приграничья Центральной России в 1990-е – 2010-е гг. В ходе применения сравнительно-исторического и проблемно-хронологического научных методов было выделено шесть групп исследовательских направлений: первая группа, касающаяся рассмотрения эволюции территориальных преобразований; вторая группа, включающая исследования истории городских и сельских поселений; третья группа, посвященная анализу влияния приграничного положения; четвертая группа, касающаяся регионально-экономической истории; пятая группа, связанная с рассмотрением эволюции населения; шестая группа, посвященная изучению истории экологических проблем в рассматриваемом приграничье.

Ключевые слова: региональная история, приграничный регион, Центральная Россия, историография, рыночные отношения, региональные проблемы, отечественные ученые

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Макеева С.Б. 2025. История регионально-демографического развития приграничья Центральной России в конце XX – начале XXI вв.: современная отечественная историография. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 711–721. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-711-721. EDN: RZKUIN

History of the Regional-Demographic Development of the Borderland Central Russia in the Late 20th – Early 21st Centuries: Modern Domestic Historiography

Svetlana B. Makeeva

Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences,
13/3 Borisoglebsky Lane, Moscow 121069, Russia
E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Abstract. The study explores the main theoretical views and ideas of domestic scientists, specialists in the field of regional history, as well as regional studies on the problems of spatial-demographic evolution of the border territory of Central Russia in the 1990s – 2010s. Applying comparative-historical and problem-chronological scientific methods, the author identifies six groups of research areas, where the first group is focused on the consideration of the evolution of spatial-territorial transformations; the second one includes studies of the history of urban and rural settlements; the third group analyzes the influence of the border location on the development of the territories under consideration; the fourth group deals with the analysis of economic history;

the fifth one is associated with the consideration of the population evolution, and the sixth group is devoted to the study into the development of environmental problems in the borderland.

Keywords: regional history, border region, Central Russia, historiography, market relations, regional problems, domestic scientists

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Makeeva S.B. 2025. History of the Regional-Demographic Development of the Borderland Central Russia in the Late 20th – Early 21st Centuries: Modern Domestic Historiography. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 711–721 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-711-721. EDN: RZKUIN

Введение

Изучение региональной истории современной России опирается на комплексное исследование эволюции народного хозяйства и населения различных административных субъектов, городов, поселков и сел. Уникальность пространственного развития российского государства заключается в том, что большая часть регионов являются приграничными, соседствующими с разными странами мира. Этот фактор оказывает влияние на появление новых векторов исследования регионально-демографической истории России. В современной отечественной историографии появляются работы, посвященные изучению динамики состояния народного хозяйства и населения в российских приграничных территориях. Анализ научных монографий современных ученых позволяет выявить специфические направления в исследованиях приграничных регионов. Специфика определяется рассмотрением тех проблем, которые были наиболее актуальными в региональной истории современной России с конца XX в. по начало XXI в. Выявление данных направлений исследований в региональной истории приграничной территории России позволяет определить наиболее важные вопросы, исторический опыт решения которых будет полезным при реализации современной российской стратегии регионального развития. Согласно установленному Правительством РФ перечню приграничных субъектов, в современной России существует более восьми групп приграничных регионов. Рассмотрение регионально-демографической истории приграничья Центральной России предполагает исследование эволюции состояния населения и динамики народного хозяйства в Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областях. Данные территории граничат с Украиной и Белоруссией. За последние годы появилось множество отечественных исследований, посвященных различным аспектам современной истории региональных преобразований в приграничье Центральной России. Одним из первых комплексных исследований по региональной истории является работа М.Ю. Евдокимова об эволюции пространственного развития Смоленской области [Евдокимов, 2002, с. 115]. Взаимосвязь различных процессов современной региональной истории Белгородской области детально прослеживается в коллективных работах под редакцией Е.С. Савченко и В.В. Овчинникова [Савченко, 2007, с. 64; Овчинников, 2014, с. 283]. Заслуживает особого внимания уникальное исследование по региональной истории Белгородской области, в котором рассматривается судьба двух сел этого региона [Капков, 2012, с. 120]. Специфика комплексного изучения региональной истории Курской области заключается в анализе пространственно-демографических изменений через призму социокультурных процессов [Когай, 2011, с. 232; Гаврилова, 2012, с. 142; Беспарточный, 2015, с. 179].

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают регионально-демографические процессы приграничья Центральной России в конце XX – начале XXI вв. в работах отечественных исследователей, предметом исследования – анализ современной регионально-демографической истории приграничья Центральной России в работах отечественных ученых.

Целью данной статьи является рассмотрение основных теоретических взглядов и положений отечественных ученых, специалистов в области региональной истории, а также регионоведения по проблемам пространственно-демографической эволюции приграничной территории Центральной России в современный период истории. В ходе использования сравнительно-исторического метода было проведено компаративное исследование различных теоретических взглядов отечественных ученых по развитию населения и народного хозяйства приграничья Центральной России в конце XX – начале XXI в. Системный и проблемно-хронологический методы позволили выявить ключевые направления в современной отечественной историографии регионально-демографической истории приграничных районов Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей.

Результаты и их обсуждение

Изучение современной отечественной историографии истории регионально-демографического развития приграничья Центральной России в конце XX – начале XXI вв. позволило выделить несколько групп направлений исследований. Первую группу составляют научные положения отечественных ученых по вопросам территориальных преобразований в приграничье Центральной России в 1990-е – 2010-е гг. История трансформации системы регионального управления привлекает внимание современных исследователей. Отечественные ученые прослеживают динамику административных изменений с 1990-х гг. в сельских и городских районах Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей. Подробно разбирается степень влияния регионализации 1990-х – 2000-х гг. на социально-экономическое состояние территориального развития приграничья Центральной России. Так, например, А.В. Карагодин проводит исследование развития системы местного самоуправления в Белгородской области [Карагодин, 2009, с. 84].

Специфика развития территории центрального приграничья определяется комплексом факторов, в число которых входит природно-географическое положение, исторический опыт использования территории и формирования народнохозяйственного комплекса. Тематика эволюции приграничной территории Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей по линии «центр-периферийных» отношений с начала 1990-х гг. также становится предметом исследования отечественных ученых. Заслуживает внимания работа Е.А. Когай по вопросам планирования развития территории, в которой представлен подробный анализ особенностей регионального развития некоторых приграничных районов [Когай, 2020, с. 129].

По мере перехода к рыночным отношениям в конце XX в. возрос уровень региональной социально-экономической неравномерности в целом по всей России. Процессы территориальной экономической диспропорциональности в отечественной историографии было принято рассматривать как «пространственная поляризация». Поэтому изучение региональной истории приграничья Центральной России также касалось определения места Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей в общей неравномерной структуре российской региональной экономики. Параллельно с оценкой причин диспропорционального социально-экономического роста отечественные ученые, опираясь на исторический опыт России и зарубежных стран, разбирали варианты решения данных проблем [Макеева, 2021, с. 99]. Осуществлялся сопоставительный анализ эффективного использования территории в советский период времени и в эпоху постсоветской России. Одним из важных решений, по мнению ученых, выступало сохранение в некоторых приграничных районах Центральной России системы общественного использования земельных участков. Кроме того, рассматривался исторический опыт внедрения территориальных кластеров народного хозяйства в других странах мира с целью применения этого опыта в приграничных районах Центральной России.

Получают распространение историко-географические исследования динамики рыночных преобразований 1990-х гг. На примере рассмотрения региональной истории Смоленской области в отечественной науке проводится комплексный анализ перестройки

территориальной структуры народного хозяйства приграничья. В этом ракурсе стоит отметить работу В.А. Сацевича по проблематике эволюции управления государственными землями в Смоленской области в 1990-е гг. [Сацевич, 2020, с. 169]. Динамика регионального развития приграничья Центральной России в начале XXI в. в условиях рыночных отношений характеризовалась такими новыми явлениями, как рост территориальной конкурентоспособности, расширение инвестиционной активности, внедрение инноваций. Все эти процессы также становятся предметом исследований отечественных ученых, изучающих современную региональную историю Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей. Также появляются исследования по истории таких узконаправленных процессов регионального развития, как эволюция использования территории речных бассейнов.

Анализ современной отечественной историографии регионально-демографической истории приграничья Центральной России в конце XX – начале XXI вв. позволяет выделить вторую группу исследований, связанную с рассмотрением эволюции городских и сельских территорий. Планирование городского развития в условиях перехода к рыночным отношениям в 1990-е гг. претерпело значительные изменения. Строительство городов, с одной стороны, начало соответствовать критериям сохранения исторической эстетики, а с другой, ориентированности на масштабные преобразования. Отечественные ученые начинают уделять внимание изучению эволюции планировочной структуры таких крупных городов, как Белгород, в современный период истории [Савченко, 2007, с. 64]. Такие узконаправленные регионально-исторические исследования касались эволюции жилой, промышленной и транспортной зон городов приграничья Центральной России в 1990-е – 2010-е гг. История пространственного развития приграничных крупных, средних и малых городов представляет собой переплетение различных событий и процессов, оказавших влияние на всю систему городской инфраструктуры рассматриваемых пограничных регионов.

В научный дискурс при рассмотрении городского развития на рубеже XX–XXI вв. входит категория «городская инфраструктура». Изучается динамика и структура городского устройства. Отводится ведущее место выявлению предпосылок формирования инновационной инфраструктуры, характеризующейся запуском и внедрением новых технологий, привлечением высокопрофессиональных работников. На примере изучения региональной истории Смоленской области прослеживаются особенности формирования городской социальной инфраструктуры в конце 1990-х гг. [Евдокимов, 2002, с. 115]. Определяется ведущая роль сохранения исторической планировочной структуры городов. Исследования городской истории в начале XXI в. начинают касаться анализа потенциала возведения «умных городов» в приграничных районах Центральной России. Разбираются ведущие концепции городского «умного» строительства.

В отечественной историографии распространяются исследования, посвященные социально-экономическим проблемам малых и средних городов Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей при проведении рыночных реформ в к. XX в. Учеными определяется роль производственного фактора в экономическом потенциале городских территорий приграничья Центральной России, а также преимущественные возможности выхода из кризисной экономической ситуации малых и средних городов за счет развития туризма, возрождения уникального ремесленного производства, активизации бюджетного финансирования. Особого внимания заслуживают монографии М.В. Перьковой по современной истории малых городов Белгородской области [Перькова, 2016, с. 140]. Применительно к приграничным городам рассматриваются особенности конкурентного межгородского взаимодействия, а также определяется специфика внутригородского социально-экономического неравенства. Особо стоит отметить исследование Л.Н. Гончаровой, посвященное политическим и социально-экономическим аспектам укрупнения муниципальных городских поселений в Белгородской области в современный период истории [Гончарова, 2018, с. 178].

При изучении региональной истории российские ученые занимаются исследованием развития приграничных сельских территорий Центральной России. Процессу адаптации аграрного производства к рыночным условиям 1990-х гг. посвящены научные работы А.Д. Шафронова, Т.В. Абалакиной, А.В. Колесникова [Шафронов, 2012, с. 116; Абалакина, 2014, с. 116; Колесников, 2017, с. 21]. Особенности развития аграрно-промышленного комплекса в ходе обострения социальных проблем и ограничения использования природных ресурсов в некоторых приграничных районах Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей на рубеже XX–XXI вв. становятся предметом исследований отечественных ученых. Кризисные явления в сельской местности разбираются не только с точки зрения причин и динамики развития данных явлений, но также с позиции разработки и применения необходимых мер выхода из трудной социально-экономической ситуации в приграничных сельских районах с 1990-х гг. Ученые комплексно анализируют методику зонирования сельскохозяйственных территорий, варианты строительства региональных агропромышленных кластеров. Исторические аспекты внедрения системы управления устойчивым развитием в приграничье Центральной России также находят отражение в работах отечественных исследователей. В этом ракурсе разбираются вопросы совершенствования управления земельными ресурсами, проблемы комплексного использования плодородных земель. На первый план выходит тематика исследования экономической безопасности сельскохозяйственного производства в приграничных территориях Центрального федерального округа. Заслуживает внимания работа Т.Н. Соловьевой по истории развития сельских территорий в условиях обеспечения продовольственной безопасности [Соловьева, 2013, с. 203]. Комплексное рассмотрение истории государственной поддержки сельских приграничных поселений опирается на изучение социально-экономической эволюции деревень, динамики сельской производственной деятельности. При этом именно государственная финансовая поддержка сельской инфраструктуры рассматривается как залог стабильности экономического потенциала приграничных деревень. Авторский коллектив под руководством А.И. Добруновой детально определяет эволюцию системы жизнеобеспечения сельского населения. Учеными выявлены причины, сдерживающие формирование необходимых условий для улучшения экономического положения сельских жителей на рубеже XX–XXI вв. [Добрунова, 2022, с. 267]. В работах отечественных исследователей также выявляются причины разрыва в уровне приграничного городского и сельского развития Центральной России в период с 1990-х гг. Подробно разбирается история возникновения таких проблем постсоветского периода, как рост безработицы, ухудшение жилищных условий в приграничной сельской местности. На первый план выходит изучение региональной сельской истории в ракурсе формирования социальной сферы села, повышения качества жизни деревенских жителей. Ученые уделяют пристальное внимание изучению динамики повышения производительности сельскохозяйственного труда [Белокопытов, 2008, с. 157].

Характеризуя современную отечественную историографию регионально-демографической истории приграничья Центральной России в конце XX – начале XXI вв., стоит выделить третью группу исследований, посвященную анализу влияния приграничного положения на развитие рассматриваемых территорий. Большая часть работ отечественных ученых касается изучения динамики внешнеэкономических связей Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей с приграничными регионами соседних государств. Заслуживает внимания коллективная монография под редакцией М.В. Шатохина о влиянии внешнеэкономической деятельности на развитие приграничных территорий [Шатохин, 2016, с. 103]. Подробно разбирается история внешнеэкономических связей с Украиной, Белоруссией в 1990-е – 2010-е гг. Выявляются политические аспекты развития межрегионального гуманитарного сотрудничества. Отдельно рассматриваются вопросы поддержания торговых отношений приграничья Центральной России с соседними странами на рубеже XX–XXI вв. При этом на первое место выходит анализ обеспечения экономической безопасности

российских центральных приграничных регионов. Разбираются вопросы устойчивости трансграничного геополитического пространства, проблемы сохранения региональной идентичности российского приграничья. Даже изучается история таких узконаправленных процессов, как эволюция формирования приграничных туристских кластеров в 1990-е гг. В работах отечественных ученых к характеристике приграничных регионов Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей применяется категория «периферийный район» [Гомелько, 2019, с. 166]. Большинство исследователей сходится во мнении, что именно приграничное положение являлось определяющим фактором в региональном развитии приграничья Центральной России в период с 1990-х гг.

Одной из основных групп исследований по регионально-демографической истории приграничных регионов Центральной России является группа, касающаяся анализа экономических аспектов пространственных преобразований на данной территории в конце XX – начале XXI вв. Существенное влияние перехода к рыночным отношениям на экономическое развитие приграничных регионов прослеживается в работах отечественных ученых. Подробно разбирается история рыночной модернизации, преобразования в строительном комплексе, особенности функционирования регионального бюджета в Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областях. Изменения в регионально-экономических процессах в 1990-е гг. создали новые условия управления народным хозяйством в рассматриваемых приграничных регионах. На рубеже XX–XXI вв. трансформируется энергетическая стратегия приграничья Центральной России. Все больше появляется исследований, посвященных формированию инновационного потенциала региональной экономики. Отдельно стоит выделить работу О.В. Михеевой по истории инновационного развития Брянской области [Михеенко, 2015, с. 126]. Проблема усиления неравномерного социально-экономического развития российских регионов в 2000-е гг. становится предметом исследования отечественных ученых, специализирующихся на изучении эволюции приграничных территорий. Заслуживает внимание коллективная монография под руководством А.В. Евченко, посвященная истории регионально-экономического развития Курской области в первой половине 2000-х гг. [Евченко, 2007, с. 146]. Исследования ученых носят не только теоретический характер, но и имеют широкое практическое значение в части разработки вариантов преодоления регионально-экономической неравномерности. Определяются предпосылки формирования кластерной экономики, запуска трансграничных предпринимательских структур для повышения конкурентоспособности приграничных территорий Центральной России. Одной из фундаментальных работ по истории малого предпринимательства Белгородской области является монография Е.В. Токарь [Токарь, 2016, с. 102]. Появляются исследования, оценивающие зарубежный исторический опыт устойчивого сбалансированного экономического развития приграничья, а также работы, характеризующие опыт внедрения крупных инвестиционных проектов. Исторические условия формирования инвестиционного потенциала Смоленской области подробно разбирает О.П. Петрова [Петрова, 2007, с. 111]. Как один из факторов развития Смоленской области выделяется фактор пристольного положения и географической близости к Московскому столичному региону.

Анализ современной отечественной историографии регионально-демографической истории приграничья Центральной России в конце XX – начале XXI вв. позволяет выделить еще одну группу исследований, связанную с рассмотрением эволюции населения пограничных территорий. В условиях проведения рыночных реформ в 1990-е гг. особо остро встает вопрос об адаптации населения приграничных районов к новым социально-экономическим вызовам. История демографической ситуации в приграничных районах Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей становится предметом исследования различных отечественных ученых. Стоит отметить фундаментальный труд Н.В. Чугуновой по истории демографического развития Белгородской области в условиях рыночных преобразований 1990-х гг. [Чугунова, 2011, 139 с.].

Проблемы использования трудовых ресурсов в агропромышленном комплексе в годы рыночных реформ становятся одними из основных в демографическом развитии приграничья Центральной России. В отечественных исследованиях подробно разбираются межрегиональные приграничные трудовые миграции в этих регионах в конце XX в. Изучаются исторические особенности формирования рынка иностранной рабочей силы в приграничье. Анализ эволюции системы расселения российско-украинского и российско-белорусского приграничья в 1990-е гг. сопровождается выделением особенностей и направлений миграции населения этой территории. Отдельно определяется роль градостроительных процессов в формировании приграничной системы расселения в Центральной России. В начале XXI в. актуализируются вопросы формирования человеческого капитала, улучшения качества жизни населения, управления кадровым потенциалом, снижения уровня преступности в приграничных районах Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей. Стоит выделить монографию М.С. Уксусовой по истории повышения качества жизни населения Смоленской области [Уксусова, 2009, с. 80]. На первое место выходят вопросы истории медико-демографических процессов рассматриваемой территории. Выявляются особенности развития сферы медицинского обслуживания населения на рубеже XX–XXI вв. На примере Смоленской области разбирается история влияния природных и антропогенных факторов на здоровье населения приграничных районов. Получают распространение исторические исследования по развитию отдельных групп населения приграничья Центральной России. Так, в работе П.Н. Беспаленко прослеживаются особенности развития молодежи начиная с 1990-х гг. [Беспаленко, 2005, с. 128]

В современной отечественной историографии регионально-демографической истории приграничных районов Центральной России в 1990-е – 2010-е гг. необходимо выделить еще одну группу исследований, посвященных изучению развития экологических проблем в рассматриваемых пограничных территориях. Для регионального развития Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей в этот период времени было актуальным решение экологических проблем. Вопросы защиты окружающей среды нашли отражение в работах отечественных ученых, которые подробно рассматривали предпосылки ухудшения экологической ситуации в различных пограничных территориях Центральной России. Кроме того, выявлялись особенности функционирования системы охраны окружающей среды в приграничных российских регионах в сопоставительно-историческом аспекте исследования. Параллельно ученые подробно изучали историю экологического туризма, разбирали вопросы развития приграничной эколого-хозяйственной системы. Исторический опыт решения экологических проблем рассматривался исследователями в рамках изучения развития животноводства, использования железорудных месторождений в приграничных регионах. Динамика экологического состояния приграничных городских и сельских поселений на рубеже XX–XXI вв. также исследовалась отечественными учеными. Получает распространение такое направление исследований, как история экологического районирования. На примере приграничной территории Брянской области ученый В.К. Хлюстов выделяет предпосылки, ход и результаты применения ресурсно-экологического районирования [Хлюстов, 2013, с. 202].

Заключение

Изучение современной региональной истории предполагает исследование истоков не только ведущих общегосударственных процессов, связанных с разработкой, апробацией, формированием и реализацией стратегий регионального развития, динамикой пространственно-территориальных преобразований, эволюцией городов, поселков и сел, а также крупных регионов. Выявление ключевых исследовательских направлений, теоретических выводов ученых по проблемам региональной истории позволяет определить ведущие научные векторы в изучении динамики населения и народного хозяйства различной местности. Изучение современной отечественной региональной истории является наиболее значимым, потому что события настоящего имеют тесную связь с процессами и явлениями

недавнего прошлого. Это определяет и высокую практическую роль процесса изучения региональной истории периода конца XX – начала XXI вв. Особое значение играет исследование истории всего российского приграничья, в особенности пограничной территории Центральной России. За последние десятилетия отечественное научное сообщество подготовило значительное количество работ по регионально-демографической истории Белгородской, Брянской, Курской и Смоленской областей периода 1990-е – 2010-е гг. В результате анализа отечественной историографии процессов развития населения и народного хозяйства приграничных территорий Центральной России нами были изучены научные монографии современных российских ученых и выделено шесть групп исследовательских направлений: первая группа, касающаяся рассмотрения эволюции пространственно-территориальных преобразований; вторая группа, включающая исследования истории городских и сельских поселений; третья группа, посвященная анализу влияния приграничного положения на развитие рассматриваемых территорий; четвертая группа, касающаяся анализа экономических аспектов пространственных преобразований; пятая группа, связанная с рассмотрением эволюции населения пограничных территорий; шестая группа, посвященная изучению развития экологических проблем в приграничье Центральной России. Подробный анализ сформировавшихся научных исследовательских направлений позволил выявить особенности современной отечественной историографии регионально-демографического развития российского северо-западного приграничного региона на рубеже XX–XXI вв., связанные с комплексной оценкой исторических событий. Выявленные направления позволяют определить преимущественную научную проблематику, анализ которой имеет высокий практический потенциал при реализации стратегии регионального развития России в настоящее время.

Список литературы

- 60 лет Белгородской области. На пути созидания. 2014. Под общ. ред. В.В. Овчинникова. Белгород, Константа. 283 с.
- Абалакина Т.В. 2014. Механизм обоснования стратегии развития регионального агропромышленного комплекса. Москва, Изд-во Финансового университета. 116 с.
- Белгородская область: история и современность. 2007. Под общ. ред. Е.С. Савченко. Москва, Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт». 64 с.
- Белокопытов М.В. 2008. Пути повышения производительности сельскохозяйственного труда в Смоленской области. Смоленск, Изд-во Смоленской государственной сельскохозяйственной академии. 157 с.
- Беспаленко П.Н. 2005. Молодежь Белгородской области: вчера, сегодня, завтра. Белгород. 128 с.
- Внешнеэкономическая деятельность и развитие территорий. 2016. Под общ. ред. М.В. Шатохина. Курск, Деловая полиграфия. 103 с.
- Гаврилова Т.И. 2012. Этнокультурное наследие Курского края. Курск, Изд-во Юго-Западного университета. 142 с.
- Гончарова Л.Н. 2018. Политический, экономический и социальный аспекты укрупнения муниципальных образований Белгородской области. Белгород, Изд-во Белгородской областной типографии. 178 с.
- Диагностика уровня и динамики регионального развития (на материалах Курской области за период 2000–2005 гг.). 2007. Под общ. ред. А.В. Евченко. Курск, Изд-во Курского государственного технического университета. 146 с.
- Евдокимов М.Ю. 2002. Историко-культурное и природное наследие в региональном развитии (на примере Смоленской области). Смоленск, Ойкумена. 115 с.
- История земли Курской: социокультурный экскурс. 2015. Под общ. ред. Б.Д. Беспарточного. Курск, Изд-во Юго-Западного университета. 179 с.
- Капков К.Г. 2012. История сел Зимовенька и Беянка Белгородской области, XVII–XXI века. Церковь. События. Люди. Белгород, Летопись. 120 с.
- Карагодин А.В. 2009. Местное самоуправление в Белгородской области (финансово-экономический аспект). Белгород, Изд-во Белгородского юридического института. 84 с.

- Когай Е.А. 2020. Основания стратегического планирования развития территории: муниципальный уровень. Курск, Изд-во Курского государственного университета. 129 с.
- Колесников А.В. 2017. Тенденции развития сельскохозяйственного производства в Белгородской области. Москва, Российская академия наук. 21 с.
- Комплексное развитие сельских территорий Белгородской области: состояние, тенденции и перспективы. 2021. Под общ. ред. А.И. Добрунова. Белгород, Белгородский ГАУ. 254 с.
- Курская область в динамике социокультурных измерений. 2011. Под общ. ред. Е.А. Когай. Курск, Учитель. 232 с.
- Макеева С.Б. 2021. Трансформация региональной политики России и Китая в условиях неравномерности развития регионов (1980–2020-е гг.): сравнительно-историческое исследование. *Сравнительная политика*. 3: 98–111.
- Михеенко О.В. 2015. Инновационное развитие Брянской области: проблемы и пути решения. Брянск, РИО БГУ. 126 с.
- Перькова М.В. 2016. Возникновение и развитие малых городов Белгородской области. Белгород, Изд-во Белгородского государственного технологического университета. 140 с.
- Петрова О.П. 2007. Инвестиционный потенциал в сфере жилищного строительства (на материалах Смоленской области). Смоленск, Контент Плюс. 111 с.
- Развитие АПК и сельских территорий: проблемы и перспективы. 2022. Под общ. ред. А.О. Храмченковой. Москва, Первое экономическое изд-во. 267 с.
- Сацевич В.А. 2020. Управление государственными землями в Смоленской области и его совершенствование. Санкт-Петербург, Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 169 с.
- Соловьева Т.Н. 2013. Развитие сельских территорий в условиях обеспечения продовольственной безопасности. Курск, Изд-во Курской государственной сельскохозяйственной академии им. И.И. Иванова. 203 с.
- Токарь Е.П. 2016. Состояние и перспективы развития малого предпринимательства Белгородской области. Белгород, Изд-во Белгородского университета кооперации, экономики и права. 102 с.
- Уксусова М.С. 2009. Территориальный маркетинг как стратегическое направление повышения качества жизни населения Смоленской области. Смоленск, Маджента. 80 с.
- Формирование кластерной политики с целью развития приграничных территорий. 2019. Под общ. ред. Т.В. Гомелько. Смоленск, Изд-во Смоленского института экономики. 166 с.
- Хлюстов В.К. 2013. Комплексное ресурсно-экологическое районирование лесов Брянской области. Москва, Изд-во РГАУ-МСХА. 202 с.
- Чугунова Н.В. 2011. Социально-демографическое развитие Белгородской области изменяющейся России. Москва, ГЕОС. 139 с.
- Шафронов А.Д. 2012. Потенциал роста аграрной экономики. Брянск, РИО БГУ. 116 с.

References

- 60 let Belgorodskoj oblasti. na puti sozidanija [60 Years of the Belgorod Region. On the Path of Creation]. 2014. Pod red. V.V. Ovchinnikova. Belgorod, Konstanta. 283 p.
- Abalakina T.V. 2014. Mehanizm obosnovanija strategii razvitija regional'nogo agropromyshlennogo kompleksa [The Mechanism for Substantiating the Development Strategy of the Regional Agro-Industrial Complex], Moscow, Izd-vo Finansovogo universiteta. 116 p.
- Belgorodskaja oblast': istorija i sovremennost' [Belgorod Region: History and Modernity]. 2007. Pod red. E.S. Savchenko. Moscow, Konsaltingovaja grupa «IMIDZh-Kontakt». 64 p.
- Belokopytov M.V. 2008. Puti povyshenija proizvoditel'nosti sel'skohozjajstvennogo truda v Smolenskoj oblasti [Ways to Increase Agricultural Labor Productivity in the Smolensk Region], Smolensk, Izd-vo Smolenskoj gosudarstvennoj sel'skohozjajstvennoj akademii. 157 p.
- Bespalenko P.N. 2005. Molodezh' Belgorodskoj oblasti: vchera, segodnja, zavtra [Youth of the Belgorod Region: Yesterday, Today, Tomorrow]. Belgorod. 128 p.
- Vneshnejeconomicheskaja dejatel'nost' i razvitie territorij [Foreign Economic Activity and Territorial Development]. 2016. Pod red. M.V. Shatohina. Kursk, Delovaja poligrafija. 103 p.
- Gavrilova T.I. 2012. Jetnokul'turnoe nasledie Kurskogo kraja [Ethnocultural Heritage of the Kursk Region]. Kursk, Izd-vo Jugo-Zapadnogo universiteta. 142 p.

- Goncharova L.N. 2018. Politicheskij, jekonomicheskij i social'nyj aspekty ukрупnenija municipal'nyh obrazovanij Belgorodskoj oblasti [Political, Economic and Social Aspects of the Consolidation of Municipalities of the Belgorod Region], Belgorod, Izd-vo Belgorodskoj oblastnoj tipografii. 178 p.
- Diagnostika urovnja i dinamiki regional'nogo razvitija (na materialah Kurskoj oblasti za period 2000–2005 gg.) [Diagnostics of the Level and Dynamics of Regional Development (Based on the Materials of the Kursk Region for the Period 2000–2005)]. 2007. Pod red. A.V. Evchenko. Kursk, Izd-vo Kurskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 146 p.
- Evdokimov M.Ju. 2002. Istoriko-kul'turnoe i prirodnoe nasledie v regional'nom razvitii (na primere Smolenskoj oblasti) [Historical, Cultural and Natural Heritage in Regional Development (On the Example of the Smolensk Region)]. Smolensk, Ojkumena. 115 p.
- Istorija zemli Kurskoj: sociokul'turnyj jekskurs [History of the Kursk Land: Socio-Cultural Excursion]. 2015. Pod obshh. red. B.D. Bespartochnogo. Kursk, Izd-vo Jugo-Zapadnogo universiteta. 179 p.
- Kapkov K.G. 2012. Istorija sel Zimoven'ka i Beljanka Belgorodskoj oblasti, XVII–XXI veka [History of the Villages of Zimoven'ka and Belyanka, Belgorod region, 17th – 21st centuries]. Cerkov'. Sobytiya. Ljudi. Belgorod, Letopis'. 120 p.
- Karagodin A.V. 2009. Mestnoe samoupravlenie v Belgorodskoj oblasti (finansovo-jekonomicheskij aspekt) [Local Self-Government in the Belgorod Region (Financial and Economic Aspect)], Belgorod, Izd-vo Belgorodskogo juridicheskogo instituta. 84 p.
- Kogaj E.A. 2020. Osnovaniya strategicheskogo planirovaniya razvitija territorii: municipal'nyj uroven' [Foundations of Strategic Planning of Territorial Development: Municipal Level]. Kursk, Izd-vo Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 129 p.
- Kolesnikov A.V. 2017. Tendencii razvitija sel'skohozjajstvennogo proizvodstva v Belgorodskoj oblasti [Trends in the Development of Agricultural Production in the Belgorod Region], Moscow, Rossijskaja akademija nauk. 21 p.
- Kompleksnoe razvitie sel'skih territorij Belgorodskoj oblasti: sostojanie, tendencii i perspektivy [Integrated Development of Rural Territories of the Belgorod Region: Status, Trends, and Prospects]. 2021. Pod red. A.I. Dobrunova. Belgorod, Belgorodskij GAU. 254 p.
- Kurskaja oblast' v dinamike sociokul'turnyh izmerenij [Kursk Region in the Dynamics of Socio-Cultural Dimensions]. 2011. Pod obshh. red. E.A. Kogaj. Kursk, Uchitel'. 232 p.
- Makeeva S.B. 2021. Transformacija regional'noj politiki Rossii i Kitaja v uslovijah neravnomernosti razvitija regionov (1980–2020-e gg.): sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie [Transformation of Regional Policy of Russia and China in the Context of Uneven Development of Regions (1980–2020s): A Comparative Historical Study]. *Sravnitel'naja politika [Comparative politics]*, № 3: 98–111.
- Miheenko O.V. 2015. Innovacionnoe razvitie Brjanskoj oblasti: problemy i puti reshenija [Innovative Development of Bryansk Region: Problems and Solutions], Bryansk, RIO BGU. 126 p.
- Per'kova M.V. 2016. Vozniknovenie i razvitie malyh gorodov Belgorodskoj oblasti [The Emergence and Development of Small Towns in the Belgorod Region]. Belgorod, Izd-vo Belgorodskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. 140 p.
- Petrova O.P. 2007. Investicionnyj potencial v sfere zhilishhnogo stroitel'stva (na materialah Smolenskoj oblasti) [Investment Potential in Housing Construction (Based on the Materials of the Smolensk Region)], Smolensk, Kontent Pljus. 111 p.
- Razvitie APK i sel'skih territorij: problemy i perspektivy [Development of the AIC and Rural Territories: Problems and Prospects]. 2022. Pod red. A.O. Hramchenkoj. Moscow, Pervoe jekonomicheskoe izd-vo. 267 p.
- Sacevich V.A. 2020. Upravlenie gosudarstvennymi zemljami v Smolenskoj oblasti i ego sovershenstvovanie [Management of State Lands in the Smolensk Region and its Improvement], St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta tehnologij upravlenija i jekonomiki. 169 p.
- Solov'eva T.N. 2013. Razvitie sel'skih territorij v uslovijah obespečenija prodovol'stvennoj bezopasnosti [Development of Rural Areas in the Context of Food Security], Kursk, Izd-vo Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozjajstvennoj akademii im. I.I. Ivanova. 203 p.
- Tokar' E.P. 2016. Sostojanie i perspektivy razvitija malogo predprinimatel'stva Belgorodskoj oblasti [The State and Prospects for the Development of Small Entrepreneurship in the Belgorod Region], Belgorod, Izd-vo Belgorodskogo universiteta kooperacii, jekonomiki i prava. 102 p.
- Uksusova M.S. 2009. Territorial'nyj marketing kak strategicheskoe napravlenie povyshenija kachestva zhizni naselenija Smolenskoj oblasti [Territorial Marketing as a Strategic Direction for Improving the Quality of Life of the Population of the Smolensk Region]. Smolensk, Madzhenta. 80 p.

- Formirovanie klasternoj politiki s cel'ju razvitija prigranichnyh territorij [Formation of Cluster Policy for the Development of Border Territories]. 2019. Pod red. T.V. Gomel'ko. Smolensk, Izd-vo Smolenskogo instituta jekonomiki. 166 p.
- Ніжстов В.К. 2013. Комплексное ресурсно-экологическое районирование лесов Брянской области [Integrated Resource and Ecological Zoning of Forests in the Bryansk Region]. Moscow, Izd-vo RGAU-MSHA. 202 p.
- Chugunova N.V. 2011. Social'no-demograficheskoe razvitie Belgorodskoj oblasti izmenjajushhejsja Rossii [Social and Demographic Development of the Belgorod Region in a Changing Russia]. Moscow, GEOS. 139 p.
- Shafronov A.D. 2012. Potencial rosta agrarnoj jekonomiki [Growth Potential of the Agrarian Economy], Bryansk, RIO BGU. 116 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.03.2025

Received 12.03.2025

Поступила после рецензирования 10.06.2025

Revised 10.06.2025

Принята к публикации 12.06.2025

Accepted 12.06.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Макеева Светлана Борисовна, доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом исторической и региональной демографии, Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Svetlana B. Makeeva, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Head of the Department of Historical and Regional Demography, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0003-2953-0411](https://orcid.org/0000-0003-2953-0411)

УДК 94(470)
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-722-731
EDN TMBDEU
Оригинальное исследование

Когнитивно-ментальная война и русский культурный код

Матвеева А.М.

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет,
Россия, 125319, г. Москва, Ленинградский пр., 64
E-mail: alexmatveeva828@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из дискуссионных тем в современной военно-исторической науке и теоретической геополитике – когнитивно-ментальной войне как направлению гибридной войны против России. Рассматривается генезис как данного явления, так и самого понятия с целью раскрытия его содержания в конкретно-историческом ключе. В статье приводится обоснование целесообразности объединения понятий «когнитивная война» и «ментальная война». Раскрывается суть понятия «культурный код». Выявляется место и значение русофобии в когнитивно-ментальной войне. Выделяются основополагающие принципы воздействия по перепрограммированию культурного кода народа. Делается вывод о нацеленности когнитивно-ментального воздействия именно на русский культурный код многонациональной России, где слабым звеном выступает часть оторванной от народа элиты. В то же время народ нашей страны в условиях начавшейся спецоперации на Украине оказывает активное сопротивление стремлению его переформатировать, активизировав такую важную часть культурного кода, как коллективно-историческая память.

Ключевые слова: когнитивно-ментальная война, русский культурный код, русофобия, гибридное воздействие, психоистория

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Матвеева А.М. 2025. Когнитивно-ментальная война и русский культурный код. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 722–731. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-722-731. EDN: TMBDEU

Cognitive-Mental Warfare and the Russian Cultural Code

Alexandra M. Matveeva

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University,
64 Leningradsky Ave., Moscow 125319, Russia
E-mail: alexmatveeva828@mail.ru

Abstract. The article is devoted to one of the controversial topics in modern military historical science and theoretical geopolitics – cognitive-mental warfare as a direction of hybrid warfare against Russia. The author explores the genesis of both this phenomenon and the concept itself in order to reveal its content in terms of a specific period in history. The paper provides a justification for the expediency of combining the concepts of "cognitive warfare" and "mental warfare". The essence of the "cultural code" concept and the place and significance of Russophobia in the cognitive-mental war is revealed. The fundamental principles of reprogramming the cultural code of a nation are highlighted. The author concludes that the cognitive-mental impact is aimed specifically at the Russian cultural code of multinational Russia, where the weak link is a part of the elite isolated from the people. At the same time, the people of our country, in the context of the Special Operation that has begun in Ukraine, are actively resisting the desire to reformat it, activating such an important part of the cultural code as collective historical memory.

Keywords: cognitive-mental warfare, Russian cultural code, Russophobia (anti-Russian sentiment), hybrid impact, psychohistory

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Matveeva A.M. 2025. Cognitive-Mental Warfare and the Russian Cultural Code. *Via in tempore. History and political science*. 52(3): 722–731 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-722-731. EDN: TMBDEU

Введение

Пролиферация¹⁷⁹ гибридной войны приводит к появлению ее новых форм и видов. Так сформировалось целое направление – война против культурного кода народов, и она занимает центральное место в арсенале гибридного воздействия. Эта позиция разделяется многими авторитетными геополитиками. Конфликтолог С. Хантингтон в своей знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» 1996 г. отмечал, что в постбиполярном мире линии будущих фронтов будут прочерчены по линиям цивилизационного разлома (это религиозные, этнические, лингвистические и прочие историко-культурные факторы), и целью войн нового типа будет установление контроля над народом, населяющим территорию интересующего государства [Хантингтон, 2003, с. 407–409]. Крупнейший исследователь проблем современной геополитики А.А. Бартош конкретизирует тезис С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, говоря о том, что главная угроза стабильности миропорядка гораздо глубже – в попытке англосаксонского мира заменить культурный, исторический код народов на «сомнительные, во многом неприемлемые ценности» [Бартош, 2020]. Военный историк Д. Тренин также подчеркивает, что сегодня международной безопасности угрожают прежде всего конфликты на этнической и религиозной почве [Тренин, 1999, с. 17]. Философ и геополитик А.Г. Дугин указывает, что в современной гибридной войне, которую ведет против мира англосаксонское «масонство XXI века», основной мишенью являются традиционные культурные смыслы цивилизаций [Дугин, 2012].

Таким образом, современная отечественная геополитическая мысль констатирует, что гибридная война прежде всего направлена на слом культурного кода цивилизаций и создавших их народов.

Объекты и методы исследования

Объектами данного исследования выступают русский культурный код в условиях ведущейся против него когнитивно-ментальной войны и собственно сама когнитивно-ментальная война как феномен гибридных войн XXI в. Поскольку исследование произведено на стыке наук – истории, военной науки и политологии, то в его основе использовались исторические методы: метод актуализации, историко-генетический и системный подходы; методы военной науки – оценка ситуации с позиции противника, анализ сценариев развития ситуации; политологии – психологический и сравнительный. Кроме того, были использованы и общенаучные методы: анализ, систематизация, обобщение материала.

Результаты исследования и их обсуждение

В определении культурного кода существует множество формулировок. Психоаналитик К. Рапай исходит из того, что это некое культурное бессознательное – то, что предопределяет народную психологию, а значит, и поведенческие механизмы [Рапай, 2015]. М. Фуко ввел термин во многом синонимичный культурному коду – эпистема, понимая под ним

¹⁷⁹ Пролиферация – термин взят из биологии и обозначает процесс размножения клетки делением. В гуманитарных науках этим термином обозначают разрастание и усложнение социально-исторического процесса, явления, объекта.

совокупность убеждений, ценностей, норм – всего, что формирует мировоззренческую картину и его репрезентацию народа [Фуко, 2004, с. 350–351].

Культурный код народа – это условие существования самого народа, поскольку он и есть основа его самоидентификации. В то же время это важнейшая духовная, ментальная скрепа народа с его Родиной, которая предопределяет жизнь цивилизации как «культурно-исторического типа». Аннигиляция культурно-исторического бытия народа превращает его в собрание индивидов с общим самоназванием (которое для части этого народа становится чуждым или «постыдным»), поскольку единство исторического пути и культурные ценности вырываются из коллективной памяти – она фактически стирается, а коллективное сознание становится переформатированным под нужный образец. Так, во время бомбардировок Сербии в 1999 г. Госдеп США озвучил в сущности доктрину гибридной войны по переформатированию народа: «НАТО оставит сербов в покое только тогда, когда те перестанут быть сербами. Сербы должны забыть свою историю и религию и сосредоточиться на зарабатывании денег и получении указаний от Мирового банка и таких людей, как Джордж Сорос» [Гуськова, 2013, с. 142].

В результате слома культурного кода обеспечивается подрыв воли народа к сопротивлению и установление тотального геополитического контроля над территорией страны-объекта гибридного воздействия с ее ресурсами, включая и людей как особый вид ресурсов.

С 1990-х гг., с момента популяризации термина «россияне», в отечественной историографии все чаще можно встретить «российский культурный код» в том же ряду, что «российская цивилизация», «российский менталитет», встречается даже «русско-российская» интеллигенция, идея и т. д. [Фарах, 2022]. Подобное стремление отразить многонациональность нашей страны, вероятно, уместно в политическом контексте, но не в конкретно-историческом, ведь, например, русского языка не существует, а есть русский. И именно русский народ создал государство и цивилизацию, благодаря которой Россия и стала многонациональной державой, основанной не на во многом фальшивой толерантности, а на настоящем братстве народов. Выше обозначенный подход напоминает нигилистические настроения столетней давности, когда отрицалось наличие русской культуры. Когда русскую цивилизацию стесняются называть «русской» – что это, как не русофобия. В этой связи уместно привести слова А.И. Фурсова о том, что русофобия как стратегия нацелена на «уничтожение, стирание из истории, растворение в других народах» русских «как особой этноисторической, державообразующей целостности» [Фурсов, 2015].

Наднациональное мышление русского народа, выросшее на базе славянской территориальной общины, позволило ему, иногда жертвуя своими интересами, сплотить в рамках единого государства этнически и конфессионально различные народы. Некоторые адепты классической геополитики, полагающие, что в деле стратегической безопасности государства важно только удержать периметр и не принципиально, какой народ его будет изнутри удерживать, в корне ошибаются. Многонациональная Россия без русского народа превратится в очаг сплошных кровавых конфликтов на национальной и религиозной почве. Это сделает ее легкой добычей для соседей. Но и Желтороссия, например, с массовым приходом сюда китайцев, не получится. Кровнородственные начала, существующие в их культурном коде, не предусматривают сожительство с другими народами, русскими и нерусскими, на их территории. Поэтому среди всех многочисленных народов России прежде всего русский культурный код под прицелом гибридной войны.

Говоря о гибридном воздействии, важно отграничить научное изучение культурного кода с целью его взлома с последующей аннигиляцией и идеологическое направление, которое нацелено на создание русофобских теорий¹⁸⁰. Для последнего объективная информация и

¹⁸⁰ При этом сами русофобские теории являются средством воздействия на культурный код, когда проникают внутрь коллективного сознания и усваиваются частью общества, потенциальными «смердяковыми».

научные знания не столь важны, это область создания стереотипов и образов для формирования нужного восприятия и отношения. Здесь уместно наблюдение профессора Н. Таньшиной о том, что американцы с началом холодной войны изучали русский/советский менталитет по произведениям Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, что дало возможность создать еще один русофобский стереотип – о «маниакально-депрессивном психозе» русского народа как части его коллективного психического уклада [Таньшина, 2024, с. 42]. Для ученых-разработчиков программ по взлому русского культурного кода важна не сама русофобия, которая является одним из следствий и их работы, а русофобология – научное направление, возникшее на Западе, изучающее русофобию как идеологию для анализа воздействия тех или иных антирусских мифов и стереотипов на российское общество, конкретно на общественное сознание и на часть элиты, которая эту идеологию разделяет и распространяет. Однако в практическом отношении русофобия может использовать результаты научного изучения русского кода с целью «подавления русскости как психоисторического комплекса» [Фурсов, 2015].

Первые попытки исследования русского культурного кода были предприняты на Западе во второй половине XIX в. Тогда в академических и военно-аналитических центрах Западной Европы начались системные исследования русского народа, которые были выделены в «остфоршунг» – дословно в переводе с немецкого: «исследование Востока», «востоковедение». Однако предмет данного направления был связан прежде всего с Россией.

В начале 1920-х гг. авангардом «остфоршунга» был Русский научный институт при Министерстве иностранных дел Германии, расположенный в Берлине. В этом «мозговом центре» по изучению России и русских как государствообразующего народа с целью выявления их зон уязвимости работали в основном пассажиры так называемого «философского парохода». В 1933 г. институт перешел в ведение геббельсовского Министерства просвещения и пропаганды. После Великой Отечественной войны на базе Русского института появился Институт по изучению истории и культуры СССР под кураторством ЦРУ, БНД и Гарвардского университета. Разработки института влились в американскую советологию.

В этой связи показательны работы бывшего белогвардейского офицера, перешедшего в годы Второй мировой на службу в Вермахт, Е.Э. Месснера. Как и большинство нацистских преступников, сумевших избежать трибунала, Месснер бежал в Аргентину, где в 1960 г., развивая свою концепцию динамики войны, пришел к следующему выводу: «В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве» [Месснер, 1960, с. 43]. Он подчеркивал, что именно «психика народов» будет еще одним полем войны, т. е. речь шла о структурах культурного кода. Впоследствии разработки Месснера были взяты на вооружение стратегами НАТО.

Однако долгое время воздействие на культурный код в военных целях не имело названия и предметного определения. Оно рассматривалось как часть информационного или информационно-психологического аспекта холодной войны или позже – гибридной войны.

В 2020 г. в публичном дискурсе появился термин «когнитивная война», прозвучав в докладах военных аналитиков НАТО. Под когнитивной войной западные исследователи понимали войну в области сознания противника, нацеленную на его перепрограммирование, на «взлом разума», приводящую к слому его воли и превращению в легкий объект для манипуляции [Медушевский, 2023, с. 87]. По мнению А. Медушевского, кардинальное отличие когнитивной войны от информационной, психологической войны – «в объекте воздействия – это война не с тем, что мы думаем (как в информационной войне и пропаганде), но с тем, как мы думаем, т. е. изменение самого способа конструирования картины реальности» [Медушевский, 2023, с. 89]. Поскольку в ходе когнитивной войны должно быть переформатировано прежде всего мировосприятие противника, в том числе осознание своих

потребностей и целей, то она имеет объектом своего воздействия целые народы, цивилизации. Искажение восприятия реальности приводит к трансформации принятых решений, т. е. к запрограммированному субъектом когнитивной войны – действию объекта.

В российской науке когнитивная война трактуется более узко, либо как разновидность информационной войны [Алексеев, Алексеева, 2021], либо как форма гибридной войны, «которая использует кибернетические инструменты для изменения познавательных процессов противника» [Макаров, 2023].

Ответом отечественной военно-научной мысли на натовскую концепцию «когнитивной войны» было введение в 2021 в научный оборот теории «ментальной войны» А.М. Ильницким. Под ментальной войной он понимает войну, нацеленную на трансформацию мировоззрения и разрушение цивилизационных основ противника, через блокирование в сознании людей критического мышления, стремления к истине и погружение общественного сознания в создаваемый информационными технологиями противника «мир постправды», наполненный определенным контентом [Ильницкий, 2021, с. 25]. Это война, нацеленная на слом исторического самосознания, базовых смыслов цивилизации, мировоззрения народа [Ильницкий, 2021, с. 26–27]. Все это – часть русского культурного кода.

В историографии, как правило, ментальная и когнитивная войны разводятся. Когнитивная война рассматривается как форма информационно-психологической войны в области сознания с подключением новых технических средств (нейронного оружия, искусственного интеллекта) и наук (нанотехнологий, биотехнологий, когнитивных наук). По сути, это новый инструментарий, материально-информационно-техническая база и условие для проведения эффективной ментальной войны. Наиболее точно суть расхождения этих близких понятий выразил Е. Макаров: «МВ (ментальная война – А.М.) – это борьба за то, о чем думать, а КВ (когнитивная – А.М.) – как думать и, соответственно, как действовать» [Макаров, 2023].

Однако в ходе реализации гибридного воздействия на культурный код видно, что когнитивная и ментальная войны теснейшим образом взаимосвязаны и, как правило, выступают в связке. Исходя из вышесказанного, применительно к истории XXI века уместно говорить о когнитивно-ментальной войне. Её механизм создавался еще в годы холодной войны. Именно его воздействие привело к уничтожению советской цивилизации. Но тогда это была стадия обкатки новой технологии войны. На современном этапе когнитивно-ментальная война является ключевой в арсенале гибридного противодействия. Когнитивно-ментальная война – это война в области культурного кода, с экзистенциальными, глубинными целями – не трансформировать, а стереть или «обнулить» историческую память; вызвать не просто изменение отношения, а тотальное отрицание, неприятие через «культуру отмены» культурно-исторических и цивилизационных основ собственного народа. Это область ментального противоборства, но для реализации этих целей служат новые методы когнитивной войны с ее технологиями в свете современных данных наук о мозге, с использованием киберпространства, данных нейронаук.

Близкое по содержанию понятие предлагает историк Андрей Фурсов, когда говорит о психоисторической войне¹⁸¹. Объектом данной войны, по Фурсову, выступает «психосфера общества-мишени», прежде всего политической элиты, с целью перепрограммирования ее под нужный формат. Он выделяет несколько ее уровней, определяя в качестве высшей цели этой войны – «лишить "мишень" ее метафизики и воли к сопротивлению» через внедрение в сознание «мишени» установки на саморазрушение через самонеприятие – «ненависти к своему, к самим себе – приязнь к чужому» [Фурсов, 2015].

¹⁸¹ Термин «психоистория» взят из цикла романов писателя-фантаста А. Азимова «Основание» (в другом переводе «Академия»). Психоистория в этих произведениях рассматривается как наука, изучающая цивилизации на основе комплексного подхода, рассматривающего историю человеческих обществ во взаимосвязи со сферой психоментального сознания и среды. Эта вымышленная наука должна была прогнозировать направления развития цивилизаций и воздействия на этот процесс для корректировки его в правильном направлении.

Термин «психоисторическая война» не совсем корректен ввиду дублирования его в другом значении, в рамках существования направления в психоанализе – психоистории, основоположником которого является американский психолог и историк Ллойд де Моз. В его подходе фрейдистский психоанализ переносится на трактовку исторических событий, когда «групповые фантазии», «коллективные травмы прожитого опыта», «прохождение через родовые каналы» и так далее определяют исторические события [Де Моз, 2000, с. 123–130].

Однако в рамках данного направления есть важный аспект – работа со сферой подсознания. Если отойти от примитивно-биологической трактовки Фрейда, то область подсознания человека хранит в себе информацию о выработанных в ходе коллективно-исторического опыта культурно-социальных инстинктах, которые и отличают человека от животного. Они могут не осознаваться, но «включаются» при погружении человека в соответствующие условия – то есть срабатывает культурный код. Так, в ходе специальной военной операции у наших солдат и офицеров активизировалась память о Великой Отечественной войне: «Деды победили, и мы победим». В ходе спецрепортажей с линии фронта видно, что молодые бойцы украшают свои временные обители красными флагами, портретами Сталина, Жукова, героев Великой Отечественной войны [В Госдуме показали..., 2024]. И дело здесь не только в исторических аналогиях. Образ русского воина, защитника-богатыря – часть русского культурного кода. Расположенная между зачастую недружественными Европой и Азией, без каких-либо естественных защитных рубежей, Россия развивалась в оборонительной геостратегической парадигме. Оборона государства, как в свое время отметил Д.И. Менделеев, подразумевала «защиту самостоятельности и возможность развивать народные исторические особенности» [Менделеев, 2008, с. 180].

Русская военная культура – особая. Русская/советская/российская армия – это совесть, это защита мирных граждан, это помощь ближнему, гуманизм к пленным и высокая дисциплина. И Крымская весна, и спецоперация на Украине наглядно высветили ее цивилизационный код, который наша армия не утратила.

Говоря о психоистории, также надо отметить, что сегодня существуют и последователи-адепты психоистории в том значении, в котором ее рассматривал автор данного термина А. Азимов. Они пытаются перенести эту вымышленную науку из сферы научной фантастики в область современной гносеологии¹⁸².

«Психосфера общества-мишени», о чем говорит Фурсов, – понятие предметно размытое, лишенное конкретно-исторического наполнения. Исходя из целей гибридной войны, ведущейся против нашей страны, объектом когнитивно-ментальной войны выступает именно русский культурный код. Об этом возвестил сам «глобальный Рейх» с началом спецоперации на Украине устами последователей доктора Геббельса вроде премьер-министра Польши М. Моравецкого. В мае 2022 г. этот деятель в лучших традициях пропаганды Третьего рейха высказался о том, что «русский мир – это раковая опухоль, которая представляет смертельную угрозу для всей Европы. Поэтому недостаточно поддерживать Украину в ее военной борьбе с Россией. Мы должны полностью искоренить эту чудовищную новую идеологию» [Премьер Польши пожелал..., 2022].

На Западе под запрет попало все, что относится к Золотому фонду русской культуры: Пушкин (даже ему на Украине снесли памятник в апреле 2022 г.), Достоевский, Чайковский, Шостакович и т. д. Популярный в Европе русский мультфильм «Маша и Медведь» был раскритикован и запрещен в ряде стран, в том числе и на Украине, потому что Медведь – это символ России. Якобы через положительного персонажа Мишу Россия пыталась детям привить позитивное восприятие себя [Почепцов, 2019, с. 99].

¹⁸² Например, С. Переслегин, который ведет целый курс «психоистории» в ключе альтернативной истории.

Заключение

Когнитивно-ментальная война – самая эффективная в арсенале гибридного воздействия на противника, поскольку демонтаж культурного кода – это контрольный удар, после которого невозможно оправиться. Война в области экономики, дипломатии, информации, классическая война на поле боя не могут уничтожить народ полностью, который может возродить государство. Проигрыш в войне по аннигиляции культурного кода не дает никаких шансов спасти хоть что-то утраченное. Сегодня на тех же, что и против советского народа, фронтах ведется когнитивно-ментальная война против скрепляющего в братском единстве российский многонациональный народ русского народа. Это разрушение самоидентификации народа и уничтожение формирующих его основ – исторической памяти. Перефразируя выше приведенные слова: «Русские должны перестать быть русскими»

В августе 2020 г. ВЦИОМ провел опрос, отразивший важные тенденции в русском общественном самосознании. По его данным, русские люди в числе отрицательных качеств, которые можно отнести к «русскому характеру», назвали пристрастие к алкоголю и наркотикам, надежду на «авось», лень, безынициативность, вялость, а также всепрощение, покорность, отсутствие единства, разобщенность и эгоизм, жестокость, злобность, завистливость и агрессивность [ВЦИОМ: две трети россиян..., 2020]. Эти качества, настраивая солдат вермахта на войну с СССР, приписывал русскому народу министр пропаганды Третьего Рейха Й. Геббельс. Потеря национальной гордости – важнейший инструмент демонтажа народа, потому что он утрачивает связь с Родиной.

Когнитивно-ментальная война носит тотальный характер и охватывает все группы общества с учетом возрастных, гендерных, социальных, профессиональных особенностей и т. д. Такой подход учитывает их разную степень когнитивной устойчивости, типологию поведенческих механизмов, шире – стереотипизацию поведения, что в итоге через комплексный анализ многообразия и уникальности культуры страны и народа позволяет реализовать широкий фронт цивилизационной войны, – войны на уничтожение культурного кода. Большой вклад в разработку проблемы социальных кодов внес А.К. Байбурин. Он отмечал, что коллективные типовые программы поведения ограничивают рост его вариативности, защищая таким образом коллектив от распада [Байбурин, 1985, с. 37]. Когнитивное воздействие направлено на взлом этих социальных кодов. Например, слабо устойчивой в когнитивном отношении аффективной молодежи транслируется образ-картинка лучшей жизни за пределами Родины. Сегодня большое количество российской молодежи мечтает об эмиграции [Козлова, 2019], молодые россияне становятся космополитичны в своих воззрениях, а значит, теряется чувство переживания и ответственности за судьбу Отечества, теряется связь со своим культурным кодом, и некоторым становится «стыдно быть русскими». Те, с кем такое обстоятельство случилось, так называемая элита, эмигрировали, резко отмежевавшись не только от беды, с которой столкнулась Родина, но и от собственного народа. Это в очередной раз высвечивает классовый характер внутренней русофобии (смердяковщины) и, как следствие, то, что именно представители различных элит прежде всего подвержены переформатированию сознания в процессе когнитивно-ментального воздействия. Ведь культурный код – это субстанция народная. Отмежевание от собственного народа «богема» приводит к полной утере связи с культурно-историческими корнями. И поэтому такая прослойка часто становится «пятой колонной», проводниками когнитивно-ментального воздействия. И эмигрантская «богема» 1920–1940-х гг. писала о собственном народе крайне пренебрежительно («восставший хам», «чернь», «страшный зверь»), и современная, как тонко определил политолог Кургинян, «элитка» не стесняется в выражениях, говоря о «квасном патриотическом большинстве», «нищобродах, мешающих отдыхать» или, как высказался когда-то известный российский журналист, сбегавший с началом спецоперации в Израиль, А. Невзоров: «Так называемый народ, так называемое быдло, эта

глубинка, это загипнотизированное пропагандой безграмотное, нищее и несчастное население России» [Суханова, 2017; «Нищее быдло»: Невзоров..., 2022].

Однако с началом спецоперации стало понятно, что русский культурный код жив. И далеко не вся российская молодежь превратилась в манкуртов. Еще К. Юнг, Э. Фромм писали о коллективной бессознательной исторической памяти и архетипах, которые существуют в подсознании. Как отмечают исследователи: «Механизмом воспроизведения исторической памяти (в контексте нашего исследования – оживления через активизацию сознания – А.М.) служит придание личностного смысла событиям ушедшей эпохи» [Филатова, Филатов, 2017, с. 116].

Война с неонацистами пробудила историческую память, сопереживание к важнейшей странице нашей истории, к Великой Отечественной войне, когда вокруг старшего брата – русского народа – сплотился весь многонациональный советский народ. В освобожденных городах российские солдаты и ополченцы стали вывешивать красные знамена Великой Победы, появились национальные герои вроде ополченца Чапая в красноармейской папаше, и нашу армию в СМИ все чаще стали называть Красной Армией. Стала просыпаться историческая память, заработал русский цивилизационный код. И крайне важно, чтобы он не заснул вечным сном у остальной части общества. Для этого необходима разработка контрстратегии когнитивно-ментальной войны как части концепции государственной и национальной безопасности, где главной целью должно быть провозглашено сохранение русского народа и его культурного кода как основы существования многонациональной России.

Список источников

- В Госдуме показали быт бойцов СВО на передовой с портретом Сталина в землянке (4.03.2024): URL: <https://lenta.ru/news/2024/03/04/v-gosdume-pokazali-byt-boytsov-svo-na-peredovoy-s-portretom-stalina-v-zemlyanke/> (дата обращения: 5.04.2025).
- ВЦИОМ: Две трети россиян уверены в существовании «русского характера». Москва – агентство городских новостей. 24.08.2020: URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3035041> (дата обращения: 30.03.2025).
- «Нищее быдло»: Невзоров оскорбил русский народ (07.06.2022). Новороссия: URL: <https://novorosinform.org/nishee-bydlo-nevzorov-oskorbil-russkij-narod-96675.html> (дата обращения: 5.04.2025 г.).
- Премьер Польши пожелал уничтожить «русский мир» (13.05.2022). LENTA.RU – Новости России и мира сегодня: URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/13/rusmir/> (дата обращения: 13 апреля 2025).

Список литературы

- Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. 2021. Цифровизация и когнитивные войны. Философия и общество. 4(101): 39–51: URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3086350/> (дата обращения: 20.03.2025).
- Байбурун А.К. 1985. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура. В: Этнические стереотипы поведения. Под ред. А.К. Байбурина. Ленинград, Издательство «Наука», Ленинградское отделение. 325: 36–46.
- Бартош А. 2020. Гибридная война против культурного кода. Независимое военное обозрение. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2020-12-24/8_1123_gpolit.html (дата обращения: 16.03.2025).
- Гуськова Е.Ю. 2013. Агрессия НАТО против Югославии и процесс мирного урегулирования. Москва, Индрик, 2013, 321 с.
- Де Моз Л. 2000. Психоистория. Пер с англ. Ростов-на-Дону, Феникс, 2000, 512 с.
- Дугин А.Г. 2012. Геополитика постмодерна. Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-postmoderna> (дата обращения: 21.03.2025).
- Ильинский А.М. 2021. Ментальная война России. Военная мысль. 8: 19–33.
- Козлова А. 2019. Почти половина российской молодежи хочет уехать из страны. Новости России и мира. Комсомольская правда в РФ – газета, радио и сайт. URL: <https://www.kp.ru/daily/26937/3988464/> (дата обращения: 30.03.2025).

- Макаров Е.Б. 2023. Ментальные и когнитивные войны: вопросы определения, цели и средства. Информационные войны. 2(66): 2–7.
- Медушевский А.Н. 2023. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. (Часть 1). Вопросы теоретической экономики. 2: 85–98.
- Менделеев Д.И. 2008. Познание России. Заветные мысли. Москва, Эксмо, 2008, 688 с.
- Месснер Е.Э. 1960. Мятёж – имя третьей всемирной. Буэнос-Айрес, 1960, 188 с.
- Почепцов Г.Г. 2019. Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях. Москва, ОМКО, 2019, 320 с.
- Рапай К. 2015. Культурный код: Как мы живем, что покупаем и почему. Пер. с англ. Москва, Альпина Паблицер, 2015, 168 с.
- Суханова И. 2017. «Нищелюбов» не пускать: Собчак предложила ввести в Монако налог с туристов, чтобы бедные не мешали отдыхать богатым. Новости России и мира. Комсомольская правда в РФ – газета, радио и сайт. URL: <https://www.kp.ru/daily/26684/3708142/> (дата обращения: 4.04.2025).
- Таньшина Н.П. 2024. Русофобия. История изобретения страха. Москва, Концептуал, 2024, 426 с.
- Тренин Д. 1999. Введение. В кн.: Косово: международные аспекты кризиса, Москва, Моск. Центр Карнеги, 1999: 15–31.
- Фарах С. 2022. Российская цивилизация: энергии пространства и человека: монография. Москва, ИД Академии Жуковского, 2022, 320 с.
- Филатова Н.В., Филатов Ф.Р. 2017. О возможности исторического психоанализа. Новое прошлое / The New Past. 4: 106–126.
- Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. Санкт-Петербург, ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004, 416 с.
- Фурсов А. 2015. Русофобия – психоисторическое оружие в войне против России. Царьград: URL: https://tsargrad.tv/articles/andrej-fursov-rusofobija-psihoistoricheskoe-oruzhie-v-borbe-protiv-rossii_2345 (дата обращения: 8.04.2025).
- Хантингтон С. 2003. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Москва, ООО «Издательство АСТ», 2003, 603 с.

References

- Alekseev A.P., Alekseeva I.Ju. 2021. Cifrovizacija i kognitivnye vojny [Digitalization and Cognitive Warfare]. *Filosofija i obshhestvo*. 4(101): 39–51. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3086350/> (accessed 20 March 2025).
- Bajburin A.K. 1985. Etnicheskie aspekty izucheniya stereotipnyh form povedeniya i tradicionnaya kul'tura [Ethnic Stereotypes of Behavior]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. 325: 36–46.
- Bartosh A. 2020. Gibridnaja vojna protiv kul'turnogo koda [A Hybrid War Against the Cultural Code]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. Available at: https://nvo.ng.ru/gpolit/2020-12-24/8_1123_gpolit.html (accessed 16 March 2025).
- Gus'kova E.Ju. 2013. Agressija NATO protiv Jugoslavii i process mirnogo uregulirovanija [The NATO Aggression Against Yugoslavia and the Peace Process]. Moscow, Indrik, 2013, 321 p.
- De Moz L. 2000. Psihoistorija [Psychohistory]. Rostov-on-Don, Feniks, 2000, 512 p. (DeMause L. 1982. Foundations of Psychohistory. New York, Creative Roots, 244).
- Dugin A.G. 2012. Geopolitika postmoderna [Postmodern Geopolitics]. Geopolitika.ru. Available at: <https://www.geopolitika.ru/article/geopolitika-postmoderna> (accessed 21 March 2025).
- "П'иницкий А.М. 2021. Mental'naja vojna Rossii [Russia's Mental Warfare]. *Voennaja mysl'*. 8: 19–33.
- Kozlova A. 2019. Pochti polovina rossijskoj molodezhi hochet uehat' iz strany [Almost Half of Russian Youth Want to Leave the Country]. *Novosti Rossii i mira. Komsomol'skaja pravda v RF – gazeta, radio i sajt*. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26937/3988464/> (accessed 30 March 2025).
- Makarov E.B. 2023. Mental'nye i kognitivnye vojny: voprosy opredelenija, celi i sredstva [Mental and Cognitive Wars: Issues of Definition, Goals and Means]. *Informacionnye vojny*. 2(66): 2–7.
- Medushevskij A.N. 2023. Kognitivnaja vojna: social'nyj kontrol', upravlenie soznaniem i instrument global'nogo dominirovanija [Cognitive Warfare: Social Control, Mind Control, and a Tool for Global Domination]. (Part1). *Voprosy teoreticheskoy jekonomiki*. 2: 85–98.
- Mendeleev D.I. 2008. Poznanie Rossii. Zavetnye mysli [The Knowledge of Russia. Cherished Thoughts]. Moscow, Jeksmo, 2008, 688 p.

- Messner E.Je. 1960. Mjatezh – imja tret'ej vsemirnoj [Mutiny is the Name of the Third World War]. Buenos Aires, 1960, 188 p.
- Pochepcov G.G. 2019. Kognitivnye vojny v socmedia, massovoj kul'ture i massovyh kommunikacijah [Cognitive Wars in Social Media, Popular Culture, and Mass Communications]. Moscow, OMIKO, 2019, 320 p.
- Rapaj K. 2015. Kul'turnyj kod: Kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu [The Cultural Code: How We Live, What We Buy, and Why]. Moscow, Al'pina Publisher, 2015, 168 p. (Rapaille G. Clotaire, 2006. The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People Around the World Live and Buy As They Do. New York, Broadway Books, 203).
- Suhanova I. 2017. «Nishhebrodov» ne puskat': Sobchak predlozhila vvesti v Monako nalog s turistov, chtoby bednye ne meshali otdyhat' bogatym ["Beggars" Should not Be Allowed in: Sobchak Proposed to Introduce a Tax on Tourists in Monaco so That the Poor Would not Interfere with the Rest of the Rich]. Novosti Rossii i mira. Komsomol'skaja pravda v RF – gazeta, radio i sajt. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26684/3708142/> (accessed 4 April 2025).
- Tan'shina N.P. 2024. Rusofobija. Istorija izobretenija straha [Russophobia. The Story of the Invention of Fear]. Moscow, Konceptual, 2024, 426 p.
- Trenin D. 1999. Vvedenie. V kn.: Kosovo: mezhdunarodnye aspekty krizisa [Kosovo: International Aspects of the Crisis], Moscow, Mosk. Centr Karnegi, 1999: 15–31.
- Farah S. 2022. Rossijskaja civilizacija: jenerгии prostranstva i cheloveka: monografija [Russian Civilization: The Energies of Space and Man: A Monograph]. Moscow, ID Akademii Zhukovskogo, 2022, 320 p.
- Filatova N.V., Filatov F.R. 2017. O vozmozhnosti istoricheskogo psihoanaliza [On the Possibility of Historical Psychoanalysis]. Novoe proshloe / The New Past. 4: 106–126.
- Fuko M. Arheologija znaniya [The Archaeology of Knowledge]. Saint-Petersburg, IC «Gumanitarnaja Akademiya»; Universitetskaja kniga, 2004, 416 p.
- Fursov A. 2015. Rusofobija – psihoistoricheskoe oruzhie v vojne protiv Rossii [Russophobia is a Psychohistorical Weapon in the War against Russia]. Car'grad. Available at: https://tsargrad.tv/articles/andrej-fursov-rusofobija-psihoistoricheskoe-oruzhie-v-borbe-protiv-rossii_2345 (accessed 8 April 2025).
- Hantington S. 2003. Stolknovenie civilizacij [Clash of Civilizations]. Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST», 2003, 603 p. (Huntington Samuel P. 1996. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, New York, 1996).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.04.2025

Received 22.04.2025

Поступила после рецензирования 17.08.2025

Revised 17.08.2025

Принята к публикации 19.08.2025

Accepted 19.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Матвеева Александра Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Института общеинженерной подготовки, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет, г. Москва, Россия

Alexandra M. Matveeva, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History and Philosophy at the Institute of General Engineering Training, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University, Moscow, Russia

 [ORCID: 0009-0009-9041-0487](https://orcid.org/0009-0009-9041-0487)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327.51

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-732-744

EDN VKTIWO

Оригинальное исследование

О некоторых индикаторах системы межгосударственных отношений в текущей фазе процесса трансформации мирового порядка

Лобанов К.Н. , Шахов В.В.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

Email: lobanov.politika@gmail.com, schahov.slava@yandex.ru

Аннотация. Переживаемое в моменте состояние межгосударственных отношений обнаруживает отчетливую динамику следования от международного порядка, основанного на правилах (rule-based), сгенерированного в недрах глобальной однополярности, к новому укладу, смещающемуся по ряду признаков к многополярному плюрализму (постамериканскому миру). В свою очередь, межгосударственные отношения, равно как и любая иная большая социальная система, переживающая состояние транзита, пребывают в положении турбулентности и стохастизма. При внимательном анализе кондиции межгосударственных отношений в их нынешней фазе развития можно обнаружить несколько характерных маркеров, наглядно передающих сущность и содержание происходящих внутри этой системы трансформационных процессов. По убеждению авторов настоящей публикации, вычленение этих маркеров (индикаторов) позволит глубже понять природу активно меняющейся глобальной политической реальности, а также будет способствовать ясному артикулированию и актуальной коррекции внешнеполитических стратегий и тактик Российской Федерации. Примененные авторами методы политологического анализа и сценарирования санкционируют детальное рассмотрение объекта и предмета предложенного исследования.

Ключевые слова: мировой порядок, межгосударственные отношения, национально-государственный интерес, право силы, торгово-политические союзы, персональная дипломатия, Российская Федерация

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Лобанов К.Н., Шахов В.В. 2025. О некоторых индикаторах системы межгосударственных отношений в текущей фазе процесса трансформации мирового порядка. *Via in tempore. История. Политология*, 52(3): 732–744. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-732-744. EDN: VKTIWO

On Some Indicators of the System of International Relations in the Current Phase of the World Order Transformation Process

Konstantin N. Lobanov , Vyacheslav V. Shakhov

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russia

Email: lobanov.politika@gmail.com, Schahov.slava@yandex.ru

Abstract. The current state of international relations reveals a clear dynamic of transition from the international rules-based order, generated in the depths of the unipolar global order, to a new one. The latter

is shifting to multipolar pluralism (the post-American world) on several grounds. In turn, international relations, as well as any other large social system undergoing a state of transition, are characterized by turbulence and stochasticity. A careful analysis of the current phase of international relations' development can reveal several distinctive indicators that clearly convey the condition and content of the transformation processes occurring within this system. The authors of this article believe that identifying these indicators will allow a deeper understanding of the nature of the actively changing global political reality. Furthermore, it will contribute to the clear expression and correction of the current foreign policy strategies and tactics of the Russian Federation. The methods of political science analysis and scripting used in this article authorize a thorough examination of the object and subject of the proposed study.

Keywords: world order, international relations, national public interest, right of might, trade and political alliances, personal diplomacy, Russian Federation

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Lobanov K.N., Shakhov V.V. 2025. On Some Indicators of the System of International Relations in the Current Phase of the World Order Transformation Process. *Via in tempore. History and political science*, 52(3): 732–744 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-732-744. EDN: VKTIWO

Введение

Современная система межгосударственных отношений пребывает в транзитном состоянии. В основе этого процесса находится смена мировых порядков, установившихся после окончания Второй мировой войны, и последующим за ней бинарным разделением мира. Согласно ряду исследователей, например, Р. Хаассу, таких мироукладов было два – это параллельно существовавшие порядок «холодной войны» и система либерализма [Haass, 2019]. Сегодня оба мировых порядка по всем очевидным признакам переживают период позднего *dominātus*. В массе таких симптомов особенно заметна деградация ООН и ВТО – международных институтов, призванных олицетворять существовавшие более полувека мировые порядки. В контексте данной публикации не имеет большого смысла детально анализировать процесс отмирания уходящих моделей мироустройства в силу аксиоматичности происходящих на наших глазах перемен и предшествующего рассмотрения этой темы авторами. Гораздо более продуктивным в исследовательском и прикладном плане будет сосредоточиться на следующих позициях: во-первых, коротко остановиться на причинах социально-исторического декаданса и смены мировых порядков; во-вторых, не менее лаконично определить вектор движения к новой системе миропорядка; в-третьих, обратить внимание на характерные признаки межгосударственных отношений в состоянии нынешней переходной фазы глобального развития; в-четвертых, изложить авторские соображения в соответствии с полученными выводами.

Первые две заявленные позы можно обозначить пунктиром. Вряд ли вызовет серьезные возражения констатация факта, что причиной эрозии того или иного мирового порядка, как правило, является упадок великой державы / великих держав, выполнявших флагманские функции и функции блюстителя/блюстителей внутрисистемных и межсистемных правил поведения. Полная или частичная неспособность страны или стран-основоположников конкретной системы исполнять свои лидерские обязанности служит, по сути, приговором всей системе, распад которой становится предрежденным, хотя и может быть пролонгированным по времени. В Новое и Новейшее время такая участь постигла Венскую систему межгосударственных отношений («Концерт держав»), просуществовавшую с 1815 г. и в несколько видоизмененном виде до 1914 г., Версальскую систему 1919 г. – конца 30-х годов XX столетия, Ялтинско-Потсдамскую систему или систему периода «холодной войны» 1945–1991 гг., систему однополярного либерального мироустройства, подававшую сигналы кризиса с начала текущего столетия и обнаружившую критические нарушения целостности во втором его десятилетии [Kissinger, 2023]. Глобальная торгово-экономическая, технологическая и военно-политическая динамика свидетельствует о нарастающем тренде,

направленном на смену безальтернативной доминанты США в мире иными вариативными конструктами межгосударственных отношений. С позиций методик прогностического анализа ими могут быть признаны либо дихотомичная модель Китай – США (*Pax Sinica – Pax America*), либо полиполярная конфигурация из нескольких макрорегиональных центров влияния и силы [Евстафьев, 2023]. В обоих случаях отправной точкой движения по заданным курсам становится очевидность невозможности страны-лидера поддерживать по тем или иным причинам установленный ею самой и в основном в своих собственных интересах внутрисистемный дисциплинарный режим. Сопровождающая переходное состояние нестабильность содержит в себе как элементы стохастичности и непредсказуемости в межгосударственных отношениях, оказавшихся вдруг в разбалансированном виде, так и включает в себя уже некие конкретные фрагменты будущей общепланетарной архитектоники, учет и верная интерпретация которых позволит управляющим администрациям придерживаться корректной лоции национального развития в столь непростых условиях. Значимость последних из этих тезисов для военно-политического руководства Российской Федерации обусловила содержание основной части настоящей научной публикации.

Цель исследования

Акцентировать внимание на наличие и научно интерпретировать сущностные особенности (показатели) состояния системы межгосударственных отношений в ситуации упадка однополярной глобальности и перехода к иным эволюционным формам мироустройства.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является мировой порядок, находящийся в фазе транзита. Предметом исследования выступает система межгосударственных отношений, которая существует и развивается в транзитных условиях. В процессе работы над публикацией авторами применены сценарный метод развития сложных систем, функциональный и деятельностный методы.

Результаты и их обсуждение

Одной из самых заметных реалий мировой политики сегодняшнего дня, пожалуй, является нарушение баланса между государственными интересами акторов и их международными обязательствами, между целями и приоритетами национальной внешней политики и необходимостью консолидаций по признакам социокультурной и иной общности. При смещении приоритет отдается первым позициям таких бинарных конструкций, что, в свою очередь, не может вызывать особенных возражений, поскольку обеспечение примата национально-государственных интересов всегда было и остается краеугольным камнем внешнеполитической деятельности. Тем не менее авторы делают акцент на качественной стороне этого процесса, поскольку его содержание в определенной степени отличается от аналогий прежних эпох. Обращает на себя внимание то, с какой легкостью и без сожаления государства обрушают международно-правовые и институциональные устои прежних систем мироустройства в угоду зачастую эгоистично или по меньшей мере узкокорпоративно понимаемым и интерпретируемым национально-государственным интересам [Лавров, 2023]. Сегодня в мировой политике происходит то, чего не могло бы случиться еще двадцать-тридцать и далее лет назад. В эпоху «холодной войны» и в значительную часть последующего постбиполярного периода государства-гаранты существовавших тогда мировых порядков стремились не предпринимать действий, выходящих за пределы установленных ими же самими договорных и организационно-структурных рамок. Если же такое случалось, то, как правило, происходило на периферии зон влияния и не имело критического влияния на общемировую ситуацию, за исключением, может быть, Берлинско-Карибского кризиса 1963 г.

Одновременно практически все субъекты межгосударственных отношений стремились выстраивать свои национальные внешнеполитические стратегии в соответствии с принадлежностью к той или иной социокультурной или военно-политической идентичности. Так, например, после Второй мировой войны государства социалистического лагеря занимали общую позицию по ключевым вопросам мирового развития в силу идеологической и политической гомогенности и вхождения в соответствующие организации, а страны Запада консолидировали свои внешнеполитические курсы по тем же основаниям. Поведению грандов вторили другие. Во время военных конфликтов и политических кризисов на Ближнем Востоке в 1947–1973 годах большинство арабских стран относительно сплоченно выступали против Израиля и государств западного союза, движимые сопричастностью к единому цивилизационному пространству и охваченные порывом этно-конфессионального солидаризма. В постбиполярный период ведомый Соединенными Штатами Америки объединенный Запад выстраивал собственный миропорядок, известный как *Rules-Based Order*, и пытался экстраполировать эту систему взаимоотношений на весь мир посредством контролируемых им глобалистских институтов, таких как *G7*, *МВФ*, *ВТО*, *ВОЗ*, и др. С различной степенью успеха США удавалось не только поддерживать дисциплинарный режим внутри сообщества стран Глобального Севера, но и встроить в вертикаль однополярности некоторые страны незападной части планеты [Богданов, 2015, с. 97].

С начала второго десятилетия XXI века контекст общемировой политики стал меняться. Сначала Великая рецессия 2008 г., а затем распространение вируса *SARS-CoV-2* в 2020–2022 годах реанимировали в либерально-глобалистской части мира такие полузабытые социально-управленческие практики, как государственное планирование, жесткий этатизм, экономический эгоизм и автаркию [Лебедева, 2022, с. 94]. Подобное реверсивное движение стало своего рода реакцией стран на низкую способность межгосударственных наднациональных институций эффективно действовать в ситуации потрясений планетарного масштаба. В свою очередь, потребность экстренного запуска национальных программ кризисного менеджмента натолкнулась на пределы государственного суверенитета в условиях глобализирующейся экономики и политического пространства. Переступив через эти сдерживающие факторы, государства стали переходить к субстативным мерам и обосновывали их использование исключительно своими национально-государственными интересами, что в определенной степени помогло некоторым из них преодолеть пик кризиса в условиях дефрагментации мирового рынка и гуманитарного коллапса [Martínez-Córdoba, Benito, García-Sánchez, 2021]. В последующем абсолютизация национально-государственного интереса с одновременным перемещением прежних международно-правовых обязательств и институциональных аффилиаций на факультативные позиции становятся длинным трендом.

Важно отметить роль идеологических и политических факторов в таком крутом и резком изменении траектории глобального развития. Одним из последствий всеобщей дезорганизации и управленческой дисфункции периода пандемии стала реанимация националистических настроений, затронувших часть правящих элит и определенный сегмент обществ. В национализме и связанном с ним тесно популизме как доктрине и практике, фетишизирующими интересы этноса, политикум видел естественный выход из пула накопившихся проблем. В результате по завершению первого после ковидного кризиса электорального цикла в ряде ключевых стран победили или получили внушительное представительство в органах власти партии и лидеры националистической и право-популистской ориентации, принявшие активно проводить политику протекционизма и эгоцентризма, прежде всего во внешнеэкономической сфере [Mansfield, Solodoh, 2022]. Кульминацией процесса стали действия США во время текущей второй каденции республиканской команды Д. Трампа. Популистский по своей сути лозунг «*Make America great again*» начал реализовываться посредством практически неизбирательного, повсеместного введения протекционистских таможенно-тарифных ограничений в отношении

других стран и объединений. Таким способом пришедшая к власти национально ориентированная часть американской элиты пытается изменить в пользу своей страны сальдо внешнеторгового баланса и усилить приток капитала в США [El-Erian, 2025]. Эти свои и подобные им шаги в экономике, торговле и финансах республиканцы мотивируют исключительно защитой национально-государственных интересов и намерены проводить этот курс в других средах государственной деятельности [Trump, 2025]. Жесткие эгоцентричные экономические императивы отчетливо прослеживаются и в американской внешней политике. Так, без особого сожаления США обещают порвать с межгосударственными интегративными союзами, в которые они входят, если другие члены этих объединений не примут новых американских правил игры. Это хорошо прослеживалось в случаях с *НАФТА*, где США развязали настоящую торговую войну против своих ближайших партнеров Канады и Мексики, или с Атлантическим альянсом, где понуждали союзников к кратному увеличению расходов до уровня бюджета военного времени. Продавливая свои интересы, США легко переступают через прежние свои обязательства, взятую когда-то ответственность и зафиксированные членства. Более того, Вашингтон идет на открытую конфронтацию с ближайшими федератами из-за Гренландии и канадской арктической зоны, расшатывая тем самым опоры ключевой структуры трансатлантической безопасности. Примат национально-государственных интересов над культурно-конфессиональной общностью возобладал и в незападной части мира. Арабские страны и исламские в целом предпочли не протестовать против операции по устранению движений *ХАМАС* и *«Хезболла»* Израилем, проигнорировали израильско-американскую агрессию в отношении Ирана, почти не реагируют на планы Тель-Авива по упразднению осколка несостоявшегося Палестинского государства в Газе [Nazaimah, 2025]. На постсоветском/евразийском пространстве наблюдаются схожие процессы. Государства бывшего Советского Союза, ныне входящие в состав курируемых Россией экономических и военных союзов *ЕАЭС* и *ОДКБ*, мало обращают внимание на блоковую солидарность и стремятся к эмансипации и дистанцированию от политики страны-лидера, что со всей наглядностью продемонстрировал краш-тест этих организаций в ходе специальной военной операции России на Украине [Лавров, 2025].

Таким образом, даже беглый взгляд на текущую ленту последних событий в мире дает основания говорить об изменившемся характере межгосударственных отношений в постглобальных реалиях. По основному признаку, а именно безусловному и практически абсолютно понимаемому принципу приоритета национальных интересов, эта система отношений напоминает ту, что была установлена в Европе на основе Вестфальского мира 1648 г. Как и в XVII столетии, государства в нынешних условиях действуют, исходя, прежде всего, из собственных интересов, а не идеологических, религиозных, блоковых и т. п. соображений. Констатация этого обстоятельства позволяет авторам фиксировать его в качестве одного из индикаторов системы межгосударственных отношений в актуальной фазе мирового развития, детерминирующего в известном смысле последующие анализируемые показатели.

Следующим параметром оценки ландшафта современных межгосударственных отношений авторы определили бы войну. Ревитализация вооруженной силы как инструмента обеспечения национально-государственных интересов происходит на фоне глобальной турбулентности и фундаментальной неопределенности, ставших следствием стремительного слома прежних конфигураций мироустройства и концентрации акторов на проблемах преимущественно эндогенного свойства. В постглобальном мире многие государства, особенно крупные державы, все меньше следуют в фарватере внутриблоковой политики, часто игнорируют общие интересы и поглощены исключительно внутренней повесткой. Уже отмечалось ранее, что в поведении республиканской администрации США отчетливо прослеживается экономикацентрическая мотивация на грани бухгалтерской. Команда Д. Трампа, в отличие от глобалистов Дж. Байдена, стремится уйти из внешнего мира и не будет жестко контролировать государства, находящиеся в поле гравитации США, и тем более тяготеть к расширению орбиты влияния, так как экспансия дорого стоит и клиента требует

содержания. Объединенная в союз Европа заиклена на спасении своей ориентированной на экспорт экономики, к рецессии которой в немалой степени приложили руку те же Соединенные Штаты. Китай сосредоточил свои усилия на борьбе с затуханием темпов экономического роста и на противостоянии растущей конкуренции со стороны Индии. Что же касается России, то практически все ее внимание и ресурсный потенциал направлены на достижение поставленных целей в специальной военной операции на Украине. В условиях глобального безначалия и неупорядоченности связей ряд государств восприняли такое состояние межгосударственных отношений как своего рода «время возможностей» для экстренного удаления узлов противоречий со своими соседями. И наиболее эффективным способом решения таких задач, по мнению военно-политического руководства этих стран, стал бы *ultima ratio regum*. Первое и особенно второе десятилетия XXI века ознаменовались целой серией региональных войн с отчетливой сегментацией двух театров военных действий (ТВД) – европейского и ближневосточного. На первом из них протагонистами силовой политики стали Азербайджан и Россия, а на втором – Турция и Израиль в союзе с США, проводившие в разное время военные акции против своих оппонентов [Mankoff, 2024, p. 48].

Использование силового сценария в целях продвижения своих интересов, характерное для нынешнего состояния межгосударственных отношений, имеет все шансы переместиться с регионального на глобальный уровень с похожей дуалистической дифференциацией на ТВД – индо-тихоокеанский и европейский. Стратегический контекст в первом поле задается американо-китайским противоборством за первенство в этой перспективной зоне, через которую проходит 46 % мировой торговли и где сосредоточено 63 % мирового ВВП. Обе стороны предпринимают вполне конкретные шаги в направлении эскалации, начиная с масштабных программ перевооружения и завершая территориальной или военно-политической экспансией в регионе. С позиции США последняя выражается в окружении своего противника сетью альянсов, в том числе небезызвестных «Квадро» (*QUAD*) и *AUKUS*. Китай, в свою очередь, серьезно намерен довершить реинтеграцию Тайваня и пытается расширить сферу своего присутствия в акватории Южно-Китайского моря за счет создания «баз подскока» на искусственно создаваемых островах и атоллах [Петровский, 2022, с. 54]. Европейский очаг глобальной напряженности актуализируется через ожесточенную схватку, ведущуюся Западом с Россией посредством украинской прокси-войны и «Большой игры – 2» на остальном постсоветском пространстве. Одновременно стороны фактически вступили в плотный клинч, что подтверждается взаимными гибридными атаками и очаговым напряжением, в частности в Балтийском бассейне. О серьезности милитаристских намерений стран *НАТО* в отношении России свидетельствует беспрецедентный процесс перевооружения. Согласно открытым данным, сегодня в Европе производство вооружений расширяется в три раза быстрее, чем в мирное время, охватывая более 7 млн кв. м новых промышленных площадей. Этот строительный бум – материальное воплощение «возрождения оборонной промышленности», которое анонсировали европейские правительства после начала украинского кризиса. Синхронно с переводом промышленности на военные рельсы в Европе готовится инфраструктура к переброске войск и техники на восток, наращивается численность армий, формируются штабы для командования объединенными группировками и т. д. Военные приготовления отражаются на информационной повестке, где отчетливо прослеживается милитаристская тематизация дискурса. В свою очередь, медийная реальность начинает формировать культурную реальность, что видно по результатам выборочных опросов европейцев. Так, например, 64 % опрошенных взрослых немцев поддерживают усилия властей стран ЕС по укреплению безопасности и рост военных расходов, считая при этом Москву военной угрозой. Общественное восприятие отношений с Россией у британцев еще более однозначно: семь из десяти респондентов считают Россию враждебной угрозой. Вполне очевидно, что целью всех медийных манипуляций в западных странах является переформатирование ментальной карты аудитории на основе демонизации противника и приучения собственного населения к мышлению и поведению в категориях «нации войны».

Завершая эту тему, нельзя удержаться от соблазна вновь провести исторические параллели. Нынешняя ситуация с возрастанием силового фактора в мировой политике напоминает период окончательного развала остатков Венской системы XIX столетия и канун Первой мировой войны. Как и в прошлом, череда острых политических кризисов и локальных войн, подпитанных мощной информационной накачкой, подводит мировое сообщество к убеждению в безальтернативности военных способов разрешения противоречий и усиления своих позиций. С другой стороны, осознание глобальными лидерами тупиковости следования этой линии в межгосударственных отношениях заставляет их искать пути нейтрализации «силового соблазна». Некоторые из этих попыток, наряду с фиксацией доминанты военной опции в мировой политике, следует рассмотреть далее в качестве выделенных объектов анализа.

Расширение зоны военной эскалации в мире, сбои на глобальных рынках и в экономике вследствие таможенно-тарифных ограничений и санкций создали сильный стрессовый фон. В этой ситуации многие страны принялись реформировать свои экономико-торговые и военно-политические связи, так как прежние перестали работать, включая институты, призванные эти связи упорядочивать, например, ВТО и МВФ. Изменение форматов отношений между государствами сейчас происходит по линии образования главным образом новых торговых союзов (альянсов). Критериями сближения выступают связанность экономик, конвертируемость стандартов, логистическая доступность. Пионерами процесса являются США и Китай, принявшие динамично организовывать собственные экосистемы в мировой торговле. По мнению некоторых исследователей, наиболее результативно это получается у Китая [Froman, 2025]. В условиях тарифных войн и санкционного прессинга со стороны США китайская система проявляет гибкость и адаптивность, предлагая свое экономическое и торговое сотрудничество многим странам через целый ряд различных инициатив в области трансграничных расчетов, которых сейчас насчитывается около десяти [Yun Sun, 2025]. Пекин умело использует кредитные и инвестиционные инструменты, привязывая к себе экономики целых регионов [Wang, Kroeber, 2025]. Так, например, Китай весной 2025 г. заключил несколько новых экономических соглашений с правительством Индонезии, включая проект создания «двойного» индустриального парка стоимостью около 3 млрд долл., который соединит Центральную Яву с провинцией Фуцзинь. Ожидается, что проект создаст тысячи рабочих мест в Индонезии, в то время как США не предлагает ничего подобного. Центральный банк Индонезии и Народный банк Китая также договорились о развитии торговли в местных валютах, и обе страны пообещали укреплять сотрудничество в морской сфере; обе сделки удивили американских политиков. Помимо АТР китайцы энергично продвигают свои интересы в Центральной Азии и России, попутно закрепляясь в Африке и Латинской Америке и обгоняя США. Соединенные Штаты также пытаются расширить свое эндогенное поле и вписать его в мирохозяйственную структуру, основанную на новых реалиях. Однако в отличие от своих китайских конкурентов Вашингтон предпочитает действовать жестко, методами диктата, хотя сами американцы называют свой подход «трансляцией мощи, которая зиждется на последовательном, дисциплинированном и заслуживающем доверия руководстве» [Kimmage, 2025]. К тому же в противоположность Пекину, не навязывающему другим странам собственных систем безопасности, США стремятся армировать зону своих экономических интересов военно-политическими коалициями. Ближайшими пределами притязаний для США остаются все Западное полушарие и Индо-Тихоокеанский бассейн. Неприятие американского дисциплинарного подхода в экономике, торговле и финансах заставляет страны и целые регионы либо интегрироваться в «*Pax Sinica*», как это происходит в АТР, Латинской Америке и Африке, либо дистанцироваться от всех блоков, выстраивая собственные экономические галактики наподобие Индии и России. Российская стратегия выглядит наиболее диверсифицированной и многофункциональной. В ситуации прокси-войны с Западом и санкций страна вынуждена была переориентировать свои экспортные потоки в направлении Глобального Юга и налаживать импорт критически важных товаров и компонентов, прежде

всего, из «мастерской мира» – Китая. Общие для двух держав угрозы безопасности приближают взаимные траектории движения к точке заключения военного союза. Взаимовыгодные хозяйственные связи Россия стремится поддерживать отношениями военно-политического партнерства с другими странами. Так, в контактах с Ираном отчетливо прослеживаются экономическая линия (сотрудничество по обустройству международного транспортного коридора «Север – Юг») и военно-политическая установка (кооперация в рамках Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве от 17 января 2025 г.). Похожее взаимодействие налажено у России с КНДР.

Система торгово-экономических и военно-политических взаимосвязей, сложившаяся в последние годы в рамках *CRINK* (Китай, Россия, Иран Северная Корея), может свидетельствовать, в частности, о начавшейся новой поляризации в геоэкономическом и геополитическом пространствах. Пока это еще выглядит как неформальный антиамериканский альянс, но данная конструкция имеет все шансы стать прообразом возникновения нового постамериканского мирового порядка, фундаментом которого будут макрорегионы, а не глобализация. Стоит согласиться с гипотезой И. Валлерстайна об экономической выживаемости в XXI столетии и далее нескольких макрорегионах с населением и внутренним рынком не менее 2–3 млрд человек [Wallerstein, 1999, p. 122]. Внутри этих образований будут создаваться своя логистика, стандарты и прочие блоковые атрибуты. Доминировать внутри макрорегиона станет страна-лидер, которая, по словам ученого, будет обладать «квазимонополией геополитической власти» внутри системы [Wallerstein, 2010, p. 135]. Таким образом, идея о разделении мировой торговли и политического пространства на два – а впоследствии, возможно, и более, – союза (блока, альянса), с одной стороны – США, с другой – Китая и его союзников, начинает постепенно прорисовываться. И, вновь обращаясь к историческим параллелям, мы вспоминаем, что так уже было в недавнем прошлом, когда на планете существовали два лагеря, возглавляемые США и СССР. Изнутри эти коалиции скреплялись системой торгово-экономических и военно-политических соглашений и организаций, практика инсталлирования которых восходит еще к XIX столетию. Вместе с тем далеко не последнюю роль в поддержании функциональности полюсов и налаживании отношений между ними играл такой фактор, как персонификация политики. Определенные ассоциации с возрастанием личностных аспектов в межгосударственных отношениях можно проследить сегодня.

В обстановке эрозии постамериканского мирового порядка, ориентированного на жесткую однополярную глобализацию, многочисленные политические акторы пытаются нащупать какие-либо компенсаторные механизмы, способные заместить не работающие или частично работающие прежние институты, правила и соглашения. Часть акторов, как например, ЕС, пытаются вписаться в новую уставную поведенческую рамку, диктуемую США в сфере торговли и системе безопасности, и то хотя бы на время. Другие страны игнорируют действия США и создают антиамериканские альтернативные экономические и политические измерения, как Китай, Россия, Иран. Еще часть заявляют о позиции, суть которой состоит в том, чтобы не присоединяться ни к кому, демонстрируя относительную самодостаточность наподобие Индии и крупных стран Южной и Латинской Америки. Не трудно заметить, что в ситуации только начинающейся кристаллизации новых геополитически значимых рынков и пространств безопасности и сохраняющейся неопределенности и неупорядоченности в межгосударственных отношениях, общим местом является выстраивание системы персональных договоренностей. Вступая в сделочные связи, лидеры разных стран видят в них своего рода страховую гарантию обеспечения национально-государственных интересов, подкрепленную своим и контрагента личным поручительством и политическим авторитетом [Kerr, Wiseman, 2013, p. 74]. Нельзя сказать, что такой практики не было ранее. В Новое время это называлось «дипломатией королей», в новейшей истории также было немало примеров, когда прямые контакты глав государств и достигнутые в их ходе результаты становились историческими прорывами. Такими иллюстрациями могут быть, например, встреча Дж. Форда

и Л. Брежнева во Владивостоке в 1974 г. или раут Р. Никсона и Мао Цзэдуна в Пекине в 1972 г. Персональная дипломатия второго десятилетия XXI века не претендует на кардинальное изменение историко-политического контекста, а скорее выполняет техническую функцию зондажа намерений, т. е. того, с чем в прежние времена успешно справлялись дипломатические ведомства и спецслужбы. Сегодня же, когда многие переговорные площадки либо не функционируют, либо их работа блокируется сторонами, а сведения разведки не дают полного видения перспективы, эта функция перешла к лидерам стран наряду с миссией последнего шанса на высвобождение переговорных процессов от ступоров и спазмов. Паттерном личного общения на высшем уровне служит непосредственный диалог российского и американского президентов В. Путина и Д. Трампа по вопросам двухстороннего сотрудничества и урегулирования локальных кризисов в мире. Оба лидера в ходе личных собеседований осторожно прощупывают друг друга относительно дальнейших замыслов и выражают намерение придать своим прямым участием импульс актуальным, но забуксовавшим процедурам [Vlahos, 2025].

Несмотря на операциональный в некоторой степени характер современной личной дипломатии, ее значение остается релевантным. В нынешних довольно сложных условиях функционирующая коммуникация между главами стран, что особенно важно для крупных мировых держав, остается, по сути, единственным надежным каналом политического взаимодействия по широкому спектру вопросов сотрудничества. Признание этого обстоятельства позволяет закрепить дипломатию на уровне личностей, осуществляемую вне формальных дипломатических каналов, в качестве знакового индикатора системы современных межгосударственных отношений.

Фиксация и научная интерпретация особенностей и сущностных характеристик текущего мирового политического процесса имеет сколько академический, столько и прикладной смысл. Правильное понимание этих изменений и своевременная адаптация к ним правящих национальных администраций позволяет в определенной степени влиять на формирование политико-стратегического ландшафта, а не оказаться на его обочине. Для военно-политического руководства России крайне остро стоит вопрос отстаивания национально-государственных интересов во внешней политике. Из-за своих амбивалентных и непоследовательных действий на мировой арене страна в последние годы сдала ведущие позиции в целых географических регионах (Большой Ближний Восток, Южный Кавказ). Под сомнением лидерство России в Центральной Азии и в африканском Сахеле. Негативная в целом результативность российской внешней политики во многом является следствием отсутствия внятной идеологической составляющей национального развития [Давыдов, 2022, с. 98]. Игнорирование концептуально-доктринальных идеологических конструктов делает внешнюю политику государства полой, лишенной внутренних опор и ориентиров, так как идеология – это, прежде всего, видение стратегии будущего. Такой образ грядущего предстоит уяснить, прежде всего, самим и затем предлагать его в виде привлекательных интеграционных проектов остальным. Сейчас этого нет, и это предстоит совершить, в чем, по убеждению авторов, состоит фундаментальный национально-государственный интерес России во внешней политике. Что же касается инструментария реализации таких интересов, то его вариативность может определяться текущим контекстом, но коррелироваться с базовыми потребностями общества и государства, отраженными в системе концептуально оформленных идей, разделяемых большинством населения и реализуемых органами власти и управления во всех социальных сферах.

Реверсия интенсивной вооруженной конфронтации как орудия политики в мире должна послужить для российских властей сигналом к стратегической переоценке ряда внешнеполитических ориентиров и практик. В ситуации возросших военных угроз извне страна нуждается не в ситуативных попутчиках и молчаливо-пассивных лоялистах, а в реальных боевых союзниках, готовых принять вместе с Россией любой удар и в то же время уверенных в оказании своевременной и достаточной помощи со стороны России в случае агрессии третьей стороны. Система военно-стратегического союзничества с

заинтересованными акторами, прежде всего, с геополитически значимыми крупными державами наиболее полно соответствует долгосрочным национально-государственным интересам нашей страны, поскольку не только будет усиливать ее позиции в мире, но и позволит купировать скатывание мира к Большой войне [Дугин, 2023]. Поиск и обретение федератов является для российской дипломатии делом перспективным, но не единомоментным. Пока же в целях снижения военных рисков стоило бы не упускать те возможности, которые предоставляют нам для маневра время и действия других стран. Перефразируя известную мысль классика марксизма, нужно учиться извлекать выгоду из межгосударственных противоречий в недружественной нам части мира [Ленин, 1970, с. 56]. Одним словом, скрытое и прямое напряжение в отношениях вероятных противников – это выигрышная позиция, которой нужно и можно правильно и своевременно распорядиться.

Если с оппонентами все более или менее понятно, то с союзниками дело обстоит не так однозначно. В мире формируется новая полюсность, в рамках которой суверенностью будут обладать только эти центры влияния и силы, а фронтирные государства обречены на кратковременную многовекторность с последующей абсорбцией в одно из интегрирующихся пространств. Это хорошо заметно на примере стремительной смены геополитических векторов постсоветских республик, ориентирующихся на западные, в частности США, силовые системы безопасности и экономические модели развития [Кортунов, 2022]. Для России это серьезный сигнал и вызов, на который необходимо реагировать, в том числе в плане реновации институционального дизайна существующих интеграционных структур. Сегодня назрела очевидная потребность в проведении ревизии торгово-экономических и военно-политических отношений со странами Ближнего Зарубежья, замене «рыхлых» и малопродуктивных союзов и организаций на дееспособные, а главное – выгодные для самой России в смысле отдачи (блоки с выборочным предоставлением членства). Без выстраивания собственной периферии с надежными внутрисистемными связями нашей стране трудно будет претендовать на мир-системный статус с угрозой вхождения ее отдельных регионов в чужие зоны гравитации.

В целях обеспечения национально-государственных интересов необходимо использовать доступные коммуникационные каналы. В атмосфере фундаментальной неопределенности как состояния международной среды личные контакты лидеров являются важным индикатором поддержания живучести традиционных начал в дипломатии. В зависимости от содержания коннект может осуществляться в форме императивного или факультативного диалога с фокусировкой дискурса на актуальных вопросах двусторонних отношений и мирового развития. Принципиальными моментами выступают трезвая оценка геоэкономической и геополитической конфигурации, объективный расчет сил, средств и условий, выработка переговорной стратегии и тактики, отчетливое понимание и последовательное отстаивание позиции.

Заключение

Результатом настоящего исследования могут быть представлены следующие обобщенные выводы. Текущая фаза трансформации мирового порядка характеризуется как состояние транзита от однополярной глобализационной модели к биполярной или полиполярной формам мироустройства. Автоматического или какого-либо иного восстановления *status quo ante* вряд ли стоит ожидать в силу воздействия ряда объективных и субъективных факторов. Формирование новой геоэкономической и геополитической конфигурации сопровождается стрессовой обстановкой в межгосударственных отношениях, ставшей следствием динамичного разрушения основ прежнего уклада и детерминацией настроений фундаментальной неопределенности. Определяющими индикаторами эпикриза среды авторы выделили доминантность национально-государственных интересов (зачастую эгоистично трактуемых) над институциональными аффилиациями и практиками социо-культурного солидаризма во взаимоотношениях между странами; ревитализацию войны и права силы как инструмента политики; формирование нового институционального дизайна трансрегиональных торгово-военных союзов в соответствии с меняющимся стратегическим контекстом; повышение роли персонального фактора в политике на

фоне деградации традиционных каналов дипломатической коммуникации. Нынешнее состояние межгосударственных отношений является для Российской Федерации временем вызовов и открывающихся возможностей. Динамичный баланс рисков и перспектив можно свести к выгодной пропорции путем разработки и реализации внешнеполитической стратегии, в основе которой лежат переосмысленные в соответствии с меняющимся международным ландшафтом национально-государственные интересы, видение и понимание которых, в свою очередь, должно рассматриваться через идеолого-мировоззренческую призму и опираться на широкий общественный консенсус.

Список источников

- Дугин А.Г. 2023. Нам нужен атакующий реализм. Русская народная линия, 10 октября. https://ruskline.ru/news_rl/2023/10/10/nam_nuzhen_atakuyuwii_realizm?ysclid=meprvcmlkm9963917927 (дата обращения: 24.08.2025).
- Евстафьев Д.Г. 2023. От саммита БРИКС к G 20: контуры будущего пост-глобального мира. Евразия. Эксперт, 18 сентября. <https://eurasia.expert/ot-sammita-briks-k-g20-kontury-budushchego-post-globalnogo-mira/> (дата обращения: 02.08.2025).
- Кортунов А.В. 2022. Болезненная адаптация Москвы к постсоветскому пространству. Российский совет по международным делам, 1 апреля. <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/moscow-s-painful-adjustment-to-the-post-soviet-space/?ysclid=meqtp9gbb195412594> (дата обращения: 25.08.2025).
- Лавров С.В. 2023. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 23 сентября. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/general_assembly/1905973/ (дата обращения: 03.08.2025).
- Лавров С.В. 2025. Лавров рассказал о войне России против Запада. РБК, 28 июля. <https://www.rbc.ru/politics/28/07/2025/688746759a794772781fef2a> (дата обращения: 11.08.2025).
- Цыплаков С.С. 2024. Об основных трендах развития торговли России и Китая. Российский совет по международным делам, 13 сентября. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 18.08.2025).
- El-Erian M.A. 2025. Is America Destroying the World Economy? Foreign Affairs, July 14. <https://www.foreignaffairs.com/united-states/america-breaking-global-economy-uncertainty-world-mohamed-el-erian> (accessed: 10.08.2025).
- Froman M.B.G. 2025. After the Trade War. Remaking Rules from the Ruins of the Rules-Based System. Foreign Affairs. September-October. <https://www.foreignaffairs.com/united-states/after-trade-war-michael-froman> (accessed: 17.08.2025).
- Haass R. 2019. How a World Order Ends. Foreign Affairs. January-February. <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg> (accessed: 02.08.2025).
- Hazaimh H. 2025. The Urgent Need for Arab Unity. The Muslim Times, February 27. <https://themuslimtimes.info/2025/02/28/the-urgent-need-for-arab-unity/> (accessed: 11.08.2025).
- Kimmage M. 2025. The Pernicious Spectacle of Trump's Russia-Ukraine Diplomacy. Foreign Affairs, August 19. <https://www.foreignaffairs.com/russia/pernicious-spectacle-trumps-russia-ukraine-diplomacy> (accessed: 20.08.2025).
- Kissinger H.A. 2023. Henry Kissinger Surveys the World as He Turns 100. The Wall Street Journal, May 26. https://www.wsj.com/opinion/the-great-strategist-henry-kissinger-turns-100-china-ukraine-realpolitik-81b6f3bb?mod=Searchresults_pos2 (accessed: 02.08.2025).
- Mansfield E., Solodoch O. 2022. Pandemic Protectionism: COVID-19 and the Rise of Public Opposition to Trade. Social Science Research Network Electronic Journal, June 3. <https://ssrn.com/abstract=4128046> (accessed: 10.08.2025). doi:10.2139/ssrn.4128046.
- Martínez-Córdoba P-J., Benito B., García-Sánchez I-M. 2021. Efficiency in the Governance of the Covid-19 Pandemic: Political and Territorial Factors. Globalization and Health, 17. Article number: 113. <https://globalizationandhealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12992-021-00759-4> (accessed: 05.08.2025).
- Trump D.J. 2025. The Inaugural Address, January 20. The White House. <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/> (accessed: 10.08.2025).

- Vlahos K.B. 2025. Deal or no deal? Alaska summit ends with vague hints at something. Responsible Statecraft, August 15. <https://responsiblestatecraft.org/alaska-summit-putin-trump/> (accessed: 23.08.2025).
- Wang D., Kroeber A. 2025. The Real China Model. Foreign Affairs, September-October. [foreignaffairs.com/china/real-china-model-wang-kroeber](https://www.foreignaffairs.com/china/real-china-model-wang-kroeber) (accessed: 21.08.2025).
- Yun Sun. 2025. China Is Enjoin to Trump 2.0. How the Trade War Is Helping Beijing Prepare for Long-Term Competition. Foreign Affairs, August 15. <https://www.foreignaffairs.com/china/china-enjoying-trump-20> (accessed: 17.08.2025).

Список литературы

- Богданов А.Н. 2015. «Американская однополярность» и системный баланс сил в начале XXI века. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения, 2: 96–107.
- Давыдов А.А. 2022. Модель анализа идеологии во внешней политике. Мировая экономика и международные отношения, 66(8): 93–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-8-93-100>
- Лебедева М.М. 2022. Влияние пандемии COVID-19 на мировую политику. Вестник МГИМО-Университета, 15(1): 92–110. doi: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110
- Ленин В.И. 1970. Речь на собрании актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. Москва, Государственное издательство политической литературы, 42: 55–78.
- Петровский В.Е. 2022. Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» как попытка реформатирования региона. Аналитические записки Института Китая и современной Азии Российской академии наук, 1: 52–56. doi: 10.48647/IFES.2022.87.88.011
- Kerr P., Wiseman G. 2013. Diplomacy in a Globalizing World: Theories and Practices. New York, Oxford, Oxford University Press, 406 p.
- Mankoff J. 2024. The Middle East and the Ukraine War: Between Fear and Opportunity. Middle East Policy. 31(2): 47–66. <https://doi.org/10.1111/mepo.12738>
- Wallerstein I. 1999. The End of the World as we Know it: Social Science for the Twenty-First Century. Minnesota, University of Minnesota Press, 277 p.
- Wallerstein I. 2010. Structural Crisis. New Left Review. 62, (March-April): 133–142.

References

- Bogdanov A.N. 2015. «Amerikanskaya odnopolyarnost'» i sistemny'i balans sil v nachale XXI veka ["American Unipolarity" and the Systemic Balance of Power at the Beginning of the 21st Century]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serya 6: Filisofya. Kulturologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2: 96–107.
- Davy'dov A.A. 2022. Model' analiza ideologii vo vneshnej politike [A Model for Analyzing Ideology in Foreign Policy]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodny'e otnosheniya, 66(8): 93–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-8-93-100>
- Lebedeva M.M. 2022. Vliyanie pandemii KOVID-19 na mirivuyu politiku [The Impact of the COVID-19 Pandemic on Global Politics]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 15(1): 92–110. doi: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110
- Lenin V.I. 1970. Rech' na sobranii aktiva Moskovskoj organizacii RKP9b) 6 dekabrya 1920 g. [Speech at a Meeting of the Assets of the Moscow Organization of the Russian Communist Party(b) on December 6, 1920]. Moskva, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury', 42: 55–78.
- Petrovskij V.E. 2022. Konceptiya «Indo-Tihookeanskogo regiona» kak popy'tka pereformatirovaniya regiona [The Concept of the "Indo-Pacific Region" as an Attempt to Reformat the Region]. Analiticheskie zapiski Instituta Kitaya i sovremennoj Azii Rossijskoj akademii nauk, 1: 52–56. doi: 10.48647/IFES.2022.87.88.011.
- Kerr P., Wiseman G. 2013. Diplomacy in a Globalizing World: Theories and Practices. New York, Oxford, Oxford University Press, 406 p.
- Mankoff J. 2024. The Middle East and the Ukraine War: Between Fear and Opportunity. Middle East Policy. 31(2): 47–66. <https://doi.org/10.1111/mepo.12738>
- Wallerstein I. 1999. The End of the World as we Know it: Social Science for the Twenty-First Century. Minnesota, University of Minnesota Press, 277 p.
- Wallerstein I. 2010. Structural Crisis. New Left Review. 62, (March-April): 133–142.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.06.2025
Поступила после рецензирования 17.08.2025
Принята к публикации 19.08.2025

Received 22.06.2025
Revised 17.08.2025
Accepted 19.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лобанов Константин Николаевич, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0001-7653-8937](https://orcid.org/0009-0001-7653-8937)

Шахов Вячеслав Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0000-3721-9071](https://orcid.org/0009-0000-3721-9071)

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

Vyacheslav V. Shakhov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

УДК 327.51

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-745-753

EDN XBJSPZ

Оригинальное исследование

Взаимодействие России и НАТО в контексте современных угроз безопасности со стороны североатлантического альянса

Старкин С.В. , Кавин М.А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: starkinserge@mail.ru, maks.kavin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия России и НАТО в условиях современных угроз безопасности. Рассматриваются ключевые этапы развития отношений начиная с окончания Холодной войны и причины их эволюции от сотрудничества к противостоянию. Особое внимание уделяется вопросам расширения НАТО, военной инфраструктуры альянса и влиянию стратегических документов на указанные процессы. Исследуются позиции западных и российских аналитиков, политологов и экспертов, политиков и дипломатов, а также перспективы нормализации отношений в условиях текущей международной обстановки. Наше исследование основано на анализе и сопоставлении официальных документов, стратегических концепций и экспертных мнений, что позволяет выявить основные тенденции, перспективы и возможные сценарии дальнейшего развития ситуации с Организацией Североатлантического договора.

Ключевые слова: Организация североатлантического договора, расширение НАТО, коллективная безопасность

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Старкин С.В., Кавин М.А. 2025. Взаимодействие России и НАТО в контексте современных угроз безопасности со стороны североатлантического альянса. *Via in tempore. История. Политология*, 52(3): 745–753. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-745-753. EDN: XBJSPZ

Interaction between Russia and NATO in the Context of Contemporary Security Threats from the North Atlantic Alliance

Sergey V. Starkin , Maxim A. Kavin

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

E-mail: starkinserge@mail.ru, maks.kavin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to analyzing the interaction between Russia and the North Atlantic Treaty Organization in the context of current security threats. It examines the key stages in the development of relations since the end of the Cold War and the reasons for their evolution from cooperation to confrontation. Special attention is given to the North Atlantic Treaty Organization's enlargement, the alliance's military infrastructure, and the influence of strategic documents on these processes. The positions of Western and Russian analysts, political scientists, experts, politicians, and diplomats are explored, as well as the prospects for normalizing relations under the current international situation. Our research is based on the analysis and comparison of official documents, strategic concepts, and expert opinions, which makes it possible to identify the main trends, prospects, and potential scenarios for the further development of the situation regarding the North Atlantic Treaty Organization.

Keywords: North Atlantic Treaty Organization, NATO expansion, collective security

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Starkin S.V., Kavin M.A. 2025. Interaction between Russia and NATO in the Context of Contemporary Security Threats from the North Atlantic Alliance. *Via in tempore. History and political science*, 52(3): 745–753 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-745-753. EDN: XBJSPZ

Введение

Взаимоотношения между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора имеют широкую историю взаимодействия в контексте постбиполярного мироустройства, установленного после распада Советского Союза. Взаимодействие России с НАТО было осложнено рядом противоречий и проблем, которые существовали как и во время Холодной войны, так и появились после по вопросам существования организации, а также ее дальнейшего расширения. Соответственно, проблема взаимоотношений России с НАТО является важным и актуальным вопросом современной международной политики, которая является предметом исследования многих ученых-политологов и в России, и за рубежом. Таким образом, в ходе проведения исследования нами была поставлена следующая цель работы: проанализировать взаимодействие России и НАТО в контексте современных угроз безопасности со стороны Североатлантического альянса, выявить ключевые этапы и проблемы во взаимоотношениях, а также определить, на каком уровне они находятся в данный момент. Для достижения поставленной цели нами были поставлены следующие задачи: во-первых, описание истории взаимодействия России и НАТО после окончания Холодной войны; во-вторых; анализ стратегических документов, а также исследований ключевых западных аналитиков по вопросу существования НАТО в постсоветский период; в-третьих, исследование роли расширения НАТО как механизма легитимации существования альянса после распада Советского Союза; в-четвертых, рассмотрение влияния российской дипломатии на взаимодействие с НАТО по ключевым вопросам и проблемным точкам во взаимоотношениях.

Объекты и методы исследования

Предметом нашей работы является взаимодействие между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора (НАТО) в контексте современных угроз безопасности, включая анализ ключевых этапов, противоречий и трансформации отношений от сотрудничества к противостоянию. В ходе исследования нами использовался ряд методов для достижения поставленной цели и выполнения задач. Прежде всего, мы основывались на историческом анализе взаимодействия России и НАТО в постсоветский период. Также для рассмотрения ключевых концептуальных документов и основных аналитических и научных работ использовался метод содержательного анализа документов для выявления основных идей аргументации существования НАТО и дальнейших действий организации в условиях нового мирового порядка, установившегося после распада СССР. Также мы использовали метод сравнительного анализа для сопоставления действий России и НАТО по ключевым проблемам во взаимоотношениях. Эмпирическая база исследования включает в себя стратегические документы НАТО (Стратегические концепции, принятые с момента создания организации), международные договоры, в том числе Основополагающий акт Россия – НАТО и Римскую декларацию 2002 года, аналитические работы по вопросам взаимоотношений России и НАТО.

Результаты и их обсуждение

После того как окончилась Холодная война, и НАТО, и Россия, и отношения между этими двумя важными субъектами мировой геополитики в области безопасности прошли через ряд трансформаций, которые основывались на преодолении взаимного недоверия, которым характеризовались отношения между НАТО и СССР в период Холодной войны. Прежде всего, изменения коснулись Североатлантического альянса, который был создан с целью противодействия Советскому Союзу, в связи с чем в руководящих структурах организации поднималась проблема о целесообразности дальнейшего существования НАТО. Исходя из этого, в 1990 году была принята Лондонская декларация, которая четко определяла дальнейшие цели Организации Североатлантического договора в новом миропорядке после Холодной войны – прежде всего, она становится инструментом обеспечения трансатлантической безопасности и интеграции постсоциалистических государств в западный мир [Антюхова, 2015]. Также, как обозначала себя сама НАТО, она становится так называемым миротворческим органом, что подтвердилось в течение истории, поскольку НАТО неоднократно получала мандат ООН на проведение миротворческих миссий и операций: например, в Боснии и Герцеговине или действующий с 1999 года и по сей день миротворческий контингент альянса в Косове (KFOR).

Россия, в свою очередь, перешла от конфронтации к политике сотрудничества с коллективным Западом, что четко отражено в первой концепции внешней политики 1993 года: РФ содействует развитию отношений с США (которые являются неформальным лидером НАТО) и отказывается от биполярного мироустройства [Концепция внешней политики, 1993]. Провозглашение прозападного вектора во внешней политике России нашло свое отражение в том, что она налаживала связи с Организацией Североатлантического договора: вступление в Совет Североатлантического сотрудничества в 1991 году, который содействует сотрудничеству между НАТО и странами, не входящими в блок, присоединение к программе «Партнерство ради мира» в 1994 году, которая, в свою очередь, является одной из ступеней для членства в организации. Ключевыми событиями в развитии отношений между Россией и НАТО стали подписание основополагающего акта Россия – НАТО в 1997 году, где стороны отказались воспринимать друг друга в качестве противников и провозглашали намерения по содействию в дальнейшем диалоге и сотрудничестве, основанном на принципе транспарентности [Основополагающий акт, 1997], а также создание Совета Россия – НАТО в 2002 году, который должен был стать координирующим органом во взаимоотношениях между РФ и альянсом [Совет Россия – НАТО, 2002]. Как отмечает Нил Макфарлэйн, НАТО стала играть ключевую роль в построении отношений между Россией и коллективным Западом [MacFarlane, 2001]. Россия также проявляла интерес не только к выстраиванию прагматичных отношений, построенных на транспарентности и сотрудничестве с блоком, но и к возможному вступлению в состав организации, что могло бы подчеркнуть окончание противостояния России и США и провозглашение сотрудничества между двумя сверхдержавами для развития отношений в условиях возникновения новых угроз, прежде всего, терроризма. Сотрудничество России и НАТО по вопросам противодействия терроризму обычно сводится к войне в Афганистане, которую вела НАТО с 2001 года в рамках американской «войны с терроризмом», и Россия хоть и не предоставляла свои вооруженные силы для боевых действий на территории Афганистана, но разрешала военно-транспортным самолетам Североатлантического альянса пролетать по территории страны, что явно говорит о намерениях российской стороны, направленных на сотрудничество с НАТО.

Несмотря на шаги, сделанные навстречу российским руководством, во взаимоотношениях с НАТО возник ряд противоречий, прежде всего касавшихся законности проведения бомбардировок Югославии в 1999 году в обход санкции Совета Безопасности ООН в рамках операции «Союзная сила», а также расширения НАТО на Восток. НАТО расширялась еще во время Холодной войны, однако основные этапы расширения блока произошли после

распада СССР, в том числе рекордная на данный момент волна расширения НАТО в 2004 году. В 1999 году альянс принимает новую Стратегическую концепцию [Стратегическая концепция североатлантического союза, 1999], в которой впервые провозглашает четкие намерения по своему дальнейшему расширению, основываясь на 10 статье Североатлантического договора, которая подчеркивает открытость альянса для принятия новых членов [Североатлантический договор, 1949]; именно тогда в альянс вступили первые страны Центрально-Восточной Европы – Польша, Чехия и Венгрия. После чего НАТО значительно увеличила свой состав, который на 2025 год составляет 32 государства-члена, причем половина из них вступила в альянс после 1991 года, включив в свой состав страны из бывшей Организации Варшавского Договора, прибалтийские государства, входившие в Советский Союз, а также несколько государств, входивших в Югославию. Такое расширение организации является проявлением одной из попыток аргументации дальнейшего существования НАТО: западные аналитики создавали интеллектуальные основы расширения организации для того, чтобы она продолжила свое существование, несмотря на прекращение существования страны, против которой она создавалась, и провозглашение намерений по сотрудничеству с Российской Федерацией, что подчеркивалось западными политиками в 90-е годы. Например, З. Бжезинский в своей монографии «Великая шахматная доска» рассматривал Организацию Североатлантического договора как «основу американского военного присутствия в Европе» и «проводником для построения единой Европы» [Бжезинский, 2023]. Американский политолог рассматривает НАТО как важный инструмент расширения влияния США в Европе и поддержанию военного контингента Соединенных Штатов в европейских государствах. Также Бжезинский аргументировал расширение НАТО на Восток как интеграцию стран бывшей Организации Варшавского Договора в западный мир, а также недопущение России трансформации в имперское государство [Бжезинский, 2023], с включением в состав организации Украины, которую он рассматривал в качестве одного из «геополитических центров», которые создали бы так называемую «Ось безопасности „Париж – Берлин – Варшава – Киев“» [Бжезинский, 2023]. Генри Киссинджер в «Мировом порядке» придерживался сходного мнения и аргументировал расширение НАТО на Восток как «разумный способ „фиксации“ демократических преобразований в Европе» [Киссинджер, 2024]. Как заявляли сами функционеры альянса, руководствуясь Стратегической концепцией НАТО 1999 года и Уставом НАТО, прописанным в Североатлантическом договоре 1949 года, расширение блока основано на так называемой «доктрине открытых дверей» – любая страна, изъявляющая желание вступить в НАТО, имеет на это полное право. При этом, как показала история, «доктрина открытых дверей» является избирательной, поскольку процесс вступления России в НАТО остановился на программе «Партнерство ради мира» и даже не перешел к ускоренному диалогу или индивидуальному плану партнерства, о чем подмечал президент России В. Путин в интервью Т. Карлсону в феврале 2024 года [Интервью Такеру Карлсону, 2024]. При этом Бжезинский отмечал, что Россию необходимо подключать к сотрудничеству с Европой по вопросам коллективной безопасности, которая «в значительной степени выходит за рамки расплывчатой структуры ОБСЕ» [Бжезинский, 2023]. Он подчеркивает: «если бы Россию включили в сделку по расширению НАТО, то можно было бы избежать возникшего у Москвы чувства разочарования «зрелым партнерством» [Бжезинский, 2023]. Схожего мнения придерживался Шарль Купчан, по мнению которого создание Западом из России образа изгоя является ошибкой исторического масштаба [Kupchan, 2010]. На данный момент все сотрудничество между Россией и НАТО прекращено, в том числе по вопросам предотвращения возможных угроз по линии Совета Россия – НАТО. Членство РФ в программе «Партнерство ради мира» приостановлено с 2022 года, что также подчеркивает антагонистический характер взаимоотношений России и НАТО в настоящее время.

Российскими учеными и аналитиками также рассматривался вопрос расширения НАТО на Восток в контексте современного существования организации в постсоветском мире. Алексей Арбатов отмечает, что НАТО трансформировалась на качественно новый уровень,

предполагая дальнейшее расширение блока на Восток вплоть до российских границ [Арбатов, 2006]. При этом, как отмечает Арбатов, альянс представляет РФ важную геополитическую угрозу, особенно связанную с расширением блока, которое он видит в контексте ослабления влияния Москвы на постсоветском пространстве вследствие включения в состав организации стран, ранее входивших в состав Советского Союза (например, в контексте вступления Эстонии, Латвии и Литвы в состав НАТО в 2004 году). В данной парадигме Арбатов сходится во мнении с З. Бжезинским о важности постсоветских государств в сдерживании России. При этом российскими исследователями ставится под сомнение тот факт, что Россия могла вступить в НАТО при условии развития демократических институтов Западного типа, на что обращал свое внимание Збигнев Бжезинский в контексте возможного вступления России в Североатлантический альянс. На это обращает внимание Иванов, который подчеркивает, что расширение НАТО было связано не с развитием демократических институций в России, а с геополитическими интересами стран Североатлантического альянса, в то время как национальные интересы России противоречат интересам стран-членов НАТО [Иванов, 2015]. Такое противоречие, по мнению российских исследователей, сделало невозможным вступление России в организацию, поскольку само ее существование было направлено сначала против СССР, а затем против современной Российской Федерации, в связи с чем членство России в организации, направленной против нее самой, является невозможным.

Таким образом, можно отметить, как баланс между партнерством и сотрудничеством России с Организацией Североатлантического договора постепенно сместился к противостоянию [Батюк, 2020], особенно в контексте Мюнхенской речи Владимира Путина, в которой он раскритиковал устоявшийся мировой порядок с четкой гегемонией одной конкретной страны [Выступление и дискуссия, 2008]. Несмотря на некоторые попытки нормализации отношений после войны в Грузии 2008 года, инициированные, как отмечает Мардохей де Хаас [Haas, 2009], Германией и Францией, полноценное сотрудничество России с альянсом было приостановлено в 2014 году в связи с конфликтом на Украине. Тогда НАТО заморозила многие сферы взаимодействия, в том числе по Афганистану. Также альянс перешел к расширению военной инфраструктуры в Восточной Европе: после саммита НАТО в Ньюпорте в 2014 году было принято решение о создании объединенной оперативной группы повышенной готовности в рамках сил быстрого реагирования НАТО и «разработку инструментов и процедур, необходимых для эффективного сдерживания гибридной угрозы» [Заявление по итогам встречи, 2014]. Таким образом, Североатлантический альянс планомерно с 2014 года расширял свое военное присутствие на своем «Восточном фланге» – территории стран «Бухарестской девятки», что отразилось в «Расширенном военном присутствии НАТО в Восточной Европе, особенно в прибалтийских странах-членах НАТО Эстонии, Латвии и Литве, поскольку именно в Прибалтике находится самый уязвимый участок обороны альянса – Сувалкский коридор, который соединяет Калининградскую область с Республикой Беларусь. При этом само наращивание вооруженных сил вблизи этого коридора четко говорит о факте того, что НАТО готовилась к возможному конфликту с Россией, поскольку концепция Сувалкского коридора в военной стратегии НАТО не может быть трактована не иначе как связанной с противодействием России, в отличие от системы противовоздушной обороны, развертывание которой в 2000-х годах аргументировалось развитием ракетных технологий в Иране и Северной Корее, а представители Запада подчеркивали, что система ПРО не направлена против России [Тэтчер, 2020].

Дальнейшее расширение блока проходило и после 2014 года – наиболее примечательным является вступление бывших нейтральных государств Скандинавии: Финляндии и Швеции. Ряд СМИ и аналитиков в течение 2022 года сообщали, что вступление этих государств в НАТО связано с проведением специальной военной операции на Украине, однако, как доказал Сергей Старкин, расширение НАТО в Скандинавии с включением Финляндии и Швеции в состав блока не является спонтанным решением, оно готовилось в течение длительного времени, тогда как СВО стало лишь катализатором этих процессов [Старкин, 2023]. Отдельные

исследователи подмечают, что углубленное сотрудничество НАТО со странами Скандинавии началось еще в 2014 году, еще до начала украинского кризиса [Никитин, 2016], при этом, как доказал Т. Форсберг, вступление этих государств в НАТО должно было быть менее чувствительным, нежели вход в состав блока Украины или Грузии [Forsberg, 2015]. Также стоит добавить тот факт, что возможное вступление Швеции и Финляндии в НАТО рассматривалось еще в период Корейской войны, когда в 1952 году была принята вторая Стратегическая концепция НАТО, где были четко разграничены сферы влияния между СССР и США, но также отдельно были выделены так называемые «нейтральные государства» (за исключением Австрии, которая на тот момент еще находилась в состоянии оккупации союзниками после Второй мировой войны). В этот список вошли Финляндия, Испания, Югославия и Швеция, все эти государства в той или иной степени (бывшая Югославия представлена Словенией и Хорватией, а также Боснией и Герцеговиной, с которой НАТО установила план действий по членству и, по сути, она является следующим кандидатом на членство в организации) присоединились к Североатлантическому альянсу. Стратегическая концепция НАТО 1952 года четко конкретизирует регионы деятельности блока, выделяя при этом Швецию, которая, хоть и не являлась страной-членом организации, могла бы сыграть важную роль в обороне [Strategic guidance, 1952]. Можно заметить, как интеллектуальные основы расширения НАТО в Скандинавии готовились задолго до 2022 года, что явно говорит не о спонтанном решении военных и политических функционеров блока в Северной Европе о расширении границы соприкосновения России и НАТО, поскольку российско-финская граница имеет длину в более чем тысячу километров, что увеличило существующую до 2023 года границу России с НАТО в два раза. Это привело к тому, что Россия вернулась к советской концепции Московского и Ленинградского военных округов (вместо единого Западного военного округа, существовавшего в 2010–2024 гг.), где Ленинградский отвечает за оборону страны на Северном направлении, которое, с вступлением Швеции и Финляндии в НАТО, является важным с точки зрения обеспечения безопасности на северо-западе страны, а также в арктическом регионе. Помимо этого, расширение блока в Северной Европе и его интеллектуальные основы готовились и с распадом СССР.

При этом Россия неоднократно пыталась решить ключевые вопросы (прежде всего, связанные с расширением блока), мешающие проведению политики, основанной на транспарентности, между РФ и НАТО, о чем стороны договорились в рамках основополагающего акта Россия – НАТО. Прежде всего, стоит отметить проект договора о гарантиях безопасности между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки [Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки, 2021]. Договор включил в себя ряд инициатив, которые должны были решить ряд противоречий, возникших в отношениях между Россией и коллективным Западом во главе с США, – например, это касается пункта об исключении дальнейшего расширения Организации Североатлантического договора и об отказе НАТО в принятии в свой состав стран бывшего Советского Союза. При этом стороны обязуются действовать в рамках неделимости безопасности и не рассматривать друг друга в качестве противников, что является продолжением основ, заложенных в 1997 году с подписанием основополагающего акта.

Однако в 2022 году Организация Североатлантического договора приняла обновленную Стратегическую концепцию, в которой Российская Федерация признана «наиболее значительной и прямой угрозой безопасности государств-членов НАТО» [Стратегическая концепция НАТО, 2022], что является нарушением основополагающего акта Россия – НАТО. Важно заметить, что такая политика альянса по отношению к России является не только конкретным проявлением действий НАТО, но и западных аналитиков, чему свидетельствует принятая в 2025 году Атлантическая хартия, – в отличие от документа, принятого в 1941 году, данная хартия является своего рода аналитической заметкой, в которой авторы предлагают функционерам Североатлантического альянса дальнейшие форматы работы в условиях новой политической администрации в США при президенте Дональде Трампе. В данном документе

Российская Федерация также признается одной из ключевых угроз безопасности для Североатлантического альянса.

Заключение

Таким образом, можно констатировать окончательный отход от политики сотрудничества, даже ограниченной вопросами безопасности, к гибриднему конфликту, в котором на данный момент состоит Россия и страны Запада. Несмотря на ряд попыток установления взаимоотношений на условиях транспарентности и взаимного сотрудничества в рамках создания системы коллективной безопасности, борьбы с терроризмом и создании условий для предотвращения возможных конфликтов, что было принято в основополагающем акте Россия – НАТО, взаимоотношения России с альянсом в итоге вновь пришло к противостоянию, как это было во время Холодной войны. Ряд противоречий между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора так и не был решен, несмотря на попытки российской дипломатии вести конструктивный диалог с западной стороной. При этом интересы России в области безопасности систематически игнорировались западными акторами, особенно в контексте расширения НАТО на Восток, размещения систем ПРО, которая хоть и создавалась не против России, но в целом размещение систем противоракетной обороны проводилось в Европе без согласия России, что, в свою очередь, имеет явное и четкое противоречие с принципом неделимости безопасности и не соответствует положениям основополагающего акта Россия – НАТО.

Список источников

- Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 13 сентября 2025).
- Концепция внешней политики Российской Федерации 1993 года. URL: <https://www.russiamatters.org/sites/default/files/media/files/1993%20Foreign%20Policy%20Strategy%20RUS.pdf> (дата обращения: 13 сентября 2025).
- Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/ (дата обращения: 24 июня 2025).
- Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 26 июня 2025).
- Интервью Такеру Карлсону. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 26 июня 2025).
- Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 26 июня 2025).
- Североатлантический договор. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 25 июня 2025).
- Совет Россия – НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_50091.htm (дата обращения: 25 июня 2025).
- Стратегическая концепция НАТО 2022 года. URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 24 июня 2025).
- Стратегическая концепция североатлантического союза. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 26 июня 2025).
- Strategic guidance Available at: <https://www.nato.int/docu/stratdoc/eng/a521209a.pdf> (accessed in: 24 June 2025).

Список литературы

- Антюхова Е.А. 2015. Формирование Стратегии НАТО в постбиполярный период. Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 6: 17–24.

- Арбатов А.Г. 2006. Расширение НАТО и национальные интересы России. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2: 94–103.
- Батюк В.И. 2020. НАТО и Российская Федерация: эволюция взаимоотношений. *Вестник Московского Университета. Международные отношения и мировая политика*. 12(1): 3–31.
- Бжезинский З. 2023. Великая шахматная доска. М., АСТ, 384.
- Иванов О.П. Россия и НАТО: точка невозврата. 2015. *Обозреватель*. 1(300): 5–16.
- Киссинджер Г. 2024. Мировой порядок. М., АСТ, 512.
- Никитин А. И. Усиление НАТО на восточных границах альянса и перспективы расширения НАТО на север. 2016. *Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации*. 1(15): 34–43.
- Старкин С.В. 2023. Вступление Швеции и Финляндии в НАТО: от союзничества к полноценному партнерству (2013–2021 гг.). В кн.: *Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций*: монография. Москва, РУСАЙНС: 36–59.
- Тэтчер М. 2020. *Искусство управления государством: Стратегии для меняющегося мира*. М., Альпина Паблишер, 504.
- Forsberg T., Herd G. 2015. Russia and NATO: From Windows of Opportunities to Closed Doors. *Journal of Contemporary European Studies*. vol. 23. 1: 41–57.
- Haas M. 2009. NATO – Russia Relations after the Georgian Conflict: 4–9.
- Kupchan C. 2010. NATO's Final Frontier: Why Russia Should Join the Atlantic Alliance / Charles A. Kupchan. *Foreign Affairs*. vol. 89. 3: 100–112.
- MacFarlane N. 2001. NATO in Russia's Relations with the West / Neil MacFarlane // *Security Dialogue*. vol. 32. 3: 281–296.

References

- Antyhova E.A. 2015. Formation of NATO Strategy During the Postbipolar Period. *Uchenye zapiski OGU. Series Humanities and Social Sciences*. 6: 17–24 (in Russian).
- Arbatov A.G. 2006. Rasshirenije NATO i nacional'nye interesy Rossii [NATO Expansion and Russia's National Interests]. Series: *Politiya: Analysis. Chronicle. Forecast. Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki*. 2: 94–103.
- Batyuk V.I. 2020. The Evolution of the NATO – Russia Relations. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 12(1): 3–31 (in Russian).
- Brzezinski Z. 2023. Velikaya shahmatnaya doska [The Grand Chessboard]. Moscow, AST, 384.
- Ivanov O.P. Russia and NATO: the Point of No Return. 2015. *Obozrevatel'*. 1(300): 5–16 (in Russian).
- Kissinger H. 2024. *Mirovoj poryadok* [World Order]. Moscow, AST, 512.
- Nikitin A.I. The Reinforcement of NATO at the Eastern Borders of the Alliance and Prospects for its Expansion Northward. 2016. *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnyh issledovanij Moskovskogo gosudarstvennogo instituta mezhdunarodnyh otnoshenij (Universiteta) Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii*. 1(15): 34–43 (in Russian).
- Starkin S.V. 2023. Vstuplenie Shvecii i Finlyandii v NATO: ot soyuznichestva k polnocennomu partnerstvu (2013–2021 gg.) [The Accession of Sweden and Finland to NATO: From Partnership to Full-Fledged Membership (2013–2021)]. In: *Novye vyzovy i ugrozy bezopasnosti RF v usloviyah global'nyh i lokal'nyh transformacij*. [New Challenges and Security Threats to the Russian Federation in the Context of Global and Local Transformations]. Moscow, RUSAJNS: 36–59.
- Thatcher M. 2020. *Iskusstvo upravleniya gosudarstvom: Strategii dlya menyayushchegosya mira* [Statecraft: Strategies for a Changing World]. Moscow, Alpina Publisher, 504.
- Forsberg T., Herd G. 2015. Russia and NATO: From Windows of Opportunities to Closed Doors. *Journal of Contemporary European Studies*. vol. 23. 1: 41–57.
- Haas M. 2009. NATO – Russia Relations after the Georgian Conflict: 4–9.
- Kupchan C. 2010. NATO's Final Frontier: Why Russia Should Join the Atlantic Alliance / Charles A. Kupchan. *Foreign Affairs*. vol. 89. 3: 100–112.
- MacFarlane N. 2001. NATO in Russia's Relations with the West / Neil MacFarlane // *Security Dialogue*. vol. 32. 3: 281–296.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 20.06.2025

Received: 20.06.2025

Поступила после рецензирования: 21.07.2025

Revised: 21.07.2025

Принята к публикации: 21.08.2025

Accepted: 21.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Старкин Сергей Валерьевич, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0002-9730-482X](https://orcid.org/0009-0002-9730-482X)

Кавин Максим Александрович, студент бакалавриата института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0005-1109-0704](https://orcid.org/0009-0005-1109-0704)

Sergey V. Starkin, Doctor of Science in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Maxim A. Kavin, Undergraduate student at the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 327.8
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764
EDN IRRNLF
Оригинальное исследование

Концептуальные и прикладные аспекты реализации российской «мягкой силы» в современных международных отношениях

Ефименко А.М.

Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
Россия, Луганская Народная Республика, 291034, городской округ город Луганск,
квартал Молодежный, дом 20А
E-mail: efimenko.anastasiya.m@mail.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является комплексный анализ специфики реализации стратегии «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности Российской Федерации, а также выявление отличительных черт российской модели в сравнении с западными и восточными (в частности, китайской) концепциями. Методологическая основа работы опирается на системный, сравнительный и институциональный подходы, позволяющие рассматривать «мягкую силу» как интегративный инструмент внешней политики, сочетающий гуманитарные, информационные, культурные и образовательные компоненты. В рамках исследования проанализированы ключевые направления применения «мягкой силы»: развитие экспортно-ориентированного образования, продвижение русского языка и культуры, спортивная и гуманитарная дипломатия, внешнеполитическое медиа-присутствие, а также участие в международных организациях. Установлено, что российская стратегия отличается высокой степенью государственного контроля, ориентацией на постсоветское пространство и идеологическим акцентом на «суверенную демократию» и традиционные ценности. Сделан вывод о необходимости долгосрочного планирования и межведомственной координации для повышения эффективности гуманитарной политики России. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию роли нематериальных факторов в обеспечении внешнеполитического влияния Российской Федерации в условиях трансформации международной системы.

Ключевые слова: внешняя политика России, культурная дипломатия, публичная дипломатия, стратегическое влияние, образовательная политика, русский язык, информационное воздействие, международные организации, идеология суверенной демократии

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Ефименко А.М. 2005. Концептуальные и прикладные аспекты реализации российской «мягкой силы» в современных международных отношениях. *Via in tempore. История. Политология*, 52(3): 754–764. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764. EDN: IRRNLF

Conceptual and Practical Aspects of Implementing Russia's "Soft Power" in Contemporary International Relations

Anastasia M. Efimenko

Vladimir Dahl Lugansk State University,
Building 20A Molodezhny Quarter, Lugansk City District 291034, Lugansk People's Republic, Russia
E-mail: efimenko.anastasiya.m@mail.ru

Abstract. This article presents a comprehensive study of the strategic use of soft power in the foreign policy of the Russian Federation, with a particular focus on the conceptual and institutional foundations that distinguish the Russian approach from both Western liberal-democratic and Eastern (notably Chinese) models.

The research applies a multi-methodological framework that integrates a systemic analysis, comparative political inquiry, and institutional approach, enabling an in-depth examination of soft power as a complex foreign policy instrument. Special attention is paid to the state's role in shaping and directing soft power strategies through centralized institutions, reflecting the characteristics of Russia's vertically integrated political system. The paper investigates the core domains through which Russian soft power is exercised, including the internationalization of higher education, the global promotion of the Russian language and cultural heritage, sports diplomacy, vaccine diplomacy during the COVID-19 pandemic, state-sponsored media outreach, and participation in multilateral organizations such as the United Nations, the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), and BRICS. Empirical evidence demonstrates that Russia's soft power projection is predominantly state-driven, ideologically framed by the notion of "sovereign democracy," and geographically focused on the post-Soviet space as a zone of privileged strategic interest. Key findings suggest that while Russia has succeeded in institutionalizing its soft power instruments and expanding its global humanitarian presence, the country's approach remains largely reactive and constrained by short-term political objectives. The article concludes by arguing for the need to formulate a more proactive and long-term soft power strategy, supported by cross-sectoral coordination and tailored regional engagement. The study contributes to the broader discourse on alternative models of soft power in a multipolar world and offers insights into the normative and operational dynamics of non-Western public diplomacy practices.

Keywords: Russian foreign policy, cultural diplomacy, public diplomacy, strategic influence, educational policy, Russian language, informational outreach, international organizations, ideology of sovereign democracy

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Efimenko A.M. 2025. Conceptual and Practical Aspects of Implementing Russia's "Soft Power" in Contemporary International Relations. *Via in tempore. History and political science*, 52(3): 754–764 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764. EDN: IRRNLF

Введение

Современная международная система характеризуется усложнением межгосударственных взаимодействий и повышением роли нематериальных форм влияния. В этих условиях «мягкая сила», концепция, предложенная Джозефом Наем, предполагающая достижение внешнеполитических целей посредством привлекательности культурных образцов, политических ценностей и внешнеполитического курса, становится важным фактором глобального соперничества. Вместо классических методов дипломатического давления и военно-политического принуждения государства всё чаще обращаются к гуманитарным, образовательным и культурным инструментам для продвижения своих интересов и усиления международного влияния.

Российская Федерация активно вовлечена в процессы глобальной трансформации, стремясь усилить своё влияние и повысить эффективность собственной внешней политики. В этом контексте формирование и использование механизмов «мягкой силы» становится стратегическим направлением внешнеполитической деятельности России, направленным на преодоление негативных международных стереотипов и создание позитивного образа государства за рубежом.

Необходимость углублённого анализа и систематизации российского подхода к применению инструментов «мягкой силы» обусловлена как внутренними политическими задачами, так и внешнеполитическими вызовами. В условиях растущей конкуренции за идеологическое и культурное влияние на международной арене, а также усиления конфронтационных тенденций между глобальными державами, понимание специфики и оценка эффективности российских стратегий мягкого воздействия приобретают особое значение. Исследование данных аспектов способствует выявлению как преимуществ, так и проблемных зон, на основании чего становится возможным разработать комплексную, устойчивую и эффективную внешнеполитическую стратегию.

Основной целью предлагаемой статьи является проведение детализированного политологического анализа ключевых направлений использования «мягкой силы» в российской внешней политике, выявление её национальной специфики, а также сопоставление российского опыта с аналогичными практиками других государств, прежде всего Китайской Народной Республики, чей опыт является особенно показательным ввиду сходных моделей государственного управления и значимости государственных структур в реализации внешнеполитических стратегий.

Методологическая база исследования строится на системном подходе и включает сравнительный, исторический и институциональный анализ, позволяющий наиболее полно раскрыть сущность изучаемого явления и отследить его эволюцию. Использование этих методов обусловлено необходимостью всестороннего рассмотрения феномена «мягкой силы» как комплексного внешнеполитического инструмента, включающего различные формы взаимодействия и влияния.

Эмпирическая основа анализа представлена официальными документами и материалами российского внешнеполитического ведомства, в том числе концепциями внешней политики РФ, указами и распоряжениями главы государства, программами профильных ведомств, а также статистическими данными и отчётами о реализации российских гуманитарных, образовательных и культурных инициатив за рубежом.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает политика «мягкой силы» Российской Федерации как составная часть её внешнеполитической стратегии в условиях трансформации международной системы. В качестве предмета анализа рассматриваются институциональные механизмы, направления и практические формы реализации гуманитарного, культурного, образовательного и информационного влияния России на международной арене, а также специфика национальной модели в сравнении с западными и восточными концепциями.

Методологическая база исследования опирается на системный подход, позволяющий рассматривать «мягкую силу» как комплексный феномен, включающий разнообразные инструменты нематериального воздействия. Применение сравнительного метода обеспечивает выявление сходств и различий между российской стратегией и практиками других государств, в первую очередь Китая, что позволяет отследить специфику и ограниченность российского подхода. Институциональный анализ использован для изучения структуры и функционирования государственных и квазигосударственных организаций, ответственных за разработку и реализацию гуманитарной политики, включая фонд «Русский мир», Россотрудничество, Российский совет по международным делам и специализированные подразделения МИД РФ.

Эмпирическую основу составляют официальные нормативно-правовые акты и концептуальные документы внешнеполитического ведомства Российской Федерации, указы и распоряжения главы государства, статистические материалы о реализации гуманитарных и образовательных программ, а также отчёты профильных институтов и публикации экспертного сообщества. Использование комплексного набора методов и источников позволило не только реконструировать процесс институционализации российской «мягкой силы», но и выявить её особенности, динамику и перспективы развития.

Результаты и их обсуждение

Концепция «мягкой силы» начала занимать значительное место в российском внешнеполитическом дискурсе с начала 2000-х годов, когда государство стало постепенно возвращать себе утраченные позиции в глобальной политике после сложного периода 1990-х. Важным событием, закрепившим институциональную основу гуманитарного и культурного влияния России, стало создание Фонда «Русский мир», учреждённого указом президента Дмитрия Медведева в 2007 году при активном участии Министерства иностранных дел и

Министерства образования и науки РФ. Целями фонда были обозначены популяризация русской культуры и языка за рубежом, поддержка российского образовательного экспорта и формирование позитивного восприятия России в международном информационном пространстве [Кушнарев, 2022, с. 44–68].

Следующий значительный шаг был сделан в 2008 году, когда на смену Росзарубежцентру было создано Федеральное агентство Россотрудничество, которое стало ключевым оператором гуманитарных и культурных программ России за рубежом. Данное ведомство, имеющее схожий функционал с Агентством США по международному развитию (USAID), призвано развивать связи с соотечественниками, проживающими за пределами страны, и реализовывать масштабные программы культурного и образовательного взаимодействия, преимущественно в постсоветских государствах.

Дополнительную системную базу российскому подходу придало создание в 2011 году Российского совета по международным делам (РСМД), выступающего своеобразным посредником между экспертным сообществом, государственными структурами и гражданскими институтами. Одним из первых важных теоретических обоснований значимости «мягкой силы» в российской дипломатии стала публикация Игоря Иванова, бывшего министра иностранных дел РФ, подчеркнувшего необходимость развития «умной дипломатии», ориентированной на использование нематериальных ресурсов, и привлекательности государства [Иванов, 2011, с. 23–37].

Существенным моментом в истории формирования российской доктрины «мягкой силы» стал 2012 год, когда Владимир Путин, являясь кандидатом на пост президента России, впервые явно обозначил этот термин в своей программной статье, акцентировав внимание на важности формирования образа России как надёжного международного партнёра, который использует не только военные и экономические, но и культурно-гуманитарные ресурсы для продвижения своих интересов [Сулимин, 2021, с. 94–98]. Спустя год термин «мягкая сила» вошёл в официальный внешнеполитический дискурс России, будучи закреплён в новой Концепции внешней политики РФ, утверждённой президентом В.В. Путиным. В документе подчёркивалось, что российская модель «мягкой силы» должна использовать гражданское общество, медиа-ресурсы и культурно-гуманитарные методы, которые отличаются от классических дипломатических практик и соответствуют национальной специфике России [Борисов, 2020, с. 1–11].

Важным эпизодом практической реализации «мягкой силы» стала деятельность международного коммуникационного агентства Ketchum, работавшего с российским правительством с 2006 по 2014 годы. Агентство способствовало улучшению имиджа России на международной арене, в частности поддерживая информационное освещение саммита «Большой восьмёрки» и оказывая содействие вступлению России в ВТО, а также организуя публикации российских официальных представителей в западных СМИ [Лю, 2023, с. 58–67].

Существенные коррективы в подходах к реализации российской «мягкой силы» произошли в 2020 году с назначением Евгения Примакова на должность руководителя Россотрудничества. Новая стратегия предполагала более целенаправленное использование ресурсов и проведение мероприятий с учётом региональной специфики и конкретных целевых аудиторий [Морозов, 2022, с. 410–427]. Кроме того, в 2021 году в структуре МИД России был создан специализированный департамент, курирующий политику «мягкой силы». Его задачами стали выработка стратегических направлений и координация действий между различными российскими ведомствами и неправительственными организациями, занимающимися международной гуманитарной и культурной деятельностью [Неймарк, 2022, с. 350].

Среди центральных направлений применения инструментов «мягкой силы» России особое место занимает образование, выступающее одним из ключевых каналов воздействия на зарубежные аудитории. Россия традиционно привлекательна для иностранных студентов, особенно из СНГ, Африки и Азии. С целью повышения конкурентоспособности российских вузов был запущен «Проект 5-100», предполагающий активную международную экспансию российских университетов и увеличение числа иностранных студентов, что подчёркивает

стратегическое значение образовательного фактора во внешней политике страны [Игнатенкова, 2021, с. 234–237]. Подтверждением успехов этого направления является открытие филиалов ведущих российских вузов за рубежом, таких как филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в Таджикистане [Кушнарев, 2024, с. 24–36].

Русский язык и культура также выступают мощными ресурсами «мягкой силы», поскольку сохраняют значительную популярность и влияние, прежде всего в постсоветском пространстве. Наиболее эффективно эти направления развиваются через деятельность Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и Фонда «Русский мир», которые обеспечивают поддержку преподавания русского языка за рубежом и способствуют продвижению российской культуры на мировой арене [Осташова, 2021, с. 220–226; Осташова, 2022, с. 146–159].

Спортивная дипломатия стала важным аспектом российской «мягкой силы» в последние десятилетия, особенно в период проведения крупных международных соревнований, таких как Олимпиада в Сочи и чемпионат мира по футболу 2018 года. Организация подобных мероприятий позволила России существенно улучшить свой международный имидж, продемонстрировав организационные способности и гостеприимство [Боголюбова, Николаева, 2011, с. 228].

В период пандемии COVID-19 «дипломатия вакцин» стала новым и эффективным инструментом «мягкой силы», продемонстрировав потенциал России как технологического лидера и надёжного партнёра, предоставляющего гуманитарную помощь странам, столкнувшимся с серьёзными последствиями эпидемии [Рудь, 2021, с. 136–140].

Медиа и информационная политика России за рубежом реализуется через такие каналы, как телеканал RT и агентство Sputnik, которые представляют российскую точку зрения на международные события и способствуют формированию образа России в глобальном информационном пространстве [Боголюбова, Николаева, 2011, с. 228; Торосян, Держирученко, 2021, с. 7–13].

Кроме того, неправительственные организации, в том числе Российский международный деловой совет (RIAC) и Валдайский клуб, а также участие в международных организациях, таких как ООН, БРИКС и ШОС, позволяют России активно включаться в глобальную повестку дня и усиливать своё влияние в мировом сообществе [Лукин, 2011, с. 37–47; Цветкова, 2015, с. 495].

Особенности реализации российской концепции «мягкой силы» обусловлены спецификой её политической и институциональной системы, отличающейся значительной степенью государственного участия и доминированием государственных структур в формировании и исполнении внешнеполитических инициатив. В то время как западные государства чаще используют сетевые структуры и широкий спектр негосударственных организаций, Россия реализует свои внешнеполитические задачи преимущественно через официальные государственные или тесно связанные с государством институции. Такой подход позволяет обеспечить более жёсткий контроль и координацию гуманитарных, культурных и информационных мероприятий, но одновременно ограничивает гибкость и реактивность стратегий на изменение внешней среды [Ковба, 2017, с. 185; Алиева, Амбарцумян, 2022, с. 197–216].

Ещё одной отличительной особенностью российской стратегии является её выраженная региональная ориентация, прежде всего на постсоветское пространство, что обусловлено историческими и геополитическими факторами. Россия воспринимает государства бывшего Советского Союза в качестве своего традиционного внешнеполитического приоритета и пытается усилить своё влияние в этом регионе за счёт поддержки русского языка, образования, культурного сотрудничества и экономических связей. Это направление деятельности является особенно важным для России в контексте конкуренции с другими глобальными и региональными державами за влияние в этом стратегически важном регионе [Артеев, 2021, с. 32–57; Исаков, 2023, с. 58–65].

Особую роль в формировании имиджа России на международной арене играет продвижение идеологических концептов «суверенной демократии» и традиционных ценностей. Эти концепты

позиционируют Россию как альтернативу либерально-демократическим западным моделям, предлагая особый цивилизационный и идеологический проект, основанный на традиционных культурных и нравственных ориентирах. Это находит отклик среди консервативных кругов и политических элит ряда зарубежных государств, позволяя России укреплять своё влияние в странах, восприимчивых к альтернативным западному либерализму идеологическим установкам [Никонов, 2015, с. 464; Русакова, Жакьянова, 2022, с. 65–73].

Сравнение российской модели с китайской демонстрирует как сходства, так и принципиальные отличия в подходах к реализации инструментов «мягкой силы». Обе страны характеризуются высоким уровнем государственного контроля за процессами гуманитарного и информационного влияния, а также активно используют государственные медиа и квазигосударственные неправительственные организации для распространения своего влияния за пределами национальных границ [Лебедева, 2017, с. 212–223; Аюа, 2022, с. 120–126]. Вместе с тем Китай, в отличие от России, строит свою политику на образе миролюбивой, экономически успешной державы, активно продвигающей позитивную повестку дня и избегающей прямой конфронтации с западными странами. Российская же стратегия более конфронтационна и идеологически окрашена, особенно после событий 2014 года, что формирует имидж России как государства, противостоящего западной доминации и продвигающего собственную модель международного порядка [Бояркина, 2015, с. 215; Леонова, 2020, с. 104–118; Сюн, Тань, 2022, с. 264–273].

Кроме того, временные горизонты российских и китайских стратегий существенно различаются. Китай предпочитает стратегически выверенные и долгосрочные программы, направленные на постепенное и систематическое усиление своего влияния в различных регионах мира [Шишкина, 2022, с. 58–61]. В российском же случае преобладают краткосрочные инициативы, часто реактивного характера, направленные на решение актуальных политических задач, что снижает общую системность и устойчивость российского подхода [Галларотти, 2021, с. 35–47; Таланов, 2022, с. 22–47].

Отдельного внимания заслуживают специфика реализации стратегий «мягкой силы» авторитарными и демократическими государствами. В авторитарных политических системах, таких как российская, контроль государства за информационной и культурной сферой является максимальным, что позволяет обеспечить согласованность внешнеполитических действий. Однако это приводит и к меньшей гибкости, так как негосударственные акторы ограничены в своей деятельности, а государственные неправительственные организации (ГОНГО) зачастую воспринимаются международной аудиторией как инструмент государственной пропаганды, что может снижать доверие к России как к партнёру на международной арене [Ковба, 2017, с. 115–120; Томберг, 2023, с. 91–104].

Следует отметить также и специфическое отношение России к международным «социальным экспериментам» и распространению западных демократических стандартов. В выступлении на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН Владимир Путин подчеркнул, что навязывание других моделей общественного развития зачастую приводит к дестабилизации и кризисам, что является принципиальным отличием российского подхода к «мягкой силе» от западного. Россия, исходя из своего опыта и внешнеполитической доктрины, акцентирует внимание на уважении суверенитета и недопустимости внешнего вмешательства в национальные политические процессы, противопоставляя свои действия подходам США и их союзников [Тонких, Данилова, 2022, с. 371–375].

Таким образом, российская модель применения «мягкой силы» демонстрирует уникальные черты, обусловленные национальной спецификой и геополитическими условиями, а также наличием противоречий и конкуренции с западными странами и их либерально-демократической идеологией. Несмотря на отдельные успехи, российская стратегия сталкивается с рядом вызовов, требующих серьёзного осмысления и корректировки для повышения её общей эффективности.

Заключение

Научная значимость проведённого исследования обусловлена тем, что в нём была предпринята систематическая попытка концептуального осмысления и комплексного анализа подходов и инструментов применения российской «мягкой силы» с особым акцентом на её национальной специфике и геополитическом контексте.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что на протяжении последних двух десятилетий российская политика «мягкой силы» прошла значительный путь институционализации и концептуального оформления. Важными этапами этого процесса стали создание таких структур, как Россотрудничество, фонд «Русский мир», Российский совет по международным делам, а также формирование специализированных департаментов в рамках внешнеполитического ведомства, курирующих реализацию этой политики. Тем самым Россия сформировала достаточно развитую инфраструктуру, позволяющую ей использовать культурно-гуманитарные, образовательные и информационные ресурсы в интересах внешней политики и продвижения национальных интересов на мировой арене.

Среди основных инструментов российского гуманитарного влияния на международной арене можно выделить такие значимые направления, как образование, русский язык и культура, спортивная дипломатия, гуманитарная помощь и дипломатия вакцин, информационная деятельность в зарубежных СМИ, а также деятельность государственных и негосударственных организаций и участие в международных институтах. Каждый из перечисленных инструментов имеет свой уникальный потенциал и определённые особенности, которые необходимо учитывать при разработке и реализации внешнеполитических стратегий.

Вместе с тем российская модель «мягкой силы» обладает рядом характерных черт, отличающих её от подходов западных государств и других крупных держав, таких как Китай. Прежде всего, российская внешняя политика отличается значительным доминированием государственных структур и высокой степенью централизации управления, что повышает согласованность проводимых мероприятий, но ограничивает гибкость подходов. Ориентация на страны постсоветского пространства, использование идеологием «суверенной демократии» и акцент на традиционных ценностях также выделяют Россию на фоне западных моделей и делают её подход уникальным и привлекательным для определённых целевых групп в мировом сообществе.

Сравнительный анализ российской и китайской стратегий показал, что обе страны используют схожие методы государственного контроля за гуманитарной политикой, однако их подходы отличаются по степени идеологической окрашенности и временным рамкам реализуемых инициатив. Российская модель в большей степени носит реактивный характер, ориентируясь на решение краткосрочных политических задач, в то время как китайская «мягкая сила» отличается долгосрочным и стратегическим подходом.

Для дальнейшего повышения эффективности российской стратегии необходимо продолжить процесс её концептуализации, уточнения приоритетов и совершенствования механизмов реализации. Важной задачей на перспективу является усиление координации между различными ведомствами и организациями, вовлечёнными в гуманитарное и культурное влияние России за рубежом. Также необходимо более чётко адаптировать российские программы к специфике и потребностям регионов и стран, в которых осуществляется российское влияние, учитывая их культурные и политические особенности. Таким образом, при условии реализации комплексного и согласованного подхода «мягкая сила» может стать одним из наиболее эффективных внешнеполитических ресурсов России, способствуя продвижению её долгосрочных национальных интересов и улучшению международного имиджа государства.

Проведённое исследование имеет важное научное значение, поскольку расширяет теоретические и эмпирические представления о специфике реализации «мягкой силы» в условиях постсоветского пространства и авторитарной модели управления. Научная ценность работы заключается в системном подходе к анализу инструментов и механизмов российского

влияния, а также в сравнении с международными практиками, что обогащает понимание многообразия моделей данного понятия в современном мире. Результаты исследования способствуют развитию междисциплинарных исследований в области внешней политики, международных отношений и публичной дипломатии, предоставляя методологические основы для дальнейшего изучения роли нематериальных факторов в геополитике.

Список литературы

- Алиева Л.Р., Амбарцумян К.Р. 2022. Роль международной академической мобильности в усилении эффективности политики «мягкой силы» современной России. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения, 15(2): 197–216.
- Арефьев А.Л. 2018. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М., Центр социального прогнозирования и маркетинга, 272 с.
- Артеев С.П. 2021. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика, 13(1): 32–57.
- Ауа Д.А. 2022. Стратегия СМИ как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России в Африку. Вопросы устойчивого развития общества, 1: 120–126.
- Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. 2011. Спорт в палитре международных отношений: гуманитарный, дипломатический и культурный аспекты. СПб., Изд-во СПбГУ, 228 с.
- Борисов А.В. 2020. «Мягкая сила» России: специфика понимания и оценки. Мировая политика, 1: 1–11.
- Бояркина А.В. 2015. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 215 с.
- Василенко И.А. 2012. Имидж России: концепция национального и территориального брендинга. М., Экономика, 320 с.
- Галларотти Г.М. 2021. Изменение? Лицо власти в международных отношениях, 1979–2019. Журнал политической власти, 2: 35–47.
- Игнатенкова И.А. 2021. Реализация стратегических национальных интересов России посредством политики «мягкой силы» на примере развития экспорта образования. Евразийское научное объединение, 6–3(76): 234–237.
- Иванов И. 2011. Какая дипломатия нужна России в XXI веке? Россия в глобальной политике, 6(3): 23–37.
- Исаков А.В. 2023. Использование мягкой силы в подходе России к борьбе с терроризмом в Афганистане (до 2021 г.). В кн.: «Восточный вопрос» во внешней политике России в XX–XXI вв.: сборник статей. М., Российский государственный гуманитарный университет: 58–65.
- Ковба Д.М. 2017. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике. Дискурс-Пи, 1(26): 115–120.
- Ковба Д.М. 2017. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 185 с.
- Кушнарев Ф.Ю. 2022. Бренд страны, региона и города как фактор «мягкой силы» России. Мир русскоговорящих стран, 3(13): 44–68.
- Кушнарев Ф.Ю. 2024. Образование как элемент «мягкой силы» во внешней политике России в условиях динамики политических изменений. Мир русскоговорящих стран, 4(22): 24–36.
- Лебедева М.М. 2017. «Мягкая сила»: понятие и подходы. Вестник МГИМО-Университета, 3(54): 212–223.
- Леонова О.Г. 2020. Динамика рейтинга «мягкой силы» России. Век глобализации, 2(34): 104–118.
- Лукин А.В. 2011. Шанхайская организация сотрудничества и российские интересы в Центральной Азии и Афганистане. Вестник МГИМО-Университета, 5: 37–47.
- Лю Ц. 2023. Концепция «мягкой силы» во внешней политике Китая и России: особенности и перспективы. Социально-гуманитарные знания, 4: 58–67.
- Морозов Ю.В. 2022. Увеличение роли «мягкой силы» России на международной арене. В кн.: Стратегический треугольник США – КНР – РФ: вызовы и перспективы безопасности России. М., Институт Китая и современной Азии РАН: 410–427.
- Неймарк М.А. 2022. Геополитика «мягкой силы»: опыт России. 2-е изд., перераб. и доп. М., Дашков и К, 350 с.
- Никонов В.А. 2015. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? М., Эксмо, 464 с.
- Осташова Я.В. 2022. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и России на современном этапе. В кн.: Глобальная конкуренция США и КНР. М., Российский университет дружбы народов (РУДН): 146–159.
- Осташова Я.В. 2021. Образование как элемент политики «мягкой силы»: современные политические реалии России и Казахстана. Евразийский союз: вопросы международных отношений, 10(3/37): 220–226.

- Павлова Д.В. 2020. «Мягкая сила» России в условиях глобализации: культурный аспект. Вопросы политологии, 10(4/56): 1235–1241.
- Рудь Е.Г. 2021. Оценка эффективности «мягкой силы» России западными и российскими СМИ. В кн.: Мир после пандемии COVID-19: политика, безопасность, экономика и культура. Краснодар, Кубанский государственный университет: 136–140.
- Русакова О.Ф., Жакьянова А.М. 2022. Эволюция концепта «мягкой силы» в творчестве Джозефа Ная: анализ основных этапов. В кн.: Культура и природа политической власти: теория и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург: 65–73.
- Сулимин А.Н. 2021. Реализация стратегии «мягкой силы» России в условиях социально-политической бифуркации. Человек. История. Культура: исторический и философский альманах. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина: 94–98.
- Сюн Л., Тань Я. 2022. История развития образовательного сотрудничества между Россией и Китаем через призму «мягкой силы». Вопросы истории, 11–3: 264–273.
- Таланов С.Л. 2022. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты. Мир русскоговорящих стран, 2(12): 22–47.
- Томберг И.Р. 2023. Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, 1(35): 91–104.
- Тонких В.А., Данилова О.А. 2022. «Мягкая сила» США vs «мягкая сила» России: основы и особенности. Молодой ученый, 50(445): 371–375.
- Торосян В.Г., Держирученко Р.Н. 2021. Культура как «мягкая сила»: диапазон действий и потенциальные возможности. Культурная жизнь Юга России, 1(80): 7–13.
- Цветкова Н.А. 2015. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 495 с.
- Шишкина Д.Д. 2022. Современный потенциал России в контексте «мягкой силы» Джозефа Ная. Слово в науке, 3: 58–61.

References

- Aliyeva L.R., Ambartsumyan K.R. 2022. Rol' mezhdunarodnoj akademicheskoy mobil'nosti v usilenii effektivnosti politiki «myagkoj sily» sovremennoj Rossii [The Role of International Academic Mobility in Strengthening the Effectiveness of Russia's «Soft Power» Policy]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya, 15(2): 197–216.
- Aref'ev A.L. 2018. Russkij yazyk na rubezhe XX–XXI vekov [The Russian Language at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 272 p.
- Arteev S.P. 2021. Vneshnyaya politika Rossii: «myagkaya sila» regionov [Russia's Foreign Policy: «Soft Power» of the Regions]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 13(1): 32–57.
- Aua D.A. 2022. Strategiya SMI kak instrument «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii v Afriku [Media Strategy as a «Soft Power» Tool in Russia's Foreign Policy in Africa]. Voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva, 1: 120–126.
- Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V. 2011. Sport v palitre mezhdunarodnyh otnoshenij: gumanitarnyj, diplomacheskij i kul'turnyj aspekty [Sport in the Palette of International Relations: Humanitarian, Diplomatic and Cultural Aspects]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 228 p.
- Borisov A.V. 2020. «Myagkaya sila» Rossii: spetsifika ponimaniya i otsenki [«Soft Power» of Russia: Specifics of Understanding and Evaluation]. Mirovaya politika, 1: 1–11.
- Boyarkina A.V. 2015. «Myagkaya sila» kak politicheskij instrument realizatsii vneshnej politiki KNR na rubezhe XX–XXI vv. [«Soft Power» as a Political Tool of China's Foreign Policy at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Vladivostok, 215 p.
- Vasilenko I.A. 2012. Imidzh Rossii: kontseptsiya natsional'nogo i territorial'nogo brendinga [Russia's Image: The Concept of National and Territorial Branding]. Moscow, Ekonomika, 320 p.
- Gallarotti G.M. 2021. Izmenenie? Lico vlasti v mezhdunarodnyh otnosheniyah, 1979–2019 [Change? The Face of Power in International Relations, 1979–2019]. Zhurnal politicheskoy vlasti, 2: 35–47.
- Ignatenkova I.A. 2021. Realizatsiya strategicheskikh natsional'nyh interesov Rossii posredstvom politiki «myagkoj sily» na primere razvitiya eksporta obrazovaniya [Implementation of Russia's Strategic National Interests Through «Soft Power» Policy on the Example of Education Export]. Evrazijskoe nauchnoe ob'edinenie, 6–3(76): 234–237.

- Ivanov I. 2011. Kakaya diplomatiya nuzhna Rossii v XXI veke? [What Kind of Diplomacy does Russia Need in the 21st Century?]. *Rossiya v global'noj politike*, 6(3): 23–37.
- Isakov A.V. 2023. Ispol'zovanie myagkoj sily v podhode Rossii k bor'be s terrorizmom v Afganistane (do 2021 g.) [Use of Soft Power in Russia's Approach to Combating Terrorism in Afghanistan (until 2021)]. In: «Vostochnyj vopros» vo vneshnej politike Rossii v XX–XXI vv. Moscow, RGGU: 58–65.
- Kovba D.M. 2017. «Myagkaya sila» v kitajskoj politicheskoy nauke i praktike [«Soft Power» in Chinese Political Science and Practice]. *Diskurs-Pi*, 1(26): 115–120.
- Kovba D.M. 2017. «Myagkaya sila» kak politicheskaya strategiya gosudarstv Vostochnoaziatskogo regiona [«Soft Power» as a Political Strategy of East Asian States]. Ekaterinburg, 185 p.
- Kushnarev F.Yu. 2022. Brend strany, regiona i goroda kak faktor «myagkoj sily» Rossii [The Brand of a Country, Region and City as a Factor of Russia's «Soft Power»]. *Mir russkogovoryashchih stran*, 3(13): 44–68.
- Kushnarev F.Yu. 2024. Obrazovanie kak element «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii v usloviyah dinamiki politicheskikh izmenenij [Education as an Element of «Soft Power» in Russia's Foreign Policy Under Dynamic Political Changes]. *Mir russkogovoryashchih stran*, 4(22): 24–36.
- Lebedeva M.M. 2017. «Myagkaya sila»: ponyatie i podhody [«Soft Power»: Concept and Approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 3(54): 212–223.
- Leonova O.G. 2020. Dinamika rejtinga «myagkoj sily» Rossii [Dynamics of Russia's «Soft Power» Rating]. *Vek globalizatsii*, 2(34): 104–118.
- Lukin A.V. 2011. Shanhajskaya organizatsiya sotrudnichestva i rossijskie interesy v Central'noj Azii i Afganistane [Shanghai Cooperation Organization and Russia's Interests in Central Asia and Afghanistan]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 5: 37–47.
- Lyu C. 2023. Kontseptsiya «myagkoj sily» vo vneshnej politike Kitaya i Rossii: osobennosti i perspektivy [The Concept of «Soft Power» in the Foreign Policy of China and Russia: Features and Prospects]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 4: 58–67.
- Morozov Yu.V. 2022. Uvelichenie roli «myagkoj sily» Rossii na mezhdunarodnoj arene [The Growing Role of Russia's «Soft Power» in the International Arena]. In: *Strategicheskij treugol'nik SShA – KNR – RF*. Moscow, Institut Kitaya i sovremennoj Azii RAN: 410–427.
- Nejmark M.A. 2022. Geopolitika «myagkoj sily»: opyt Rossii [Geopolitics of «Soft Power»: Russia's Experience]. Moscow, Dashkov i K, 350 p.
- Nikonov V.A. 2015. Kod tsivilizatsii. Chto zhdet Rossiyu v mire budushchego? [Code of Civilization. What Awaits Russia in the World of the Future?]. Moscow, Eksmo, 464 p.
- Ostashova Ya.V. 2022. Faktor obrazovaniya v «myagkoj sile» SShA, Kitaya i Rossii na sovremennom etape [The Education Factor in the «Soft Power» of the USA, China and Russia at the Present Stage]. In: *Global'naya konkurentsia SShA i KNR*. Moscow, RUDN: 146–159.
- Ostashova Ya.V. 2021. Obrazovanie kak element politiki «myagkoj sily»: sovremennye politicheskie realii Rossii i Kazahstana [Education as an Element of «Soft Power» Policy: Current Political Realities of Russia and Kazakhstan]. *Evrazijskij soyuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij*, 10(3/37): 220–226.
- Pavlova D.V. 2020. «Myagkaya sila» Rossii v usloviyah globalizatsii: kul'turnyj aspekt [«Soft Power» of Russia in the Context of Globalization: Cultural Aspect]. *Voprosy politologii*, 10(4/56): 1235–1241.
- Rud' E.G. 2021. Otsenka effektivnosti «myagkoj sily» Rossii zapadnymi i rossijskimi SMI [Assessment of the Effectiveness of Russia's «Soft Power» by Western and Russian Media]. In: *Mir posle pandemii COVID-19*. Krasnodar, Kubanskij gosudarstvennyj universitet: 136–140.
- Rusakova O.F., Zhak'yanova A.M. 2022. Evolyutsiya kontsepta «myagkoj sily» v tvorchestve Dzhozefa Naya: analiz osnovnyh etapov [The Evolution of the «Soft Power» Concept in Joseph Nye's Works: Analysis of Main Stages]. In: *Kul'tura i priroda politicheskoy vlasti*. Ekaterinburg: 65–73.
- Sulimin A.N. 2021. Realizatsiya strategii «myagkoj sily» Rossii v usloviyah sotsial'no-politicheskoy bifurkatsii [Implementation of Russia's «Soft Power» Strategy in the Context of Socio-Political Bifurcation]. *Chelovek. Istoriya. Kul'tura*, Saratov: 94–98.
- Syun L., Tan' Ya. 2022. Istoriya razvitiya obrazovatel'nogo sotrudnichestva mezhdou Rossiej i Kitaem cherez prizmu «myagkoj sily» [History of Educational Cooperation Between Russia and China Through the Prism of «Soft Power»]. *Voprosy istorii*, 11–3: 264–273.
- Talanov S.L. 2022. Mesto obrazovaniya v politike «myagkoj sily» Rossii: strategicheskie napravleniya i instrumenty [The Place of Education in Russia's «Soft Power» Policy: Strategic Directions and Tools]. *Mir russkogovoryashchih stran*, 2(12): 22–47.

- Tomberg I.R. 2023. Russkij mir kak element «myagkoj sily» Rossii v stranah Central'noj Azii [The «Russian world» as an Element of Russia's «Soft Power» in Central Asian Countries]. Vestnik Diplomaticeskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir, 1(35): 91–104.
- Tonkih V.A., Danilova O.A. 2022. «Myagkaya sila» SShA vs «myagkaya sila» Rossii: osnovy i osobennosti [«Soft Power» of the USA vs «Soft Power» of Russia: Foundations and Features]. Molodoj uchenyj, 50(445): 371–375.
- Torosyan V.G., Derzhiruchenko R.N. 2021. Kul'tura kak «myagkaya sila»: diapazon dejstvij i potentsial'nye vozmozhnosti [Culture as «Soft Power»: Range of Actions and Potential Opportunities]. Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, 1(80): 7–13.
- Tsvetkova N.A. 2015. Publichnaya diplomatiya kak instrument ideologicheskoy i politicheskoy ekspansii SShA v mire, 1914–2014 gg. [Public Diplomacy as an Instrument of Ideological and Political Expansion of the USA in the World, 1914–2014]. Saint Petersburg, 495 p.
- Shishkina D.D. 2022. Sovremennyy potentsial Rossii v kontekste «myagkoj sily» Dzhozefa Naya [The Modern Potential of Russia in the Context of Joseph Nye's «Soft Power»]. Slovo v nauke, 3: 58–61.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.05.2025

Received 28.05.2025

Поступила после рецензирования 20.06.2025

Revised 20.06.2025

Принята к публикации 20.07.2025

Accepted 20.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ефименко Анастасия Михайловна, аспирант, ассистент кафедры государственного управления, Луганский государственный университет им. В. Даля, г. Луганск, Россия

Anastasia M. Efimenko, Postgraduate Student, Assistant of the Department of Public Administration, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, Russia

 [ORCID: 0009-0003-8513-1703](https://orcid.org/0009-0003-8513-1703)

УДК 323

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-765-775

EDN VHGYUN

Оригинальное исследование

Имиджевые стратегии трансляции русского мира в социальных сетях глав новых российских регионов

Пименова М.А. , Бродкин А.А.

Петрозаводский государственный университет,
Россия, 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

E-mail: masha-pimen@mail.ru, balexei99@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс интеграции четырёх новых субъектов РФ – Донецкой и Луганской Народных Республик, Херсонской и Запорожской областей – в культурно-идеологическое пространство русского мира, под которым понимается идея транснационального сообщества, объединённого языком и культурой, общими ценностями, религией и сопричастностью к родине. Авторы анализируют роль глав этих регионов как медийных представителей, чья деятельность в социальных сетях формирует феномен виртуальной идентичности русского мира. Основными методами работы с социальными сетями стали количественный контент-анализ с элементами дискурс-анализа. Исследование нацелено на выявление ключевых имиджевых нарративов, используемых региональными элитами для укрепления цивилизационной идентичности в условиях геополитических изменений после 2022 г.

Ключевые слова: русский мир, соотечественники, Луганская область, Донецкая область, Херсонская область, Запорожская область, новые регионы РФ, имиджевые стратегии, социальные сети

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Пименова М.А., Бродкин А.А. 2025. Имиджевые стратегии трансляции русского мира в социальных сетях глав новых российских регионов. *Via in tempore. История. Политология*, 52(3): 765–775. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-765-775. EDN: VHGYUN

Image-Building Strategies of the “Russian World“ Broadcast through the Social Media of the Heads of New Russian Federal Subjects

Maria A. Pimenova , Alexey A. Brodtkin

Petrozavodsk State University,

33 Lenin Ave., Petrozavodsk 185910, Russia

E-mail: masha-pimen@mail.ru, balexei99@yandex.ru

Abstract. The article examines the social media mechanisms of intergrating four new Russia’s subjects – the Donetsk and Lugansk People’s Republics, the Kherson and Zaporozhye Regions – into the space of the „Russian World“. In this paper, the latter is determined as the idea of a transnational community unified by language and culture, common values, unity of religion and belonging to the Homeland. The authors analyze the role of the heads of these regions as media representatives whose social media activities form the basic for the virtual identity of the “Russian World“. The main research methods were quantitative content analysis with elements of discourse analysis. Methodological frames are based on the principle of multiple coding and include three analytical axes: the publication topic, the ideological load and the image-building strategy. The study is aimed at identifying key image-building narratives used by regional elites to strengthen civilizational identity in the context of geopolitical changes after 2022.

Keywords: Russian world, compatriots, Lugansk People's Republic, Donetsk People's Republic, Zaporozhye Region, Kherson Region, new Russian regions, image-building strategies, social media

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Pimenova M.A., Brodtkin A.A. 2025. Image-Building Strategies of the “Russian World” Broadcast through the Social Media of the Heads of New Russian Federal Subjects. *Via in tempore. History and political science*, 52(3): 765–775 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-765-775. EDN: VHGYUN

Введение

С сентября 2022 года географическая карта России обрела новые очертания: в состав страны вошли четыре региона, исторически связанные с ней общими судьбами, культурой и языком. Донецкая и Луганская Народные Республики, Херсонская и Запорожская области стали не просто новыми субъектами Федерации, а символами воссоединения народа, новым этапом укрепления единого цивилизационного пространства русского мира (далее по тексту – РМ). По разным оценкам, речь идет о порядка 4 млн новых граждан России [За счет новых регионов..., 2024], которые, несмотря на «историческую общность» и «сложившиеся связи» [Договор между Российской Федерацией..., 2022] с РФ, в течение 30 лет с момента распада СССР были интегрированы в другой политический и социальный контекст. В условиях геополитической трансформации и интеграции новых территорий в состав России особую значимость приобретает формирование единого культурно-идеологического пространства. Важную роль в этом процессе играют местные элиты: главы новых субъектов РФ выступают и как административные руководители, и как медийные представители официального нарратива, в том числе и в вопросах интеграционного характера. Таким образом, цель данного исследования – выявление имиджевых стратегий трансляции цивилизационных компонентов РМ в личных аккаунтах социальных сетей глав Луганской, Донецкой, Херсонской и Запорожской областей РФ.

Внешнеполитическая идея русского мира (которую не стоит путать с философской концепцией) основывается на подходе, трактующем РМ как пространство цивилизационной идентичности и представлении об едином транснациональном гражданском сообществе, интеграционными факторами для которого являются *лингвокультурный, ценностный, религиозный, патриотический и консолидационный* [Пименова, 2025, с. 28]. Так, РМ выходит за рамки политических границ своего ядра (России) и формирует свою собственную идентичность через многих агентов. Одними из важнейших таких агентов выступают политические элиты, которые в лице всех российских госорганов, органов местного самоуправления, подведомственных организаций и судов, согласно изменениям в Федеральный закон №8-ФЗ, обязаны создавать официальные страницы в социальных сетях («ВКонтакте» и «Одноклассники») и публиковать там актуальную информацию. Благодаря необходимости освещения своей деятельности, общения с пользователями соцсетей, обсуждения с ними наиболее важных вопросов представители государственных органов могут затрагивать, намеренно или нет, темы истории, языка, культуры, религии, событий внешней политики, которые в конечном счете будут относиться к составляющим РМ. Это, в свою очередь, является ключевым фактором формирования гражданской виртуальной идентичности (virtual identity) – термина, предложенного в англоязычном научном сообществе. Виртуальная идентичность – это цифровой образ, сформированный через взаимодействие на платформах социальных сетей и других онлайн-сообществах [Aissaoui, 2024]. Идентичность, в том числе виртуальная, это витальное условие для политического и гражданского сплочения [Karmila et al., 2024], что является абсолютной необходимостью в период мировой неустойчивости. Так, именно виртуальная идентичность, минуя физические

границы государства, становится важной опорой для цивилизационной идеи русского мира, сформированной в частности путем онлайн-дискурса местными политическими элитами.

Эмпирической базой исследования стала база официальных публикаций в социальной сети «ВКонтакте» четырёх высших должностных лиц новых российских регионов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей. Объектом анализа выступили тексты, опубликованные с момента юридического вхождения соответствующих территорий в состав Российской Федерации (5 октября 2022 года) по 30 апреля 2025 года включительно.

Методологической основой исследования стал контент-анализ, проведённый по заранее заданной трехосевой аналитической схеме. В рамках данной схемы каждая публикация кодировалась одновременно по трём параметрам: *тематика публикации* (включающая семь категорий, отражающих предмет и фокус текста), *идеологическая нагрузка* (семь категорий смысловой и ценностной направленности), *имиджевая стратегия* (шесть категорий позиционирования субъекта высказывания).

Для обеспечения единообразия оценки и сопоставимости данных была разработана единая методическая таблица с системой категорий и индикаторов, на основе которой осуществлялась ручная разметка. Все посты кодировались по принципу множественного выбора: один текст мог одновременно быть отнесён к нескольким категориям внутри каждой из осей.

Всего в генеральную совокупность вошло 7 966 постов. Ввиду значительного объёма совокупной выборки для обеспечения сбалансированности и управляемости массива применялся систематический отбор с определённым шагом: в итоговый массив включался каждый седьмой пост, отсчитанный от даты начала наблюдаемого периода. При этом приоритет отдавался полнотекстовым публикациям с оригинальным содержанием (репосты и реплики без самостоятельного текста не учитывались).

Всего было проанализировано 1 542 поста, опубликованных от лица следующих должностных лиц: Денис Пушилин, Донецкая Народная Республика (467 постов); Леонид Пасечник, Луганская Народная Республика (234 поста); Владимир Сальдо, Херсонская область (566 постов); Евгений Балицкий, Запорожская область (275 постов).

Аналізу подвергались исключительно публикации из социальной сети «ВКонтакте», поскольку на других цифровых площадках (Telegram, Odnoklassniki и др.) наблюдалась полная или почти полная дублируемость контента. Таким образом, методологический подход позволил не только выявить доминирующие содержательные и ценностные акценты, но и провести сопоставление имиджевых стратегий политических акторов, действующих в схожем историко-политическом контексте.

Анализ публикационной активности глав новых субъектов Российской Федерации осуществлялся с применением авторской трёхосевой модели, ориентированной на выявление содержательных, ценностных и имиджевых структур в тексте. Модель основывается на принципе множественной кодировки и включает три взаимодополняющих аналитических оси: тематика публикации, идеологическая нагрузка и имиджевая стратегия.

Первая ось (тематика публикации) описывает предметную направленность высказываний и отвечает на вопрос: *о чём идёт речь в посте?* Категории данной оси фиксируют сферу упоминаемых явлений и проблем, среди которых военно-патриотическая повестка, развитие и восстановление, интеграция региона в Россию, патриотизм и государственная идеология, традиционные семейные и культурные ценности, молодёжная политика и воспитание, общение с людьми и/или проявление народности. Категории не являются взаимоисключающими – один пост может одновременно затрагивать, например, и боевые действия, и восстановление гражданской инфраструктуры.

Вторая ось (идеологическая нагрузка) отражает идеологические, мировоззренческие и аксиологические смыслы, транслируемые через публикации. Она отвечает на вопрос: *какие ценности и интерпретации действительности продвигаются?* Среди ключевых категорий

этой оси выделяем темы патриотической мобилизации и миссии России; исторической преемственности и борьбы с искажением истории; образа России как цивилизации и центра справедливости; концепта русского мира (в прямом и завуалированном виде), демонизации врага и образа внешней угрозы; защиты традиционных ценностей; народной солидарности и коллективной субъектности. Эта ось позволяет выделить скрытые или открытые элементы идеологической рамки, в которую помещаются события, явления и образы.

Третья ось (имиджевая стратегия) фиксирует способ позиционирования политического актора в медиапространстве и отвечает на вопрос: *каким хочет предстать перед аудиторией субъект публикации?* Модель включает следующие типы имиджа: «народный» и «близкий к людям»; «хозяйственник» и «менеджер дела»; «коммуникатор» и «медиаперсона»; «собранный технократ» и «эффективный управленец»; «символ сопротивления» и «координатор обороны»; «идеологический носитель» и «интегратор русского мира». Эта ось важна для реконструкции механизмов политической самопрезентации в условиях конфликтной легитимации и мобилизационного запроса.

Категории всех трёх осей были разработаны и уточнены на основе предварительного анализа массива публикаций, а также с опорой на теоретические наработки по изучению политической идентичности, символической политики и цифрового лидерства. Каждая категория сопровождалась набором эмпирических индикаторов – ключевых слов, тем и сюжетов, которые использовались как эвристические ориентиры при ручной кодировке текстов.

Русский мир: Россия, соотечественники и русские диаспоры

Идея создания некоего пространства, умозраительного или политически единого, на основании общности языка, культуры и истории циркулирует в философских трудах по всему миру значительный промежуток времени. «Миров», закрепленных в истории, много; их условно можно разделить на «миры»-периоды (такие как *Pax Romana*, «римский мир» и даже *Pax Americana*, противостоявший в холодную войну *Pax Sovietica*) и на «миры»-цивилизации, к которым мы и относим русский мир (тем не менее в научной литературе можно встретить термин *Pax Russica* [Dugin, 2008], который находится в фарватере обоих подходов). Он, таким образом, создает многослойный феномен, «подобный матрешке» [Григорова, 2020, с. 437], который значительным образом опирается на «русскую» идентичность: с точки зрения истории, геополитики, духовности и, что для нас самое важное, цивилизационности.

Вопрос о том, что (и, главное, в каких территориальных пределах) представляет из себя классический русский мир, всегда вставал достаточно остро. Сформировавшийся в XIX веке и во многом вдохновленный идеями славянофильства и панславизма, русский мир в его современном понимании можно трактовать как некую модель консолидации России с соотечественниками [Мосейкина, 2014, с. 14], внешнеполитический курс по сохранению и поддержанию исторических, культурных, языковых и религиозных связей с теми, кто считает себя его частью. Важную роль здесь играет правовая трактовка термина «соотечественник». В России данный правовой статус был закреплен в 1999 году Федеральным законом «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» и предполагал двойную трактовку. В самом широком смысле соотечественники – это «лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии», причем под одним государством понимается как современная территория РФ, так и территория Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР, если, конечно, указанные лица сделали «свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией». Федеральный закон также уточняет, что получение статуса соотечественника сопряжено не только с непосредственно гражданством РФ и постоянным проживанием за рубежом, но и с субъективным фактором [Рязанцев в др., 2021, с. 83] – «актом их

самоидентификации», который должен сопровождаться общественной или профессиональной деятельностью по сохранению и поддержке в государстве проживания исторических, культурных, языковых и других связей с Россией. Фактически в рамках данной работы это означает, что усилия соотечественников (в обеих трактовках) и формируют РМ за пределами России.

Интересно в контексте данной работы и разделение (или слияние) категорий «соотечественники» и «диаспора». Под диаспорой мы понимаем *сплоченную* группу соотечественников, которая осознает свою общность и как правило имеет организованные структуры (например, СМИ, культурные центры, общественные объединения), созданные их силами. С этой трактовкой согласен ряд исследователей [Акимова, 2020, с. 59]. С точки зрения теории международных отношений, характерной чертой диаспор, помимо языковой и культурной общности, является согласие с политикой своей страны происхождения в вопросах внешней политики, с которыми сталкивается их родина, и потому зачастую представители диаспоры мобилизуются в ее поддержку [Diamanti-Karanou, 2015]. Таким образом, диаспора – это более организованная форма взаимодействия соотечественников, но такие связи могут варьироваться от государства к государству, от общины к общине. Другой проблемой стала проблематичность выбора употребления термина «русской» и «российской» диаспоры (похожая проблема встречается при попытке разделить этническую принадлежность «русский» и гражданин России, «русский» или «россиянин»). Учитывая эти факторы, в данной работе мы настаиваем на использовании термина «соотечественники» вместо термина «диаспора».

Итак, русский мир всегда был тесно связан с соотечественниками, проживающими за рубежом. На сегодняшний день около 88 % из них проживают в бывших союзных республиках [Рязанцев и др., 2021, с. 89]. Для России деятельность по поддержке связей с соотечественниками была и остается важной частью внешней политики; это закреплено как в правовом, так и в институциональном поле. В Концепции внешней политики России [2023] теме защиты российских граждан и организаций от иностранных противоправных посягательств и оказанию поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, посвящен отдельный раздел, а среди региональных направлений внешней политики Ближнему зарубежью отведено первое место. Россия активно развивает гуманитарное сотрудничество в этих регионах в первую очередь при помощи аффилированных с государством институтов: в первую очередь это Министерство иностранных дел и его структуры, Россотрудничество, фонд «Русский мир», Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, и прочие организации.

Новый Русский мир и его идентичность

Язык по праву считается центром любой культуры, любого «мира», а потому вопросы, связанные с изменением статуса языка в государстве, где он является родным для большого количества граждан, обречены вызывать горячие споры и дискуссии. Начиная с 1990-х годов в бывших союзных республиках, получивших независимость, с разной степенью интенсивности начался процесс обращения к собственной национальной идентичности, который в некоторых государствах сопровождался языковыми и культурными реформами, связанными в том числе и с советским/русским наследием. Так, законодательство Украины, особенно в сфере языковой политики (например, Закон Украины «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» 2019 г. и Закон Украины о коренных народах 2021 года, в перечне которых не оказалось русских [Рада приняла закон..., 2021]) стало одним из переломных моментов в отношениях Украины и России, впоследствии переросших в проведение СВО, потому как с точки зрения последней данные реформы ущемляли права русских и русскоязычных граждан, ограничивали использование русского языка в образовании, культуре, СМИ, что, в свою очередь, нарушало гуманитарные связи, десятилетиями создаваемые внутри контуров РМ. Это во многом предопределило решение на

реализацию права русскоязычного населения Украины, традиционно проживающего на востоке, на самоопределение [Гошуляк, 2022, с. 36], и в сентябре 2022 г. в ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областях прошел референдум о вхождении в состав России со средней явкой по четырём субъектам в 86 % [Опубликованы результаты..., 2022]. Так, с осени 2022 г. новые контуры приобрела не только карта Российской Федерации, но и ядро русского мира, когда жители новых регионов сменили правовой статус – от соотечественников к полноправным гражданам. Кроме того, одна из приоритетных целей правительства РФ сейчас – полная интеграция данных субъектов в российское правовое, экономическое, социальное и образовательное пространство к 2030 г. [Совещание по вопросам..., 2024]. Несмотря на географическую, культурную, языковую, историческую близость четырех регионов к России, их жители могут испытывать кризис идентичности, или двойную идентичность, потому как более 30 лет они интегрировались в украинский контекст (ориентированный в последние годы до референдума преимущественно на сотрудничество с европейскими государствами). Исследователи [Комлева, 2024, с. 136] также отмечают, что в ЛНР и ДНР уровень «русского самосознания» гораздо выше, чем в Запорожской и Херсонской областях, что также необходимо учитывать при анализе стратегий по (ре)трансляции идей РМ. Такая работа проводится на многих уровнях, однако в фарватере нашего интереса находится онлайн-пространство и вопрос особенностей формирования виртуальной идентичности РМ через специальный дискурс высших должностных лиц. Именно здесь и появляется исследовательский вопрос, которым мы задаемся в данной работе – какие имиджевые стратегии используют в своих социальных сетях главы ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей для формирования или укрепления единой с Россией идентичности, которую мы называем русским миром?

Новый русский мир как виртуальная идентичность: результаты контент-анализа

Тематика публикаций, размещённых в социальных сетях глав новых российских регионов, демонстрирует устойчивую содержательную структуру, в которой доминируют военно-патриотическая повестка, нарративы восстановления и интеграционные сюжеты. Эти элементы формируют общий дискурсивный каркас, в пределах которого осуществляется трансляция концепта русского мира как идеологии принадлежности, исторической справедливости и культурной преемственности.

Центральной тематической доминантой для всех четырёх регионов выступает военно-патриотическая риторика, охватывающая сообщения о специальной военной операции, чествование военнослужащих, память о погибших и героизацию защитников. Доля таких публикаций особенно высока у Дениса Пушилина (76,6 %) и Владимира Сальдо (68,7 %), а также значительна у Евгения Балицкого (67,0 %) и Леонида Пасечника (42,3 %). В этих текстах осуществляется репрезентация региона как пространства подвига, одновременно страдающего и сопротивляющегося, что напрямую соответствует ключевым нарративам русского мира – борьбе за «своих», за историю, за идентичность.

Вторым по распространённости мотивом становится развитие и восстановление. Здесь фиксируются упоминания о строительных работах, запуске социальных учреждений, гуманитарной поддержке населения. Доля таких сообщений особенно высока у Л. Пасечника (53,6 %) и В. Сальдо (56,6 %), а также у Е. Балицкого (42,9 %) и Д. Пушилина (33,0 %). Через эту тематику транслируется идея возвращения нормальности, государственности и заботы, что закрепляет образ России как цивилизационного центра, способного не только защищать, но и восстанавливать. Таким образом, русский мир здесь предстает не как риторическая формула, а как практическая реальность, проявляющаяся в действиях власти.

Особую значимость в повестке публикаций приобретает тема интеграции регионов в состав РФ. Она представлена в форме упоминаний о государственных символах, федеральных инициативах, юридических процедурах и участии в общефедеральных событиях. Наиболее выражено эта тематика звучит в аккаунтах В. Сальдо (42,4 %) и Д. Пушилина (36,2 %),

формируя нарратив об историческом возвращении и юридической справедливости. В этом контексте интеграция предстает не как политико-административный процесс, а как завершение исторического пути и восстановление «естественного порядка», укоренённого в цивилизационном представлении о русском пространстве.

Идеологическая составляющая публикаций региональных лидеров формирует вторую смысловую ось анализа, позволяя зафиксировать не только фактическое содержание текстов, но и те мировоззренческие рамки, в которых это содержание осмысливается и транслируется. Во всех четырёх случаях зафиксировано устойчивое присутствие формул, смыслов и интонаций, соответствующих ключевым концептам идеологии русского мира. При этом различия между регионами отражают степень идеологической артикуляции, используемые риторические конструкции и степень прямоты месседжей.

Наиболее часто встречающейся категорией на данной оси становится патриотическая мобилизация, в которой Россия предстает как сила, выполняющая историческую миссию защиты, освобождения и восстановления. Доля публикаций с такой нагрузкой составляет 59,6 % у В. Сальдо, 51,6 % у Е. Балицкого, 43,3 % у Л. Пасечника и 59,6 % у Д. Пушилина. Эти сообщения оформляются через образы долга, служения, подвига, а также через благодарственные формулы в адрес армии и государства. Патриотическая мобилизация в данном случае – это не просто декларация верности, а инструмент интегративного действия, закрепляющего субъектность региона через признание своей принадлежности к более широкому смысловому пространству.

Другим важным элементом идеологического оформления является отсылка к исторической преемственности и борьбе с искажением истории. Доля таких публикаций особенно высока у Д. Пушилина (66,0 %) и В. Сальдо (44,4 %). Этот компонент дискурса опирается на отождествление настоящей ситуации с событиями Великой Отечественной войны, а также на риторику «возвращения в русло истории». Через отсылки к «нашим дедам», к победе в 1945 года и к урокам прошлого формируется объяснительная рамка, в которой действия современной России обретают моральную и историческую легитимность.

Концепт русского мира присутствует в риторике глав как в прямой, так и в завуалированной форме. У Д. Пушилина он обнаруживается в 44,7 % постов, у В. Сальдо – в 36,4 %, у Е. Балицкого – в 29,7 %, у Л. Пасечника – в 21,6 %. Даже в тех случаях, когда сам термин не употребляется, его значение транслируется через устойчивые маркеры: «один народ», «общая история», «защита своих», «духовные скрепы», «освобождённые земли», «мы всегда были вместе». Таким образом, русский мир не столько артикулируется напрямую, сколько инкорпорируется в повествование как набор самоочевидных смыслов и интонаций, через которые объясняется происходящее.

Заметное место в структуре идеологической нагрузки занимает также демонизация врага – присутствие образа угрозы, агрессора, носителя разрушения. Она занимает от 25,8 % постов у Л. Пасечника, до 46,8 % у Д. Пушилина. Подобные сообщения создают бинарную оппозицию: «мы» – носители порядка и справедливости, «они» – источник хаоса, насилия и безнравственности. Эта дихотомия усиливает мобилизационный эффект, оправдывая военные действия, усиливая сплочение и моральную уверенность внутри аудитории.

Наконец, во всех четырёх случаях зафиксировано присутствие категорий, связанных с ценностным ядром: защитой традиционных норм, семьи, религии, духовного наследия. Такие смыслы наиболее выражены у Л. Пасечника и Е. Балицкого, где публикуются обращения к религиозным праздникам, участие в освящении зданий, цитаты священнослужителей и упоминания «духовной опоры».

В целом структура идеологической нагрузки в социальных сетях глав регионов позволяет говорить о системной трансляции базовых элементов РМ как культурно-исторического и политико-нормативного проекта. При этом наблюдаются стилистические различия: Д. Пушилин и В. Сальдо артикулируют через жесткую мобилизационную риторику, в то время как Л. Пасечник и Е. Балицкий оформляют те же смыслы в более мягкой, морально-

поддерживающей интонации. Однако в обоих случаях идеологическое содержание выступает не как абстрактная декларация, а как организующий принцип интерпретации событий и самопрезентации власти.

Имиджевые стратегии, применяемые главами новых российских регионов в социальных сетях, фиксируют не только функциональные и ролевые особенности политической самопрезентации, но и способы персонализации идеологии русского мира через фигуру регионального руководителя. В отличие от тематики и идеологической нагрузки, которые задают контекст, имиджевая составляющая позволяет реконструировать образ субъекта, от имени которого транслируются те или иные смыслы. В этом аспекте наблюдается наиболее выраженное различие между четырьмя анализируемыми фигурами.

Абсолютным лидером по количеству «народных» репрезентаций выступает Л. Пасечник, в 97,9 % постов формирующий образ «близкого к людям» руководителя. Его публичная коммуникация выстроена вокруг сочувствия, поддержки, личного участия и сопереживания. Он появляется на вручениях, в больницах, на похоронах, рядом с простыми гражданами, почти никогда не прибегая к мобилизационной риторике. В контексте трансляции РМ это формирует образ лидера-защитника, человека «своего среди своих», реализующего культурно-нравственную миссию через повседневную близость.

Схожую стратегию, но с менее выраженной эмоциональной окраской, демонстрирует Е. Балицкий. Его имидж «народного управленца» (86,8 % постов) сочетается с элементами отчётности и инфраструктурной повестки. Он не претендует на роль идеологического рупора, но последовательно оформляет образ ответственного координатора, связующего государство и общество. Через такую стратегию транслируется ценностный элемент русского мира – устойчивость, порядок, возвращение к норме.

В. Сальдо сочетает «народную» стратегию (85,9 %) с образом эффективного управленца и медиаперсоны. Его коммуникация совмещает встречи с жителями, участие в мероприятиях, визиты в пострадавшие районы с регулярными публичными обращениями, телеграм-каналом, участием в федеральной повестке. Таким образом, его стратегия является наиболее гибридной: он одновременно транслирует близость к народу, вовлечённость в федеральную политику и способность быть интегратором русского мира на региональном уровне.

Принципиально отличающуюся модель демонстрирует Д. Пушилин. В его случае «народная» стратегия фиксируется лишь в 33,0 % постов. Он выстраивает образ фронтального координатора, рупора идеологии, фигуры, выполняющей миссию исторического масштаба. Его публичные коммуникации насыщены символикой, официальными мероприятиями, церемониями награждения, риторикой долга и жертвы. Таким образом, Д. Пушилин репрезентирует себя не как «человека рядом», а как представителя государства, действующего от имени истории, морали и идеологической правоты. В рамках модели РМ его стратегия может быть интерпретирована как форма персонализированной мобилизации, апеллирующей не к повседневности, а к сверхценностному выбору.

Заключение

Проведённый контент-анализ публикаций глав ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей в социальной сети «ВКонтакте» позволяет выявить устойчивую структуру смысловой и символической репрезентации власти в новых субъектах Российской Федерации. В условиях постконфликтной нормализации, неопределённости правового статуса и потребности в легитимации социальные сети становятся пространством, в котором одновременно реализуются функции мобилизации, идентификации и институционального закрепления власти.

Тематика публикаций структурирована вокруг трёх опорных блоков: военной повестки, восстановления и интеграции. Через обращения к героике, подвигу, участию в СВО, а также к восстановительным и инфраструктурным процессам формируется представление о русском мире как проекте защиты, возвращения и созидания. Эти сюжеты не просто информируют, но

задают рамку объяснения происходящего: регион принадлежит России не потому, что это юридически закреплено, а потому, что это исторически, морально и культурно обосновано.

Идеологическая нагрузка сообщений подтверждает этот вывод: во всех случаях фиксируется активная трансляция нарративов, связанных с исторической преемственностью, защитой традиционных ценностей, противопоставлением «своих» и «чужих», а также цивилизационной ролью России. Концепт русского мира воспроизводится не всегда напрямую, но стабильно через смысловые формулы, эмоциональные интонации и бинарные противопоставления, задающие логику «естественной принадлежности» региона к российскому культурно-политическому пространству.

Имиджевые стратегии региональных глав демонстрируют вариативность, но в этой вариативности прослеживается чёткая структурная логика. От Д. Пушилина, выступающего как идеологический координатор и фронтовой представитель государства, до Л. Пасечника, выстраивающего образ народного защитника и сочувствующего участника общих переживаний, – все фигуры выполняют функции носителей определённой роли внутри политико-идеологической конструкции русского мира. Через них происходит не только информирование и мобилизация, но и персонализация государственной идеологии, необходимая для устойчивого закрепления новой идентичности региона.

Таким образом, анализ социальных сетей региональных лидеров показывает, что русский мир в их коммуникации выступает не столько как идеологема, сколько как инфраструктура смыслов, опосредующая повседневную деятельность власти, формирующая канон легитимной субъектности и закрепляющая образ России как исторически, культурно и морально «своего» пространства. Имиджевые стратегии при этом становятся не просто формой политического позиционирования, а инструментом нормализации принадлежности, где визуальные и вербальные формулы выполняют функции идеологического закрепления и культурной адаптации.

Список источников

- Владимир Сальдо. Официальная страница в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/saldo84> (дата обращения: 14 июня 2025)
- Денис Пушилин. Официальная страница в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/pushilindenis> (дата обращения: 14 июня 2025)
- Договор между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта от 30 сентября 2022 года. Официальный интернет-портал правовой информации, 03.10.2022.
- Евгений Балицкий. Официальная страница в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/balitskyev> (дата обращения: 14 июня 2025)
- За счет новых регионов в России стало на 4,56 млн избирателей больше. Ведомости. 05.02.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/05/1018368-za-schet-novih-regionov-v-rossii-stalo-izbiratelei-bolshe> (дата обращения: 16 мая 2025)
- Концепция внешней политики РФ (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 30.05.2025)
- Леонид Пасечник. Официальная страница в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/pasechnik_li (дата обращения: 14 июня 2025)
- Опубликованы результаты референдумов по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям. ТАСС. 27.09.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15883769> (дата обращения: 1 июня 2025)
- Рада приняла закон о коренных народах Украины, среди которых не значатся русские. ТАСС. 01.07.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11801189> (дата обращения: 1 июня 2025)

- Совещание по вопросам социально-экономического развития новых субъектов РФ. Официальные сетевые ресурсы Президента России. 24.07.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74634> (дата обращения: 10 мая 2025)
- Федеральный закон от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Официальный интернет-портал правовой информации, 01.06.1999, ст. 1.

Список литературы

- Акимова А.О. 2020. Российская диаспора: перспективы сотрудничества. Научно-аналитический журнал *Обозреватель - Observer*, 10(369): с. 58–66.
- Гошуляк В.В. 2022. Антироссийское законодательство как предпосылка самоопределения русскоязычных народов Украины. *Наука. Общество. Государство*, 10, 4(40): с. 33–41.
- Григорова Д. «Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах. *Славяне и Россия*, 1: с. 456–472. doi: 10.31168/2618-8570.2020.24
- Комлева В.В. 2024. Гражданская идентичность населения новых субъектов Российской Федерации: проблемы, политика, технологии. *Россия: общество, политика, история*, 4(13): с. 130–147. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-4\(13\)-130-147](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-4(13)-130-147)
- Мосейкина М.Н. 2014. У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. *Русский мир в XX веке*. М.: АИРО-XXI, 392 с.
- Пименова М.А. 2025. Трансформация политического дискурса о «Русском мире» в первой четверти XXI в. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*, 52: с. 15–27.
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Очирова Г.Н. 2021. Русскоязычное население в странах дальнего зарубежья. *Вестник МГИМО Университета*, 14(5): с. 81–100.
- Aissaoui T. 2024. Building Virtual Identity Through Social Media. *International Journal of Multidisciplinary Research and Publications (IJMRAP)*, 6(12): p. 187–190.
- Diamanti-Karanou Y. 2015. Diasporas and International Relations. *E-International Relations*. URL: <https://www.e-ir.info/2015/11/01/diasporas-and-international-relations/> (дата обращения: 12 мая 2025)
- Dugin A. 2008. Pax Russica: For a Eurasian Alliance Against America. *New Petrpective Quarterly*, 25(4): p. 56–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5842.2008.01026.x>
- Karmila L., Rachmiatie A., et al. 2024. The Role of Social Media in the Political Construction of Identity: Implications for Political Dynamics and Democracy in Indonesia. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*, 8(14): 9171. <https://doi.org/10.24294/jipd9171>

References

- Akimova A.O. 2020. Rossiyskaya diaspora: perspektivy sotrudnichestva [Russian Diaspora: Prospects for Cooperation]. *Observer*, 10(369): p. 58–66.
- Goshulyak V.V. 2022. Antirossiyskoe zakonodatel'stvo kak predposylka samoopredeleniya russkoyazychnykh narodov Ukrainy [Anti-Russian Legislation as a Prerequisite for Self-Determination of Russian-Speaking Peoples of Ukraine]. *Science. Society. State*, 10, 4(40): p. 33–41.
- Grigорова D. «Russkiy mir»: russkaya identichnost' kak «myagkaya sila» na Balkanakh [«Russian World»: Russian Identity as «Soft Power» in the Balkans]. *Slavyane i Rossiya*, 1: p. 456–472. doi: 10.31168/2618-8570.2020.24
- Komleva V.V. 2024. Grazhdanskaya identichnost' naseleniya novykh sub"ektov Rossiyskoy Federatsii: problemy, politika, tekhnologii [Civil Identity of the Population of New Subjects of the Russian Federation: Problems, Policy, Technologies]. *Russia: Society, Politics, History*, 4(13): p. 130–147. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-4\(13\)-130-147](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-4(13)-130-147)
- Moseykina M.N. 2014. U istokov formirovaniya Russkogo mira. XIX – nachalo XX veka [At the Origins of the Formation of the Russian World. XIX – Early XX Century]. *Russkiy mir v XX veke*. M.: AIRO-XXI, 392 p.
- Pimenova M.A. 2025. Transformatsiya politicheskogo diskursa o «Russkom mire» v pervoy chetverti XXI v. [Transformation of the «Russian World» Political Discourse in the First Quarter of the 21st Century] *The Bulletin of Irkutsk State University». Series «Political Science and Religion Studies»*, 52: p. 15–27.

- Rjazancev S.V., Pis'mennaja E.E., Ochirova G.N. 2021. Russkojazychnoe naselenie v stranah dal'nego zarubezh'ja [Russian-Speaking Population in Foreign Countries]. *MGIMO Review of International Relations*, 14(5): p. 81–100.
- Aissaoui T. 2024. Building Virtual Identity Through Social Media. *International Journal of Multidisciplinary Research and Publications (IJMRAP)*, 6(12): p. 187–190.
- Diamanti-Karanou Y. 2015. Diasporas and International Relations. *E-International Relations*. URL: <https://www.e-ir.info/2015/11/01/diasporas-and-international-relations/> (дата обращения: 12 мая 2025)
- Dugin A. 2008. Pax Russica: For a Eurasian Alliance Against America. *New Petrpective Quarterly*, 25(4): p. 56–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5842.2008.01026.x>
- Karmila L., Rachmiatie A., et al. 2024. The Role of Social Media in the Political Construction of Identity: Implications for Political Dynamics and Democracy in Indonesia. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*, 8(14): 9171. <https://doi.org/10.24294/jipd9171>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 20.06.2025

Received: 20.06.2025

Поступила после рецензирования: 19.07.2025

Revised: 19.07.2025

Принята к публикации: 20.08.2025

Accepted: 20.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пименова Мария Андреевна, преподаватель кафедры политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

 [ORCID: 0009-0005-5405-9272](https://orcid.org/0009-0005-5405-9272)

Maria A. Pimenova, Lecturer at the Department of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Бродкин Алексей Алексеевич, преподаватель кафедры политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

 [ORCID: 0009-0009-5158-2358](https://orcid.org/0009-0009-5158-2358)

Alexey A. Brodkin, Lecturer at the Department of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

УДК 323.2

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-776-787

EDN DTSMNJ

Оригинальное исследование

Политическая культура современного российского общества в условиях социокультурной динамики его развития

Бойко Ж.В.¹ , Реш О.В.²

¹⁾ Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II,
Россия, 199106, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, д. 2;

²⁾ Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
Россия, 192102, г. Санкт-Петербург, ул. Бухарестская, 22

E-mail: Boyko_ZhV@pers.spmi.ru, resh-ov@gikit.ru

Аннотация. В статье раскрываются содержательные аспекты сложных и многозначных общественных явлений – культура, политика, политическая культура в контексте междисциплинарного дискурса. Установлено, что политика, находясь в тесной диалектической связи с культурой, вторична по отношению к ней. В представленном исследовании фокус внимания авторов направлен на сопряжение «мира культуры» и «мира политики», образовавших феномен политической культуры, природа которой не ограничивается личностно-субъектным началом, она намного шире, поскольку является одним из показателей уровня развития всего общества. Авторами статьи отмечается динамичный и изменчивый характер политической культуры общества, ее способность реагировать на нововведения, возникающие в социокультурной среде под влиянием внешних и внутренних факторов. С такой позиции политическая культура общества рассматривается как этос в диалоге между «миром культурного» и «миром политического». В статье проанализированы нормативно-правовые акты, отражающие основные аспекты современной политической культуры общества. Анализ позволил выделить ряд ее значимых проявлений в условиях социокультурной динамики развития российского общества.

Ключевые слова: культура, культурные традиции, политическая культура, идентификация, политические ценности, глобализация, цифровизация, медиатизация культуры

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Бойко Ж.В., Реш О.В. 2025. Политическая культура современного российского общества в условиях социокультурной динамики его развития. *Via in tempore. История. Политология*, 52(3): 776–787. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-776-787. EDN: DTSMNJ

Political Culture of Modern Russian Society in the Conditions of the Sociocultural Dynamics of its Development

Zhanna V. Boyko¹ , Olesya V. Resh²

¹⁾ Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University,
2 21 line, Vasilyevsky Island, Saint Petersburg 199106, Russia;

²⁾ Saint Petersburg State Institute of Cinema and Television,
22 Bukharestskaya St., Saint Petersburg 192102, Russia

E-mail: Boyko_ZhV@pers.spmi.ru, resh-ov@gikit.ru

Abstract. The article reveals the substantive aspects of complex and ambiguous social phenomena – culture, politics, political culture in the context of interdisciplinary discourse. Politics is shown to be secondary to culture, being in close dialectical connection with it. In the presented study, the authors' focus is on combining the "world of culture" and the "world of politics", which have formed the phenomenon of political culture, the nature of which is not limited to the personal-subjective principle, but is much broader, since it indicates the society

development level. The authors of the article note the dynamic and changeable nature of the political culture of society, its ability to respond to innovations arising in the socio-cultural environment under the influence of external and internal factors. From this perspective, the political culture of society is seen as an ethos in the dialogue between the “cultural world” and the “political world”. The article analyzes the normative legal acts reflecting the main aspects of the modern political culture of society. The analysis made it possible to identify a number of its significant manifestations in the context of the socio-cultural dynamics of the development of Russian society.

Keywords: culture, cultural traditions, political culture, identification, political values, globalization, digitalization, mediatization of culture

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Boyko Zh.V., Resh O.V. 2025. Political Culture of Modern Russian Society in the Conditions of the Sociocultural Dynamics of its Development. *Via in tempore. History and political science*, 52(3): 776–787 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-776-787. EDN: DTCMNJ

Введение

В российском междисциплинарном дискурсе такое многоплановое и многоаспектное общественное явление как политическая культура занимает важное место, вызывая споры среди ученых не только концептуального плана, но и в обсуждениях, касающихся ее динамики изменений с учетом общекультурного вектора развития государства в разные исторические периоды. Надо сказать, что на протяжении многих лет политическая культура является предметом исследования не только для политологов, но и вызывает научный интерес в среде культурологов, поскольку представляет собой специфическую сферу культуры, для исследования которой могут быть применимы теоретические наработки и методологический инструментарий, разработанный в этой научной области.

Сложившиеся к настоящему времени подходы в отечественной и зарубежной науке к определению сущности и содержания феномена политической культуры значительно расширили понимание о ней как о динамичном явлении, способном чутко реагировать на перемены в политической жизни страны, меняться вслед за преобразованиями культурного толка. Ведь понять сущность общественных проявлений в политической жизни возможно лишь при определении мотивов определенных действий, культурных ценностей, которые присущи этому обществу. «Всякая великая культура, – утверждал П. Сорокин, – есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность. <...> Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [Сорокин, 1992]. Поскольку культура формирует у членов общества определенное мировоззрение, отражающее определенную систему ценностей, идей, отношение к окружающему миру в целом, то политическая культура, являясь ее важной составляющей, отражает взгляды на политическую власть, на вырабатываемый государством политический курс. Политическая культура в этом контексте представляется в виде политического опыта, который передается от одного поколения другому, при этом он либо трансформируется под влиянием внешнего воздействия, либо укрепляет сложившиеся основы политической культуры. Как отмечает в своем исследовании О.В. Реш, «к таким воздействиям относятся, во-первых, динамика отношений в сфере производства, которая приводит к перестройке общественной структуры и, следовательно, потребностей и интересов соответствующих социальных групп; во-вторых, приобретение нового исторического опыта, который может совпадать с предыдущим, дополнять его новыми представлениями или противоречить ему» [Реш, 2005].

С учетом современных реалий вполне оправданно считать новыми вызовами (внешними воздействиями) глобализацию и цифровизацию, затронувшие все без исключения сферы жизнедеятельности общества. Так, стремительное развитие и внедрение цифровых технологий, включение искусственного интеллекта в жизнедеятельность общества способствуют трансформации политического сознания, политических убеждений, что, несомненно,

отражается на уровне развития политической культуры общества в целом. ИИ, встраиваясь в современную жизнь, становится не просто инструментом, но меняет подходы к обучению и управлению информацией. На современном этапе развития социума процессы глобализации и цифровизации оказывают колоссальное влияние на медиапространство, что в отношении к политической культуре может выражаться в манипуляциях, к примеру, через данные (Cambridge Analytica), угрозах формированию демократических ценностей из-за дезинформации, проблемах цифрового неравенства. Медиапространство часто становится транслятором фейковых новостей, постправды, информационным полем для борьбы за нарратив. Вместе с тем благодаря цифровизации сегодня радикально изменились способы политической коммуникации и значительно расширились возможности участия граждан в политической жизни страны, что отразилось на формировании политической идентичности россиян. Как справедливо указывают исследователи, «развитие и распространение интернет-коммуникаций приводят к тому, что участниками публичного пространства могут быть уже не только публичные медийные персоны, но и каждый человек, у которого есть гаджет, – публичное пространство все более становится виртуальным, а виртуальное – публичным (недаром мы имеем феномен «социальных сетей» в глобальной Сети)» [Дорофеев, 2020].

Таким образом, вопросы, связанные с проблемой формирования политической культуры российского общества в условиях социокультурной динамики его развития на современном этапе (ее модели, складывающейся под влиянием разных факторов), становятся достаточно перспективными в научном плане. Ключевыми факторами формирования этой модели во все времена можно считать идеологию и культурные традиции, а также актуализировавшиеся в последние годы процессы глобализации, цифровизации и медиатизации культуры.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является политическая культура современного российского общества. Предметом исследования являются изменения политической культуры российского общества, возникающие в социокультурной среде под влиянием внешних и внутренних факторов.

Цель исследования – на основе теоретического анализа научной литературы выявить доминирующие тенденции трансформации модели политической культуры российского общества с учетом влияния на нее традиционных основ (идеология, культурные традиции) и современных факторов социокультурной динамики.

Подходы и методы исследования: если учесть научные изыскания, сформулированные концепты, становится очевидной необходимость исследования основных проявлений политической культуры современного российского общества посредством междисциплинарного подхода. Также были использованы этимологический, аксиологический, компаративистский методы, метод контент-анализа, позволившие раскрыть сущность понятия «политическая культура», основные тенденции ее трансформации в контексте социокультурной динамики развития современного российского общества.

Исследовательская проблема. В условиях современной интенсивной социокультурной динамики, отражающей процессы глобализации, цифровизации и медиатизации, происходит трансформация модели политической культуры российского общества, постепенное ценностное переосмысление «мира политического», места и роли в нем человека как субъекта. Указанные факторы способны изменить политическую культуру общества даже на фоне сохранения традиционных основ (идеология, культурные традиции), а потому требуют детальной научной проработки в настоящем исследовании.

Результаты и их обсуждение

На современном этапе своего развития большинство ведущих мировых держав для поддержания порядка в обществе и эффективной реализации проводимой внутри страны политики выбирают интегративный путь взаимодействия политических, социальных и культурных институтов. Очевидно, что политика является неотъемлемой частью культуры общества (государства) и рассматривать ее вне контекста культуры не представляется

возможным. Отмечая диалектическую взаимосвязь культуры и политики, можно заметить, что «в области культуры, как и в других сферах общественной жизни, политика направляет социальную деятельность людей. В свою очередь, культура оказывает огромное влияние на политику в ходе исторического процесса своими представлениями о мире, ценностями, образцами поведения» [Реш, 2012]. В свое время исследователь К. Гиртц писал о культуре как о некой структуре, отражающей совокупность значений, с помощью которых люди формируют свой опыт [Гиртц, 2000], и, исходя из этого, политика представляет собой одну из главных публичных сфер, в которых раскрываются эти значения. Такое взаимодействие между «миром политического» и «миром культурного» определяется пространственно-временным хронотопом и культурно-историческими условиями каждого государства. Культура и политика диалектически взаимосвязаны, однако можно отметить, что «политические и социальные процессы могут предшествовать культурным и, наоборот, культурные процессы могут отражать политические. Например, власть как центральное явление мира политики одновременно может рассматриваться как часть мира культуры. Взгляд на политическую власть через призму культуры позволяет лучше понять, какая власть, в какой степени, когда и для кого является ценностью» [Реш, 2012].

Полагаем, что с учетом сказанного следует определиться с пониманием исследуемых концептов – культуры и политики, а также производного от них понятия «политическая культура». Многообразие выработанных к настоящему времени подходов к их определению указывает на сложность и неоднозначность в понимании учеными этих феноменов. Ограничимся определениями отечественных авторов, которые наиболее явно отражают нашу позицию в этом вопросе. Разделяя позицию Г.П. Сопова, определим культуру, как «совокупность способов и приемов человеческой деятельности (как материальной, так и духовной), объективированных в предметах, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям» [Сопов, 2001]. Опираясь на рассуждения Г.Л. Тульчинского, берем во внимание, что культура является многослойным и многоукладным единством, в котором проявляется специфика нравов, традиций, обычаев, что составляет ценности общества. В свою очередь, политика понимается нами как «деятельность классов и иных социальных групп, связанная с определением содержания и форм, задач и функций государства, а также его взаимоотношений с другими государствами» [Осипов, 1998]. Надо сказать, что оба понятия включают в себя деятельностный аспект, а, как известно, всякая деятельность предполагает целеполагание и мотивацию, связанные с сознанием, они выступают важными аспектами человеческой психики. С этой точки зрения Т. Парсонс и Э. Шилз «определили политическую культуру как систему ценностей, глубоко укорененных в сознании мотиваций (ориентации и установок), регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике» [Тульчинский, 2014]. Такие ученые, как И. Шапиро, П. Шаран, В. Розенбаум, также указывали на важность ценностных ориентаций, которые составляют политическую культуру, отражаются в поведении человека [Колпаков, 2017]. Американский политолог Д. Дивайн, исследуя политическую культуру, соотносил ее с общей культурой, указывая на ее духовные основы [Подвойская, 2020], которых придерживается общество и политическая система в целом.

Таким образом, исходя из способа и стиля политической деятельности человека, которые отражают его ценностные ориентации, можно рассматривать политическую культуру как ценностное образование. В этой связи определение политической культуры, предложенное А.И. Дженусовым, наиболее полно отражает нашу позицию: «политическая культура – это выработанные в ходе исторического опыта ценности, представления, умения социального объекта (индивида, группы, партии, государства и т. п.), позволяющие создавать и эффективно использовать политические механизмы для выражения и реализации своих целей и строить отношения с другими субъектами политики на основе уважения, учета их прав, интересов и традиций» [Дженусов, 1994]. Позиция исследователей, отражающая понимание политической культуры, которая представляет собой «набор установок, ориентаций, а также ценностей как наиболее фундаментальных элементов сознания, которые формируются в процессе усвоения опыта предшествующих поколений, осмысления собственного опыта взаимодействия с социально-политическим окружением» [Припечкин, Настасюк, 2013], также близка нам.

К сказанному стоит добавить, что политическую культуру следует понимать как качественную составляющую политической субъективности, которая присуща не только отдельным личностям-субъектам политики, но и социальным группам, общностям, которые также являются политическими субъектами, а следовательно, становятся «коллективными носителями политической культуры» [Реш, 2012].

На современном этапе развития науки ученые предпринимают попытки теоретического обоснования феномена политической культуры. Российский исследователь Д.В. Руденкин, отмечает, что сегодня термин «политическая культура» достаточно популярен и может быть рассмотрен с позиции социологического подхода [Руденкин, 2012]. Автор ограничивает понимание политической культуры, сведя ее к личностно-субъектному носителю, на что указывает следующий тезис из его работы: «характер политической культуры конкретного индивида определяется в первую очередь социальными факторами» [Руденкин, 2012]. К проблеме взаимодействия политики и морали при рассмотрении феномена политической культуры обращаются в своем исследовании такие ученые, как А.П. Мельников и С.Ф. Сокол [Мельников, Сокол, 2011]. Совершенно справедливо авторами отмечено, что «на практике гуманность политики часто зависит не столько от провозглашаемых целей, сколько от методов и средств, используемых в процессе их достижения» [Мельников, Сокол, 2011]. В этом плане одним из важнейших факторов формирования, утверждения и жизнеспособности политической культуры является легитимность существующей политической системы и действующего в каждый исторический период политического режима. Вспоминаются слова Лорда Брайса, который однажды заметил, что «даже Римская империя основывалась не столько на силе, сколько на согласии и доброй воле ее подданных» [Гаджиев, 2013].

Вышеизложенные подходы к пониманию весьма абстрактного, на наш взгляд, по своей природе общественного явления еще раз доказывают, что политическая культура раскрывается через многообразие не менее абстрактных категорий, вступающих с ней в диалектическое единство. К ним относятся такие категории, как политические ценности, легитимность, суверенитет, политические идеи, установки, правовые нормы. Справедливо отмечают исследователи, что политические ценности «лежат в основе конкретных установок, предпочтений, оценок в политической сфере, придавая им целостность и согласованность» [Иванов, Назаров, Кублицкая, 2018]. Государство и социальные институты базируются на принятых обществом ценностных основах, которые задают направление развития и через них оценивается политическая реальность. Политические ценности составляют смысловое и нормативное ядро политической культуры. Она в определенном смысле создает границы, в пределах которых члены общества принимают законность существующей формы правления, чувствуют себя политически дееспособными, выражают согласие с действующими правилами «политической игры». Так в развитии общества осуществляется пересечение ценностных и институциональных основ. Рассуждения такого плана приводят нас к пониманию того, что политическая культура представляет собой в некотором роде этос, выполняющий роль связующего звена между миром культуры и миром политики, в какой-то мере политическая культура даже способна одушевлять формальные политические институты.

Важность такого феномена, как политическая культура, ставит перед учеными задачу выявления уровня и состояния современной политической культуры общества, что позволит определить политические настроения, вскрыть проблемные стороны в жизнедеятельности общества, позволит избежать в ней негативных проявлений, гармонизировать общественные отношения. Так, во многих научных источниках указывается на то, что показателем политической культуры является уровень активности индивида в политической сфере, понимание им политики как культурного явления, знание политических основ государства. Актуальность исследуемого феномена в нашей стране подтверждается реальными действиями со стороны государственной власти. С недавнего времени обозначилась стратегия на повышение в обществе уровня политической грамотности среди учащейся молодежи, о чем свидетельствует введенная с 1 сентября 2023 года в учебные планы высших учебных заведений новая дисциплина «Основы российской государственности». Предполагается, что получаемые знания в рамках дисциплины будут способствовать ориентации молодежи в политическом

пространстве российского государства, затрагивая ментальные культурные коды для более глубокого понимания «традиционных российских духовно-нравственных ценностей и цивилизационной идентичности россиян» [Зарубина, Журавлева, Симачкова, Стахеева, Чупина, 2024]. Очевидно, что в качестве фундаментальной основы формируемой сегодня политической культуры у подрастающего поколения становится политическое мировоззрение (система взглядов на политику). С этой позиции политическая культура может рассматриваться как комплекс представлений о мире политики и правилах ее функционирования.

Особую значимость приобретает сегодня не только то, что происходит на самом деле в мире и как эти реальные события отражены в информационном поле современных СМИ, но и то, как они воспринимаются и оцениваются обществом, какое формируется по итогу общественное мнение, а, следовательно, его мировоззрение. В целом идеология в XXI веке перестала быть монолитной доктриной. Она превратилась в гибкий инструмент адаптации к глобальным вызовам, что также повлияло на изменения политической культуры. На сегодняшний день происходит формирование нового политического языка, изменяется формат политических практик. Как отмечают исследователи, «новояз политических идеологий постмодерна включает в себя как модернистские, так и постмодернистские формы политического арт-активизма, инкорпорирующие в свою деятельность политические смартбои, флэшмои, хэппениги, перформансы и иные театрализованные акции, произведения стрит-арта» [Дорофеев, 2020]. Современные платформы, такие как социальные сети, мессенджеры, создают «эхо-камеры», «алгоритмы» программных технологий» [Русаков, 2019], где идеологии поляризуются и радикализуются. Глобальные ценности сталкиваются с запросом на суверенитет и традиции. Происходят изменения в сознании, в политическом поведении российских граждан. Как указывает Л.Ф. Усикова: «на выборах партийные и идеологические мотивы голосования все больше уступают место личностной ориентации на кандидата. Эффективность органов государственной власти люди больше связывают с личными характеристиками депутатов и политических партий» [Усикова, 2010]. Можно отметить, что современная политическая культура характеризуется динамичным симбиозом идеологий и технологий. Политическая культура сегодня в большей степени формируется в соцсетях и медиа.

Со стороны государства предпринимаются планомерные действия, направленные на формирование политической культуры общества. Политика государства задает нормативные рамки для политической культуры, указывая на то, какие ценности считаются легитимными и желаемыми с позиции государства в сфере политики и общественной жизни [Указ президента РФ, 2022]. Современное российское общество в контексте возникающих проблем (глобализации, цифровизации, конфликта ценностей) стремится к самоопределению, что выражается в стремлении к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности), а также к инновационным изменениям. Указ о традиционных российских духовно-нравственных ценностях укрепляет идею специфического пути России, что влияет на коллективную политическую идентичность и чувство принадлежности. Современная российская государственная политика может теперь быть обоснована через призму защиты указанных в документе ценностей, ее риторика апеллирует к морально-ценностным основаниям. Содержание данного документа отражает изменение в политической культуре в сторону консервативности, этатизма, делает акцент на суверенитете. Такая трансформация политической культуры современного российского общества происходит в первую очередь, как мы указали выше, через систему образования и воспитания, а также через СМИ. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации, разработанная до 2025 года, является еще одним фундаментальным документом, отражающим ценностные основы политической культуры и способствующим ее современному этапу становления [Стратегия развития воспитания РФ, 2015]. В стратегии политическая культура отражена через базовые ценности, цели воспитания и формирования гражданской идентичности. Согласно документу, приоритетной целью воспитания является формирование гармоничной личности на основе российских социокультурных и духовно-нравственных ценностей. Одним из ключевых воспитательных аспектов, заложенных в стратегии, является «формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства причастности к историко-культурной

общности российского народа и судьбе России» [Стратегия развития воспитания РФ, 2015]. Стратегия, являясь документом об образовании и воспитании, становится ключевым инструментом политической социализации молодого поколения, призванным сформировать определенный тип гражданина. Документ отражает и закрепляет консервативный тренд в российской политической культуре, акцентируя традицию, преемственность, государственность.

Несомненно, политическая культура испытывает в процессе своего становления влияние культурных инноваций. Протекающие процессы цифровизации, медиатизации активно отражены в стратегических и концептуальных документах, где они рассматриваются как ключевые факторы, влияющие на общество, государственное управление, безопасность и, как следствие, трансформирующие политическую культуру современного общества. Укажем некоторые документы, в которых прослеживается связь инновационных процессов с политической культурой.

Основополагающим документом, отражающим цифровую трансформацию российского общества, является стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы [Указ президента РФ, 2017]. Политическая культура общества предполагает определение уровня участия в политической жизни страны. В документе сделан акцент на развитие электронной демократии и информационной открытости государственных органов, что указывает на развитие партисипаторных элементов политической культуры российского общества. Государством ставятся задачи на развитие и повышение информационной грамотности граждан и цифровой культуры, что также отражено в документе. На сегодняшний день важно сформировать навыки критического восприятия информации в медиасреде, что влияет на когнитивный компонент политической культуры. Важно отметить стремительно развивающиеся искусственный интеллект, который уже оказывает влияние на все сферы жизни общества. Его развитие требует быстрой реакции со стороны государственного управления, поскольку формируются новые отношения на всех уровнях общественного развития, требующие учета этических основ. В принятой национальной стратегии развития искусственного интеллекта упоминаются этические аспекты ИИ, которые касаются норм и ценностей в цифровой среде, влияющих на политические отношения [Указ президента РФ, 2019]. В документе делается акцент на развитие человеческого капитала в условиях цифровизации. Так, в пункте 13 этого документа отмечено: «Российская Федерация обладает существенным потенциалом для того, чтобы стать одним из международных лидеров в развитии и использовании технологий искусственного интеллекта. Этому способствуют высокий уровень базового физико-математического образования, сильная естественно-научная школа, наличие компетенций в области моделирования и программирования. Российские команды регулярно занимают первые места на школьных и студенческих международных олимпиадах по математике, информатике, программированию» [Указ президента РФ, 2019]. Молодое поколение, обладающее новыми компетенциями, мировоззрением, будет в дальнейшем формировать политическую культуру общества. Сегодня появляются новые профессии, связанные с ИИ. В пункте 17.12 отмечено, что «ежегодно увеличивается количество работников, занятых в области искусственного интеллекта: в США уже 2 процента всех публикуемых вакансий связано с работой в области искусственного интеллекта. В Канаде, Австралии, европейских государствах этот показатель находится на уровне 0,7–1,5 процента, но также увеличивается каждый год. В России данный показатель составляет 1 процент» [Указ президента РФ, 2019].

Поскольку политическая культура является частью общей культуры, она непосредственно касается культурной политики государства. В обновленном документе о культурной политике отмечается, что «в Российской Федерации в целях приобщения и расширения доступа к культурному наследию, произведениям культуры и искусства созданы мультимедийные порталы и сервисы, включая базовые информационные ресурсы «Культура.РФ», «История.РФ», «Госкаталог», «АРТЕФАКТ» [Распоряжение Правительства РФ, 2024]. Использование цифровых технологий в сфере культуры направлено на сохранение и продвижение культурного наследия и ценностей. Ставятся задачи по противодействию деструктивного влияния в цифровой среде и медиапространстве на культурные и духовные ценности, которые являются основой политической культуры общества. Многие исследователи отмечают не только позитивные стороны новых технологий, но и указывают на угрозы, которые ими порождаются, – это и

манипуляция сознанием, дезинформация, подрыв ценностных основ. В этой связи важно формировать критическое мышление, стойкость, развивать аналитические способности.

Таким образом, политическая культура российского общества испытывает активное влияние современных процессов цифровизации и медиатизации. Эти аспекты политической культуры общества интегрированы в нормативно-правовых документах, но на данный момент не выделены отдельно. Несомненно, что формирование новых форм и норм взаимодействия государства и общества являются важным аспектом, способствующим трансформации политической культуры.

Составными элементами политической культуры являются формировавшиеся в течение многих десятилетий и поколений политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами.

Политическая система и политическая культура составляют самостоятельные подсистемы мира культурного и политического, взаимно влияющие друг на друга. К примеру, современная либерально-демократическая система характеризуется наличием в обществе множества социальных групп и слоев, организаций, объединений, заинтересованных групп, религиозных, профессиональных, молодежных и иных ассоциаций, клубов, отстаивающих свои интересы.

На основе проведенного анализа научных источников, литературы, опубликованных в последние два десятилетия, а также нормативно-правовой базы можно выделить ряд проявлений политической культуры большинства современных обществ, включая и российское общество.

Цифровизация политических процессов. Интернет стал новой технологией политической культуры власти и гражданского общества, «коммуникационной платформой, где политика приобретает сетевую форму» [Колпаков, 2017]. Социальные сети явились ключевой площадкой для политической мобилизации. Политические лидеры, к примеру, Дональд Трамп, используют Twitter для прямого общения с электоратом, минуя традиционные медиа. Это отражает теорию «жидкой современности» Зигмунта Баумана [Bauman, 2000], где гибкость и скорость коммуникации преобладают над жесткими структурами.

Новые формы гражданского участия. Онлайн-петиции (Change.org), краудфандинг (платформа Kickstarter для политических проектов), цифровые дебаты (Reddit AMA), ГосУслуги (федеральный портал) расширяют возможности участия. Однако рост популизма, как в Европе, указывает на кризис доверия к традиционным партиям. Это соотносится с типологией Г.А. Алмонда и С. Вербы: современная культура сочетает активистские практики с подданническими настроениями в условиях неопределенности.

Глобализация и локализация. Противоречие между глобальными трендами и локальным патриотизмом иллюстрирует Brexit (выход Великобритании из Европейского союза) и движение независимости Каталонии. Глобализация стирает границы, тем самым усложняет культурный ландшафт, и, как отмечали еще в 2013 году исследователи, «картина политической адаптации становится значительно более сложной в условиях быстро изменяющейся социально-экономической среды, базирующейся на проявлениях глобализации, индивидуализации, деинституализации, возросшей мобильности», что в целом сохраняется и сегодня [Припечкин, Настасюк, 2013]. Возникает опасность культурной унификации, что провоцирует защитную реакцию, а именно переосмысление ценностей, продвижение локальных идентичностей и традиций, которые становятся динамичным ресурсом, активно используемым в условиях социокультурного развития мира в целом. Россия – пример многонациональной страны с разнообразными локальными идентичностями. Например, народы Сибири, Крайнего Севера используют глобальные возможности (соцсети, туризм, правозащитные неправительственные организации) для привлечения внимания к своим языкам, проблемам, традициям. Российское государство, сталкиваясь с геополитическими вызовами, делает ставку на традиционные ценности (патриотизм, семья, историческая преемственность) как основу внутренней консолидации и внешнего позиционирования. Глобальные медиа и интернет делают разные культуры более «видимыми» друг для друга.

Медиа как поле битвы за нарратив. Феномен «постправды» (например, кампания Brexit) и фейковые новости подрывают доверие к информации. Технологии deepfake и боты усугубляют проблему, превращая медиа в инструмент манипуляции.

Медиатизация культуры с преобладанием элементов карнавализации в политической культуре. Многие современные культурные формы отличает такое качество, как зрелищность, присущее карнавалу. Яркими примерами в этом плане могут стать демонстрации, митинговые шествия, публичные обсуждения, предметом которых становятся политические диспуты и другие формы политической коммуникации. В этом отношении вполне можно согласиться с позицией И.М. Дзялошинского, который отводит современным средствам массовой информации, в особенности телевидению, ключевую роль в организации «пространства игр» [Дзялошинский, 2019], по мнению исследователя, «СМИ превращаются в своеобразного организатора и модератора глобальных карнавалов» [Дзялошинский, 2019]. Вполне очевидно, что в погоне за зрелищностью современные корреспонденты и репортеры стремятся оказаться в самом эпицентре событий, становясь очевидцами природных катаклизмов и военных конфликтов. Действительно, если вдуматься в сущность самой проблемы карнавализации медиасферы, то все, что нас окружает (СМИ, Интернет), пронизано ею. Карнавализация коснулась и политики, в которой в последние годы известные во всем мире политические лидеры и ключевые фигуры в мире бизнеса вместо решения жизненно важных для общества проблем занимаются личным пиаром. Часто аморальное поведение самой политической элиты приводит к деморализаторству и вседозволенности, преломляя создаваемые веками концептуальные ценности культуры: традиционность, честность, достоинство, верность, правдивость. Такое поведение политических элит вызывает недоверие со стороны избирателей, нежелание принимать участие в политической жизни страны, следовательно, низводя уровень политической культуры к показателям начала 2000-х годов, когда политическая культура электората отличалась своей фрагментарностью, партикуляризмом и политической апатичностью.

Заключение

Обобщая сказанное, отметим, что политическая культура представляет собой синтез двух, с одной стороны, вполне самостоятельных областей человеческой деятельности, а с другой – тесным образом взаимосвязанных и взаимозависимых ее (человеческой деятельности) начал. Уровень развитости политической культуры напрямую зависит от сформировавшегося у общества политического сознания и политического поведения, на которые, как уже отмечалось ранее, оказывают влияние многие факторы (идеологические установки, культурные традиции и др.). Человеческая деятельность, требующая совместных коллективных усилий, предполагает соответствующую организацию и координацию этих усилий как на индивидуальном уровне, так и в масштабах всего общества. Г. Алмонд и С. Верба [Almond, Verba, 1963] показали, что межличностное доверие является необходимым условием формирования вторичных ассоциаций, которые в любой демократической системе имеют значение для эффективного политического участия и условием формирования демократических правил игры. Например, важно оценивать оппозицию как лояльную, которая в случае прихода к власти не будет преследовать своих противников и способна управлять страной, оставаясь в рамках закона. В правовом государстве жизнеспособность политической системы и подчинение ей подавляющего большинства населения связаны в большей степени с уважением к закону, нежели страхом применения санкций. Если такое уважение потеряно, презумпции справедливости закона брошен вызов. Понимание происходящего, умение анализировать процессы, протекающие в современном политизированном мире, будут способствовать выработке правильных решений, выявлению новых путей в целях дальнейшего прогрессивного развития общества.

На современном этапе политическая культура российского общества в условиях динамики его социокультурного развития дополняется новыми содержательными аспектами, к числу которых следует относить динамичное взаимодействие технологий, глобализацию и гражданский активизм. Для укрепления демократических основ сложившейся политической системы в нашей стране необходимы регулирование цифрового пространства, медиаграмотность и инклюзивные платформы для диалога. Стремительно развивающиеся информационные технологии, незаметное, но интенсивное внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности общества влечет многие опасности, о которых важно задумываться. Необходим строгий контроль за внедряемыми в политическую сферу технологиями, в том числе

и активно применяемыми в медиа пространстве. Будущее политической культуры зависит от выполнения ряда условий: грамотного выстраивания отношений между политической элитой и ее электоратом; умения граждан объективно и взвешенно оценивать политические решения, принимаемые представителями власти; личной заинтересованности и осведомленности в том, что происходит во внутренней и внешней политике государства. Выполнение обозначенных условий позволит сформировать политическую культуру участия, укрепить институты гражданского общества, способные к выстраиванию диалога между обществом и властью.

Список источников

- Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/
- Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71670570/>
- Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72838946/>
- Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html>
- Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 года № 2501-р. [О стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года] [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1307324530>

Список литературы

- Гаджиев К.С. 2013. О кризисе национальной идентичности. Мир и политика. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/o-krizise-natsionalynoy-identichnosti-elektronniy-resurs-ks-gadzhiev-mir-i-politika-2013-1> (дата обращения: 25.08.2025)
- Дженусов А.И. 1999. Различие структур и уровней развития политической культуры. Социально-гуманитарные знания, 4: 108–121.
- Дзялошинский И.М. 2019. Медиакарнавал в эпоху глобализации. Медиа Альманах, 3: 18–28.
- Дорофеев Д.Ю., Семенова В.Н. 2020. Образ человека и визуализация политической коммуникации в эпоху постмодерна. Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология, т. 36. Вып. 4: 687–699 doi: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.407> [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-cheloveka-i-vizualizatsiya-politicheskoy-kommunikatsii-v-epohu-postmoderna/viewer> (дата обращения: 20.07.2025).
- Зарубина Е.В., Журавлева Л.А., Симачкова Н.Н., Стахеева Л.М., Чупина И.П. 2024. Основы российской государственности как учебная дисциплина. Образование и право, 10: 370–375. doi: 10.24412/2076-1503-2024-10-370-375 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-rossiyskoy-gosudarstvennosti-kak-uchebnaya-distiplina> (дата обращения: 04.08.2025).
- Иванов В.Н., Назаров М.М., Кублицкая Е.А. 2018. Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта). Вестник РУДН. Серия: Социология, 3: 470–480. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-470-480 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tsennosti-rossiyskogo-obschestva-rezultaty-sravnitel'nogo-proekta> (дата обращения: 14.08.2025).
- Колпаков В.В. 2017. Интернет как новая технология политической культуры власти и гражданского общества. Вестник Поволжского института управления. Том 17, 1: 112–117. doi 10.22394/1682-2358-2017-1-112-117 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-novaya-tehnologiya-politicheskoy-kultury-vlasti-i-grazhdanskogo-obschestva/viewer> (дата обращения: 10.08.2025).
- Мельников А.П., Сокол С.Ф. 2011. Политическая культура в жизни общества. Минск, БГУ, 211 с.
- Подвойская Н.Л. 2020. Политическая культура элит. Вопросы элитологии, 3: 74–91. ISSN: 2712-8415 doi: 10.46539/elit.v1i3.27
- Припечкин В.В., Настасюк Н.П. 2013. Политическая культура и политическая социализация: концептуальные и методологические подходы. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 4(60). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-i-politicheskaya-sotsializatsiya-kontseptualnye-i-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 07.08.2025).

- Реш О.В. 2012. Политическая культура российского общества в условиях модернизации: в контексте трех подходов: монография. Германия, Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 152. ISBN: 9783843309424
- Руденкин Д.В. 2012. Концепт политической культуры: основания социологического подхода. Социум и власть, 5(37). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-politicheskoy-kultury-osnovaniya-sotsiologicheskogo-podhoda> (дата обращения: 07.08.2025).
- Русаков А.Ю. 2019. Эхо-камеры в современной массовой культуре. Вестник СПбГИК, 2(39). doi: 10.30725/2619-0303-2019-2-11-15 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eho-kamery-v-sovremennoy-massovoy-kulture> (дата обращения: 14.08.2025).
- Сорокин П.А. 1992. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Соломинов: Пер. с англ. М., Политиздат, 429. ISBN 5-250-01297-3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1179666/text.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).
- Тулчинский Г.Л. 2014. Политические культуры: проблема изучения и типологии. Международный журнал исследований культуры, 1(14): 5–20 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-kultury-problema-izucheniya-i-tipologii/viewer> (дата обращения: 10.08.2025).
- Усикова Л.Ф. 2010. Политическая культура. Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura> (дата обращения: 14.08.2025).
- Almond G., Verba S. 1989. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, SAGE Publications, Inc. P. 17. ISBN: 0-8039-3558-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=J93o05MH3v8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 14.03.2025).
- Bauman Z. 2000. Liquid Modernity. Cambridge, UK, Malden, MA, Polity Press, Blackwell: 240. ISBN 0-7456-2409-X ISBN 0-7456-2410-3 (pbk) [Электронный ресурс]. URL: <https://giuseppesarograssi.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/01/bauman-liquid-modernity.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

References

- Gadzhiev K.S. 2013. On the Crisis of National Identity. World and Politics, 1 [Electronic resource]. URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/o-krizise-natsionalnoy-identichnosti-elektronniy-resurs-ks-gadzhiev-mir-i-politika-2013-1> (access date: 25.08.2025).
- Dzhenusov A.I. 1999. Differences in Structures and Levels of Development of Political Culture. Social and Humanitarian Knowledge, 4: 108–121.
- Dzyaloshinskiy I. 2019. Media Carnival in the Age of Globalization. Media Almanac, 3: 18–28.
- Dorofeyev D. Yu., Semenova V.N. 2020. The Image of Man and the Visualization of Political Communication in the Postmodern Era. Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology, Vol. 36. Issue 4:687-699 doi: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.407> [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-cheloveka-i-vizualizatsiya-politicheskoy-kommunikatsii-v-epohu-postmoderna/viewer> (access date: 20.07.2025).
- Zarubina Ye.V., Zhuravleva L.A., Simachkova N.N., Staheeva L.M., Chupina I.P. 2024. Fundamentals of Russian Statehood as an Academic Discipline. Education and Law, 10: 370–375. doi: 10.24412/2076-1503-2024-10-370-375 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-rossiyskoy-gosudarstvennosti-kak-uchebnaya-distiplina> (access date: 04.08.2025).
- Ivanov V.N., Nazarov M.M., Kublicka E.A. 2018. Political Values of Russian Society (Results of the Comparative Project) // Bulletin of RUDN. Series: Sociology, 3: 470–480 doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-470-480 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-tsennosti-rossiyskogo-obshchestva-rezultaty-sravnitel'nogo-proekta> (access date: 14.08.2025).
- Kolpakov V.V. 2017. The Internet as a New Technology of Political Culture of Power and Civil Society // Bulletin of the Volga Region Institute of Management, Vol. 17. 1: 112–117. doi 10.22394/1682-2358-2017-1-112-117 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-novaya-tehnologiya-politicheskoy-kultury-vlasti-i-grazhdanskogo-obshchestva/viewer> (access date: 10.08.2025).
- Mel'nikov A.P., Sokol S.F. 2011. Political Culture in the Life of Society. Minsk. BSU. 211.
- Podvoyskaya N.L. 2020. Political Culture of the Elites. Questions of Elitology, 3: 74–91. e-ISSN: 2712-8415 doi: 10.46539/elit.v1i3.27
- Pripechkin V.V., Nastasyuk N.P. 2013. Political Culture and Political Socialization: Conceptual and Methodological Approaches. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 13(60) [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura-i-politicheskaya-sotsializatsiya-kontseptualnye-i-metodologicheskie-podhody/viewer> (access date: 07.08.2025).

- Resh O.V. 2005. Political Culture of Russian Society in the Context of Modernization: in the Context of Three Approaches: Monograph. Saarbrucken. Германия, Saarbrucken, LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 152. ISBN: 9783843309424
- Rudinkin D.V. 2012. The Concept of Political Culture: The Foundations of the Sociological Approach. Society and Power, 5(37) [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontsept-politicheskoy-kultury-osnovaniya-sotsiologicheskogo-podhoda> (access date: 07.08.2025).
- Rusakov A.YU. 2019. Echo chambers in modern mass culture. Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture, 2(39) doi: 10.30725/2619-0303-2019-2-11-15 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eho-kamery-v-sovremennoy-massovoy-kulture> (access date: 14.08.2025).
- Sorokin P.A. 1992. Man. Civilization. Society / General Ed., compiled and foreword by A. Yu. Solominov: Trans. from English. Moscow: Politizdat, 429. ISBN 5-250-01297-3 [Electronic resource]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1179666/text.pdf> (access date: 14.03.2025).
- Tul'chinskiy G.L. 2014. Political Cultures: The Problem of Study and Typology. International Journal of Cultural Studies, 1(14): 5–20 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-kultury-problema-izucheniya-i-tipologii/viewer> (access date: 10.08.2025).
- Usikova L.F. 2010. Political Culture. Locus: People, Society, Cultures, Meanings, 1 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-kultura> (access date: 14.08.2025).
- Almond G., Verba S. 1963. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton. Princeton, SAGE Publications, Inc. P. 17. ISBN: 0-8039-3558-7 [Electronic resource]. URL: <https://books.google.ru/books?id=J93o05MH3v8C&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (access date: 14.03.2025).
- Bauman Z. 2000. Liquid Modernity. Cambridge, UK, Malden, MA, Polity Press, Blackwell: 240. ISBN 0-7456-2409-X ISBN 0-7456-2410-3 (pbk) [Electronic resource]. URL: <https://giuseppicapograssi.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/01/bauman-liquid-modernity.pdf> (access date: 14.03.2025).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 12.06.2025

Received: 12.06.2025

Поступила после рецензирования: 12.07.2025

Revised: 12.07.2025

Принята к публикации: 01.08.2025

Accepted: 01.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бойко Жанна Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогических компетенций, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0009-0000-6230-1798](https://orcid.org/0009-0000-6230-1798)

Zhanna V. Boyko, Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogical Competencies, Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia

Реш Олеся Владимировна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры фотографии и народной художественной культуры, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0009-0007-4851-6419](https://orcid.org/0009-0007-4851-6419)

Olesya V. Resh, Candidate of Sciences in Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Photography and Folk Art Culture, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

УДК 322.172.3
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-788-796
EDN EAOCYC
Оригинальное исследование

Ценностная основа взаимодействия Русской православной Церкви с политическими партиями в процессе формирования гражданской идентичности

Волкова А.Е.¹ , Серебряков А.В.²

¹⁾ Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84;

²⁾ Среднерусский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
Россия, 302001, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1
E-mail: alina-volkova@ro.ru, ramzanserov@gmail.com

Аннотация. В настоящее время перед Российской Федерацией стоит ряд важных вопросов, связанных с нациестроительством и поиском собственной идентичности в меняющемся мире. В данном случае государство стоит рассматривать как один из агентов идентичности, важный, но не единственный. Несмотря на то что государство предпринимает попытки самостоятельно, путем конструирования, создать новую идентичность, основанную на принципах гражданственности, результативность данной работы остается на достаточно низком уровне. Для трансформации сложившейся ситуации к процессу нациестроительства привлекаются и религиозные объединения, в том числе Русская православная церковь, сохраняющая за собой наибольшее количество последователей на территории страны. В этой связи цель исследования заключается в изучении результатов и перспектив взаимодействия Русской православной церкви с политическими партиями и общественными объединениями. Авторы выдвигают следующую гипотезу: лишь в рамках символического интеракционизма общественных и религиозных движений, в особенности при участии РПЦ, парламентских политических партий возможно продуктивное движение в процессе строительства гражданской (политической) нации.

Ключевые слова: нациестроительство, гражданская идентичность, РПЦ, религия

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Волкова А.Е., Серебряков А.В. 2025. Ценностная основа взаимодействия Русской православной Церкви с политическими партиями в процессе формирования гражданской идентичности. *Via in tempore. История. Политология*, 52(3): 788–796. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-788-796. EDN: EAOCYC

Axiological Basis of the Interaction between the Russian Orthodox Church and Political Parties in the Process of Forming Civil Identity

Alina E. Volkova¹ , Alexey V. Serebryakov²

¹⁾ Voronezh State Technical University,
84 20th October St., Voronezh 394006, Russia;

²⁾ Central Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA),
1 Panchuk St., Orel 302001, Russia
E-mail: alina-volkova@ro.ru, ramzanserov@gmail.com

Abstract. Currently, the Russian Federation is facing a number of important issues related to nation-building and finding its own identity in a changing world. In this case, the state should be considered as one

of the agents of identity, significant but not the only one. Despite the fact that the state makes attempts on its own, through construction, to create a new identity based on the principles of citizenship, the effectiveness of this process remains at a rather low level. To transform the current situation, religious organizations are also involved in the process of nation-building, including the Russian Orthodox Church, which retains the largest number of followers within the country. In this regard, the aim of the study is to examine the results and prospects of interaction between the Russian Orthodox Church and political parties and public associations. The authors put forward the following hypothesis: it is only within the framework of symbolic interactionism of social and religious movements, especially with the participation of the Russian Orthodox Church and parliamentary political parties, that productive progress in building a civic (political) nation may be achieved.

Keywords: nation-building, civic identity, Russian Orthodox Church, religion

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Volkova A.E., Serebryakov A.V. 2025. Axiological Basis of the Interaction between the Russian Orthodox Church and Political Parties in the Process of Forming Civil Identity. *Via in tempore. History and political science*, 52(3): 788–796 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-788-796. EDN: EAOCYC

Введение

Дискуссии о том, какой путь должна выбрать Российская Федерация при формировании собственной идентичности ведутся с 90-х годов прошлого века. Часть экспертов и представителей органов государственной власти ориентируются на примордиалистский подход, согласно которому этническая составляющая идентичности является первостепенной. Так, Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) на постоянной основе проводит конкурсы, направленные на сохранение этнического разнообразия и культурных традиций малых народов страны. При этом о сохранении идентичности коренного населения (русских) речь не ведется. С другой стороны, представители конструктивистского направления полагают, что путь построения идентичности должен строиться исходя из общегражданских коннотаций. Например, велись дискуссии о принятии федерального закона «О российской нации». Однако после получения широкого общественного резонанса и критики со стороны общественности принятие закона было отложено на неопределенный период времени.

Важным недостатком конструктивистской позиции является тот факт, что не учитываются религиозные и национальные особенности населения. В этой связи нам представляется важным рассмотреть текущие интеракции РПЦ и политических партий и общественных организаций, результаты подобного взаимодействия и их влияние на формирование общегражданской идентичности.

Вместе с тем с началом СВО активизировались дискуссии о духовно-нравственном состоянии общества, его готовности к непростым временам. Естественно, что Русская православная церковь стала одним из важнейших акторов, что являются ретрансляторами традиционных ценностей, поддержки и взаимопомощи.

Но Русская православная церковь не сегодня начала свою работу по оказанию помощи незащищенным слоям населения, военным и иным группам общественности. Не всегда эта деятельность получает широкую информационную огласку, однако об существующих результатах взаимодействия мы расскажем в тексте исследования.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает Русская православная церковь в контексте ее опыта выстраивания взаимодействия с политическими партиями и объединениями в процессе формирования гражданской идентичности. Методы исследования: сравнительный анализ, контент-анализ СМИ и сайта РПЦ (в том числе в регионах РФ), анализ документов (доктрин

РЦП в части взаимодействия с политическими партиями и общественными объединениями), ивент-анализ.

Результаты и их обсуждение

В научных исследованиях проблематика идентичности, ее типов и множественность подходов к изучению объясняются целым рядом факторов. Во-первых, изменение протекающих в мире политических процессов приводит к переосмыслению того, что же такое идентичность и какой она должна быть в каждой конкретной стране мира. Во-вторых, миграционный фактор вносит свои изменения в привычную для государств полиэтническую картину, что в конечном счете отражается и на понимании идентичности. В-третьих, религиозный фактор также начинает оказывать серьезное влияние на состояние привычных идентичностей. Данные тезисы применимы не только к европейским, но и к арабским и восточным странам.

Американские политологи Р. Брубейкер и Ф. Купер рассматривают идентичность как: 1) самость; 2) базисную основу этносов для политической и социальной активности; 3) определенное тождество членов этнической группы [Брубейкер, Купер, 2010, с. 141]. Важным маркером в осмыслении идентичности является, с одной стороны, процесс развития коллективной самости, этнической солидарности, за которыми стоит коллективное действие, с другой стороны, это то, что идентичность логично рассматривается как непрочный и недолговечный продукт.

В контексте Российской Федерации мы можем говорить о том, что идентичность в полной мере рассматривается как самобытность отдельных народов, проживающих в государстве. Неслучайно ежегодно принимаются и продлеваются различные концепции сохранения этнической идентичности тех или иных этносов, входящих в состав России (татары, башкиры, удмурты и др.). В подобных концептуальных документах акцент делается на сохранении культурного разнообразия, увеличения числа говорящих на родном языке и, конечно, увеличение объемов финансирования отдельных программ и мероприятий. Религиозный фактор в данном случае также учитывается, поскольку большая часть эпоса коренных народов тем или иным образом имеет вполне определенную религиозную составляющую.

Если говорить об этнической солидарности, то проведение специальной военной операции вывело на новый уровень само это понятие и его практическое наполнение. За прошедшие три года с начала СВО сформировалось большое количество волонтерских и добровольческих организаций, которые работают как в «горячих точках», так и приграничных районах, за Уралом, на Дальнем Востоке. Важно отметить и роль СМИ и новых медиа в формировании коллективной идентичности: количество роликов в соцсетях и сюжетов на ТВ о том, как воюющие на стороне России называют себя русскими, несмотря на этническую составляющую, выросло в разы. При этом идентичность в России достаточно пластична и имеет свойство меняться под влиянием внешних или внутренних обстоятельств.

Немецкий политолог и государственный деятель Й. Терборн, исследуя типы идентичностей, подчеркивал, что национальные идентичности выступают частью общего поля «инаковости», которая отделяет «нас» от «них» [Терборн, 2020, с. 37]. Действительно, разница в идентичностях, в компонентах, входящих в их состав, влияет не только на мировоззрение конкретного индивида, но и на формирование ценностей, предпочтений, политической культуры той или иной нации. Кроме того, одним из наиболее важных компонентов идентичности является религия. Комплекс религиозных предпочтений, способы выражения своих религиозных изъятий накладывают серьезный отпечаток на то, как конкретный человек ощущает себя в меняющемся мире, каким он видит свое будущее, каким нравственным и ценностным ориентирам он будет следовать в течение своей жизни. Действительно, согласно Конституции, в России все конфессии равны, все представители религиозных течений имеют возможность следовать своим религиозным убеждениям. Однако духовно-нравственный, культурный вклад православия в историческом измерении продолжает оставаться наиболее значительным. В этой связи рассмотрение актуальных форм взаимодействия РЦП с политическими партиями и общественными объединениями не теряет своей актуальности.

Норвежский политолог Х. Эйдхейм отмечал влияние этнических групп на формирование идентичностей в государстве. По его определению, этнические группы – это некие социальные категории, дающие базовую основу для приписывания им определенного статуса. При этом этническая идентичность представляет собой важный маркер в отношениях между людьми, владеющими как контрастными, так и близкими идентичностям [Эйдхейм, 2006, с. 50].

Одной из важных составляющих этнической идентичности является религия. Применительно к нашей теме мы можем рассуждать о влиянии Русской православной церкви на формирование общегражданской идентичности. Как отмечает исследователь А.Л. Панищев, для русского народа всегда были важны «такие человекообразующие качества, как доброта, целомудрие, благочестие, справедливость, ответственность» [Панищев, 2023, с. 61]. Религиовед акцентирует внимание на том, что указанные ценности воспитывались церковью. Кроме того, до 1917 г. каждый житель страны вне зависимости от социального статуса регулярно посещал службы и принимал участие в Таинствах. И, по мнению А.Л. Панищева, подобная религиозная вовлеченность способствовала объединению нации и ее духовному развитию.

События 1917 г. по-новому заставили взглянуть на место религии в новом обществе. Как отмечает политолог Х. Йоас, «в ситуации действия несводимые ориентации в направлении блага, уже содержащиеся в наших стремлениях, сталкиваются с контролирующей инстанцией справедливостью» [Йоас, 2023, с. 255]. Действительно, идея справедливости, всеобщего равенства стали основополагающими идеями в новой стране, в новой идентичности, в мыслях «человека будущего». Вместе с тем снижение религии привело к росту морально-нравственных проблем в обществе, которые в том числе привели к ухудшению демографической ситуации в стране, снижению ценности семьи, а также к падению общего уровня нравственности. Однако долгая такая ситуация без ущерба для государства не могла продолжаться, поэтому в середине нулевых годов произошел «консервативный поворот», а Русская православная Церковь начала работу с лидерами общественного мнения, политическими партиями и объединениями.

Политические партии и общественные движения как агенты идентичности. Государство как доминантный агент идентичности. В рамках изучаемого нами предмета исследования важным является термин «агенты идентичности». Под агентами идентичностей могут пониматься субъекты, которые прямо или косвенно влияют на процесс формирования коллективной идентичности. К таким агентам в Российской Федерации могут быть отнесены политические партии, диаспоры, религиозные объединения, Федеральное агентство по делам национальностей, национально-культурные автономии и другие. Однако главным агентом идентичностей остается государство как основной политический институт.

Для политических партий, включая и партии в РФ, характерны функции и типы политического поведения. Социолог и политолог Р. Мертон в понимании «функции» выделяет для этого определенный набор понятий. Это «полезность», «цель», «мотив», «намерение», «задача» [Мертон]. При этом полезность включает в себя как выражение интересов избирателей, так и групп влияния, оказывающих финансовую и иную поддержку партиям. Естественно, что у каждой политической партии есть цель – измеримое стремление к идеальному будущему, которого партия надеется достичь на протяжении определенного периода времени. Перед партией ставятся задачи – краткосрочные и среднесрочные стремления, которые могут быть достигнуты совместными действиями. Измерение же политической партии предполагает ее экономический, политический, социальный и религиозный базис. Все эти понятия включаются в программы партий, а также влияют на выработку принципиальных взаимодействий с общественными организациями и НКО.

Политические партии влияют на процесс нациестроительства в государстве. «Nation-building» – «российская симфоническая общность». На данную модель обращает внимание отечественный политолог В.Э. Багдасарян, пытаясь увидеть в этом сам процесс нациестроительства в сочетании с инкорпорированием традиционных ценностей в ментальность этнических групп РФ в ракурсе примордиальной традиции [Багдасарян, 2022,

с. 124]. И созвучие этой симфонии обеспечивается в том числе деятельностью политических партий и движений, в особенности в национальных республиках Российской Федерации.

Дискуссии о том, какой путь с идеологической точки зрения должна выбрать Российская Федерация, ведутся с 90-х годов, после того как коммунистическая идеология доказала свою несостоятельность, что в том числе привело к распаду СССР. В 2010-е годы был временный переход к либерализации всех процессов в обществе, в том числе к увеличению веса партий и фракций либеральной направленности. Но начало СВО показало несостоятельность и данных политических объединений. Поэтому на первый план вышли дискуссии о традиционализме как об особом пути Российской Федерации. Отдельные доводы о взаимовлиянии традиционализма и либерализма представлены в работах М. Сэджвика [Сэджвик] и А.Г. Дугина [Дугин]. А роль традиционализма как эффективного механизма в обеспечении стабильности политической системы РФ 2010-х годов, воспроизводства социальных институтов развития, одного из ключевых факторов самоорганизации общества подчеркивает Ю.И. Бундин. При этом данный исследователь, не называя традиционализм идеологией среднего уровня, все же подчеркивает его статус как формы репрезентации ценностно-смысловых инвариантов бытия (культурных кодов), цивилизационной константы государства, обеспечивающего уникальность и целостность общества в постсоветской России в меняющихся политических условиях [Бундин, 2017, с. 30].

В данном контексте важным представляется рассмотрение того, как политические акторы могут влиять на идентичность, создавая различные ее типы. Политолог Р. Брубейкер типологизирует идентичности, их имплементацию в этнополитические практики. Он выделяет слабую, или мягкую, идентичность, характеризуя ее как фрагментарную, эластичную, нестабильную, случайную, текучую, «договорную» идентичность, а также сильную, или жесткую, идентичность, которая навязывается агентами, производящими идентификацию. Государство предстает перед нами как важнейший агент процесса идентификации, осуществляемого в современных политиях [Брубейкер, 2012, с. 91]. Авторы данной статьи полагают, что идентичность русских под влиянием внешних и внутренних факторов может относиться к мягким, пластичным идентичностям, которые, с одной стороны, впитывают в себя традиции, нравы, религиозные взгляды других этносов, проживающих на территории Российской Федерации. Однако какое в таком случае место занимают религиозные объединения? Как РПЦ выстраивает работу с партиями и общественными объединениями?

Взаимодействие РПЦ и политических акторов в современной России. Как и любой другой институт, Русская православная Церковь нуждается и ищет сторонников среди политических партий и общественных объединений. Такое взаимодействие логично укладывается в символический интеракционизм, то есть в предпочтительную систему отношений, в которую преобразовываются конкретные действия акторов ради общего видения целей [Мид, 2014, с. 21].

В контексте исследуемого поля политики мы можем говорить о поиске общих идеологических точек взаимодействия, которые удовлетворяли бы ценностям всех участников политического процесса. Кроме того, в подобном взаимодействии могут рождаться целые системы символов, влияющие на политический ландшафт страны. Символический интеракционизм сторон предполагает следующие цели: 1) осознание значимости диалога и совместных действий, 2) понимания сторонами, что совместные действия усиливают получаемые позитивные эффекты, 3) продуктивности связки акторов, которые можно тиражировать и масштабировать [Блумер, 2017, с. 39–50].

Для РПЦ в процессе поиска сторонников на политической арене основополагающую роль играет общность ценностей. Ценности, по признанию Р. Инглхарта и Р. Вельцеля, являются целями достижения публичного блага, неким сводом правил и идеалов, нравственных принципов, верой и коллективными предпочтениями [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Немаловажное значение играет и смыслопроизводство организаций и учреждений, участвующих в

воспитательном процессе. Поскольку именно активные субъекты, как считает К. Вейк, производят и воспроизводят смыслы, конструируют предстоящие события [Вейк, 2015, с. 21].

Основой взаимодействия РПЦ и политических партий и объединений в современной России стал традиционализм. Российский политолог Ю.И. Бундин подчеркивает его статус как формы репрезентации ценностно-смысловых инвариантов бытия (культурных кодов), цивилизационной константы государства, обеспечивающего уникальность и целостность общества в постсоветской России в меняющихся политических условиях [Бундин, 2017].

В рамках данного исследования нам было важно понять, с какими же политическими акторами РПЦ смогла выстроить наиболее устойчивое и результативное взаимодействие?

При ответе на данный вопрос следует учитывать уже сложившиеся практики взаимодействия. Например, в партии «Единая Россия» есть Центр социально-консервативной политики. Между РПЦ и данным объединением заключено соглашение, цель которого – максимально эффективное продвижение в российском обществе приоритета духовно-нравственных ценностей. Учитывая, с одной стороны, серьезную демографическую проблему в стране, с другой стороны, запрос на консервативную политику в противовес трендам Запада, совместная деятельность религиозной организации и политической партии носит чрезвычайно важный характер. Однако если мы говорим о совместной работе с политическими партиями, то данный пример может являться самым удачным в истории современной России.

Вместе с тем РПЦ ведет активную просветительскую работу в регионах по основным направлениям деятельности. Так, в Санкт-Петербурге Центр святителя Василия Великого проводит обучение НКО и религиозных организаций по организации работы с трудными подростками. Кроме того, в апреле 2025 года в стенах Высшей школы экономики впервые было презентовано исследование на тему влияния деятельности добровольцев-ремонтников, которые в настоящий момент работают в зоне СВО. Само исследование проводилось при поддержке Русской православной Церкви.

Как мы писали ранее, одна из проблем, объединяющих Русскую православную Церковь и политические партии и объединения, – демография. Религиозные конфессии, понимая, что рождаемость в стране стремительно падает, принимают широкий спектр документов и инициатив, направленных на пропаганду семейных ценностей, многодетности в российском обществе и консервативных подходов при заключении брачных союзов. Кроме того, РПЦ активно поддерживает законодательные инициативы, направленные на стабилизацию ситуации в области демографии. Так, в 2024 году РПЦ согласилась признавать нежелательными организации, члены которых предлагают женщинам совершить аборт, в особенности в юном возрасте.

Несмотря на то, что деятельность РПЦ позитивно отражается на общественно-политической жизни страны в части укрепления морально-нравственных ценностей, популяризации института семьи и многодетности, проведении многочисленных акций помощи и поддержки нуждающимся, основная работа с политическими акторами ведется достаточно непублично. Да, на сайтах епархий и митрополий можно найти отдельные упоминания о проведенных мероприятиях (сбор гуманитарной помощи, проведении акции «Белый цветок», сбор средств пострадавшим от стихийных бедствий, участие в крупных выставках и форумах религиозной направленности), однако они не носят системный характер и не тиражируются активно в СМИ и социальных сетях. Несмотря на некую информационную закрытость, авторы признают, что предложения и инициативы РПЦ находят свою поддержку у местных, региональных и федеральных властей, что выражается в принятии различных концепций и нормативно-правовых актов.

Таким образом, Русская православная Церковь становится одним из ключевых акторов нациестроительства в современной России. Нациестроительство в государствах постсоветского пространства представляет собой национализм, или национальный патриотизм, по Э. Хобсбауму [Хобсбаум, 2017, с. 71], как формат конструирования новых коллективных этнических идентичностей, основательно «вшитый» в рамки формальных и неформальных политических

институтов. Российский политолог С. Каспэ в nation-building видит ценностное измерение титульных наций и подчиненных этнических групп в конфигурации с рядом компонентов: 1) с политическим компонентом, а именно с функционированием институтов; 2) с правовым компонентом, опирающимся на конституционный дизайн; 3) с внешнеполитическим компонентом, а именно с признанием новых политий [Каспэ, 2012, с. 15].

Заключение

Подводя итоги статьи, можно сделать ряд принципиальных выводов. Во-первых, в настоящее время в Российской Федерации, в том числе по причине проведения специальной военной операции, произошла коренная перестройка идеологических конструктов и приоритетов государства. Если до 2022 года мы могли говорить о превалировании либерального тренда в образовании, искусстве, смыслопроизводстве, то сейчас под воздействием коренных внутренних и внешних перемен в качестве идейной основы для государства выбирается традиционализм. И православие как одна из ключевых конфессий, несомненно, служит фундаментом для социально-политических преобразований в стране.

Во-вторых, Русская православная Церковь, несмотря на кажущуюся незаметность в информационном поле страны, ведет методичную работу с ключевыми политическими акторами: партиями, губернаторами регионов, муниципальными властями. Благодаря подобному интеракционизму происходит реформирование идеополитической системы государства, в том числе через принятие на всех уровнях нормативных актов, закрепляющих традиционалистскую повестку государства.

В-третьих, далеко не все политические партии Российской Федерации готовы к развитию взаимоотношений с Русской православной Церковью. Идеологические различия, историческое противостояние и неприятие членами политических организаций основных догматов снижает эффективность взаимодействия или вовсе сводит его к нулю.

В-четвертых, на международной арене РПЦ становится влиятельным, самостоятельным актором, который представляет Россию как традиционалистское общество, жизнь в котором привлекательна для всех людей, придерживающихся консервативных взглядов. Только за последний месяц представителями РПЦ проведены встречи с коллегами из Сербии, Словакии, странами Африки. Таким образом, руководство религиозной организации закрепляет за собой статус ключевого института по сохранению культурных, ценностных и нравственных традиций и ориентиров. Причем все действия РПЦ носят стратегический характер и рассчитаны на среднесрочную и долгосрочную перспективу

Список литературы

- Андреев А.В. 2018. Свобода и традиционализм в духовном развитии советского человека: опыт 1940-х – начала 1990-х годов. Москва, МИГУ-МАСИ, 160 с.
- Багдасарян В.Э. 2022. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения Ярославль. ООО «СПК». 256 с.
- Багдасарян В.Э. 2022. Политическая симфония. Москва. ИНФРА-М. 221 с.
- Блумер Г. 2017. Символический интеракционизм: метод и перспектива. Москва, Элементарные формы. 346 с.
- Брубейкер Р. 2012. Этничность без групп. Москва, Изд. дом Высшей школы экономики. 408 с.
- Брубейкер Р., Купер Ф. 2010. За пределами «идентичности». Москва, Новое издательство: 131–192.
- Бундин Ю.И. 2017. Традиция как фактор самоорганизации общества в эпоху революций. Москва, Институт наследия: 29–35.
- Вейк К. 2015. Смыслопроизводство в организациях. Харьков, «Гуманитарный Центр», 320 с.
- Дугин А.Г. 2002. Философия традиции. Москва, Арктогея-Центр, 624 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. Москва, Новое издательство, 464 с.
- Йоас Х. 2023. Возникновение ценностей. Санкт-Петербург. Алетейя. 312 с.

- Каспэ С.И. 2012. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. Москва, Российская политическая энциклопедия, 191 с.
- Кириченко О.В. 2021. Границы советского традиционализма (из опыта русского народа в XX веке). Этнологическое исследование. Санкт-Петербург, Алетейя, 668 с.
- Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. Москва, АСТ, 873 с.
- Мид Дж.Г. 2014. Философия настоящего. Москва, Изд. дом Высшей школы экономики, 272 с.
- Осавелюк А.М. 2025. Религиозно-нравственные ценности в конституционном пространстве России. Москва. Норма. ИНФРА-М. 192 с.
- Панищев А.Л. 2025. – История религий России. Москва. ИНФРА-М. 175 с.
- Сэдзвик М. 2014. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. Москва, Новое литературное обозрение, 536 с.
- Терборн Й. 2020. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. Москва, Изд. дом Высшей школы экономики, 472 с.
- Хобсбаум Э. 2017. Нации и национализм после 1780 г. Санкт-Петербург, Алетейя, 308 с.
- Эйджейм Х. 2006. Когда этническая идентичность становится социальным стигматом. Москва, Новое издательство: 49–71.

References

- Andreev A.V. 2018. Svoboda i traditsionalizm v dukhovnom razvitii sovetskogo cheloveka: opyt 1940-kh – nachala 1990-kh godov [Freedom and Traditionalism in the Spiritual Development of the Soviet People: The Experience of the 1940s – Early 1990s]. Moskva, MITU-MASI, 160 s.
- Bagdasaryan V.E. 2022. Traditsionnye tsennosti: strategiya tsivilizatsionnogo vozrozhdeniya [Traditional Values: The Strategy of Civilizational Revival] Yaroslavl'. ООО "SPK". 256 s.
- Bagdasaryan V.E. 2022. Politicheskaya simfoniya [The Political Symphony]. Moskva. INFRA-M. 221 s.
- Blumer G. 2017. Simvolicheskiy interaktsionizm: metod i perspektiva [Symbolic Interactionism: Method and Perspective]. Moskva, Elementarnye formy. 346 s.
- Brubeyker R. 2012. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without Groups]. Moskva, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. 408 s.
- Brubeyker R., Kuper F. 2010. Za predelami «identichnosti» [Beyond the "Identity"]. Moskva, Novoe izdatel'stvo: 131–192.
- Bundin Yu.I. 2017. Traditsiya kak faktor samoorganizatsii obshchestva v epokhu revolyutsiy [Tradition as a Factor of Self-Organization of Society in the Era of Revolutions]. Moskva, Institut naslediya: 29–35.
- Veyk K. 2015. Smysloproizvodstvo v organizatsiyakh [Semantic Production in Organizations]. Khar'kov, "Gumanitarnyy Tsentr", 320 s.
- Dugin A.G. 2002. Filosofiya traditsii [The Philosophy of Tradition]. Moskva, Arktogeya-Tsentr, 624 s.
- Inglkhar't R., Vel'tsel' K. 2011. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Democracy. The Sequence of Human Development]. Moskva, Novoe izdatel'stvo, 464 s.
- Yoas Kh. 2023. Vozniknovenie tsennostey [The Emergence of Values]. Sankt-Peterburg. Aleteyya. 312 s.
- Kaspe S.I. 2012. Politicheskaya teologiya i nation-building: obshchie polozheniya, rossiyskiy sluchay [Political Theology and Nation-Building: General Provisions, the Russian Case]. Moskva, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 191 s.
- Kirichenko O.V. 2021. Granitsy sovetskogo traditsionalizma (iz opyta russkogo naroda v XX veke). Etnologicheskoe issledovanie [The Boundaries of Soviet Traditionalism (From the Experience of the Russian People in the Twentieth Century). Ethnological Research]. Sankt-Peterburg, Aleteyya, 668 s.
- Merton R. 2006. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social Theory and Social Structure] Moskva, AST, 873 s.
- Mid Dzh.G. 2014. Filosofiya nastoyashchego [The Philosophy of the Present]. Moskva, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 272 s.
- Osavelyuk A.M. 2025. Religiozno-nravstvennye tsennosti v konstitutsionnom prostranstve Rossii [Religious and Moral Values in the Constitutional Space of Russia]. Moskva. Norma. INFRA-M. 192 s.
- Panishchev A.L. 2025. – Istoriya religiy Rossii [The History of Religions in Russia]. Moskva. INFRA-M. 175 s.
- Sedzhvik M. 2014. Naperekor sovremennomu miru: Traditsionalizm i taynaya intellektual'naya istoriya XX veka [Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century]. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 536 s.

- Terborn Y. 2020. Goroda vlasti. Gorod, natsiya, narod, global'nost' [Cities of Power. City, Nation, People, Globality]. Moskva, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 472 s.
- Khobsbaum E. 2017. Natsii i natsionalizm posle 1780 g, [Nations and Nationalism after 1780]. Sankt-Peterburg, Aleteyya, 308 s.
- Eydkheyim Kh. 2006. Kogda etnicheskaya identichnost' stanovitsya sotsial'nym stigmatom [When Ethnic Identity Becomes a Social Stigm]. Moskva, Novoe izdatel'stvo: 49–71.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 07.05.2025

Received: 07.05.2025

Поступила после рецензирования: 07.06.2025

Revised: 07.06.2025

Принята к публикации: 25.07.2025

Accepted: 25.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Волкова Алина Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия

 [ORCID 0000-0002-0573-3874](https://orcid.org/0000-0002-0573-3874)

Alina E. Volkova, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

Серебряков Алексей Валерьевич, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления, г. Орел, Россия

 [ORCID 0009-0003-4616-5249](https://orcid.org/0009-0003-4616-5249)

Alexey V. Serebryakov, Postgraduate Student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management, Orel, Russia